

Дневник

Quod sentimus loquamur,
quod loquimur sentiamus!

VEcordia

Извлечение R-IGR1

Открыто: 2011.07.03 23:16
Закрито: 2011.08.06 23:30
Версия: 2018.07.27 23:01

ISBN 9984-9395-5-3

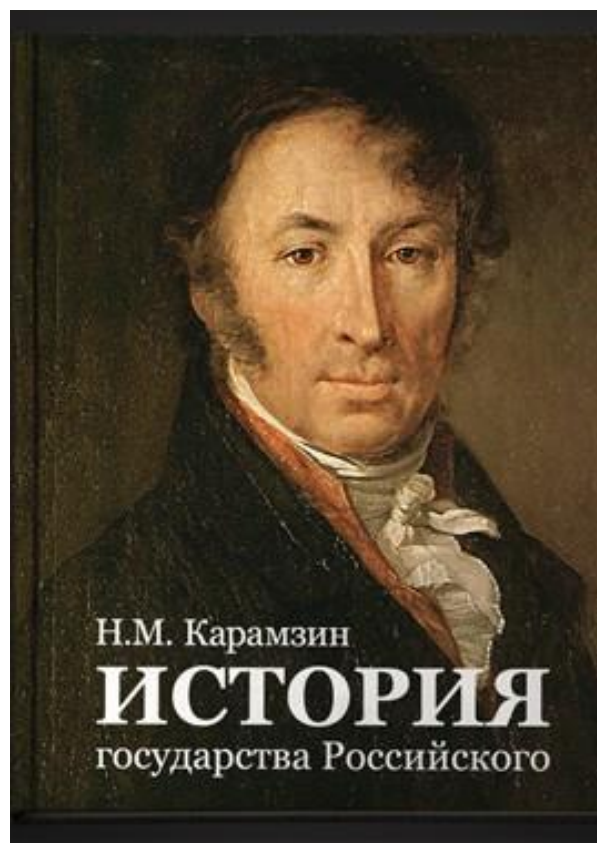
Дневник «VECORDIA»

© Valdis Egle, 2018

ISBN

Карамзин Н.М. «История»

© public domain

Карамзин Н.М.

История Государства Российского

Томы I – II

Impositum

Grīziņkalns 2018

Talis hominis fuit oratio,
qualis vita

Предисловие

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье.

Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любопытство сродно человеку, и просвещенному, и дикому. На славных играх Олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употребления букв, народы уже любят Историю: старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежащего в ней Героя. Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены Вере и Деесписанию; омраченный густой сению невежества, народ с жадностью внимал сказаниям Летописцев. И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина. История, отвергая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидая Царства и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.

Если всякая История, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная. Истинный Космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть Греки, Римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная История великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками и немые предметы – красноречивыми. Тени минувших столетий везде рисуют картины перед нами.

Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее. Взглянем на пространство сей единственной Державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков Африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, хладными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну Державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разнородных и столь удаленных друг от друга в степенях образования? Подобно Америке Россия имеет своих Диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал

господство над девятою частию мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внеся их в общую систему Географии, Истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями Христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего.

Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого не Русского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей: ибо Греция и Рим были народными Державами и просвещеннее России; однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей Истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание Россиян при Донском, падение Новагорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время Междоцарствия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев; простосердечный витязь, слепец Василько; друг отечества, благолюбивый Мономах; Мстиславы *Храбрые*, ужасные в битвах и пример незлобия в мире; Михаил Тверский, столь знаменитый великодушною смертию, злополучный, истинно мужественный, Александр Невский; Герой юноша, победитель Мамаев, в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце. Одно государствование Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере не знаю Монарха достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра – и между сими двумя Самодержцами удивительный Иоанн IV, Годунов, достойный своего счастья и несчастья, странный Лжедмитрий, и за сонмом доблестственных Патриотов, Бояр и граждан, наставник трона, Первосвятитель Филарет с Державным сыном, светоносцем во тьме наших государственных бедствий, и Царь Алексей, мудрый отец Императора, коего назвала Великим Европа. Или вся Новая История должна безмолвствовать, или Российская иметь право на внимание.

Знаю, что битвы нашего Удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для Прагматика, ни красотами для живописца; но История не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир. Видим на земле величественные горы и водопады, цветущие луга и долины; но сколько песков бесплодных и степей унылых! Однако ж путешествие вообще любезно человеку с живым чувством и воображением; в самых пустынях встречаются виды прелестные.

Не будем суеверны в нашем высоком понятии о Деписаниях Древности. Если исключить из бессмертного творения Фукидидова вымышленные речи, что останется? Голый рассказ о междоусобии Греческих городов: толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова или Олегова дома. Не много разности, если забудем, что сии полутигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы Трагедии и статуи Фидиасовы. Глубокомысленный живописец Тацит всегда ли представляет нам великое, разительное? С умилением смотрим на Агриппину, несущую пепел Германика; с жалостию на рассеянные в лесу кости и доспехи Легиона Варова; с ужасом на кровавый пир неистовых Римлян, освещаемых пламенем Капитолия; с омерзением на чудовище тиранства, пожирающее остатки Республиканских добродетелей в столице мира: но скучные тяжбы городов о праве иметь жреца в том или другом храме и сухой Некролог Римских чиновников занимают много листов в Таците. Он завидовал Титу Ливию в богатстве предмета; а Ливий, плавный, красноречивый, иногда целые книги наполняет известиями о сшибках и разбоях, которые едва ли важнее Половецких набегов. – Одним словом, чтение всех Историй требует некоторого терпения, более или менее награждаемого удовольствием.

Историк России мог бы, конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе Государства, представить важные, достопамятнейшие черты древности в искусной *картине* и начать *обстоятельное* повествование с Иоаннова времени или с XV века, когда совершилось одно из величайших государственных творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц, вместо многих книг, трудных для Автора, утомительных для Читателя. Но сии *обозрения*, сии *картины* не заменяют летописей, и кто читал единственно Робертсоново Введение в Историю Карла V, тот еще не имеет основательного, истинного понятия о Европе средних времен. Мало, что умный человек, окинув глазами памятники веков, скажет нам свои примечания: мы должны сами видеть действия и действующих – тогда знаем Историю. Хвастливость Авторского красноречия и негра Читателей осудят ли на вечное забвение дела и судьбу наших предков? Они страдали, и своими бедствиями изготвили наше величие, а мы не захотим и слушать о том, ни знать, кого они любили, кого обвиняли в своих несчастьях? Иноземцы могут пропустить скучное для них в нашей древней Истории; но

добрые Россияне не обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному?.. Так я мыслил, и писал об *Игорях*, о *Всеволодах*, как *современник*, смотря на них в тусклое зеркало древней Летописи с неутомимым вниманием, с искренним почтением; и если, вместо *живых, целых* образов представлял единственно *тени, в отрывках*, то не моя вина: я не мог дополнять Летописи!

Есть *три* рода Истории: *первая* современная, например, Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; *вторая*, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым действиям время; *третья* извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века.¹ В *первой* и *второй* блистает ум, воображение Деесписателя, который избирает любопытнейшее, цветит, украшает, иногда *творит*, не боясь обличения; скажет: *я так видел, так слышал* – и безмолвная Критика не мешает Читателю наслаждаться прекрасными описаниями. *Третий* род есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты к известному; нельзя вопрошать мертвых; говорим, что предали нам современники; молчим, если они умолчали – или справедливая Критика заградит уста легкомысленному Историк, обязанному представлять единственно то, что сохранилось от веков в Летописях, в Архивах. Древние имели право вымышлять *речи* согласно с характером людей, с обстоятельствами: право, неоцененное для истинных дарований, и Ливий, пользуясь им, обогатил свои книги силою ума, красноречия, мудрых наставлений. Но мы, вопреки мнению Аббата Мабли, не можем ныне витийствовать в Истории. Новые успехи разума дали нам яснейшее понятие о свойстве и цели ее; здравый вкус уставил неизменные правила и навсегда отлучил Деесписание от Поэмы, от цветников красноречия, оставив в удел первому быть верным зеркалом минувшего, верным отзывом слов, действительно сказанных Героями веков. Самая прекрасная выдуманная речь безобразит Историю, посвященную не славе Писателя, не удовольствию Читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истине, которая уже сама собою делается источником удовольствия и пользы. Как Естественная, так и Гражданская История не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не что быть *могло*. Но История, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примес лжи, однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется; и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях. Тем взыскательнее и строже Критика; тем непозволительнее Историк, для выгод его дарования, обманывать добросовестных Читателей, мыслить и говорить за Героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах. Что ж остается ему, прикованному, так сказать, к сухим хартиям древности? порядок, ясность, сила, живопись. Он творит из данного вещества: не произведет золота из меди, но должен очистить и медь; должен знать всего цену и свойство; открывать великое, где оно таится, и малому не давать прав великого. Нет предмета столь бедного, чтобы Искусство уже не могло в нем ознаменовать себя приятным для ума образом.

Доселе Древние служат нам образцами. Никто не превзошел Ливия в красоте повествования, Тацита в силе: вот главное! Знание всех Прав на свете, ученость Немецкая, остроумие Вольтерово, ни самое глубокомыслие Макиавелево в Историке не заменяют таланта изображать действия. Англичане славятся Юмом, Немцы Иоанном Мюллером, и справедливо²: оба суть достойные совместники Древних, – не подражатели: ибо каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному Бытописателю. «Не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоём месте!» есть правило Гения. Хотел ли Мюллер, часто вставляя в рассказ нравственные *апоффегмы*, уподобиться Тациту? Не знаю; но сие желание блистать умом, или казаться глубокомысленным, едва ли не противно истинному вкусу. Историк рассуждает только в объяснение дел, там, где мысли его как бы дополняют описание. Заметим, что сии апоффегмы бывают для основательных умов или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в Истории, где ищем действий и характеров. Искусное повествование есть *долг* бытописателя, а хорошая отдельная мысль – *дар*: читатель требует первого и благодарит за второе, когда уже требование его исполнено. Не так ли думал и

¹ Только с Петра Великого начинаются для нас словесные предания: мы слышали от своих отцов и дедов об нем, о Екатерине I, Петре II, Анне, Елисавете многое, чего нет в книгах. (*Здесь и далее помечены примечания Н.М. Карамзина*).

² Говорю единственно о тех, которые писали целую Историю народов. Феррерас, Даниель, Масков, Далин, Маллет не равняются с сими двумя Историками; но усердно хваля Мюллера (Историка Швейцарии), знатоки не хвалят его Вступления, которое можно назвать Геологическою Поэмою.

благоразумный Юм, иногда весьма плодовитый в изъяснении причин, но до скупости умеренный в размышлениях? Историк, коего мы назвали бы совершеннейшим из Новых, если бы он не излишне *чуждался* Англии, не излишне хвалился беспристрастием и тем не охладил своего изящного творения! В Фукидиде видим всегда Афинского Грека, в Ливии всегда Римлянина, и пленяемся ими, и верим им. Чувство: *мы, наше* оживляет повествование – и как грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой, несносно в Историке, так любовь к отечеству даст его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души.

Обращаюсь к труду моему. Не дозволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках: искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностию говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени и характер Летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о таком-то Князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею. Прилежно *истощая* материалы древнейшей Российской Истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники Поэзии! Взор наш, в созерцании великого пространства, не стремится ли обыкновенно – мимо всего близкого, ясного – к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?

Читатель заметит, что описываю деяния *не врознь*, по годам и дням, но *совокупляю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не Летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место.

Множество сделанных мною примечаний и выписок устрашает меня самого. Счастливы Древние: они не ведали сего мелочного труда, в коем теряется половина времени, скучает ум, вянет воображение: тягостная жертва, приносимая *достоверности*, однако ж необходимая! Если бы все материалы были у нас собраны, изданы, очищены Критикою, то мне оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть их в рукописях, в темноте; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено – надобно вооружиться терпением. В воле Читателя заглядывать в сию пеструю смесь, которая служит иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением. Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово; малейшая черта древности дает повод к соображениям. С XV века уже менее выписываю: источники размножаются и делаются яснее.

Муж ученый и славный, Шлецер, сказал, что наша История имеет пять главных периодов; что Россия от 862 года до Святополка должна быть названа *рождающеюся* (Nascens), от Ярослава до Моголов *разделенною* (Divisa), от Батые до Иоанна *угнетенною* (Oppressa), от Иоанна до Петра Великого *победоносною* (Victrix), от Петра до Екатерины II *процветающею*. Сия мысль кажется мне более остроумною, нежели основательною. 1) Век Св. Владимира был уже веком могущества и славы, а не рождения. 2) Государство *делилось* и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянию и внешним действиям России надобно означать периоды, то можно ли смешать в один время Великого Князя Димитрия Александровича и Донского, безмолвное рабство с победою и славою? 4) Век Самозванцев ознаменован более злосчастьем, нежели победою. Гораздо лучше, истиннее, скромнее история наша делится на *древнейшую* от Рюрика до Иоанна III, на *среднюю* от Иоанна до Петра, и *новую* от Петра до Александра. Система Уделов была характером *первой эпохи*, единовластие – *второй*, изменение гражданских обычаев – *третьей*. Впрочем, нет нужды ставить грани там, где места служат живым урочищем.

С охотою и ревностию посвятив двенадцать лет, и лучшее время моей жизни, на сочинение сих осьми или девяти Томов, могу по слабости желать хвалы и бояться осуждения; но смею сказать, что это для меня не главное. Одно славолубие не могло бы дать мне твердости постоянной, долговременной, необходимой в таком деле, если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, то есть, сделать Российскую Историю известнее для многих, даже и для строгих моих судей.

Благодаря всех, и живых и мертвых, коих ум, знания, таланты, искусство служили мне руководством, поручаю себя снисходительности добрых сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила мудрого Самодержавия и Святой Веры более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия... по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!

Декабря 7, 1815.³

Об источниках Российской истории до XVII века

Сии источники суть:

I. *Летописи*. Нестор, инок Монастыря Киевопечерского, прозванный *отцом* Российской Истории, жил в XI веке: одаренный умом любопытным, слушал со вниманием изустные предания древности, народные исторические сказки; видел памятники, могилы Князей; беседовал с Вельможами, старцами Киевскими, путешественниками, жителями иных областей Российских; читал Византийские Хроники, записки церковные и сделался *первым* летописцем нашего отечества. *Второй*, именем Василий, жил также в конце XI столетия: употребленный Владимирским Князем Давидом в переговорах с несчастным Васильком, описал нам великодушные последнюю и другие современные деяния юго-западной России. Все иные летописцы остались для нас *безыменными*; можно только угадывать, где икогда они жили: например, один в Новгороде, Иерей, посвященный Епископом Нифонтом в 1144 году; другой в Владимире на Клязьме при Всеволоде Великом; третий в Киеве, современник Рюрика II; четвертый в Вольнии около 1290 года; пятый тогда же во Пскове. К сожалению, они не сказывали всего, что бывает любопытно для потомства; но, к счастью, не вымышляли, и достовернейшие из Летописцев иноземных согласны с ними. Сия почти непрерывная цепь Хроник идет до государственования Алексея Михайловича. Некоторые донныне еще не изданы или напечатаны весьма неисправно. Я искал древнейших списков: самые лучшие Нестора и продолжателей его суть харатейные, Пушкинский и Троицкий, XIV и XV века. Достойны также замечания *Ипатьевский, Хлебниковский, Кенигсбергский, Ростовский, Воскресенский, Львовский, Архивский*. В каждом из них есть нечто особенное и действительно историческое, внесенное, как надобно думать, современниками или по их запискам. *Никоновский* более всех искажен вставками бессмысленных переписчиков, но в XIV веке сообщает вероятные дополнительные известия о Тверском Княжении, далее уже сходствует с другими, уступая им однако ж в исправности, – например, *Архивскому*.

II. *Степенная книга*, сочиненная в царствование Иоанна Грозного по мысли и наставлению Митрополита Макария. Она есть выбор из летописей с некоторыми прибавлениями, более или менее достоверными, и названа сим именем для того, что в ней означены *степени*, или поколения государей.

III. Так называемые *Хронографы*, или Всеобщая История по Византийским Летописям, со внесением и нашей, весьма краткой. Они любопытны с XVII века: тут уже много подробных *современных* известий, которых нет в летописях.

IV. *Жития святых*, в патерике, в прологах, в минеях, в особенных рукописях. Многие из сих Биографий сочинены в новейшие времена; некоторые, однако ж, например, Св. Владимира, Бориса и Глеба, Феодосия, находятся в харатейных Прологах; а Патерик сочинен в XIII веке.

V. *Особенные деписания*: например, сказание о Довмонте Псковском, Александре Невском; современные записки Курбского и Палицына; известия о Псковской осаде в 1581 году, о Митрополите Филиппе, и проч.

VI. *Разряды*, или распределение Воевод и полков: начинаются со времен Иоанна III. Сии рукописные книги не редки.

VII. *Родословная книга*: есть печатная; исправнейшая и полнейшая, писанная в 1660 году, хранится в Синодальной библиотеке.

³ В.Э.: Карамзину было 49 лет, когда он это писал; до смерти оставалось 10,5 лет; писалось это к изданию первых восьми томов, которые вышли все сразу один за другим в 1816–1817 гг.; 9-й том вышел в 1921 г.; 10–11-й тома в 1824 г.; 12-й в 1829 г., три года после смерти автора.

VIII. Письменные *Каталоги митрополитов и епископов*. – Сии два источника не весьма достоверны; надобно их сверять с летописями.

IX. *Послания святителей* к князьям, духовенству и мирянам; важнейшее из оных есть Послание к Шемяке; но и в других находится много достопамятного.

X. Древние *монеты, медали, надписи, сказки, песни, пословицы*: источник скудный, однако ж не совсем бесполезный.

XI. *Грамоты*. Древнейшая из подлинных писана около 1125 года. Архивские Новгородские грамоты и *Душевные записи* князей начинаются с XIII века; сей источник уже богат, но еще гораздо богатейший есть.

XII. Собрание так называемых *Статейных списков*, или Посольских дел, и грамот в Архиве Иностранной Коллегии с XV века, когда и происшествия и способы для их описания дают Читателю право требовать уже большей удовлетворительности от Историка. – К сей нашей собственности присовокупляются.

XIII. *Иностранные современные летописи*: Византийские, Скандинавские, Немецкие, Венгерские, Польские, вместе с известиями путешественников.

XIV. *Государственные бумаги иностранных Архивов*: всего более пользовался я выписками из Кенигсбергского.

Вот материалы Истории и предмет Исторической Критики!

Том I

Глава I. О народах, издревле обитавших в России. О Славянах вообще

Древние сведения греков о России. Путешествие Аргонавтов. Тавры и киммериане. Гипербореи. Поселенцы греческие. Ольвия, Пантикапея, Фанагория, Танаис, Херсон. Скифы и другие народы. Темный слух о землях полуночных. Описание Скифии. Реки, известные грекам. Нравы Скифов: их падение. Митридат, геты, сарматы, алане, готфы, венеде, гунны, анты, угры и болгары. Славяне: их подвиги. Авары, турки, огоры. Расселение славян. Падение аваров. Болгария. Дальнейшая судьба народов славянских.

Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россиею, в умеренных ее климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками. Только в повествованиях греков и римлян сохранились известия о нашем древнем отечестве. Первые весьма рано открыли путь чрез Геллеспонт и Воспор Фракийский в Черное море, если верить славному путешествию Аргонавтов в Колхиду, воспетому будто бы самим Орфеем, участником одного, веков за XII до Рождества Христова. В сем любопытном стихотворении, основанном, по крайней мере, на древнем предании, названы Кавказ (славный баснословными муками несчастного Прометея), река Фазис (ныне Рион), Меотисское или Азовское море, Воспор, народ каспийский, тавры и киммериане, обитатели южной России. Певец Одиссеи также именует последних. «Есть народ Киммерийский (говорит он) и город Киммерион, покрытый облаками и туманом: ибо солнце не озаряет сей печальной страны, где беспрестанно царствует глубокая ночь». Столь ложное понятие еще имели современники Гомеровы о странах юго-восточной Европы; но басня о *мраках Киммерийских* обратилась в пословицу веков, и *Черное море*, как вероятно, получило оттого свое название. Цветущее воображение греков, любя приятные мечты, изобрело гипербореев, людей совершенно добродетельных, живущих далее на Север от Понта Эвксинского, за горами Рифейскими, в счастливом спокойствии, в странах мирных и веселых, где бури и страсти неизвестны; где смертные питаются соком цветов и росой, блаженствуют несколько веков и, насытившись жизнью, бросаются в волны морские.

Наконец, сие приятное баснословие уступило место действительным историческим познаниям. Веков за пять или более до Рождества Христова греки завели селения на берегах Черноморских. Ольвия, в 40 верстах от устья днепровского, построена выходцами Милетскими еще в славные времена Мидийской Империи, называлась *счастливою* от своего богатства и существовала до падения Рима; в благословенный век Траянов образованные граждане ее любили читать Платона и, зная наизусть Илиаду, пели в битвах стихи Гомеровы. Пантикапея и Фанагория были столицами знаменитого царства Воспорского, основанного азиатскими греками в окрестностях Киммерийского Пролива. Город Танаис, где ныне Азов, принадлежал к сему царству; но Херсон Таврический (коего начало неизвестно) хранил вольность свою до времен Митридатовых. Сии пришельцы, имея торговлю и тесную связь с своими единоземцами, сообщили им верные географические сведения о России южной, и Геродот, писавший за 445 лет до Рождества Христова, предал нам оные в своем любопытном творении.

Киммериане, древнейшие обитатели нынешних губерний Херсонской и Екатеринославской – вероятно, единоплеменные с Германскими Цимбрами, за 100 лет до времен Кировых были изгнаны из своего отечества скифами или сколотами, которые жили прежде в восточных окрестностях моря Каспийского, но, вытесненные оттуда Массагетами, перешли за Волгу, разорили после великую часть южной Азии и, наконец, утвердились между Истром и Танаисом (Дунаем и Доном), где сильный царь персидский, Дарий, напрасно хотел отмстить им за опустошение Мидии и где, гоняясь за ними в степях обширных, едва не погибло все его многочисленное войско. Скифы, называясь разными именами, вели жизнь кочевую, подобно

киргизам или калмыкам; более всего любили свободу; не знали никаких искусств, кроме одного: «езде достигать неприятелей и везде от них скрываться»; однако ж терпели греческих поселенцев в стране своей, заимствовали от них первые начала гражданского образования, и царь скифский построил себе в Ольвии огромный дом, украшенный резными изображениями сфинксов и грифов. – Каллипиды, смесь диких скифов и греков, жили близ Ольвии к Западу; алазоны в окрестностях Гипаниса, или Буга; так называемые *скифы-земледельцы* далее к Северу, на обоих берегах Днепра. Сии три народа уже сеяли хлеб и торговали им. На левой стороне Днепра, в 14 днях пути от его устья (вероятно, близ Киева), между *скифами-земледельцами* и кочующими было их Царское кладбище, священное для народа и неприступное для врагов. Главная Орда, или *Царственная*, кочевала на восток до самого Азовского моря, Дона и Крыма, где жили тавры, может быть единоплеменники древних киммерян: убивая иностранцев, они приносили их в жертву своей *богине-девице* τῆ Παρθένῳ, и мыс Севастопольский, где существовал храм ее, долго назывался Παρθένιον. Геродот пишет еще о многих других народах *не скифского* племени: агафирсах в Семиградской области или Трансильвании, неврах в Польше, андрофагах и меланхленах в России: жилища последних находились в 4000 стадиях, или в 800 верстах, от Черного моря к Северу, в ближнем соседстве с андрофагами; те и другие питались человеческим мясом. Меланхлены назывались так от черной одежды своей. Невры «обращались ежегодно на несколько месяцев в волков»: то есть зимою покрывались волчьими кожами. – За Доном, на степях Астраханских, обитали сарматы, или савроматы; далее, среди густых лесов, будины, гелоны (народ греческого происхождения, имевший деревянную крепость), – ирки, фиссагеты (славные звероловством), а на восток от них – скифские беглецы *орды Царской*. Тут, по сказанию Геродота, начинались каменистые горы (Уральские) и страна агриппеев, людей *плосконосых* (вероятно, калмыков). Доселе ходили обыкновенно торговые караваны из городов черноморских: следственно, места были известны, также и народы, которые говорили *семью* разными языками. О дальнейших *полунощных* землях носился единственно темный слух. Агриппеи уверяли, что за ними обитают люди, которые спят в году шесть месяцев: чему не верил Геродот, но что для нас понятно: долговременные ночи хладных климатов, озаряемые в течение нескольких месяцев одними северными сияниями, служили основанием сей молвы. – На восток от агриппеев (в Великой Татарии) жили исседоны, которые сказывали, что недалеко от них *грифы стерегут золото*, сии баснословные грифы кажутся отчасти историческою истиною и заставляют думать, что драгоценные рудники южной Сибири были издревле знаемы. Север вообще славился тогда своим богатством или множеством золота. Упомянув о разных ордах, кочевавших на восток от моря Каспийского, Геродот пишет о главном народе нынешних киргизских степей, сильных массагетах, победивших Кира, и сказывает, что они, сходствуя одеждою и нравами с племенами скифскими, украшали *золотом* шлемы, поясы, конские приборы и, не зная железа, ни серебра, делали палицы и копыя из меди.

Что касается собственно до Скифии российской, то сия земля, по известию Геродота, была необозримою равниною, гладкою и безлесною; только между Тавридою и днепровским устьем находились леса. Он за чудо сказывает своим единосемцам, что зима продолжается там 8 месяцев, и воздух в сие время, по словам Скифов, бывает наполнен летающими перьями, то есть снегом; что море Азовское замерзает, жители ездят на санях чрез неподвижную глубину его, и даже конные сражаются на воде, густеющей от холода; что гром гремит и молния блистает у них единственно летом. – Кроме Днепра, Буга и Дона, вытекающего из озера, сей Историк именует еще реку Днестр (Τύρης, при устье коего жили греки, называемые тиритами), Прут (Ποράτα), Серет (Ορδησσός), и говорит, что Скифия вообще может славиться большими судоходными реками; что Днепр, изобильный рыбою, окруженный прекрасными лугами, уступает в величине одному Нилу и Дунаю; что вода его отменно чиста, приятна для вкуса и здорова; что источник сей реки скрывается в отдалении и неизвестен скифам. Таким образом Север восточной Европы, огражденный пустынями и свирепостию варваров, которые на них скитались, оставался еще землею таинственною для истории. Хотя скифы занимали единственно южные страны нашего отечества; хотя андрофаги, меланхлены и прочие народы северные, как пишет сам Геродот, были совсем иного племени: но греки назвали всю нынешнюю азиатскую и европейскую Россию, или все полунощные земли, Скифиею, так же как они без разбора именовали полуденную часть мира Эфиопиею, западную Кельтикою, восточную Индию, ссылаясь на Историка Эфора, жившего за 350 лет до Рождества Христова.

Несмотря на долговременное сообщение с образованными греками, скифы еще гордились дикими нравами своих предков, и славный единосемец их, Философ Анахарсис, ученик Солонов,

напрасно хотел дать им законы афинские, был жертвою сего несчастного опыта. В надежде на свою храбрость и многочисленность, они не боялись никакого врага; пили кровь убитых неприятелей, выделанную кожу их употребляли вместо одежды, а черепы вместо сосудов, и в образе меча поклонялись богу войны, как главе других мнимых богов.

Могущество скифов начало ослабевать со времен Филиппа Македонского, который, по словам одного древнего историка, одержал над ними решительную победу не превосходством мужества, а хитростию воинскою, и не нашел в стане у врагов своих ни серебра, ни золота, но только жен, детей и старцев. Митридат Эвпатор, господствуя на южных берегах Черного моря и завладев Воспорским Царством, утеснил и скифов: последние их силы были истощены в жестоких его войнах с Римом, коего орлы приближались тогда к нынешним кавказским странам России. Геты, народ фракийский, побежденный Александром Великим на Дунае, но страшный для Рима во время Царя своего, Беребиста Храброго, за несколько лет до Рождества Христова отнял у скифов всю землю между Истром и Борисфеном, т.е. Дунаем и Днепром. Наконец сарматы, обитавшие в Азии близ Дона, вступили в Скифию и, по известию Диодора Сицилийского, истребили ее жителей или присоединили к своему народу, так что *особенное бытие* скифов исчезло для истории; осталось только их славное имя, коим несведущие греки и римляне долго еще называли все народы, мало известные и живущие в странах отдаленных.

Сарматы (или савроматы Геродотовы) делаются знамениты в начале христианского летосчисления, когда римляне, заняв Фракию и страны Дунайские своими легионами, приобрели для себя несчастное соседство варваров. С того времени историки римские беспрестанно говорят о сем народе, который господствовал от Азовского моря до берегов Дуная и состоял из двух главных племен, роксолан и язигов; но географы, весьма некстати назвав Сарматиею всю обширную страну Азии и Европы, от Черного моря и Каспийского с одной стороны до Германии, а с другой до самой глубины севера, обратили имя сарматов (подобно как прежде скифское) в общее для всех народов полунощных. Роксолане утвердились в окрестностях Азовского и Черного моря, а язиги скоро перешли в Дакию, на берега Тисы и Дуная. Дерзнув первые тревожить римские владения с сей стороны, они начали ту ужасную и долговременную войну дикого варварства с гражданским просвещением, которая заключилась наконец гибелью последнего. Роксолане одержали верх над когортами римскими в Дакии; язиги опустошали Мизию. Еще военное искусство, следствие непрестанных побед в течение осьми веков, обуздывало варваров и часто наказывало их дерзость; но Рим, изнеженный роскошию, вместе с гражданскою свободою утратив и гордость великодушную, не стыдился золотом покупать дружбу сарматов. Тацит именует язигов союзниками своего народа, и сенат, решив прежде судьбу великих государей и мира, с уважением встречал послов народа кочующего. Хотя война Маркоманнская, в коей сарматы присоединились к германцам, имела несчастные для них следствия; хотя, побежденные Марком Аврелием, они утратили силу свою и не могли уже быть завоевателями: однако ж, кочуя в южной России и на берегах Тибиска, или Тисы, долго еще беспокоили набегами римские владения.

Почти в одно время с язигами и роксоланами узнаем мы и других – вероятно, единоплеменных с ними – обитателей юго-восточной России, алан, которые, по известию Аммиана Марцеллина, были древние массагеты и жили тогда между Каспийским и Черным морем. Они, равно как и все азиатские дикие народы, не обрабатывали земли, не имели домов, возили жен и детей на колесницах, скитались по степям Азии даже до самой Индии северной, грабили Армению, Мидию, а в Европе берега Азовского и Черного моря; отважно искали смерти в битвах и славились отменною храбростию. К сему народу многочисленному принадлежали, вероятно, аорсы и сираки, о коих в первом веке Христианского летосчисления упоминают разные историки и кои, обитая между Кавказом и Доном, были и врагами и союзниками римлян. Алане, вытеснив сарматов из юго-восточной России, отчасти заняли и Тавриду.

В третьем веке приблизились от Балтийского к Черному морю готфы и другие народы германские, овладели Дакиею, римскою провинциею со времен Траяновых, и сделались самыми опасными врагами империи. Переплыв на судах в Азию, готфы обратили в пепел многие города цветущие в Вифинии, Галатии, Каппадокии и славный храм Дианы в Ефесе, а в Европе опустошили Фракию, Македонию и Грецию до Мореи. Они хотели, взяв Афины, истребить огнем все книги греческие, там найденные; но приняли совет одного умного единоплеменца, который сказал им: «Оставьте грекам книги, чтобы они, читая их, забывали военное искусство и тем легче были побеждаемы нами». Ужасные свирепостию и мужеством, готфы основали сильную Империю, которая разделялась на восточную и западную, и в IV столетии, при Царе их

Эрманарихе, заключала в себе не малую часть России европейской, простираясь от Тавриды и Черного моря до Балтийского.

Готфский историк VI века Иорнанд пишет, что Эрманарих в числе многих иных народов победил и венедов, которые, обитая в соседстве с эстами и герулами, жителями берегов Балтийских, славились более своею многочисленностию, нежели искусством воинским. Сие известие для нас любопытно и важно, ибо *венеды*, по сказанию Иорнанда, были единоплеменники *славян*, предков народа российского. Еще в самой глубокой древности, лет за 450 до Рождества Христова, было известно в Греции, что янтарь находится в отдаленных странах Европы, где река Эридан впадает в Северный океан и где живут венеды. Вероятно, что финикияне, смелые мореходцы, которые открыли Европу для образованных народов древности, не имевших о ней сведения, доплывали до самых берегов нынешней Пруссии, богатых янтарем, и там покупали его у Венедов. Во время Плиния и Тацита, или в первом столетии, венеды жили близ Вислы и граничили к югу с Дакиєю. Птолемей, астроном и географ второго столетия, полагает их на восточных берегах моря Балтийского, сказывая, что оно издревле называлось *Венедским*. Следственно; ежели славяне и венеды составляли один народ, то предки наши были известны и грекам, и римлянам, обитая на юге от моря Балтийского. Из Азии ли они пришли туда и в какое время, не знаем. Мнение, что сию часть мира должно признавать колыбелию всех народов, кажется вероятным, ибо, согласно с преданиями священными, и все языки европейские, несмотря на их разные изменения, сохраняют в себе некоторое сходство с древними азиатскими; однако ж мы не можем утвердить сей вероятности никакими *действительно историческими* свидетельствами и считаем венедов европейцами, когда история находит их в Европе. Сверх того они самыми обыкновениями и нравами отличались от азиатских народов, которые, приходя в нашу часть мира, не знали домов, жили в шатрах или *колесницах* и только на конях сражались: Тацитовы же венеды имели дома, любили ратоборствовать пешие и славились быстротою своего бега.

Конец четвертого века ознаменовался важными происшествиями. Гунны, народ кочующий, от полунощных областей Китая доходят чрез неизмеримые степи до юго-восточной России, нападают – около 377 года – на алан, готфов, владения римские; истребляя все огнем и мечем. Современные историки не находят слов для описания лютой свирепости и самого безобразия гуннов. Ужас был их предтечею, и столетний герой Эрманарих не дерзнул даже вступить с ними в сражение, но произвольною смертию спешил избавиться от рабства. Восточные готфы должны были покориться, а западные искали убежища во Фракии, где римляне, к несчастию своему, дозволили им поселиться: ибо готфы, соединясь с другими мужественными германцами, скоро овладели большею частию империи.

История сего времени упоминает об *антах*, которые, по известию Иорнанда и византийских летописцев, принадлежали вместе с венедками к народу славянскому. Винитар, наследник Эрманариха, Царя Готфского, был уже данником гуннов, но хотел еще повелевать другими народами: завоевал страну антов, которые обитали на север от Черного моря (следственно, в России), и жестоким образом умертвил их князя, именем Бокса, с семьюдесятью знатнейшими боярами. Царь гуннский, Баламбер, вступился за утесненных и, победив Винитара, освободил их от ига готфов. – Нет сомнения, что анты и венеды признавали над собою власть гуннов: ибо сии завоеватели во время Аттилы, грозного царя их, повелевали всеми странами от Волги до Рейна, от Македонии до островов Балтийского моря. Истребив бесчисленное множество людей, разрушив города и крепости дунайские, предав огню селения, окружив себя пустынями обширными, Аттила царствовал в Дакии под наметом шатра, брал дань с Константинополя, но славился презрением золота и роскоши, ужасал мир и гордился именем *бича Небесного*. – С жизнью сего варвара, но великого человека, умершего в 454 году, прекратилось и владычество гуннов. Народы, поработанные Аттилою, свергнули с себя иго несогласных сыновей его. Изгнанные немцами-гепидами из Паннонии или Венгрии, гунны держались еще несколько времени между Днестром и Дунаем, где страна их называлась Гунниваром; другие рассеялись по дунайским областям империи – и скоро изгладились следы ужасного бытия гуннов. Таким образом сии варвары отдаленной Азии явились в Европе, свирепствовали и, как грозное привидение, исчезли!

В то время южная Россия могла представлять обширную пустыню, где скитались одни бедные остатки народов. Восточные готфы большею частию удалились в Паннонию; о роксоланах не находим уже ни слова в летописях: вероятно, что они смешались с гуннами или, под общим названием сарматов, вместе с язигами были расселены императором Маркианом в

Иллирике и в других римских провинциях, где, составив один народ с готфами, утратили имя свое: ибо в конце V века история уже молчит о сарматах. Множество алан, соединясь с немецкими вандалами и свевами, перешло за Рейн, за горы Пиренейские, в Испанию и Португалию. – Но скоро угры и болгары, по сказанию греков единоплеменные с гуннами и до того времени неизвестные, оставив древние свои жилища близ Волги и гор Уральских, завладели берегами Азовского, Черного моря и Тавридою (где еще обитали некоторые готфы, принявшие Веру Христианскую) и в 474 году начали опустошать Мизию, Фракию, даже предместия константинопольские.

С другой стороны выходят на феатр истории *славяне*, под сим именем, достойным людей воинственных и храбрых, ибо его можно производить от *славы*, – и народ, коего бытие мы едва знали, с VI века занимает великую часть Европы, от моря Балтийского до реки Эльбы, Тисы и Черного моря. Вероятно, что некоторые из славян, подвластных Эрманариху и Аттиле, служили в их войске; вероятно, что они, испытав под начальством сих завоевателей храбрость свою и приятность добычи в богатых областях империи, возбудили в соотечественниках желание приблизиться к Греции и вообще распространить их владение. Обстоятельства времени им благоприятствовали. Германия опустела; ее народы воинственные удалились к югу и западу искать счастья. На берегах Черноморских, между устьями Днепра и Дуная, кочевали, может быть, одни дикие малолюдные орды, которые сопутствовали гуннам в Европу и рассеялись после их гибели. От Дуная и Алуты до реки Моравы жили немцы лонгобарды и гепиды; от Днепра к морю Каспийскому угры и болгары; за ними, к северу от Понта Эвксинского и Дуная, явились анты и славяне; другие же племена их вступили в Моравию, Богемию, Саксонию, а некоторые остались на берегах моря Балтийского. Тогда начинают говорить об них историки византийские, описывая свойства, образ жизни и войны, обыкновения и нравы славян, отличные от характера немецких и сарматских племен: доказательство, что сей народ был прежде мало известен грекам, обитая во глубине России, Польши, Литвы, Пруссии, в странах отдаленных и как бы непроницаемых для их любопытства.

Уже в конце пятого века летописи Византийские упоминают о славянах, которые в 495 году дружелюбно пропустили чрез свои земли немцев-герулов, разбитых лонгобардами в нынешней Венгрии и бежавших к морю Балтийскому; но только со времен Юстиниановых, с 527 года, утвердась в Северной Дакии, начинают они действовать против империи, вместе с угорскими племенами и братьями своими антами, которые в окрестностях Черного моря граничили с болгарями. Ни сарматы, ни готфы, ни самые гунны не были для империи ужаснее славян. Иллирия, Фракия, Греция, Херсонес – все страны от залива Ионического до Константинополя были их жертвою; только Хильвуд, смелый Вождь Юстинианов, мог еще с успехом им противоборствовать; но славяне, убив его в сражении за Дунаем, возобновили свои лютые нападения на греческие области, и всякое из оных стоило жизни или свободы бесчисленному множеству людей, так южные берега Дунайские, облитые кровию несчастных жителей, осыпанные пеплом городов и сел, совершенно опустели. Ни легионы римские, почти всегда обращаемые в бегство, ни великая стена Анастасиева, сооруженная для защиты Царяграда от варваров, не могли удерживать славян, храбрых и жестоких. Империя с трепетом и стыдом видела знамя Константиново в руках их. Сам Юстиниан, совет верховный и знатнейшие вельможи должны были с оружием стоять на последней ограде столицы, стене Феодосиевой, с ужасом ожидая приступа славян и болгаров ко вратам ее. Один Велисарий, поседевший в доблести, осмелился выйти к ним навстречу, но более казною императорскою, нежели победою, отвратил сию грозную тучу от Константинополя. Они спокойно жительствовавали в империи, как бы в собственной земле своей, уверенные в безопасной переправе чрез Дунай: ибо гепиды, владевшие большею частию северных берегов его, всегда имели для них суда в готовности. Между тем Юстиниан с гордостью величал себя *Антическим*, или *Славянским*, хотя сие имя напоминало более стыд, нежели славу его оружия против наших диких предков, которые беспрестанно опустошали империю или, заключая иногда дружественные с нею союзы, нанимались служить в ее войсках и способствовали их победам. Так во второе лето славной войны Готфской (в 536 году) Валериан привел в Италию 1600 конных славян, и римский полководец Туллиан вверил антам защиту Лукании, где они в 547 году разбили готфского короля Тотилу.

Уже лет 30 славяне свирепствовали в Европе, когда новый азиатский народ победами и завоеваниями открыл себе путь к Черному морю. Весь известный мир был тогда феатром чудесного волнения народов и непостоянства в их величии. Авары славились могуществом в степях Татарию, но в VI веке, побежденные турками, ушли из земли своей. Сии турки, по

свидетельству историков китайских, были остатками гуннов, древних полунощных соседей Китайской империи; в течение времени соединились с другими Ордами единоплеменными и завоевали всю южную Сибирь. Хан их, называемый в византийских летописях Дизавулом, как новый Аттила покорив многие народы, жил среди гор Алтайских в шатре, украшенном коврами шелковыми и многими золотыми сосудами; сидя на богатом троне, принимал византийских послов и дары от Юстиниана; заключал с ним союзы и счастливо воевал с персами. Известно, что россияне, овладев в новейшие времена полуденною частию Сибири, находили в тамошних могилах великое количество вещей драгоценных: вероятно, что они принадлежали сим алтайским туркам, уже не дикому, но отчасти образованному народу, торговавшему с Китаем, Персиею и греками.

Вместе с другими ордами зависели от Дизавула киргизы и гунны-Огоры. Быв прежде данниками аваров и тогда угнетаемые турками, огоры перешли на западные берега Волги, назвались славным именем аваров, некогда могущественных, и предложили союз императору византийскому. Народ греческий с любопытством и с ужасом смотрел на их послов: одежда сих людей напоминала ему страшных гуннов Аттилы, от коих мнимые авары отличались единственно тем, что не брили головы и заплетали волосы в длинные косы, украшенные лентами. Главный посол сказал Юстиниану, что авары, мужественные и непобедимые, хотят его дружбы, требуя даров, жалованья и выгодных мест для поселения. Император не дерзнул ни в чем отказать сему народу, который, бежав из Азии, со вступлением в Европу приобрел силу и храбрость. Угры, болгары признали власть его. Анты не могли ему противиться. Хан аварский, свирепый Баян, разбил их войско, умертвил посла, знаменитого князя Мезамира; ограбил землю, пленил жителей; скоро завоевал Моравию, Богемию, где обитали чехи и другие славяне; победил Сигеберта, короля франков, и возвратился на Дунай, где Лонгобарды вели кровопролитную войну с гепидами. Баян соединился с первыми, разрушил державу гепидов, овладел большею частию Дакии, а скоро и Паннонию, или Венгрию, которую лонгобарды уступили ему добровольно, желая искать завоеваний в Италии. Область аваров в 568 году простиралась от Волги до Эльбы. В начале седьмого века завладели они и Далмациею, кроме приморских городов ее. Хотя турки, господствуя на берегах Иртыша, Урала, – тревожа набегами Китай и Персию – около 580 года распространили было свои завоевания до самой Тавриды – взяли Воспор, осаждали Херсон; но скоро исчезли в Европе, оставив земли черноморские в подданстве аваров.

Уже анты, богемские чехи, моравы служили хану; но собственно так называемые дунайские славяне хранили свою независимость, и еще в 581 году многочисленное войско их снова опустошило Фракию и другие владения имперские до самой Эллады, или Греции. Тиверий царствовал в Константинополе: озабоченный войною Персидскою, он не мог отразить славян и склонил хана отомстить им впадением в страну их. Баян назывался другом Тиверия и хотел даже быть римским патрицием: он исполнил желание императора тем охотнее, что давно уже ненавидел славян за их гордость. Сию причину злобы его описывают византийские историки следующим образом. Смирив антов, хан требовал от славян подданства; но Лавритас и другие вожди их ответствовали: «Кто может лишить нас вольности? Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагам. Так будет и впредь, доколе есть война и мечи в свете». Посол ханский раздражил их своими надменными речами и заплатил за то жизнью. Баян помнил сие жестокое оскорбление и надеялся собрать великое богатство в земле славян, которые, более пятидесяти лет громив империю, не были еще никем тревожимы в стране своей. Он вступил в нее с шестьюдесятью тысячами отборных конных латников, начал грабить *селения*, жечь поля, истреблять жителей, которые только в бегстве и в густоте лесов искали спасения. – С того времени ослабело могущество славян, и хотя Константинополь еще долго ужасался их набегов, но скоро хан аварский совершенно овладел Дакиею. Обязанные давать ему войско, они лили кровь свою и чуждую для пользы их тирана; должны были первые гибнуть в битвах, и когда хан, нарушив мир с Грециею, в 626 году осадил Константинополь, славяне были жертвою сего дерзкого предприятия. Они взяли бы столицу империи, если бы измена не открыла их тайного намерения грекам: окруженные неприятелем, бились отчаянно; немногие спаслись и в знак благодарности были казнены ханом.

Между тем не все народы славянские повиновались сему хану: обитавшие за Вислою и далее к северу спаслись от рабства. Так, в исходе VI века на берегах моря Балтийского жили мирные и счастливые славяне, коих он напрасно хотел вооружить против греков и которые отказались помогать ему войском. Сей случай, описанный византийскими историками, достоин любопытства и примечания. «Греки (повествуют они) взяли в плен трех чужеземцев, имевших,

вместо оружия, кифары, или гусли. Император спросил, кто они? Мы – славяне, ответствовали чужеземцы, и живем на отдаленнейшем конце Западного океана (моря Балтийского). Хан аварский, прислав дары к нашим старейшинам, требовал войска, чтобы действовать против греков. Старейшины взяли дары, но отправили нас к хану с извинением, что не могут за великою отдаленностию дать ему помощи. Мы сами были 15 месяцев в дороге. Хан, невзирая на святость посольского звания, не отпускал нас в отечество. Слыша о богатстве и дружелюбии греков, мы воспользовались случаем уйти во Фракию. С оружием обходиться не умеем и только играем на гусях. Нет железа в стране нашей: не зная войны и любя музыку, мы ведем жизнь мирную и спокойную. – Император дивился тихому нраву сих людей, великому росту и крепости их: угостил послов и доставил им способ возвратиться в отечество». Такое миролюбивое свойство балтийских славян, во времена ужасов варварства, представляет мыслям картину счастья, которого мы обыкли искать единственно в воображении. Согласие византийских историков в описании сего происшествия доказывает, кажется, его истину, утверждаемую и самими тогдашними обстоятельствами севера, где славяне могли наслаждаться тишиною, когда германские народы удалились к югу и когда разрушилось владычество гуннов.

Наконец *богемские* славяне, возбужденные отчаянием, дерзнули обнажить меч, смирили гордость аваров и возвратили древнюю свою независимость. Летописцы повествуют, что некто, именем Само, был тогда смелым Вождем их: благодарные и вольные славяне избрали его в цари. Он сражался с Дагобертом, королем франков, и разбил его многочисленное войско.

Скоро владения славян умножились новыми приобретениями: еще в VI веке, как вероятно, многие из них поселились в Венгрии; другие в начале VII столетия, заключив союз с Константинополем, вошли в Иллирию, изгнали оттуда аваров и основали новые области, под именем Кроации, Славонии, Сербии, Боснии и Далмации. Императоры охотно позволяли им селиться в греческих владениях, надеясь, что они, по известной храбрости своей, могли быть лучшею их защитою от нападения других варваров, – и в VII веке находим славян на реке Стримоне во Фракии, в окрестностях Фессалоники и в Мизии, или в нынешней Болгарии. Даже весь Пелопоннес был несколько времени в их власти: они воспользовались ужасами моровой язвы, которая свирепствовала в Греции, и завоевали древнее отечество наук и славы. – Многие из них поселились в Вифинии, Фригии, Дардании, Сирии.

Но между тем, когда чехи и другие славяне пользовались уже совершенною вольностию отчасти в прежних, отчасти в новых своих владениях, дунайские находились еще, кажется, под игом аваров, хотя могущество сего достопамятного азиатского народа ослабело в VII веке. Куврат, князь болгарский, данник хана, в 635 году свергнул с себя иго аваров. Разделив силы свои на девять обширных укрепленных станов, они еще долгое время властвовали в Дакии и в Паннонии, вели жестокие войны с баварцами и славянами в Каринтии, в Богемии; наконец утратили в летописях имя свое. Куврат, союзник и друг римлян, господствовал в окрестностях Азовского моря; но сыновья его, в противность мудрому совету умирающего отца, разделились: старший, именем Ватвай, остался на берегах Дона; второй сын, Котраг, перешел на другую сторону сей реки; четвертый в Паннонию, или Венгрию, к Аварам, пятый в Италию; а третий, Аспарух, утвердился сперва между Днестром и Дунаем, но в 679 году, завоевав и всю Мизию, где жили многие Славяне, основал там сильное государство Болгарское.

Представив читателю расселение народов славянских от моря Балтийского до Адриатического, от Эльбы до Мореи и Азии, скажем, что они, сильные числом и мужеством, могли бы тогда, соединясь, овладеть Европою; но, слабые от развлечения сил и несогласия, почти везде утратили независимость, и только один из них, искушенный бедствиями, удивляет ныне мир величием. Другие, сохранив бытие свое в Германии, в древней Иллирии, в Мизии, повинуются Властителям чужеземным; а некоторые забыли и самый язык отечественный.

Теперь обратимся к истории государства Российского, основанной на преданиях нашего собственного, древнейшего летописца.

Глава II. О Славянах и других народах, составивших Государство Российское

Происхождение Славян Российских. Поляне. Радимичи и Вятичи. Древяне. Дулебы и Бужане. Лутичи и Тивирцы. Хорваты, Северяне, Дреговичи, Кривичи, Полочане, Славяне Новгородские. Киев. Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов. Финские или Чудские народы в России. Латышские народы. Междоусобия Славян Российских. Господство и гибель Обров. Козары. Варяги. Русь.

Нестор пишет, что Славяне *издревле обитали* в странах Дунайских и, вытесненные из Мизии Болгарами, а из Паннонии Волохами (доныне живущими в Венгрии), перешли в Россию, в Польшу и другие земли. Сие известие о первобытном жилище наших предков взято, кажется, из Византийских Летописцев, которые в VI веке узнали их на берегах Дуная; однако ж Нестор в другом месте говорит, что Св. Апостол Андрей – проповедуя в Скифии имя Спасителя, поставив крест на горах Киевских, еще не населенных, и предсказав будущую славу нашей древней столицы – доходил до Ильменя и нашел там Славян: следственно, они, по собственному Несторову сказанию, жили в России уже в первом столетии и гораздо прежде, нежели Болгары утвердились в Мизии. Но вероятно, что Славяне, угнетенные ими, отчасти действительно возвратились из Мизии к своим северным единосемцам; вероятно и то, что Волохи, потомки древних Гетов и Римских всельников Траянова времени в Дакии, уступив сию землю Готфам, Гуннам и другим народам, искали убежища в горах и, видя наконец слабость Аваров, овладели Трансильваниею и частью Венгрии, где Славяне должныствовали им покориться.

Может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова под именем венедов известные на восточных берегах моря Балтийского, Славяне в то же время обитали и внутри России; может быть Андрюфаги, Меланхлены, Невры Геродотовы принадлежали к их племенам многочисленным. Самые древние жители Дакии, Геты, покоренные Траяном, могли быть нашими предками: сие мнение тем вероятнее, что в Русских сказках XII столетия упоминается о счастливых воинах Траяновых в Дакии, и что Славяне Российские начинали, кажется, свое летосчисление от времени сего мужественного Императора. Заметим еще какое-то древнее предание народов Славянских, что праотцы их имели дело с Александром Великим, победителем Гетов. Но Историк не должен предлагать вероятностей за истину, доказываемую только ясными свидетельствами современников. Итак, оставляя без утвердительного решения вопрос: «Откуда и когда Славяне пришли в Россию?», опишем, как они жили в ней задолго до того времени, в которое образовалось наше Государство.

Многие Славяне, единоплеменные с Ляхами, обитавшими на берегах Вислы, поселились на Днепре в Киевской губернии и назвались *Полянами* от чистых *полей* своих. Имя сие исчезло в древней России, но сделалось общим именем Ляхов, основателей Государства Польского. От сего же племени Славян были два брата, Радим и Вятко, главами Радимичей и Вятичей: первый избрал себе жилище на берегах Сожа, в Могилевской Губернии, а второй на Оке, в Калужской, Тульской или Орловской. Древяне, названные так от лесной земли своей, обитали в Волынской Губернии; Дулебы и Бужане по реке Бугу, впадающему в Вислу; Лутичи и Тивирцы по Днестру до самого моря и Дуная, уже имея *города* в земле своей; Белые Хорваты в окрестностях гор Карпатских; Северяне, соседи Полян, на берегах Десны, Семи и Сулы, в Черниговской и Полтавской Губернии; в Минской и Витебской, между Припятью и Двиною Западною, Дреговичи; в Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, в верховьях Двины, Днепра и Волги, Кривичи; а на Двине, где впадает в нее река Полота, единоплеменные с ними Полочане; на берегах же озера Ильменя собственно так называемые Славяне, которые *после* Рождества Христова основали Новгород.

К тому же времени Летописец относит и начало Киева, рассказывая следующие обстоятельства: «Братья Кий, Щек и Хорив, с сестрою Лыбедью, жили между Полянами на трех горах, из коих две слынут по имени двух меньших братьев, Щековицею и Хоривицею; а старший жил там, где ныне (в Несторово время) *Зборичев взвоз*. Они были мужи знающие и разумные; ловили зверей в тогдашних густых лесах Днепровских, построили город и назвали оный именем старшего брата, т.е. *Киевом*. Некоторые считают Кия перевозчиком, ибо в старину был на сем месте перевоз и назывался Киевым; но Кий начальствовал в роде своем: ходил, как сказывают, в

Константинополь и приял великую честь от Царя Греческого; на возвратном пути, увидев берега Дуная, полюбил их, срубил городок и хотел обитать в нем; но жители Дунайские не дали ему там утвердиться, и донныне именуют сие место *городищем Киевцом*. Он скончался в Киеве, вместе с двумя братьями и сестрою». Нестор в повествовании своем основывается единственно на изустных сказаниях: отдаленный многими веками от случаев, здесь описанных, мог ли он ручаться за истину предания, всегда обманчивого, всегда *неверного в подробностях*? Может быть, что Кий и братья его никогда в самом деле не существовали и что вымысел народный обратил названия мест, неизвестно от чего происшедшие, в названия людей. Имя Киева, горы Щековицы – ныне Скавицы – Хоривицы, уже забытой, и речки Лыбеди, впадающей в Днепр недалеко от новой Киевской крепости, могли подать мысль к сочинению басни о трех братьях и сестре их: чему находим многие примеры в Греческих и Северных повествователях, которые, желая питать народное любопытство, во времена невежества и легковерия, из географических названий составляли целые Истории и Биографии. Но два обстоятельства в сем Несторовом известии достойны особенного замечания: первое, что Славяне Киевские издревле имели сообщение с Царемградом, и второе, что они построили городок на берегах Дуная еще задолго до походов Россиян в Грецию. Дулебы, Поляне Днепровские, Лутичи и Тивирцы могли участвовать в описанных нами войнах Славян Дунайских, столь ужасных для Империи, и заимствовать там разные благодетельные изобретения для жизни гражданской.

Летописец не объявляет времени, когда построены другие Славянские, также весьма древние города в России: Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов; знаем только, что первые три основаны Кривичами и были уже в IX веке, а последние в самом начале X; но они могли существовать и гораздо прежде. Чернигов и Любеч принадлежали к области Северян.

Кроме народов Славянских, по сказанию Нестора, жили тогда в России и многие иноплеменные: *Меря* вокруг Ростова и на озере Клещине, или Переславском; *Мурома* на Оке, где сия река впадает в Волгу; *Черемиса*, *Мещера*, *Мордва* на юго-восток от Мери; *Ливь* в Ливонии; *Чудь* в Эстонии и на восток к Ладожскому озеру; *Нарова* там, где Нарва; *Ямь* или *Емь* в Финляндии; *Весь* на Белоозере; *Пермь* в Губернии сего имени; *Югра* или нынешние Березовские Остяки на Оби и Сосве; *Печора* на реке Печоре. Некоторые из сих народов уже исчезли в новейшие времена или смешались с Россиянами; но другие существуют и говорят языками столь между собой сходственными, что можем несомнительно признать их, равно как и Лапландцев, Зырян, Остяков Обских, Чуваш, Вотяков, народами единоплеменными и назвать вообще *Финскими*. Уже Тацит в первом столетии говорит о соседственных с Венедами Финнах, которые жили издревле в полунощной Европе. Лейбниц и новейшие Шведские Историки согласно думают, что Норвегия и Швеция были некогда населены ими – даже самая Дания, по мнению Греция. От моря Балтийского до Ледовитого, от глубины Европейского Севера на Восток до Сибири, до Урала и Волги, рассеялись многочисленныя племена Финнов. Не знаем, когда они в России поселились; но не знаем также и никого старобытнее их в северных и восточных ее климатах. Сей народ, древний и многочисленный, занимавший и занимающий такое великое пространство в Европе и в Азии, не имел Историка, ибо никогда не славился победами, не отнимал чуждых земель, но всегда уступал свои: в Швеции и Норвегии Готфам, а в России, может быть, Славянам, и в одной нищете искал для себя безопасности: «не имея (по словам Тацита) ни домов, ни коней, ни оружия; питаюсь травами, одеваюсь кожами звериными, укрываясь от непогод под сплетенными ветвями». В Тацитовом описании древних Финнов мы узнаем отчасти и нынешних, особенно же Лапландцев, которые от предков своих наследовали и бедность, и грубые нравы, и мирную беспечность невежества. «Не боясь ни хищности людей, ни гнева богов (пишет сей красноречивый Историк), они приобрели самое редкое в мире благо: счастливую от судьбы независимость!»

Но Финны Российские, по сказанию нашего Летописца, уже не были такими грубыми, дикими людьми, какими описывает их Римский Историк: имели не только постоянные жилища, но и города: *Весь* – Белоозеро, *Меря* – Ростов, *Мурома* – Муром. Летописец, упоминая о сих городах в известиях IX века, не знал, когда они построены. – Древняя История Скандинавов (Датчан, Норвежцев, Шведов) часто говорит о двух особенных странах Финских, вольных и независимых: Кириаландии и Биармии. Первая от Финского залива простиралась до самого Белого моря, вмещала в себе нынешнюю Финляндскую, Олонецкую и часть Архангельской губернии; граничила на Восток с Биармиею, а на Северо-запад – с Квенландиею или Каяниною. Жители ее беспокоили набегами земли соседственные и славились мнимым волшебством еще более, нежели хабростию. *Биармию* называли Скандинавы всю обширную страну от Северной

Двины и Белого моря до реки Печоры, за которой они воображали Иотунгейм, отчизну ужасов природы и злого чародейства. Имя нашей Перми есть одно с именем древней Биармии, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская Губернии. *Исландские повести* наполнены сказаниями о сей великой Финской области, но баснословие их может быть любопытно для одних легковерных. Первое действительно историческое свидетельство о Биармии находим в путешествии Норвежского мореходца Отера, который в девятом веке окружил Норд-Кап, доплывал до самого устья Северной Двины, слышал от жителей многое о стране их и землях соседственных, но сказывает единственно то, что народ Биармский многочислен и говорит почти одним языком с Финнами.

Между сими иноплеменными народами, жителями или соседями древней России, Нестор именуется еще Летголу (Ливонских Латышей), Зимголу (в Семигалии), Корсь (в Курляндии) и Литву, которые не принадлежат к Финнам, но вместе с древними Пруссамы составляют народ Латышский. В языке его находится множество Славянских, довольно Готфских и Финских слов: из чего основательно заключают Историки, что Латыши происходят от сих народов. С великою вероятностью можно определить даже и начало бытия их. Когда Готфы удалились к пределам Империи, тогда Венеды и Финны заняли юго-восточные берега моря Балтийского; смешались там с остатками первобытных жителей, т.е. с Готфами; начали истреблять леса для хлебопашества и прозвались Латышами, или *обитателями земель расчищенных*, ибо *лата* знаменует на языке Литовском *расчищение*. Их, кажется, называет Иорнанд Видивариями, которые в половине шестого века жили около Данцига и состояли из разных народов: с чем согласно и древнее предание Латышей, уверяющих, что их первый Государь, именем Видвут, Царствовал на берегах Вислы и там образовал народ свой, который населил Литву, Пруссию, Курляндию и Летландию, где он и донныне находится и где, до самого введения Христианской Веры, управлял им северный Далай-Лама, главный судия и Священник Криве, живший в Прусском местечке Ромове.

Многие из сих Финских и Латышских народов, по словам Нестора, были данниками Россиян: должно разуметь, что Летописец говорит уже о своем времени, то есть о XI веке, когда предки наши овладели почти всею нынешнею Россиею Европейскою. До времен Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по коленам; не думали соединять народных сил в общем правлении и даже изнуряли их войнами междоусобными. Так, Нестор упоминает о нападении Древлян, лесных обитателей, и прочих окрестных Славян на тихих Полян Киевских, которые более их наслаждались выгодами состояния гражданского и могли быть предметом зависти. Люди грубые, полудикие не знают духа народного и хотят лучше вдруг отнять, нежели медленно присвоить себе такие выгоды мирным трудолюбием. Сие междоусобие предавало Славян Российских в жертву внешним неприятелям. Обры или Авары в VI и VII веке господствуя в Дакии, повелевали и Дулебами, обитавшими на Буге; нагло оскорбляли целомудрые жен Славянских и впрягали их, вместо волов и коней, в свои колесницы; но сии варвары, *великие телом и гордые умом* (пишет Нестор), исчезли в нашем отечестве от моровой язвы, и гибель их долго была пословицею в земле Русской. – Скоро явились другие завоеватели: на юге – Козары, Варяги на Севере.

Козары или Хазары, единоплеменные с Турками, издревле обитали на западной стороне Каспийского моря, называемого Хазарским в Географиях Восточных. Еще с третьего столетия они известны по Армянским летописям: Европа же узнала их в IV веке вместе с Гуннами, между Каспийским и Черным морем, на степях Астраханских. Атилла властвовал над ними: Болгары также, в исходе V века; но Козары, все еще сильные, опустошали между тем южную Азию, и Хозрой, Царь Персидский, должен был заградить от них свои области огромною стеною, славною в летописях под именем Кавказской и донныне еще удивительною в своих развалинах. В VII веке они являются в Истории Византийской с великим блеском и могуществом, дают многочисленное войско в помощь Императору (который из благодарности надел диадемою Царскую на их Кагана или Хакана, именуя его сыном своим); два раза входят с ним в Персию, нападают на Угров, Болгаров, ослабленных разделом сыновей Кувратовых, и покоряют всю землю от устья Волги до морей Азовского и Черного, Фанагорию, Воспор и большую часть Тавриды, называемой потом несколько веков *Козариею*. Слабая Греция не смела отражать новых завоевателей: ее Цари искали убежища в их станах, дружбы и родства с Каганами; в знак своего к ним почтения украшались в некоторые торжества одеждою Козарскою и стражу свою составили из сих храбрых Азиатцев. Империя в самом деле могла хвалиться их дружбою; но, оставляя в покое Константинополь, они свирепствовали в Армении, Иверии, Мидии; вели кровопролитные

войны с Аравитянами, тогда уже могущественными, и несколько раз побеждали их знаменитых Калифов.

Рассеянные племена Славянские не могли противиться такому неприятелю, когда он силу оружия своего в исходе VII века, или уже в VIII, обратил к берегам Днепра и самой Оки. Жители Киевские, Северяне, Радимичи и Вятичи признали над собою власть Каганову. «Киевляне, – пишет Нестор, – дали своим завоевателям по мечу с дыма и мудрые старцы Козарские в горестном предчувствии сказали: *Мы будем данниками сих людей: ибо мечи их остры с обеих сторон, а наши сабли имеют одно лезвие*». Басня, изобретенная уже в счастливые времена оружия Российского, в X или XI веке! По крайней мере завоеватели *не удовольствовались мечами*, но обложили Славян иною данью и брали, как говорит сам Летописец, «по белке с дома»: налог весьма естественный в землях Северных, где теплая одежда бывает одною из главных потребностей человека и где промышленность людей ограничивалась только необходимым для жизни. Славяне, долго грабив за Дунаем владения Греческие, знали цену золота и серебра; но сии металлы еще не были в народном употреблении между ими. Козары искали золота в Азии и получали его в дар от Императоров; в России же, богатой единственно дикими произведениями природы, довольствовались подданством жителей и добычею их звериной ловли. Иго сих завоевателей, кажется, не угнетало Славян: по крайней мере Летописец наш, изобразив бедствия, претерпенные народом его от жестокости Обров, не говорит ничего подобного о Козарах. Все доказывает, что они имели уже обычаи гражданские. Хань их жили издавна в Балангиаре, или Ателе (богатой и многолюдной столице, основанной близ Волжского устья Хозроем, Царем Персидским), а после в знаменитой купечеством Тавриде. Гунны и другие Азиатские варвары любили только разрушать города: но Козары требовали искусных зодчих от Греческого Императора Феофила и построили на берегу Дона, в нынешней земле Козаков, крепость Саркел для защиты владений своих от набега кочующих народов; вероятно, что *Каганово городище* близ Харькова и другие, называемые *Козарскими*, близ Воронежа, суть также памятники их древних, хотя и неизвестных нам городов. Быв сперва идолопоклонники, они в осьмом столетии приняли Веру Иудейскую, а в 858 [году] Христианскую... Ужасая Монархов Персидских, самых грозных Калифов и покровительствуя Императоров Греческих, Козары не могли предвидеть, что Славяне, поработанные ими без всякого кровопролития, испровергнут их сильную Державу.

Но могущество наших предков на Юге долженствовало быть следствием подданства их на Севере. Козары не властвовали в России далее Оки: Новгородцы, Кривичи были свободны до 850 года. Тогда – заметим сие *первое хронологическое* показание в Несторе – какие-то смелые и храбрые завоеватели, именуемые в наших летописях Варягами, пришли из-за Балтийского моря и наложили дань на Чудь, Славян Ильменских, Кривичей, Мерю, и хотя были чрез два года изгнаны ими, но Славяне, утомленные внутренними раздорами, в 862 году снова призвали к себе трех братьев Варяжских, от *племени Русского*, которые сделались первыми Властителями в нашем древнем отечестве и по которым оно стало именоваться *Русью*. – Сие происшествие важное, служащее основанием Истории и величия России, требует от нас особенного внимания и рассмотрения всех обстоятельств.

Прежде всего решим вопрос: кого именует Нестор Варягами? Мы знаем, что Балтийское море издревле называлось в России *Варяжским*: кто же в сие время – то есть в IX веке – господствовал на водах его? Скандинавы, или жители трех Королевств: Дании, Норвегии и Швеции, единоплеменные с Готфами. Они, под общим именем Норманов или *Северных людей*, громили тогда Европу. Еще Тацит упоминает о мореходстве Свеонов или Шведов; еще в шестом веке Датчане приплывали к берегам Галлии: в конце осьмого слава их уже везде гремела, и флаги Скандинавские, развеваясь пред глазами Карла Великого, смиряли гордость сего Монарха, который с досадою видел, что Норманы презирают власть и силу его. В девятом веке они грабили Шотландию, Англию, Францию, Андалузию, Италию; утвердились в Ирландии и построили там города, которые донныне существуют; в 911 году овладели Нормандиею; наконец, основали Королевство Неаполитанское и под начальством храброго Вильгельма в 1066 году покорили Англию. Мы уже говорили о древнем их плавании вокруг Норд-Капа, или Северного мыса: нет, кажется, сомнения, что они за 500 лет до Колумба открыли полунощную Америку и торговали с ее жителями. Предпринимая такие отдаленные путешествия и завоевания, могли ли Норманы оставить в покое страны ближайšie: Эстонию, Финляндию и Россию? Нельзя, конечно, верить Датскому Историку Саксону Грамматикку, именующему Государей, которые будто бы царствовали в нашем отечестве прежде Рождества Христова и вступали в родственные союзы с

Королями Скандинавскими: ибо Саксон не имел никаких исторических памятников для описания сей глубокой древности и заменял оные вымыслами своего воображения; нельзя также верить и баснословным *Исландским повестям*, сочиненным, как мы уже заметили, в новейшие времена и нередко упоминающим о древней России, которая называется в них Острагардом, Гардарикиено, Гольмгардом и Грециено: но Рунические камни, находимые в Швеции, Норвегии, Дании и гораздо древнейшие Христианства, введенного в Скандинавии около десятого века, доказывают своими надписями (в коих именуется *Girkia*, *Grikia* или Россия), что Норманы давно имели с нею сообщение. А как в то время, когда, по известию Несторовой летописи, Варяги овладели странами Чуди, Славян, Кривичей и Мери, не было на Севере другого народа, кроме Скандинавов, столь отважного и сильного, чтобы завоевать всю обширную землю от Балтийского моря до Ростова (жилища Мери), то мы уже с великою вероятностию заключить можем, что Летописец наш разумеет их под именем Варягов. Но сия вероятность обращается в совершенное удостоверение, когда прибавим к ней следующие обстоятельства:

I. Имена трех Князей Варяжских – Рюрика, Синеуса, Трувора – призванных Славянами и Чудью, суть неоспоримо Норманские: так, в летописях Франкских около 850 года – что достойно замечания – упоминается о трех *Рориках*: один назван Вождем Датчан, другой Королем (*Rex*) Норманским, третий просто Норманом; они воевали берега Фландрии, Эльбы и Рейна. В Саксоне Грамматике, в Стурлезоне и в *Исландских повестях*, между именами Князей и Витязей Скандинавских, находим *Рурика*, *Рерика*, *Трувара*, *Трувра*, *Снио*, *Синия*. – II. Русские Славяне, будучи под владением Князей Варяжских, назывались в Европе *Норманами*, что утверждено свидетельством Лиутпранда, Кремонского Епископа, бывшего в десятом веке два раза Послом в Константинополе. «Руссов, говорит он, именуем и Норманами». – III. Цари Греческие имели в первом-надесять веке особенных телохранителей, которые назывались *Варягами*, *Βαράγγοι*, а по-своему *Waringar*, и состояли большею частию из Норманов. Слово *Vaere*, *Vara* есть древнее Готфское и значит *союз*: толпы Скандинавских витязей, отправляясь в Россию и в Грецию искать счастья, могли именовать себя Варягами в смысле *союзников* или товарищей.⁴ Сие нарицательное имя обратилось в собственное. – IV. Константин Багрянородный, царствовавший в X веке, описывая соседственные с Империею земли, говорит о порогах Днепровских и сообщает имена их на *Славянском* и *Русском* языке. Русские имена кажутся Скандинавскими: по крайней мере не могут быть изъяснены иначе. – V. Законы, данные Варяжскими Князьями нашему Государству, весьма сходны с Норманскими. Слова *Тиун*, *Вири* и прочие, которые находятся в *Русской Правде*, суть древние Скандинавские или Немецкие (о чем будем говорить в своем месте). – VI. Сам Нестор повествует, что Варяги живут на море Балтийском к западу, и что они разных народов: Урмяне, Свис, Англяне, Готы. Первое имя в особенности означает Норвежцев, второе – Шведов, а под Готами Нестор разумеет жителей Шведской Готии.⁵ Англяне же причислены им к Варягам для того, что они вместе с Норманами составляли Варяжскую дружину в Константинополе. Итак, сказание нашего собственного Летописца подтверждает истину, что Варяги его были Скандинавы.

Но сие общее имя Датчан, Норвежцев, Шведов не удовлетворяет любопытству Историка: мы желаем знать, какой народ, в особенности называясь *Русью*, дал отечеству нашему и первых Государей и само имя, уже в конце девятого века страшное для Империи Греческой? Напрасно в древних летописях Скандинавских будем искать объяснения: там нет ни слова о Рюрике и братьях его, призванных властвовать над Славянами; однако ж Историки находят основательные причины думать, что Несторовы Варяги-Русь обитали в Королевстве Шведском, где одна приморская область издавна именуется *Росскою*, *Ros-lagen*. Жители ее могли в VII, VIII или IX веке быть известны в землях соседственных под особенным названием так же, как и Готландцы, коих Нестор всегда отличает от Шведов. Финны, имея некогда с *Рос-лагеном* более сношения, нежели с прочими странами Швеции, доньше именуют *всех* ее жителей *Россами*, *Ротсами*, *Руотсами*. – Сие мнение основывается еще на любопытном свидетельстве историческом.

В Бертинских Летописях, изданных Дюшеном, между случаями 839 года описывается следующее происшествие: «Греческий Император Феофил прислал Послов к Императору Франков, Людовику *Благонравному*, и с ними людей, которые называли себя *Россами* (*Rhos*), а Короля своего Хаканом (или Гаханом), и приезжали в Константинополь для заключения

⁴ В.Э.: Да нет, корень здесь не «союз», а «война» (ср. английское *War*); древнескандинавское «*vaeringjar*» означало «воины».

⁵ В.Э.: От них остров Готланд.

дружественного союза с Империею. Феофил в грамоте своей просил Людовика, чтобы он дал им способ безопасно возвратиться в их отечество: ибо они ехали в Константинополь чрез земли многих диких, варварских и свирепых народов: для чего Феофил не хотел снова подвергнуть их таким опасностям. Людовик, расспрашивая сих людей, узнал, что они принадлежат к народу *Шведскому*. – Гакан был, конечно, одним из Владетелей Швеции, разделенной тогда на маленькие области, и, сведав о славе Императора Греческого, вздумал отправить к нему Послов.

Сообщим и *другое* мнение с его доказательствами. В *Степенной Книге* XVI века и в некоторых новейших летописях сказано, что Рюрик с братьями вышел из *Пруссии*, где издавна назывались Курский залив *Русною*, северный рукав Немана, или Мемеля, *Руссою*, окрестности же их *Порусьем*. Варяги-Русь могли переселиться туда из Скандинавии, из Швеции, из самого Рослагена, согласно с известиям древнейших Летописцев Пруссии, уверяющих, что ее перво-бытные жители, Ульмиганы или Ульмигеры, были в гражданском состоянии образованы Скандинавскими выходцами, которые умели читать и писать. Долго обитав между Латышами,⁶ они могли разуместь язык Славянский и тем удобнее примениться к обычаям Славян Новгородских. Сим удовлетворительно изъясняется, отчего в древнем Новгороде одна из многолюднейших улиц называлась Прусскою. Заметим также свидетельство Географа Равенского: он жил в VII веке, и пишет, что близ моря, где впадает в него река Висла, есть отечество *Роксолан*, думают, наших Россов, коих владение могло простираться от Курского залива до устья Вислы. – Вероятность остается вероятностию: по крайней мере знаем, что какой-то народ *Шведский* в 839 году, следственно, еще до пришествия Князей Варяжских в землю Новгородскую и Чудскую, именовался в Константинополе и в Германии *Россами*.

Предложив ответ на вопросы: *кто были Варяги* вообще и *Варяги-Русь* в особенности? – скажем мнение свое о Несторовой хронологии. Не скоро Варяги могли овладеть всею обширною странюю от Балтийского моря до Ростова, где обитал народ Меря; не скоро могли в ней утвердиться так, чтобы обложить всех жителей данию; не вдруг могли Чудь и Славяне соединиться для изгнания завоевателей, и всего труднее вообразить, чтобы они, освободив себя от рабства, *немедленно* захотели снова отдаться во власть чужеземцев: но Летописец объявляет, что Варяги пришли от Балтийского моря в 859 году и что в 862 [году] Варяг Рюрик и братья его уже княжили в России полунощной!.. Междоусобие и внутренние беспорядки открыли Славянам опасность и вред народного правления; но не зная иного в течение многих столетий, ужели в *несколько месяцев* они возненавидели его и единодушно уверились в пользе Самодержавия? Для сего надлежало бы, кажется, перемениться обычаям и нравам; надлежало бы иметь опытность долговременную в несчастиях: но обычаи и нравы не могли перемениться в два года Варяжского правления, до которого они, по словам Нестора, умели довольствоваться древними законами отцов своих. Что вооружило их против Норманских завоевателей? Любовь к независимости – и вдруг сей народ требует уже властителей⁷?.. Историк должен по крайней мере изъяснить сомнение и признать вероятною мысль некоторых ученых мужей, полагающих, что Норманы ранее 859 года брали дань с Чуди и Славян. Как Нестор мог знать годы происшествий за 200 и более лет до своего времени? Славяне, по его же известию, тогда еще не ведали употребления букв: следственно, он не имел никаких письменных памятников для нашей *древней* Истории и считает годы со времен Императора Михаила, как сам говорит, для того, что Греческие Летописцы относят первое нашествие Россиян на Константинополь к Михайлову Царствованию. Из сего

⁶ В.Э.: Т.е. древними пруссами, балтским народом. Но славянскому языку они там не научились бы.

⁷ В.Э.: Здесь очевидное непонимание выражений «новгородцы изгнали» и «новгородцы призвали». Ясно же, что это делали НЕ одни и те же люди. Явно в городе существовали две партии: противников варягов и их сторонников. В какой-то момент верх одержали первые, и норманов изгнали, а через какое-то время (в результате внутригородской политической борьбы (возможно, также при поддержке самих варягов)) победили вторые, и варягов «призвали». Сам же прием «призвания» чужеземных правителей был обычным делом на протяжении веков и даже тысячелетий. Еще в 1714 году сама Великая Британия «призвала» короля из Германии (Георга I Ганноверской династии); в 1905 году Норвегия «призвала» короля из Англии, но когда тот отказался, то другого – из Дании; в 1917 году Финляндия, отделившись от России, собиралась «призвать» короля из Германии (династии Гогенцоллернов), а Чехия, отделившись от Австро-Венгрии, «призвать» короля из России (династии Романовых), и только крушение обеих монархий сделало Финляндию и Чехословакию республиками. Прием «призвания» дает два преимущества: во-первых, обеспечивает безопасность, поддержку и хорошие отношения с той страной, откуда правителя «призвали»; во-вторых, сглаживает отношения между местными враждующими группировками по принципам «ни нашим, ни вашим» и «пусть решает третейский суд».

едва ли не должно заключить, что Нестор по одной догадке, по одному вероятному соображению с известиями Византийскими, хронологически расположил начальные происшествия в своей летописи. Самая краткость его в описании времен Рюриковых и следующих заставляет думать, что он говорит о том единственно по изустным преданиям, всегда немногословным. Тем достовернее сказание нашего Летописца в рассуждении главных случаев: ибо сия краткость доказывает, что он не хотел прибегать к вымыслам; но летосчисление делается сомнительным. При Дворе Великих Князей, в их дружине отборной и в самом народе долженствовала храниться память Варяжского завоевания и первых Государей России: но вероятно ли, чтобы старцы и Бояре Княжеские, коих рассказы служили, может быть, основанием нашей древнейшей летописи, умели с точностию определить год каждого случая? Положим, что языческие Славяне, замечая лета какими-нибудь знаками, имели верную хронологию: одно ее соображение с хронологию Византийскою, принятою ими вместе с Христианством, не могло ли ввести нашего первого Летописца в ошибку? – Впрочем, мы не можем заменить летосчисление Несторова другим вернейшим; не можем ни решительно опровергнуть, ни исправить его, и для того, следуя оному во всех случаях, начинаем Историю Государства Российского с 862 года.

Но прежде всего должно иметь понятие о *древнем* характере народа Славянского *вообще*, чтобы История Славян Российских была для нас и яснее и любопытнее. Воспользуемся известиями современных Византийских и других, не менее достоверных Летописцев, прибавив к ним сказания Несторовы о нравах предков наших *в особенности*.

Глава III. О физическом и нравственном характере Славян древних

Их природное сложение и свойства: храбрость, хищность, жестокость, добродушие, гостеприимство. Брачное целомудрие. Жены и дети. Нравы Славян Российских в особенности. Жилища. Скотоводство и земледелие. Пища, одежда. Торговля. Искусства: зодчество, музыка, пляска, игры. Счисление. Имена месяцев. Правление. Вера. Язык и грамота.

Не только в степенях гражданского образования, в обычаях и нравах, в душевных силах и способности ума, но и в самых телесных свойствах видим такое различие между народами, что остроумнейший Писатель XVIII века, Вольтер, не хотел верить их общему происхождению от единого корня или племени. Другие, конечно, справедливее и сообразнее с нашими священными преданиями, изъясняют сие несходство действием разных климатов и естественных, невольных привычек, которые от одного рождаются в людях. Если два народа, обитающие под влиянием одного неба, представляют нам великое различие в своей наружности и в физических свойствах, то можем смело заключить, что они не всегда жили сопредельно. Климат умеренный, не жаркий, даже холодный, способствует долголетию, как замечают Медики, благоприятствует и крепости состава и действию сил телесных. Обитатель южного Пояса, томимый зноем, отдыхает более, нежели трудится, – слабеет в неге и в праздности. Но житель полунощных земель любит движение, согревая им кровь свою; любит деятельность; привыкает сносить частые перемены воздуха и терпением укрепляется. Таковы были древние Славяне по описанию современных Историков, которые согласно изображают их бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, свойственные климату северному, они сносили голод и всякую нужду; питались самую грубою, сырою пищею; удивляли Греков своею быстротою; с чрезвычайною легкостью всходили на крутизны, спускались в расселины; смело бросались в опасные болота и в глубокие реки. Думая, без сомнения, что главная красота мужа есть крепость в теле, сила в руках и легкость в движениях, Славяне мало пеклись о своей наружности: в грязи, в пыли, без всякой опрятности в одежде являлись во многочисленном собрании людей. Греки, осуждая сию нечистоту, хвалят их стройность, высокий рост и мужественную приятность лица. Загорая от жарких лучей солнца, они казались смуглыми и все без исключения были русые, подобно другим коренным Европейцам. – Сие изображение Славян и Антов основано на свидетельстве Прокопия и Маврикия, которые знали их в VI веке.

Известие Иорнанда о Венедах, без великого труда покоренных в IV веке Готфским Царем Эрманарихом, показывает, что они еще не славились тогда воинским искусством. Послы отдаленных Славян Бальтийских, ушедших из Баянова стана во Фракию, также описывали народ свой тихим и миролюбивым; но Славяне Дунайские, оставив свое древнее отечество на Севере, в

VI веке доказали Греции, что храбрость была их природным свойством и что она с малою опытностью торжествует над искусством долголетным. Несколько времени Славяне убегали сражений в открытых полях и боялись крепостей; но узнав, как ряды Легионов Римских могут быть разрываемы нападением быстрым и смелым, уже нигде не отказывались от битвы и скоро научились брать места укрепленные. Греческие летописи не упоминают ни об одном главном или общем Полководце Славян; они имели Вождей только частных; сражались не стеною, не рядами сомкнутыми, но толпами рассеянными и всегда пешие, следуя не общему велению, не единой мысли начальника, а внушению своей особенной, личной смелости и мужества; не зная благоразумной осторожности, которая предвидит опасность и бережет людей, но бросаясь прямо в средину врагов. Чрезвычайная отважность Славян была столь известна, что Хан Аварский всегда ставил их впереди своего многочисленного войска, и сии люди неустрасимые, видя иногда измену хитрых Аваров, гибли с отчаянием. – Византийские Историки пишут, что Славяне сверх их обыкновенной храбрости имели особенное искусство биться в ущельях, скрываться в траве, изумлять неприятелей мгновенным нападением и брать их в плен. Так, знаменитый Велисарий при осаде Авксима избрал в войске своем Славянина, чтобы схватить и представить ему одного Готфа живого. Они умели еще долгое время таиться в реках и дышать свободно посредством сквозных тростей, выставляя конец их на поверхность воды. – Древнее оружие Славянское состояло в мечах, дротиках, стрелах, намазанных ядом, и в больших, весьма тяжелых щитах.

Храбрость всегда знаменитое свойство народное, может ли в людях полудиких основываться на одном славолубии, сродном только человеку образованному? Скажем смело, что она была в мире злодейством прежде, нежели обратилась в добродетель, которая утверждает благоденствие Государств: хищность родила ее, корыстолюбие питало. Славяне, ободренные воинскими успехами, чрез некоторое время должныствовали открыть в себе гордость народную, благородный источник дел славных: ответ Лавритаса послу Баянову доказывает уже сию великодушную гордость; но что могло сначала вооружить их против Римлян? Не желание славы, а желание добычи, которою пользовались Готфы, Гунны и другие народы; ей жертвовали Славяне своею жизнью, и никаким другим варварам не уступали в хищности. Поселяне Римские, слыша о переходе войска их за Дунай, оставляли дома и спасались бегством в Константинополь со всем имением; туда же спешили и Священники с драгоценною утварию церковною. Иногда, гонимые сильнейшими Легионами Империи и не имея надежды спасти добычу, Славяне бросали ее в пламя и врагам своим оставляли на пути одни кучи пепла. Многие из них, не боясь поиска Римлян, жили на полуденных берегах Дуная в пустых замках или пещерах, грабили селения, ужасали земледельцев и путешественников. – Летописи VI века изображают самыми черными красками жестокость Славян в рассуждении Греков; но сия жестокость, свойственная, впрочем, народу необразованному и воинственному, была также и действием мести. Греки, озлобленные их частыми нападениями, безжалостно терзали Славян, которые попадались им в руки и которые сносили всякое истязание с удивительною твердостью, без вопля и стога; умирали в муках и не отвечали ни слова на расспросы врага о числе и замыслах войска их. – Таким образом Славяне свирепствовали в Империи и не щадили собственной крови для приобретения драгоценностей, им ненужных: ибо они – вместо того, чтобы пользоваться ими, – обыкновенно зарывали их в землю.

Сии люди, на войне жестокие, оставляя в Греческих владениях долговременную память ужасов ее, возвращались домой с одним своим природным добродушием. Современный Историк говорит, что они не знали ни лукавства, ни злости; хранили древнюю простоту нравов, не известную тогдашним Грекам; обходились с пленными дружелюбно и назначали всегда срок для их рабства, отдавая им на волю или выкупить себя и возвратиться в отечество, или жить с ними в свободе и братстве.

Столь же единогласно хвалят летописи общее гостеприимство Славян, редкое в других землях и донныне весьма обыкновенное во всех Славянских: так следы древних обычаев сохраняются в течение многих веков, и самое отдаленное потомство наследует нравы своих предков. Всякий путешественник был для них как бы священным: встречали его с ласкою, угощали с радостью, провожали с благословением и сдавали друг другу на руки. Хозяин отвечал народу за безопасность чужеземца, и кто не умел сберечь гостя от беды или неприятности, тому мстили соседи за сие оскорбление как за собственное. Славянин, выходя из дому, оставлял дверь отворенную и пищу готовую для странника. Купцы, ремесленники охотно посещали Славян, между которыми не было для них ни воров, ни разбойников; но бедному

человеку, не имевшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть все нужное для того у соседа богатого: важный долг гостеприимства оправдывал и самое преступление. Нельзя видеть без удивления сию кроткую добродетель – можно сказать – *обожаемую* людьми столь грубыми и хищными, каковы были Дунайские Славяне. Но если и добродетели и пороки *народные* всегда происходят от некоторых особенных обстоятельств и случаев, то не можно ли заключить, что Славяне были некогда облагодетворены иностранцами; что признательность вселила в них любовь к гостеприимству, а время обратило его в обыкновение и закон священный?.. Здесь представляются мыслям нашим славные Финикияне, которые за несколько веков до Рождества Христова могли торговать с Бальтийскими Венетами и быть их наставниками в счастливых изобретениях ума гражданского.

Древние писатели хвалят целомудрие не только жен, но и мужей Славянских. Требуя от невест доказательства их девственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть верными супругам. Славянки не хотели переживать мужей и добровольно сожигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство. Думают, что сие варварское обыкновение, истребленное только благодетельным учением Христианской Веры, введено было Славянами (равно как и в Индии) для отвращения тайных мужеубийств: осторожность ужасная не менее самого злодеяния, которое предупреждалось ею! Они считали жен совершенными рабами, во всяком случае безответными; не позволяли им ни противоречить себе, ни жаловаться; обременяли их трудами, заботами хозяйственными и воображали, что супруга, умирая вместе с мужем, должна служить ему и на том свете. Сие рабство жен происходило, кажется, оттого, что мужа обыкновенно покупали их: обычай, доныне соблюдаемый в Иллирии. Удаленные от дел народных, Славянки ходили иногда на войну с отцами и супругами, не боясь смерти: так, при осаде Константинополя в 626 году Греки нашли между убитыми Славянами многие женские трупы. Мать, воспитывая детей, готовила их быть воинами и непримиримыми врагами тех людей, которые оскорбили ее ближних: ибо Славяне, подобно другим народам языческим, стыдились забывать обиду. Страх неумолимой мести отвращал иногда злодеяния: в случае убийства не только сам преступник, но и весь род его беспрестанно ожидал своей гибели от детей убитого, которые требовали крови за кровь.

Говоря о жестоких обычаях Славян языческих, скажем еще, что всякая мать имела у них право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству. Сему обыкновению не уступало в жестокости другое: право детей умерщвлять родителей, обремененных старостию и болезнями, тягостных для семейства и бесполезных согражданам. Так народы самые добродушные, без правил ума образованного и Веры истинной, с спокойною совестью могут ужасать природу своими делами и превосходить зверей в лютоści! Сии дети, следуя общему примеру, как закону древнему, не считали себя извергами: они, напротив того, славились почтением к родителям и всегда пеклись об их благосостоянии.

К описанию общего характера Славян прибавим, что Нестор особенно говорит о нравах Славян Российских. Поляне были образованнее других, кротки и тихи обычаем; стыдливость украшала их жен; брак издревле считался святою обязанностью между ними; мир и целомудрие господствовали в семействах. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с коими они жили среди лесов темных, питаясь всякою нечистотою; в распрях и ссорах убивали друг друга: не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но уводили или похищали девиц. – Северяне, Радимичи и Вятичи уподоблялись нравами Древлянам;⁸ также не ведали ни целомудрия, ни союзов брачных; но молодые люди обоого пола сходились на игрища между селениями: женихи выбирали невест и без всяких обрядов соглашались жить с ними вместе; многоженство было у них в обыкновении.

Сии три народа, подобно Древлянам, обитали во глубине лесов, которые были их защитою от неприятелей и представляли им удобность для звериной ловли. То же самое говорит История VI века о Славянах Дунайских. Они строили бедные свои хижины в местах диких, уединенных, среди болот непроходимых, так что иностранец не мог путешествовать в их земле без вожатого. Беспрестанно ожидая врага, Славяне брали еще и другую предосторожность: делали в жилищах

⁸ В.Э.: Во времена Карамзина уже утратилась всякая память о балтах, населявших Россию до славян. Я думаю, что под этими дикими «древлянами» на самом деле имелись в виду балты (оборонявшиеся и скрывавшиеся от славян в лесах). Славяне рисовали их дикими и невежественными – как всегда изображаются враги. Сравни {[R-SOLOVE](#)}.

своих разные выходы, чтоб им можно было в случае нападения тем скорее спастись бегством, и скрывали в глубоких ямах не только все драгоценные вещи, но и самый хлеб.

Ослепленные безрассудным корыстолюбием, они искали мнимых сокровищ в Греции, имея в стране своей, в Дакии и в окрестностях ее, истинное богатство людей: тучные луга для скотоводства и земли плодоносные для хлебопашества, в коем они издревле упражнялись и которое вывело их – может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова – из дикого, кочевого состояния: ибо сие благодетельное искусство было везде первым шагом человека к жизни гражданской, вселило в него привязанность к одному месту и к домашнему крову, дружество к соседу и, наконец, самую любовь к отечеству. – Думают, что Славяне узнали скотоводство только в Дакии: ибо слово *пастырь* есть Латинское, следственно, заимствованное ими от жителей сей земли, где язык Римлян был в употреблении; но сия мысль кажется неосновательною. Будучи в северном своем отечестве соседями народов Германских, Скифских и Сарматских, богатых скотоводством, Венеды, или Славяне, долженствовали издревле ведать сие важное изобретение человеческого хозяйства, едва ли не везде предупредившее науку земледелия. – Пользуясь уже тем и другим, они имели все нужное для человека; не боялись ни голода, ни свирепостей зимы: поля и животные давали им пищу и одежду. В VI веке Славяне питались просом, гречихою и молоком; а после выучились готовить разные вкусные яства, не жалея ничего для веселого угощения друзей и доказывая в таком случае свое радушие изобильною трапезою: обыкновение, еще и ныне наблюдаемое потомством Славянским. Мед был их любимым питьем: вероятно, что они сначала делали его из меду лесных, диких пчел; а наконец и сами разводили их. – Венеды, по известию Тацитову, не отличались одеждою от Германских народов, т.е. закрывали наготу свою. Славяне в VI веке сражались без кафтанов, некоторые даже без рубах, в одних портах. Кожи зверей, лесных и домашних, согревали их в холодное время. Женщины носили длинное платье, украшаясь бисером и металлами, добытыми на войне или вымененными у купцев иностранных.

Сии купцы, пользуясь совершенною безопасностью в землях Славянских, привозили им товары и меняли их на скот, полотно, кожи, хлеб и разную воинскую добычу. – В VIII веке Славяне сами ездили для купли и продажи в чужие земли. Карл Великий поручил торговлю с ними в Немецких городах особенному надзору своих чиновников. В средних веках цвели уже некоторые торговые города Славянские: Виннета, или Юлин, при устье Одера, Аркона на острове Рюгене, Демин, Волгаст в Померании и другие. Первую описывает Гельмольд следующим образом: «Там, где река Одер впадает в море Балтийское, славилась некогда Виннета, лучшая пристань для народов соседственных. О сем городе рассказывают много удивительного; уверяют, что он превосходил величием все иные города Европейские... Саксонцы могли обитать в нем, но долженствовали таить Христианскую Веру свою: ибо граждане Виннеты усердно следовали обрядам язычества; впрочем не уступали никакому народу в честности, добронравии и ласковом гостеприимстве. Обогащенная товарами разных земель, Виннета изобиловала всем приятным и редким. Повествуют, что Король Датский, пришедший с флотом сильным, разрушил ее до основания; но и ныне, т.е. в XII веке, существуют остатки сего древнего города». Впрочем, торговля Славян до введения Христианства в их землях состояла только в обмене вещей: они не употребляли денег и брали золото от чужестранцев единственно как товар.

Быв в Империи и видев собственными глазами изящные творения Греческих художеств, наконец строя города и занимаясь торговлею, Славяне имели некоторое понятие об искусствах, соединенных с первыми успехами разума гражданского. Они вырезывали на дереве образы человека, птиц, зверей и красили их разными цветами, которые не изменялись от солнечного жара и не смывались дождем. В древних могилах Вендских нашлись многие глиняные урны, весьма хорошо сделанные, с изображением львов, медведей, орлов и покрытые лаком; также копыя, ножи, мечи, кинжалы, искусно выработанные, с серебряною оправою и насечкою. Чехи задолго до времен Карла Великого занимались уже рудокопанием и в Герцогстве Мекленбургском, на южной стороне Толлензского озера, в Прильвице, найдены в XVII веке медные истуканы богов Славянских, работы их собственных художников, которые, впрочем, не имели понятия о красоте металлических изображений, отливая голову, стан и ноги в разные формы и весьма грубо. Так было и в Греции, где во времена Гомеровы художники уже славились ваянием, но еще долго не умели отливать статуй в одну форму. Памятником каменосечного искусства древних Славян остались большие, гладко обделанные плиты, на которых выдолблены изображения рук, пят, копыт и проч.

Любя воинскую деятельность и подвергая жизнь свою беспрестанным опасностям, предки наши мало успевали в зодчестве, требующем времени, досуга, терпения, и не хотели строить себе домов прочных: не только в шестом веке, но и гораздо после обитали в шалашах, которые едва укрывали их от непогод и дождя. Самые города Славянские были не что иное, как собрание хижин, окруженных забором или земляным валом. Там возвышались храмы идолов, не такие великолепные здания, какими гордились Египет, Греция и Рим, но большие деревянные кровы. Венеды называли их *Гонтинами*, от слова *гонт*, донныне означющего на Русском языке особенный род тесниц, употребляемых для кровли домов.

Не зная выгод роскоши, которая сооружает палаты и выдумывает блестящие наружные украшения, древние Славяне в низких хижинах своих умели наслаждаться действием так называемых искусств изящных. Первая нужда людей есть пища и кров, вторая – удовольствие, и самые дикие народы ищут его в согласии звуков, веселящих душу посредством слуха. Северные Венеды в шестом веке сказывали Греческому Императору, что главное услаждение жизни их есть музыка и что они берут обыкновенно в путь с собою не оружие, а кифары или гусли, ими выдуманные. Волынка, гудок и дудка были также известны предкам нашим: ибо все народы Славянские донныне любят их. Не только в мирное время и в отчизне, но и в набегах своих, в виду многочисленных врагов, Славяне веселились, пели и забывали опасность. Так, Прокопий, описывая в 592 году ночное нападение Греческого Вождя на их войско, говорит, что они усыпили себя песнями и не взяли никаких мер осторожности. Некоторые народные песни Славянские в Лаузице, в Люнебурге, в Далмации кажутся древними: также и старинные припевы Русских, в коих величаются имена богов языческих и реки Дуная, любезного нашим предкам, ибо на берегах его искусились они некогда в воинском счастье. Вероятно, что сии песни, мирные в первобытном отечестве Венедов, еще не знавших славы и победы, обратились в воинские, когда народ их приблизился к Империи и вступил в Дакию; вероятно, что они воспламеняли сердца огнем мужества, представляли уму живые картины битв и кровопролития, сохраняли память дел великодушия и были в некотором смысле древнейшею Историею Славянской. Так везде рождалось стихотворство, изображая главные склонности народные; так песни самых нынешних Кроатов более всего славят мужество и память великих предков; но другие, любимые Немецкими Вендами, возбуждают только к веселью и к счастливому забвению житейских горестей; иные же совсем не имеют смысла, подобно некоторым Русским; нравятся одним согласием звуков и мягких слов, действуя только на слух и не представляя ничего разуму.

Сердечное удовольствие, производимое музыкаю, заставляет людей изъяслять оное разными телодвижениями: рождается *пляска*, любимая забава самых диких народов. По нынешней Русской, Богемской, Далматской можем судить о древней пляске Славян, которою они торжествовали священные обряды язычества и всякие приятные случаи: она состоит в том, чтобы в сильном напряжении мышц взмахивать руками, вертеться на одном месте, приседать, топтать ногами, и соответствует характеру людей крепких, деятельных, неумолимых. – Народные игры и потехи, донныне единообразные в землях Славянских: борьба, кулачный бой, беганье взапуски – остались также памятником их древних забав, представляющих нам образ войны и силы.

В дополнение к сим известиям заметим, что Славяне, еще не зная грамоты, имели некоторые сведения в Арифметике, в Хронологии. Домоводство, война, торговля приучили их ко многосложному счислению; имя *тма*, знаменующее 10000, есть древнее Славянское. Наблюдая течение года, они, подобно Римлянам, делили его на 12 месяцев, и каждому из них дали название согласно с временными явлениями или действиями природы: Генварю *Просинец* (вероятно, от *синеты* неба), Февралю *Сечень*, Марту *Сухий*, Апрелью *Березозол* (думаю, от золы березовой), Маию *Травный*, Июню *Изок* (так называлась у Славян какая-то певчая птица), Июлю *Червен* (не от красных ли плодов или ягод?), Августу *Зарев* (от зари или зарницы), Сентябрю *Рюен* (или *Ревун*, как толкуют: от *рева* зверей), Октябрю *Листопад*, Ноябрью *Груден* (от *груд* снега или мерзлой грязи?), Декабрю *Студеный*. Столетие называлось *веком*, то есть жизнью человеческою, во свидетельство, сколь предки наши обыкновенно долгоденствовали, одаренные крепким сложением и здравые физическою деятельностью.

Сей народ, подобно всем иным, в начале гражданского бытия своего не знал выгод правления благоустроенного, не терпел ни властелинов, ни рабов в земле своей и думал, что свобода дикая, неограниченная есть главное добро человека. Хозяин господствовал в доме: отец над детьми, муж над женою, брат над сестрами; всякий строил себе хижину особенную, в некотором отдалении от прочих, чтобы жить спокойнее и безопаснее. Лес, ручей, поле составляли его область, в которую страшились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было

маленькою, независимою Республикою; но общие древние обычаи служили между ними некоторою гражданскою связью. В случаях важных единоплеменные сходились вместе советоваться о благе народном, уважая приговор старцев, сих живых книг опытности и благоразумия для народов диких; вместе также, предпринимая воинские походы, избирали Вождей, хотя, любя своевольство и боясь всякого принуждения, весьма ограничивали власть их и часто не повиновались им в самых битвах. Совершив общее дело и возвратясь домой, всякий опять считал себя большим и главою в своей хижине.

В течение времен сия дикая простота нравов должна была измениться. Славяне, грабя Империю, где Царствовала роскошь, узнали новые удовольствия и потребности, которые, ограничив их независимость, укрепили между ими связь гражданскую. Они почувствовали более нужды друг в друге, сблизилась жилищами и завели селения; другие, видя в чужих землях грады великолепные и веси цветущие, разлюбили мрачные леса свои, некогда украшаемые для них одною свободою; перешли в Греческие владения и согласились зависеть от Императоров. Жребий войны и могущество Карла Великого подчинили ему и наследникам его большую часть Славян Немецких; но своевольство неукротимое было всегда их характером: как скоро обстоятельства им благоприятствовали, они свергали с себя иго и жестоко мстили чужеземному Властелину за свое временное порабощение, так, что одна Вера Христианская могла наконец смирить их.

Многочисленные области Славянские всегда имели сообщение одна с другою, и кто говорил их языком, тот во всякой находил друзей и сограждан. Баян, Хан Аваров, зная сей тесный союз племен Славянских и покорив многие из них в Дакии, в Паннонии, в Богемии, думал, что и самые отдаленные должны служить ему, и для того в 590 году требовал войска от Славян Бальтийских. Некоторые знаменитые храмы еще более утверждали связь между ими в средних веках: там сходились они из разных земель вопрошать богов, и жрец, отвечая устами идола, нередко убеждал их действовать согласно с общею или особенною пользою своего народа; там оскорбленные чужеземцами Славяне приносили свои жалобы единоплеменным, заклиная их быть мстителями отечества и Веры; там, в определенное время, собирались чиновники и старейшины для Сейма, на коем благоразумие и справедливость часто уступали дерзости и насилию. Храм города Ретры в Мекленбурге, на реке Толлензе, славился более всех других такими собраниями.

Народное правление Славян чрез несколько веков обратилось в Аристократическое. Вожди, избираемые общею доверенностию, отличные искусством и мужеством, были первыми властелинами в своем отечестве. Дела славы требовали благодарности от народа; к тому же, будучи ослеплен счастьем Героев, он искал в них и разума отменного. Богемцы, еще не имея ни законов общественных, ни судей избранных, в личных распрях своих отдавались на суд знаменитым гражданам; а сия знаменитость основывалась на изведанной храбрости в битвах и на богатстве, ее награде, ибо оно приобреталось тогда войною. Наконец обыкновение сделалось для одних правом начальствовать, а для иных обязанностию повиноваться. Если сын Героя, славного и богатого, имел великие свойства отца, то он еще более утверждал власть своего рода.

Сия власть означалась у Славян именами *Боярина, Воеводы, Князя, Пана, Жупана, Короля* или *Краля* и другими. Первое без сомнения происходит от *боя* и в начале своем могло знаменовать воина отличной храбрости, а после обратилось в народное достоинство. Византийские летописи в 764 году упоминают о Боярах, Вельможах, или главных чиновниках Славян Болгарских. – Воеводами назывались прежде одни воинские начальники; но как они и в мирное время умели присвоить себе господство над согражданами, то сие имя знаменовало уже вообще повелителя и властелина у Богемских и Саксонских Вендов, в Крайне Государя, в Польше не только воинского предводителя, но и судию. – Слово Князь родилось едва ли не от *коня*, хотя многие ученые производят его от Восточного имени *Каган* и Немецкого *Konig*.⁹ В Славянских землях кони были драгоценнейшею собственностью: у Поморян в средних веках 30 лошадей составляли великое богатство, и всякий хозяин коня назывался Князем, *nobilis*

⁹ В.Э.: Современная этимология однозначно производит слово «князь» от древнегерманского «*kuning*» (от которого также английское «*king*», скандинавское «*konung*», латышское «*kungs*», польское «*ксендз*» и др.). Слово это первоначально означало главу рода. В слове «*викинг*» два корня: первый – это «*война*» (который уже встречался нам в слове «*варяг*»), а второй – этот самый «*king*». Обычно говорят об «общеславянском заимствовании» этого слова у германцев. Но славяне вообще возникли (на территории современной Польши) как метисный германо–балтский народ. Я думаю, что слово «*kuning*» они не заимствовали у германцев, а просто получили в наследство от своего германского компонента.

capitaneus et Princeps. В Кроации и Сервии именовались так братья Королей; в Далмации главный судья имел титул *Великого Князя*. – Пан Славянский, по известию Константина Багрянородного, управлял в Кроации тремя большими округами и председательствовал на Сеймах, когда народ собирался в поле для совета. Имя Панов, долго могущественных в Венгрии, до самого XIII века означало в Богемии владельцев богатых, а на Польском языке и ныне значит *Господина*. – Округи в Славянских землях назывались *Жупанствами*, а Правители их *Жупанами*, или *Старейшинами*, по толкованию Константина Багрянородного; древнее слово *Жупа* означало *селение*. Главную должность сих чиновников было правосудие: в Верхней Саксонии и в Австрии Славянские поселяне доныне называют так судей своих; но в средних веках достоинство Жупанов уважалось более Княжеского. В разборе тяжёбных дел помогали им *Суддавы*, или частные судьи. Странное обыкновение сохранилось в некоторых Славянских деревнях Лаузица и Бранденбурга: земледельцы тайно избирают между собою Короля и платят ему дань, какую они во время своей вольности платили Жупанам. – Наконец, в Сервии, в Далмации, в Богемии Владетели стали именоваться *Кралями* или *Королями*, то есть, по мнению некоторых, *наказателями* преступников, от слова *кара* или *наказание*.¹⁰

Итак, первая власть, которая родилась в отечестве наших диких, независимых предков, была воинская. Сражения требуют одного намерения и согласного действия частных сил: для того избрали Полководцев. В теснейших связях общежития Славяне узнали необходимость другой власти, которая примиряла бы распри гражданского корыстолюбия: для того назначили судей, но первые из них были знаменитейшие Герои. Одни люди пользовались общею доверенностью в делах войны и мира. – История Славян подобна Истории всех народов, выходящих из дикого состояния. Только мудрая, долговременная опытность научает людей благодетельному разделению властей воинских и гражданских.

Но древнейшие Бояре, Воеводы, Князья, Паны, Жупаны и самые Короли Славянские во многих отношениях зависели от произвола граждан, которые нередко, единодушно избрав начальника, вдруг лишали его своей доверенности, иногда без всякой вины, единственно по легкомыслию, клевете или в несчастиях: ибо народ всегда склонен обвинять Правителей, если они не умеют отвратить бедствий от Государства. Сих примеров довольно в Истории языческих, даже и Христианских Славян. Они вообще не любили наследственной власти и более принужденно, нежели добровольно повиновались иногда сыну умершего Воеводы или Князя. – Избрание Герцога, то есть Воеводы, в Славянской Каринтии соединено было с обрядом весьма любопытным. Избираемый в самой бедной одежде являлся среди народного собрания, где земледелец сидел на престоле или на большом диком камне. Новый Властитель клялся быть защитником Веры, сирот, вдов, справедливости: тогда земледелец уступал ему камень, и все граждане присягали в верности. Между тем *два рода* знаменитейшие имели право везде косить хлеб и жечь селения, в знак и в память того, что древние Славяне выбрали первого Властелина для защиты их от насилия и злодейства.

Однако ж многие Князья, владея счастливо и долгое время, умели сообщать право наследственности детям. В западной Сервии был пример, что жена Князя Доброслава по смерти его правила землею. – Государи Славянские, достигнув самовластия, подобно другим ослабляли свое могущество Уделами: то есть, всякому сыну давали особенную область; но сии примеры бывали редки во времена язычества: Князья, по большей части избираемые, думали, что не имеют права располагать судьбою людей, которые *только им* поддались.

Главный начальник или Правитель судил народные дела торжественно, в собрании старейшин, и часто во мраке леса: ибо Славяне воображали, что бог суда, *Прове*, живет в тени древних, густых дубов. Сии места и дома Княжеские были священны: никто не дерзал войти в них с оружием, и самые преступники могли там безопасно укрываться. Князь, Воевода, Король был главою ратных сил, но жрецы, устами идолов, и воля народная предписывали ему войну или мир (при заключении коего Славяне бросали камень в море, клали оружие и золото к ногам идола или, простирая десницу к бывшим неприятелям, вручали им клочок волос своих вместе с горстию травы). Народ платил властителям дань, однако ж произвольную.

Так Славяне в разные века и в разных землях управлялись гражданскою властью. О Славянах Российских Нестор пишет, что они, как и другие, не знали единовластия, наблюдая закон отцов своих, древние обычаи и предания, о коих еще в VI веке упоминает Греческий

¹⁰ В.Э.: Слово «король» происходит от имени «Карл» (Карла Великого), также как слова «кесарь», «кайзер», «царь» происходят от имени «Цезарь».

Историк и которые имели для них силу законов писанных: ибо гражданские общества не могут образоваться без уставов и договоров, основанных на справедливости. Но как сии условия требуют блюстителей и власти наказывать преступника, то и самые дикие народы избирают посредников между людьми и законом. Хотя Летописец наш не говорит о том, но Российские Славяне, конечно, имели Властителей с правами, ограниченными народною пользою и древними обыкновениями вольности. В договоре Олега с Греками, в 911 году, упоминается уже *о Великих Боярах Русских*: сие достоинство, знак воинской славы, конечно, не Варягами было введено в России, ибо оно есть древнее Славянское. Самое имя Князя, данное нашими предками Рюрику, не могло быть новым, но без сомнения и прежде означало у них знаменитый сан гражданский или воинский.

Общежитие, пробуждая или ускоряя действие разума сонного, медленного в людях диких, рассеянных, по большей части уединенных, рождает не только законы и правление, но и самую Веру, столь естественную для человека, столь необходимую для гражданских обществ, что мы ни в мире, ни в Истории не находим народа, совершенно лишенного понятий о Божестве. Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрепляются, так сказать, мыслию о Силе Вышней, которая может спасти их от ударов рока, не отвратимых никакою мудростию человеческою, – хранить добрых и наказывать тайные злодеяния. Сверх того Вера производит еще теснейшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердцами и духом. Сия выгода так явна и велика для гражданского общества, что она не могла укрыться от внимания самых первых его основателей, или отцев семейства.

Славяне в VI веке поклонялись *Творцу молнии*, Богу вселенныя. Величественное зрелище грозы, когда небо пылает и невидимая рука бросает, кажется, с его свода быстрые огни на землю, должноствовало сильно поразить ум человека естественного, живо представить ему образ Существа вышнего и вселить в его сердце благоговение или ужас священный, который был главным чувством Вер языческих. – Анты и Славяне, как замечает Прокопий, не верили Судьбе, но думали, что все случаи зависят от Мироправителя: на поле ратном, в опасностях, в болезни, старались Его умилостивить обетами, принесли Ему в жертву волов и других животных, надеясь спасти тем жизнь свою; обожали еще реки, Нимф, Демонов и гадали будущее. – В новейшие времена Славяне поклонялись разным идолам, думая, что многочисленность кумиров утверждает безопасность смертного и что мудрость человеческая состоит в знании имен и свойства сих мнимых покровителей. Истуканы считались не *образом*, но *телом* богов, ими одушевляемым, и народ падал ниц пред куском дерева или слитком руды, ожидая от них спасения и благоденствия.

Однако ж Славяне в самом безрассудном суеверии имели еще понятие о Боге единственном и вышнем, Коему, по их мнению, горние небеса, украшенные светилами лучезарными, служат достойным храмом и Который печется только о небесном, избрав других, нижних богов, чад Своих, управлять землею. Его-то, кажется, именовали они преимущественно *Белым Богом* и не строили Ему храмов, воображая, что смертные не могут иметь с Ним сообщения и должны относиться в нуждах своих к богам второстепенным, помогающим всякому, кто добр в мире и мужествен на войне, с удовольствием отворяет хижину для странников и с радушием питает гладных.

Не умея согласить несчастий, болезней и других житейских горестей с благостию сих Мироправителей, Славяне Бальтийские приписывали зло существу особенному, всегдашнему врагу людей; именовали его Чернобогом, старались умилостивить жертвами и в собраниях народных пили из чаши, посвященной ему и добрым богам. Он изображался в виде льва, и для того некоторые думают, что Славяне заимствовали мысль о Чернобоге от Христиан, уподоблявших Дявола также сему зверю; но вероятно, что ненависть к Саксонцам, которые были самыми опасными врагами северных Вендов и на знаменах своих представляли льва, подала им мысль к такому изображению существа злобного. Славяне думали, что оно ужасает людей грозными привидениями или *страшилами*, и что гнев его могут укротить волхвы или кудесники, хотя ненавистные народу, но уважаемые за их мнимую науку. Сии волхвы, о коих и Нестор говорит в своей летописи, подобно Сибирским Шаманам старались музыкою действовать на воображение легковверных, играли на гуслях, а для того именовались в некоторых землях Славянских *Гуслярами*.

Между богами добрыми славился более прочих Святovid, которого храм был в городе Арконе, на острове Рюгене, и которому не только все другие Венды, но и Короли Датские, исповедуя уже Христианскую Веру, присылали дары. Он предсказывал будущее и помогал на

войне. Кумир его величиною превосходил рост человека, украшался одеждою короткою, сделанною из разного дерева; имел четыре головы, две груди, искусно счесанные бороды и волосы остриженные; ногами стоял в земле, и в одной руке держал рог с вином, а в другой лук; подле идола висела узда, седло, меч его с серебряными ножнами и рукояткою. – Гельмольд рассказывает, что жители острова Рюгена обожали в сем идоле Христианского Святого, именем Вита, слышав о великих чудесах его от Корбейских Монахов, которые хотели некогда обратить их в истинную Веру. Достоинно замечания, что Иллирические Славяне донныне празднуют день Св. Вита с разными языческими обрядами. Впрочем, Гельмольдово предание, утверждаемое и Саксоном Грамматиком, не есть ли одна догадка, основанная на сходстве имен? Для того, по известию Мавро-Урбина, один из Христианских Князей в Богемии выписал мощи Св. Вита, желая обратить к ним усердие народа своего, который не преставал обожать Святовита. Привязанность не только Бальтийских, но и других Славян к сему идолослужению доказывает, кажется, древность оного.

Народ Рюгенский поклонялся еще трем идолам: *первому* – Рюгевиту, или Ругевичу, богу войны, изображаемому с семью лицами, с семью мечами, висевшими в ножнах на бедре, и с осьмым обнаженным в руке (дубовый кумир его был весь загажен ласточками, которые вили на нем свои гнезда); *второму* – Поревиту, коего значение неизвестно и который изображался с пятью головами, но без всякого оружия; *третьему* – Поренуту о четырех лицах и с пятым лицом на груди: он держал его правою рукою за бороду, а левою за лоб, и считался богом четырех времен года.

Главный идол в городе Ретре назывался *Радегаст*, бог странноприимства, как некоторые думают: ибо Славяне были всегда *рады гостям*. Но сие толкование кажется несправедливым: он изображался более страшным, нежели дружелюбным: с головою львиною, на которой сидел гусь, и еще с головою буйвола на груди; иногда одетый, иногда нагой, и держал в руке большую секиру. Надписи Ретрского истукана его доказывают, что сей бог хотя и принадлежал к числу добрых, однако ж в некоторых случаях мог и вредить человеку. Адам Бременский пишет о *золотом* кумире и *пурпуровом* ложе Радегаста; но мы должны сомневаться в истине его сказания: в другом месте сей Историк уверяет нас, что храм Упсальский *весь был сделан из золота*.

Сива – может быть, *Жива* – считалась богинею жизни и доброю советницею. Главный храм ее находился в Рацебурге. Она представлялась одетою; держала на голове нагого мальчика, а в руке виноградную кисть. Далматские Славяне поклонялись доброй *Фрихии*, богине Германских народов; но как в Исландских древностях Фрихия или *прекрасная Фрея* называется *Ванадис* или Венедскою, то вероятно, что Готфы заимствовали от Славян понятие о сей богине и что она же именовалась Сивою.

Между Ретрскими истуканами нашлись Германские, Прусские, т.е. Латышские, и даже Греческие идолы. Бальтийские Славяне поклонялись Водану, или Скандинавскому Одину, узнав об нем от Германских народов, с которыми они жили в Дакии и которые были еще издревле их соседями. Венды Мекленбургские донныне сохранили некоторые обряды веры Одиновой. – Прусские надписи на истуканах Перкуна, бога молнии, и Парстукков или Берстукков, доказывают, что они были Латышские идолы; но Славяне молились им в Ретрском храме, так же как и Греческим статуям Любви, брачного Гения и Осени, без сомнения отнятым или купленным ими в Греции. – Кроме сих богов чужеземных, там стояли еще кумиры *Числобога*, *Инабога*, *Зибога* или *Зембога*, и *Немизы*. Первый изображался в виде женщины с луною и знаменовал, кажется, месяц, на котором основывалось *исчисление* времени. Имя второго непонятно; но ему надлежало быть покровителем звериной ловли, которая представлялась на его одежде. Третьего обожали в Богемии как сильного *Духа земли*. Немиза повелевал ветром и воздухом: голова его увенчана лучами и крылом, а на теле изображена летящая птица.

Писатели, собственными глазами видевшие языческих Вендов, сохранили нам известие еще о некоторых других идолах. В Юлине, или в Виннете, главный именовался *Триглав*. Кумир его был деревянный, непомерной величины, а другой маленький, вылитый из золота, о трех головах, покрытых одною шапкою. Более ничего не знаем о сем идоле. Второй, *Припекала*, означал, кажется, любострастие: ибо Христианские Писатели сравнивали его с Приапом; а третий *Геровит* или Яровид, бог войны, коего храм был в Гавельберге и Волгасте и подле которого висел на стене золотой щит. – Жители Вагрии особенно чтити *Прова*, бога правосудия, и *Падагу*, бога звероловства. *Первому* служили храмом самые древнейшие дубы, окруженные деревянною оградою с двумя воротами. В сей заповедной дубраве и в ее святилище жил Великий жрец, совершались торжественные жертвоприношения, судился народ, и люди, угрожаемые

смертию, находили безопасное убежище. Он изображался старцем, в одежде со многими складками, с цепями на груди, и держал в руке нож. *Второй* считается покровителем звероловства, для того, что на одежде и жертвенной чаше его кумира о *двух лицах*, найденного в числе Ретрских древностей, представлены стрелок, олень и кабан; в руках своих он держит также какого-то зверя. Другие признают в нем бога ясных дней, который у Сербов назывался Погодом: ибо заднее лицо его окружено лучами, и слова, вырезанные на сем истукане, значат ясность и ведро. – Мерзбургские Венды обожали идола Гениля, покровителя их собственности, и в некоторое время года пастухи разносили по домам символ его: кулак с перстнем, укрепленный на шесте.

О вере Славян Иллирических не имеем никаких известий; но как Морлахи на свадебных пиршествах своих доньше славят *Давора, Дамора, Добрую Фрихию, Яра и Пика*, то с вероятностью заключить можно, что языческие боги их назывались теми именами. – Сказание Польских Историков о древнем богослужении в их отечестве основывается единственно на предании и догадках. В Гнезне, пишут они, был знаменитый храм *Ниш*, Славянского Плутона, которого молили о счастливом успокоении мертвых; обожали еще *Марзану* или Цереру, обрекая в жертву ей десятую часть плодов земных; *Ясса* или *Ясна*, Римского Юпитера; *Ладона* или *Ляда*, Марса; *Дзидзилю*, богиню любви и деторождения, *Зивонию* или *Зиванну*, Диану; *Зиваго* или бога жизни; *Леля* и *Полея*, или Греческих близнецов Кастора и Поллукса; *Погоду* и *Похвиста*, бога ясных дней и сильного ветра. «Слыша вой бури (пишет Стриковский), сии язычники с благоговением преклоняли колена».

В России, до введения Христианской Веры, первую степень между идолами занимали *Перун*, бог молнии, которому Славяне еще в VI веке поклонялись, обожая в нем верховного *Мироправителя*. Кумир его стоял в Киеве на холме, вне двора Владимирова, и в Новгороде над рекою Волховом: был деревянный, с серебряною головою и с золотыми устами. Летописец именуется еще идолов *Хорса, Дажебога, Стрибога, Самаргла* и *Мокоша*, не объявляя, какие свойства и действия приписывались им в язычестве. В договоре Олега с Греками упоминается еще о *Волосе*, которого именем и Перуновым клялись Россияне в верности, имел к нему особенное уважение: ибо он считался покровителем скота, главного их богатства. – Сии известия Несторовы можем дополнить новейшими, напечатанными в Киевском Синодике. Хотя они выбраны отчасти из Польских ненадежных Историков, но, будучи согласны с древними обыкновениями народа Русского, кажутся вероятными, по крайней мере достойными замечания.

Бог веселия, любви, согласия и всякого благополучия именовался в России *Ладо*: ему жертвовали вступающие в союз брачный, с усердием воспевая имя его, которое слышим и ныне в старинных припевах. Стриковский называет сего бога Латышским: в Литве и Самогитии народ праздновал ему от 25 Мая до 25 Июня, отцы и мужья в гостиницах, а жены и дочери на улицах и на лугах; взявшись за руки, они плясали и пели: *Ладо, Ладо, дидис Ладо*, то есть *великий Ладо*. Такое же обыкновение доньше существует в деревнях наших: молодые женщины весной собираются играть и петь в хороводах: «*Лада, диди Лада*». Мы уже заметили, что Славяне охотно умножали число идолов своих и принимали чужеземных. Русские язычники, как пишет Адам Бременский, ездили в Курляндию и в Самогитию для поклонения кумирам; следственно, имели одних богов с Латышами, ежели не все, то хотя некоторые Славянские племена в России – вероятно, Кривичи: ибо название их свидетельствует, кажется, что они признавали Латышского Первосвященника *Криве* Главою Веры своей. Впрочем, *Ладо* мог быть и древним Славянским божеством: жители Молдавии и Валахии в некоторых суеверных обрядах доньше твердят имя Лада.

Купалу, богу земных плодов, жертвовали пред собиранием хлеба, 23 Июня, в день Св. Агриппины, которая для того прозвана в народе Купальницею. Молодые люди украшались венками, раскладывали ввечеру огонь, плясали около его и воспевали *Купала*. Память сего идолослужения сохранилась в некоторых странах России, где ночные игры деревенских жителей и пляски вокруг огня с невинным намерением совершаются в честь идолу языческому. В Архангельской Губернии многие поселяне 23 Июня топят бани, настилают в них траву *купальницу* (лютик, *galunculus acris*) и после купаются в реке. Сербы накануне или в самое Рождество Иоанна Предтечи, сплетая *Ивановские венки*, вешают их на кровли домов и на хлебах, чтобы удалить злых духов от своего жилища.

24 Декабря язычники Русские славили *Коляду*, бога торжеств и мира. Еще и в наше время, накануне Рождества Христова, дети земледельцев собираются *колядовать* под окнами богатых

крестьян, величают хозяина в песнях, твердят имя *Коляды* и просят денег. Святошные игрища и гадание кажутся остатком сего языческого праздника.

В суеверных преданиях народа Русского открываем также некоторые следы древнего Славянского богопочитания: донныне простые люди говорят у нас о *Леших*, которые видом подобны Сатирам, живут будто бы в темноте лесов, равняются с деревьями и с травой, ужасают странников, обходят их кругом и сбивают с пути; о *Русалках*, или Нимфах дубрав (где они бегают с распущенными волосами, особенно перед Троицыным днем), о благодетельных и злых *Домовых*, о ночных *Кикимрах* и проч.

Таким образом грубый ум людей непросвященных заблуждается во мраке идолопоклонства и творит богов на всяком шагу, чтобы изъяснить действия Природы и в неизвестностях рока успокаивать сердце надеждою на вышнюю помощь! – Желая выразить могущество и грозность богов, Славяне представляли их великанами, с ужасными лицами, со многими головами. Греки хотели, кажется, любить своих идолов (изображая в них примеры человеческой стройности), а Славяне только бояться; первые обожали красоту и приятность, а вторые одну силу; и еще не довольствуясь собственным противным видом истуканов, окружали их гнусными изображениями ядовитых животных: змей, жаб, ящериц и проч. Кроме идолов, Немецкие Славяне, подобно Дунайским, обожали еще реки, озера, источники, леса и приносили жертвы невидимым их Гениям, которые, по мнению суеверных, иногда говорили, и в важных случаях являлись людям. Так, Гений Ретрского озера, когда великие опасности угрожали народу Славянскому, принимал на себя образ кабана, выплывал на берег, ревел ужасным голосом и скрывался в волнах. Мы знаем, что и Российские Славяне приписывали озерам и рекам некоторую божественность и святость. В глазной болезни они умывались водою мнимо-целебных источников и бросали в них серебряные монеты. Народное обыкновение купать или обливать водою людей, проспавших Заутреню в день Пасхи, будто бы для омовения их от греха, происходит, может быть, от такого же языческого суеверия. – У многих народов Славянских были заповедные рощи, где никогда стук секиры не раздавался и где самые злейшие враги не дерзали вступить в бой между собою. Лес города Ретры считался священным. Жители Штетинские поклонялись ореховому дереву, при коем находился особенный жрец, и дубу, а Юлинские – богу, обитавшему в дереве обсеченном, и весною плясали вокруг него с некоторыми торжественными обрядами. Славяне в России также молились деревьям, особенно же *дупловатым*, обвязывая их ветви убрисами или платами. Константин Багрянородный пишет, что они, путешествуя в Царьград, на острове Св. Григория приносили жертву большому дубу, окружали его стрелами и гадали, заколоть ли обреченных ему живых птиц или пустить на волю. Празднование Семика и народный обычай завивать в сей день венки в рощах суть также остаток древнего суеверия, коего обряды наблюдались в Богемии и по введении Христианства, так что Герцог Брячислав в 1093 году решился предать огню все мнимо-святые дубравы своего народа.

Славяне обожали еще знамена и думали, что в военное время они святее всех идолов. Знамя Бальтийских Вендов было отменной величины и пестрое, стояло обыкновенно в Святовидовом храме и считалось сильною богинею, которая воинам, идущим с ней, давала право не только нарушать законы, но даже оскорблять и самых идолов. Датский Король Вальдемар сжег его в Арконе, взяв сей город. – В числе Ретрских любопытных памятников нашлось также священное знамя: медный дракон, украшенный изображением женских голов и вооруженных рук. В Дитмаровой летописи упоминается о двух Славянских знаменах, которые считались богинями. Хитрость Полководцев ввела, без сомнения, сию веру, чтобы воспламенить дух храбрости в воинах или обуздывать их неповиновение святостию знамен своих.

Древние Славяне в Германии еще не имели храмов, но приносили жертву Богу небесному на камнях, окружая их в некотором расстоянии другими, служившими вместо ограды священной. Чтобы изобразить величие Бога, жрецы начали употреблять для сооружения алтарей камни в несколько сажений мерою. Сии каменные здания равнялись с высокими скалами, невинно стояли целые века и могли казаться народу творением рук божественных. В самом деле трудно понять, каким образом Славяне, не зная изобретенных механикою способов, воздвигали такие громады. Жрецы в присутствии и в глазах народа совершали обряды Веры на сих величественных алтарях; но в течение времен, желая еще сильней действовать на воображение людей, вздумали, подобно Друидам, удалиться во тьму заповедных лесов и соорудили там жертвенники. По введении идолопоклонства надлежало укрыть обожаемые кумиры от дождя и снега: защитили их кровлею, и сие простое здание было первым храмом. Мысль сделать его достойным жилищем богов требовала величия, но Славяне не умели подражать Грекам и Римлянам в гордой высоте

зданий и старались заменить оную резьбою, пестротою, богатством украшений. Современные Историки описали некоторые из сих храмов с любопытною подробностью. Сочинитель *Жизни Св. Оттона* говорит о Штетинском следующее: «Там было четыре храма, и главный из них отличался своим художеством, украшенный внутри и снаружи выпуклым изображением людей, птиц, зверей, так сходных с Природою, что они казались живыми; краски же на внешности храма не смывались дождем, не бледнели и не тускли. – Следуя древнему обычаю предков, Штетинцы отдавали в храм десятую часть воинской своей добычи и всякое оружие побежденных неприятелей. В его святилище хранились серебряные и золотые чаши (из коих при торжественных случаях люди знатнейшие пили и ели), также рога буйволы, оправленные золотом: они служили и стаканами и трубами. Ножи и прочие драгоценности, там собранные, удивляли своим художеством и богатством. В трех иных *гонтинах*, или храмах, не столь украшенных и менее священных, представлялись глазам одни лавки, сделанные амфитеатром, и столы для народных сходбищ: ибо Славяне в некоторые часы и дни веселились, пили и важными делами отечества занимались в сих *гонтинах*». – Деревянный храм Арконский был срублен весьма искусно, украшен резьбою и живописью; одни врата служили для входа в его ограду; внешний двор, обнесенный стеною, отделялся от внутреннего только пурпуровыми коврами, развешанными между четырьмя столбами, и находился под одною с ним кровлею. В святилище стоял идол, а конь его – в особенном здании, где хранилась казна и все драгоценности. – Храм в Ретре, также деревянный, славился изображениями богов и богинь, вырезанных на внешних его стенах; внутри стояли кумиры, в шлемах и латах; а в мирное время хранились там знамена. Дремучий лес окружал сие место: сквозь просеку, вдали, представлялось глазам море в виде грозном и величественном. Достоин примечания, что Славяне Бальтийские вообще имели великое уважение к святыне храмов и в самой неприятельской земле боялись осквернить их.

О капищах Славян Российских не имеем никакого сведения: Нестор говорит только об идолах и жертвенниках; но удобность приносить жертвы во всякое время и почтение к святыне кумиров требовали защиты и крова, особенно же в странах северных, где холод и ненастье столь обыкновенны и продолжительны. Нет сомнения, что на холме киевском и на берегу Волхова, где стоял Перун, были храмы, конечно не огромные и не великолепные, но сообразные с простотою тогдашних нравов и с малым сведением людей в искусстве зодческом.

Нестор также не упоминает о жрецах в России; но всякая народная Вера предполагает обряды, коих совершение поручается некоторым избранным людям, уважаемым за их добродетель и мудрость, действительную или мнимую. По крайней мере, все другие народы Славянские имели жрецов, блюстителей Веры, посредников между совестью людей и богами. Не только в капищах, но и при всяком священном дереве, при всяком обожаемом источнике находились особенные хранители, которые жили подле оных в маленьких хижинах и питались жертвою, приносимою их божествам. Они пользовались народным уважением, имели исключительное право отпускать себе длинную бороду, сидеть во время жертвоприношений и входить во внутренность святилища. Воин, совершив какое-нибудь счастливое предприятие и желая изъявить благодарность идолам, разделял свою добычу с их служителями. Правители народа без сомнения утверждали его в почтении к жрецам, которые именем богов могли обуздывать своеволие людей грубых, новых в гражданской связи и еще не смиренных действием власти постоянной. Некоторые жрецы, обязанные своим могуществом или собственной хитрости, или отменной славе их капищ, употребляли его во зло и присвоивали себе гражданскую власть. Так, Первосвященник Рюгенский, уважаемый более самого Короля, правил многими Славянскими племенами, которые без его согласия не дерзали ни воевать, ни мириться; налагал подати на граждан и купцев чужеземных, содержал 300 конных воинов и рассылал их всюду для грабежа, чтобы умножать сокровища храма, более ему, нежели идолу принадлежавшие. Сей главный жрец отличался от всех людей длинными волосами, бороною, одеждою.

Священники именем народа приносили жертвы и предсказывали будущее. В древнейшие времена Славяне закалали, в честь Богу невидимому, одних волов и других животных; но после, омраченные суеверием идолопоклонства, обагрляли свои требища кровию Христиан, выбранных по жребию из пленников или купленных у морских разбойников. Жрецы думали, что идол увеселяется Христианскою кровию, и к довершению ужаса пили ее, воображая, что она сообщает дух пророчества. – В России также приносили людей в жертву, по крайней мере во времена Владимировы. Бальтийские Славяне дарили идолам головы убиенных опаснейших неприятелей.

Жрецы гадали будущее посредством коней. В Арконском храме держали белого, и суеверные думали, что Святovid ездит на нем всякую ночь. В случае важного намерения водили

его чрез копыя: если он шагал сперва не левою, а правую ногою, то народ ожидал славы и богатства. В Штетине сей конь, порученный одному из четырех священников главного храма, был вороной и предвещал успех, когда совсем не касался ногами до копий. В Ретре гадатели садились на землю, шептали некоторые слова, рылись в ее недрах и по веществам, в ней находимым, судили о будущем. Сверх того, в Арконе и в Штетине жрецы бросали на землю три маленькие дощечки, у коих одна сторона была черная, а другая белая: если они ложились вверх белою, то обещали хорошее; черная означала бедствие. Самые женщины Рюгенские славились гаданием; они, сидя близ разложенного огня, проводили многие черты на пепле, которых равное число знаменовало успех дела.

Любя народные торжества, языческие Славяне устави́ли в году разные праздники. Главный из них был по собрании хлеба и совершался в Арконе таким образом: Первосвященник накануне должен был вымести святилище, неприступное для всех, кроме его; в день торжества, взяв из руки Святовида рог, смотрел, наполнен ли он вином, и по тому угадывал будущий урожай; выпив вино, снова наполнял им сосуд и вручал Святовиду; приносил богу своему медовый пирог длиною в рост человеческий; спрашивал у народа, видит ли его? и желал, чтобы в следующий год сей пирог был уже съеден идолом, в знак счастья для острова; наконец объявлял всем благословение Святовида, обещая воинам победу и добычу. Другие Славяне, торжествуя собрание хлеба, обрекали петуха в дар богам и пивом, освященным на жертвеннике, обливали скот, чтобы предохранить его от болезней. В Богемии славился Майский *праздник источников*. – Дни народного суда в Вагрии, когда старейшины, осененные священными дубами, в мнимом присутствии своего бога Прова решали судьбу граждан, были также днями общего веселия. Мы упоминали, единственно по догадке, о языческих торжествах Славян Российских, которых потомки донныне празднуют весну, любовь и бога *Лада* в сельских хороводах, веселыми и шумными толпами ходят завивать венки в рощах, ночью посвящают огни *Купалу* и зимою воспевают имя *Коляды*. – Во многих землях Славянских сохранились также следы *праздника в честь мертвых*: в Саксонии, в Лаузице, Богемии, Силезии и Польше народ 1 Марта ходил в час рассвета с факелами на кладбище и приносил жертвы усопшим. – В сей день немецкие Славяне выносят из деревни соломенную чучелу, образ смерти; сожигают ее или бросают в реку и славят лето песнями. – В Богемии строили еще какие-то феатры на распутиях *для успокоения душ* и представляли на них, в личинах, тени мертвых, сими играми торжествуя память их. Такие обыкновения не доказывают ли, что Славяне имели некоторое понятие о бессмертии души, хотя Дитмар, Историк XI века, утверждает противное, говоря, будто бы они временную смерть, или разрушение тела, считали совершенным концом бытия человеческого?

Погребение мертвых было также действием священным между языческими Славянами. Историки Немецкие – более догадкою, основанною на древних обычаях и преданиях, нежели по известиям современных Авторов – описывают оное следующим образом: старейшина деревни объявлял жителям смерть одного из них посредством черного жезла, носимого со двора на двор. Все они провожали труп с ужасным воем, и некоторые женщины в белой одежде лили слезы в маленькие сосуды, называемые *плачевными*. Разводили огонь на кладбище и сожигали мертвого с его женою, конем, оружием; собирали пепел в урны, глиняные, медные или стеклянные, и зарывали вместе с плачевными сосудами. Иногда сооружали памятники: обкладывали могилу дикими камнями или ограждали столпами. Печальные обряды заключались веселым торжеством, которое именовалось *Стравою* и было еще в VI веке причиною великого бедствия для Славян: ибо Греки воспользовались временем сего *пиршества в честь мертвых* и наголову побили их войско.

Славяне Российские – Кривичи, Северяне, Вятичи, Радимичи – *творили* над умершими *тризну*: показывали силу свою в разных играх воинских, сожигали труп на большом костре и, заключив пепел в урну, ставили ее на столпе в окрестности дорог. Сей обряд, сохраненный Вятичами и Кривичами до времен Нестора, изъявляет воинственный дух народа, который праздновал смерть, чтобы не страшиться ее в битвах, и печальными урнами окружал дороги, чтобы приучить глаза и мысли свои к сим знакам человеческой тленности. Но Славяне Киевские и Волынские издревле погребали мертвых; некоторые имели обыкновение вместе с трупом зарывать в землю *сплетенные из ремней лестницы*, ближние умершего язвили лица свои и закапали на могиле любимого коня его.

Все народы любят Веру отцев своих, и самые грубые, самые жестокие обыкновения, на ней основанные и веками утвержденные, кажутся им святынею. Так и Славяне языческие, закоренелые в идолопоклонстве, с великою упорностию в течение многих столетий отвергали

благодать Христову. Св. Колумбан, в 613 году обратив многих Немецких язычников в Веру истинную, хотел проповедовать ее святое учение и в землях Славян; но, утраченный их дикостью, возвратился без успеха, объявляя, что время спасения еще не наступило для сего народа. Видя, сколь Христианство противно заблуждениям язычества и как оно в средних веках более и более распространялось по Европе, Славяне отлично ненавидели его и, принимая всякого иноплеменного в сограждане, отворяя Бальтийские гавани свои для всех мореходцев, исключали одних Христиан, брали их корабли в добычу, а Священников приносили в жертву идолам. Немецкие завоеватели, покорив Вендов в Германии, долго терпели их суеверие; но озлобленные наконец упорством сих язычников в идолопоклонстве и в древних обычаях вольности, разрушили их храмы, сожгли заповедные рощи и самых жрецов истребили, что случилось уже гораздо после того времени, как Владимир просветил Россию учением Христианским.

Собрав исторические достопамятности Славян древних, скажем нечто о языке их. Греки в шестом веке находили его весьма грубым. Выражая первые мысли и потребности людей необразованных, рожденных в климате суровом, он должен был казаться диким в сравнении с языком Греческим, смягченным долговременною жизнью в порядке гражданском, удовольствиями роскоши и нежным слухом людей, искони любивших искусства приятные. Не имея никаких памятников сего первобытного языка Славянского, можем судить о нем только по новейшим, из коих самыми древними считаются наша Библия и другие церковные книги, переведенные в IX веке Св. Кириллом, Мефодием и помощниками их. Но Славяне, приняв Христианскую Веру, заимствовали с нею новые мысли, изобрели новые слова, выражения, и язык их в средних веках без сомнения так же отличался от древнего, как уже отличается от нашего. Рассеянные по Европе, окруженные другими народами и нередко ими покоряемые, Славянские племена утратили единство языка, и в течение времен произошли разные его наречия, из коих главные суть:

1) *Русское*, более всех других образованное и менее всех других смешанное с чужеземными словами. Победы, завоевания и величие государственное, возвысив дух народа Российского, имели счастливое действие и на самый язык его, который, будучи управляем дарованием и вкусом Писателя умного, может равняться ныне в силе, красоте и приятности с лучшими языками древности и наших времен. Будущая судьба его зависит от судьбы Государства...

2) *Польское*, смешанное со многими Латинскими и Немецкими словами: им говорят не только в бывшем Королевстве Польском, но и в некоторых местах Пруссии, Дворяне в Литве и народ в Силезии, по сию сторону Одера.

3) *Чешское*, в Богемии, в Моравии и Венгрии, по утверждению Иорданову ближайшее к нашему древнему переводу Библии, а по мнению других Богемских ученых среднее между Кроатским и Польским. Венгерское наречие именуется *Славакским*, но разнится от Чешского большею частию только в выговоре, хотя Авторы *Многоязычного Словаря* признают его *особенным*. Впрочем, и другие Славянские наречия употребляются в Венгрии.

4) *Иллирическое*, то есть Болгарское, самое грубое из всех Славянских – Боснийское, Сербское – самое приятнейшее для слуха, как многие находят, – Славонское и Далматское.

5) *Кроатское*, сходное с Виндским в Стирии, Каринтии, Крайне, также с Лаузицским, Котбузским, Кашубским и Люховским. В Мейсене, Бранденбурге, Померании, Мекленбурге и почти во всем Люнебурге, где некогда Славянский язык был народным, он уже заменен Немецким.

Однако ж сии перемены не могли совершенно истребить в языке нашем его, так сказать, первобытного образа, и любопытство Историков хотело открыть в нем следы малоизвестного происхождения Славян. Некоторые утверждали, что он весьма близок к древним языкам Азиатским; но вернейшее исследование доказало, что сие мнимое сходство ограничивается весьма немногими словами, Еврейскими или Халдейскими, Сирскими, Арабскими, которые находятся и в других языках Европейских, свидетельствуя единственно их общее Азиатское происхождение; и что Славянский имеет с Греческим, Латинским, Немецким гораздо более связи, нежели с Еврейским и с другими Восточными. Сие великое, явное сходство встречается не только в словах единозвучных с действиями, которые означаются ими – ибо названия *грома*, *журчания* вод, *крика* птиц, *рева* зверей могут на всех языках сходствовать между собою от подражания Естеству – но и в выражении самых первых мыслей человека, в означении главных нужд жизни домашней, в именах и глаголах совершенно произвольных. Мы знаем, что Венеды издревле жили в соседстве с Немцами и долгое время в Дакии (где язык Латинский со

времен Траяновых был в общем употреблении) воевали в Империи и служили Императорам Греческим; но сии обстоятельства могли бы ввести в язык Славянский только некоторые особенные Немецкие, Латинские или Греческие слова, и не принудили бы их забыть собственные, коренные, необходимые в самом древнейшем обществе людей, то есть в семейственном. Из чего вероятным образом заключают, что предки сих народов говорили некогда одним языком: каким? неизвестно, но без сомнения древнейшим в Европе, *где история находит их*, ибо Греция, а после и часть Италии, населена *Пеласгами, Фракийскими* жителями, которые прежде Эллинов утвердились в Морее и могли быть единоплеменны с Германцами и Славянами. В течение времен удаленные друг от друга, они приобретали новые гражданские понятия, выдумывали новые слова или присваивали чужие и долженствовали чрез несколько веков говорить уже языком различным. Самые общие, коренные слова легко могли измениться в произношении, когда люди еще не знали букв и письма, верно определяющего выговор.

Сие важное искусство – немногими чертами изображать для глаз бесчисленные звуки – свела Европа, как надобно думать, уже в позднейшие времена и без сомнения от Финикиян, или непосредственно, или через Пеласгов и Эллинов. Нельзя вообразить, что древние обитатели Пелопоннеса, Лациума, Испании, едва вышедши из дикого состояния, могли сами выдумать письма, требующие удивительного разума и столь непонятого для обыкновенных людей, что они везде приписывали богам изобретение оных: в Египте Фойту, в Греции Меркурию, в Италии богине Карменте; а некоторые из Христианских Философов считали десять Моисеевых заповедей, рукою Всевышнего начертанных на горе Синайской, первым письмом в мире. К тому же все буквы народов Европейских: Греческие, Мальтийские, так называемые Пеласгские в Италии, Этрурийские (доныне видимые на монументах сего народа), Гальские, изображенные на памятнике мученика Гордиана, Улфиловы или Готфские, Кельтиберские, Бетские, Турдетанские в Испании, Руны Скандинавов и Германцев более или менее сходствуют с Финикийскими и доказывают, что все они произошли от одного корня. Пеласги и Аркадцы принесли их с собою в Италию, а наконец и в Марселию к тамошним Галлам. Испанцы могли научиться письму от самих Финикиян, основавших Тартесс и Гадес за 1100 лет до Рождества Христова. Турдетане во время Страбоново имели письменные законы, историю и стихотворения. Каким образом Европейский Север получил буквы, мы не знаем: от Финикийских ли мореплавателей, торговавших оловом Британским и янтарем Прусским или от народов Южной Европы? Второе кажется вероятнее: ибо Руническое и Готфское письмо сходнее с Греческим и Латинским, нежели с Финикийским. Оно могло в течение веков чрез Германию или Паннонию дойти от Средиземного моря до Бальтийского с некоторыми переменами знаков.

Как бы то ни было, но Венеды или Славяне языческие, обитавшие в странах Бальтийских, знали употребление букв. Дитмар говорит о надписях идолов Славянских: Ретрские кумиры, найденные близ Толлензского озера, доказали справедливость его известия; надписи их состоят в Рунах, заимствованных Венедями от Готфских народов. Сии Руны, числом 16, подобно древним Финикийским, весьма недостаточны для языка Славянского, не выражают самых обыкновенных звуков его, и были известны едва ли не одним жрецам, которые посредством их означали имена обожаемых идолов. Славяне же Богемские, Иллирические и Российские не имели никакой азбуки до 863 года, когда Философ Константин, названный в монашестве Кириллом, и Мефодий, брат его, жители Фессалоники, будучи отправлены Греческим Императором Михаилом в Моравию к тамошним Христианским Князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу для перевода церковных книг с Греческого языка, изобрели Славянский особенный алфавит, образованный по греческому, с прибавлением новых букв: **Б. Ж. Ц. Ш. Щ. Ъ. Ы. Ъ. Ю. Я. Ж.** Сия азбука, называемая *Кирилловскою*, доныне употребляется с некоторыми переменами в России, Валахии, Молдавии, Болгарии, Сервии и проч. Славяне Далматские имеют другую, известную под именем *Глагольской*, или *Буквицы*, которая считается изобретением Св. Иеронима, но ложно, ибо в IV и в V веке, когда жил Иероним, еще не было Славян в Римских владениях. Самый древнейший ее памятник, нам известный, есть харатейная Псалтирь XIII века; но мы имеем церковные Кирилловские рукописи 1056 года; надпись Десятиной церкви в Киеве принадлежит еще ко временам Св. Владимира. Сия Глагольская азбука явно составлена по нашей, отличается кудрявостью знаков и весьма неудобна для употребления. Моравские Христиане, пристав к Римскому исповеданию, вместе с Поляками начали писать Латинскими буквами, отвергнув Кирилловы, торжественно запрещенные Папою Иоанном XIII. Епископы Салонские в XI веке объявили даже Мефодия еретиком, а письма Славянские – изобретением Арианских Готфов. Вероятно, что сие самое гонение побудило какого-нибудь Далматского Монаха выдумать новые,

то есть Глагольские буквы и защитить их от нападения Римских суевеков именем Св. Иеронима. – Ныне в Богемии, Моравии, Силезии, Лаузице, Кассубии употребляются Немецкие; в Иллирии, Крайне, Венгрии и Польше Латинские. Славяне, которые с VIII века утвердились в Пелопоннесе, приняли там Греческую азбуку.

Итак, предки наши были обязаны Христианству не только лучшим понятием о Творце мира, лучшими правилами жизни, лучшею без сомнения нравственностью, но и пользою самого благодетельного, самого чудесного изобретения людей: мудрой живописи мыслей – изобретения, которое, подобно утренней заре, в веках мрачных предвредило уже Науки и просвещение.

Глава IV. Рюрик, Синеус и Трувор. Г. 862–879

Призвание Князей Варяжских в Россию. Основание Монархии. Аскольд и Дир. Первое нападение Россиян на Империю. Начало Христианства в Киеве. Смерть Рюрика.

Начало Российской Истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай. Славяне добровольно уничтожают свое древнее правление и требуют Государей от Варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили Самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи): в России оно утвердилось с общего согласия граждан: так повествует наш Летописец – и рассеянные племена Славянские основали Государство, которое граничит ныне с древнею Дакиею и с землями Северной Америки, с Швециею и с Китаем, соединяя в пределах своих три части мира. Великие народы, подобно великим мужам, имеют свое младенчество и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, разделенное на малые области до 862 года, по летосчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению Монархической власти.

Желая некоторым образом изъяснить сие важное происшествие, мы думаем, что Варяги, овладевшие странами Чуди и Славян за несколько лет до того времени, правили ими без угнетения и насилия, брали дань легкую и наблюдали справедливость. Господствуя на морях, имея в IX веке сношение с Югом и Западом Европы, где на развалинах колосса Римского основались новые Государства и где кровавые следы варварства, обузданного человеколюбивым духом Христианства, уже отчасти изгладились счастливыми трудами жизни гражданской – варяги или Норманы должныствовали быть образованнее Славян и Финнов, заключенных в диких пределах Севера; могли сообщить им некоторые выгоды новой промышленности и торговли, благодетельные для народа. Бояре Славянские, недовольные властью завоевателей, которая уничтожала их собственную, возмутили, может быть, сей народ легкомысленный, обольстили его именем прежней независимости, вооружили против Норманов и выгнали их; но распрями личными обратили свободу в несчастье, не умели восстановить древних законов и ввергнули отечество в бездну зол междоусобия. Тогда граждане вспомнили, может быть, о выгодном и спокойном правлении Норманском: нужда в благоустройстве и тишине велела забыть народную гордость, и Славяне, *убежденные* – так говорит предание – *советом Новгородского старейшины Гостомысла*, потребовали Властителей от Варягов. Древняя летопись не упоминает о сем благоразумном *советнике*, но ежели предание истинно, то Гостомysl достоин бессмертия и славы в нашей Истории.

Новгородцы и Кривичи были тогда, кажется, союзниками Финских племен, вместе с ними плативших дань Варягам: имев несколько лет одну долю, и повинувшись законам одного народа, они тем скорее могли утвердить дружественную связь между собою. Нестор пишет, что Славяне Новгородские, Кривичи, *Весь* и *Чудь* отправили Посольство за море, к Варягам-Руси, сказать им: *Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами*. Слова простые, краткие и сильные! Братья, именем Рюрик, Синеус и Трувор, знаменитые или родом или делами, согласились принять власть над людьми, которые, умев сражаться за вольность, не умели ею пользоваться. Окруженные многочисленною Скандинавскою дружиною, готовою утвердить мечем права избранных Государей, сии честолюбивые братья навсегда оставили отечество. Рюрик прибыл в Новгород, Синеус на Белоозеро в область Финского народа Веси, а Трувор в Изборск, город Кривичей. Смоленск, населенный также Кривичами, и самый Полоцк оставались еще независимыми и не имели участия в призвании Варягов. Следственно, держава трех владетелей, соединенных узами родства и взаимной пользы, от Белоозера простиралась

только до Эстонии и Ключей Славянских, где видим остатки древнего Изборска. Сия часть нынешней С. Петербургской, Эстляндской, Новгородской и Псковской Губерний была названа тогда *Русью*, по имени Князей Варяго-Русских. Более не знаем никаких достоверных подробностей; не знаем, благословил ли народ перемену своих гражданских уставов? Насладился ли счастливо тишиною, редко известною в обществах народных? Или пожалел ли о древней вольности? Хотя новейшие Летописцы говорят, что Славяне скоро вознегодовали на рабство и какой-то Вадим, именуемый *Храбрым*, пал от руки сильного Рюрика вместе со многими из своих единомышленников в Новгороде – случай вероятный: люди, привыкшие к вольности, от ужасов безначалия могли пожелать Властителей, но могли и раскаяться, *ежели* Варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, утесняли их – однако ж сие известие, не будучи основано на древних сказаниях Нестора, кажется одною догадкою и вымыслом.

Чрез два года [в 864 г.], по кончине Синеуса и Трувора, старший брат, присоединив области их к своему Княжеству, основал Монархию Российскую. Уже пределы ее достигали на Восток до нынешней Ярославской и Нижегородской Губернии, а на Юг до Западной Двины; уже Меря, Муром и Полочане зависели от Рюрика: ибо он, приняв единовластие, отдал в управление знаменитым единоземцам своим, кроме Белаозера, Полоцк, Ростов и Муром, им или братьями его завоеванные, как надобно думать. Таким образом, вместе с верховною Княжескою властью утвердилась в России, кажется, и система *Феодальная, Поместная, или Удельная*, бывшая основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы Германские. Монархи обыкновенно целыми областями награждали Вельмож и любимцев, которые оставались их подданными, но властвовали как Государи в своих Уделах: система, сообразная с обстоятельствами и духом времени, когда еще не было ни удобного сношения между владениями одной державы, ни уставов общих и твердых, ни порядка в гражданских степенях, и люди, упорные в своей независимости, слушались единственно того, кто держал меч над их головою. Признательность Государей к верности Вельмож участвовала также в сем обыкновении, и завоеватель делился областями с товарищами храбрыми, которые помогали ему приобретать оные.

К сему времени Летописец относит следующее важное происшествие. Двое из единоземцев Рюриковых, именем Аскольд и Дир, может быть, недовольные сим Князем, отправились с товарищами из Новгорода в Константинополь искать счастья; увидели на высоком берегу Днепра маленький городок и спросили: «Чей он?» Им ответствовали, что строители его, три брата, давно скончались и что миролюбивые жители платят дань Козарам. Сей городок был Киев: Аскольд и Дир завладели им; присоединили к себе многих Варягов из Новгорода, начали под именем Россиян властвовать как Государи в Киеве и помышлять о важнейшем предприятии, достойном Норманской смелости. Прежде шли они в Константинополь, вероятно, для того, чтобы служить Императору: тогда ободренные своим успехом и многочисленностию войска, дерзнули объявить себя врагами Греции. Судоходный Днепр благоприятствовал их намерению: вооружив 200 судов, сии витязи Севера, издревле опытные в кораблеплавании, открыли себе путь в Черное море и в самый Воспор Фракийский, опустошили огнем и мечем берега его и скоро осадили Константинополь с моря. Столица Восточной Империи в первый раз увидела сих грозных неприятелей; в первый раз с ужасом произнесла имя Россиян, Ρως. Молва народная возвестила их Скифами, жителями баснословной горы Тавра, уже победителями многих народов окрестных. Михаил III, Нерон своего времени, царствовал тогда в Константинополе, но был в отсутствии, воюя на берегах Черной реки с Агарянами. Узнав от Эпарха, или Наместника Цареградского о новом неприятеле, он спешил в столицу, с великою опасностию пробрался сквозь суда Российские и, не смея отразить их силою, ожидал спасение от чуда. Оно совершилось, по сказанию Византийских Летописцев. В славной церкви Влахернской, построенной Императором Маркианом на берегу залива, между нынешнею Перою и Царемградом, хранилась так называемая риза Богоматери, к которой прибегал народ в случае бедствий. Патриарх Фотий с торжественными обрядами вынес ее на берег и погрузил в море, тихое и спокойное. Вдруг сделалась буря; рассеяла, истребила флот неприятельский, и только слабые остатки его возвратились в Киев.

Нестор согласно с Византийскими Историками описывает сей случай, но некоторые из них прибавляют, что язычники Российские, утраченные Небесным гневом, немедленно отправили Послов в Константинополь и требовали святого крещения. Окружная грамота Патриарха Фотия, писанная в исходе 866 года к Восточным Епископам, служит достоверным подтверждением сего любопытного для нас известия. «Россы, говорит он, славные жестокостию, победители народов

соседственных и в гордости своей дерзнувшие воевать с Империею Римскою, уже оставили суеверие, исповедуют Христа и суть друзья наши, быв еще *недавно* злейшими врагами. Они уже приняли от нас Епископа и Священника, имея живое усердие к богослужению Христианскому». Константин Багрянородный и другие Греческие Историки пишут, что Россы крестились во время царя Василия Македонского и Патриарха Игнатия, то есть не ранее 867 года. «Император (говорят они), не имея возможности победить Россов, склонил их к миру богатыми дарами, состоявшими в золоте, серебре и шелковых одеждах. Он прислал к ним Епископа, посвященного Игнатием, который обратил их в Христианство». – Сии два известия не противоречат одно другому. Фотий в 866 году мог отправить церковных учителей в Киев: Игнатий также; они насадили там первые семена Веры истинной: ибо Несторова летопись свидетельствует, что в Игоревое время было уже много Христиан в Киеве. Вероятно, что проповедники, для лучшего успеха в деле своем, тогда же ввели в употребление между Киевскими Христианами и новые письма Славянские, изобретенные Кириллом в Моравии за несколько лет до того времени. Обстоятельства благоприятствовали сему успеху: Славяне исповедовали одну Веру, а Варяги другую; впоследствии увидим, что древние Государи Киевские наблюдали священные обряды первой, следуя внушению весьма естественного благоразумия; но усердие их к чужеземным идолам, коих обожали они единственно в угождение главному своему народу, не могло быть искренним, и самая государственная польза заставляла Князей не препятствовать успехам новой Веры, соединявшей их подданных, Славян, и надежных товарищей, Варягов, узами духовного братства. Но еще не наступило время совершенного торжества ее.

Таким образом, Варяги основали две Самодержавные области в России: Рюрик на Севере, Аскольд и Дир на Юге. Невероятно, чтобы Козары, бравшие дань с Киева, добровольно уступили его Варягам, хотя Летописец молчит о воинских делах Аскольда и Дира в странах Днепровских: оружие без сомнения решило, кому начальствовать над миролюбивыми Полянами; и ежели Варяги действительно, претерпев урон на Черном море, возвратились от Константинополя с неудачею, то им надлежало быть счастливее на сухом пути, ибо они удержали за собою Киев.

Нестор молчит также о дальнейших предприятиях Рюрика в Новгороде, за недостатком современных известий, а не для того, чтобы сей Князь отважный, пожертвовав отечеством властолюбию, провел остаток жизни в бездействии: *действовать* же значило тогда *воевать*, и Государи Скандинавские, единосемцы Рюриковы, принимая власть от народа, обыкновенно клялись именем Одиновым быть завоевателями. Спокойствие Государства, мудрое законодательство и правосудие составляют ныне славу Царей; но Князья Русские в IX и X веке еще не довольствовались сею благотворною славою. Окруженный к Западу, Северу и Востоку народами Финскими, Рюрик мог ли оставить в покое своих ближних соседей, когда и самые отдаленные берега Оки долженствовали ему покориться? Вероятно, что окрестности Чудского и Ладожского озера были также свидетелями мужественных дел его, неописанных и забвенных. – Он княжил единовластно, по смерти Синеуса и Трувора, 15 лет в Новгороде и скончался в 879 году, вручив правление и малолетнего сына, Игоря, родственнику своему Олегу.

Память Рюрика, как первого Самодержца Российского, осталась бессмертною в нашей Истории и главным действием его княжения было твердое присоединение некоторых Финских племен к народу Славянскому в России, так что Весь, Меря, Мурома наконец обратились в Славян, приняв их обычаи, язык и Веру.

Глава V. Олег правитель. Г. 879–912

Завоевания Олеговы. Нашествие Угров. Супружество Игоря. Россияне служат в Греции. Олег идет на Царьград. Мир с Греками. Договор с Империею. Кончина Олега.

Рюрик, по словам летописи, вручил Олегу правление за малолетством сына. Сей опекун Игорев скоро прославился великою своею отважностью, победами, благоразумием, любовию подданных.

Весть о счастливом успехе Рюрика и братьев его, желание участвовать в их завоеваниях и надежда обогатиться, без сомнения, привлекли многих Варягов в Россию. Князья рады были соотечественникам, которые усиливали их верную, смелую дружину. Олег, пылая славолубием Героев, не удовольствовался сим войском, но присоединил к нему великое число Новгородцев,

Кривичей, Веси, Чуди, Мери и в 882 году пошел к странам Днепровским. Смоленск, город вольных Кривичей, сдался ему, кажется, без сопротивления, чему могли способствовать единоплеменники их, служившие Олегу. Первая удача была залогом новых: храбрый Князь, поручив Смоленск своему Боярину, вступил в область Северян и взял Любеч, древний город на Днепре. Но желания завоевателя стремились далее: слух о независимой Державе, основанной Аскольдом и Диром, благословенный климат и другие естественные выгоды Малороссии, еще украшенные, может быть, рассказами, влекли Олега к Киеву. Вероятность, что Аскольд и Дир, имея сильную дружину, не захотят ему добровольно поддаться, и неприятная мысль сражаться с единосемцами, равно искусными в деле воинском, принудили его употребить хитрость. Оставив назади войско, он с юным Игорем и с немногими людьми приплыл к высоким берегам Днепра, где стоял древний Киев; скрыл вооруженных ратников в ладиях и велел объявить Государям Киевским, что Варяжские купцы, отправленные Князем Новгородским в Грецию, хотят видеть их как друзей и соотечественников. Аскольд и Дир, не подозревая обмана, спешили на берег: воины Олеговы в одно мгновение окружили их. Правитель сказал: *Вы не Князья и не знаменитого роду, но я Князь*, – и показав Игоря, примолвил: – *Вот сын Рюриков!* Сим словом осужденные на казнь Аскольд и Дир под мечами убийц пали мертвые к ногам Олеговым... Простота, свойственная нравам IX века, позволяет верить, что мнимые купцы могли призвать к себе таким образом Владетелей Киевских; но самое общее варварство сих времен не извиняет убийства жестокого и коварного. – Тела несчастных Князей были погребены на горе, где в Несторово время находился Ольмин двор; кости Дировы покоились за храмом Св. Ирины; над могилою Аскольда стояла церковь Св. Николая, и жители Киевские донныне указывают сие место на крутом берегу Днепра, ниже монастыря Николаевского, где врастает в землю малая, ветхая церковь.

Олег, обогранный кровию невинных Князей, знаменитых храбростию, вошел как победитель в город их, и жители, устрешенные самым его злодеянием и сильным войском, признали в нем своего законного государя. Веселое местоположение, судоходный Днепр, удобность иметь сообщение, торговлю или войну с разными богатыми странами – с Греческим Херсоном, с Козарскою Тавридою, с Болгариею, с Константинополем – пленили Олега, и сей Князь сказал: *Да будет Киев матерью городов Российских!* Монархи народов образованных желают иметь столицу среди Государства, во-первых, для того, чтобы лучше надзирать над общим его правлением, а во-вторых, и для своей безопасности: Олег, всего более думая о завоеваниях, хотел жить на границе, чтобы тем скорее нападать на чуждые земли; мыслил ужасать соседей, а не бояться их. – Он поручил дальние области Вельможам; велел строить города или неподвижные станы для войска, коему надлежало быть грозой и внешних неприятелей и внутренних мятежников; оставил также налоги общие. Славяне, Кривичи и другие народы должны были платить дань Варягам, служившим в России: Новгород давал им ежегодно 300 гривен тогдашнюю ходячую монетою Российскойю: что представляло цену ста пятидесяти фунтов серебра. Сию дань получали Варяги, как говорит Нестор, до кончины Ярославовой: с того времени летописи наши действительно уже молчат о службе их в России.

Обширные владения Российские еще не имели твердой связи. Ильменские Славяне граничили с Весью, Веси с Мерею, Мери с Муромою и с Кривичами; но сильные, от Россиян независимые народы обитали между Новымгородом и Киевом. Храбрый Князь, дав отдохнуть войску, спешил к берегам реки Припяти: там, среди лесов мрачных Древляне свирепые наслаждались вольностию и встретили его с оружием, но победа увенчала Олега, и сей народ, богатый зверями, обязался ему платить дань черными куницами. В следующие два года Князь Российский овладел землею Днепровских Северян и соседственных с ними Радимичей. Он победил первых, освободил их от власти Козаров, и сказав: *я враг им, а не вам!* – удовольствовался самым легким налогом: верность и доброе расположение Северян были ему всего нужнее для безопасного сообщения южных областей Российских с северными. Радимичи, жители берегов Сожских, добровольно согласились давать Россиянам то же, что Козарам: по *щлягу* или мелкой монете с каждой сохи. Таким образом, соединив цепию завоеваний Киев с Новымгородом, Олег уничтожил господство Хана Козарского в Витебской и Черниговской Губернии. Сей Хан дремал, кажется, в приятностях Восточной роскоши и неги: изобилие Тавриды, долговременная связь с цветущим Херсоном и Константинополем, торговля и мирные искусства Греции усыпили воинский дух в Козарах, и могущество их уже клонилось к падению.

Покорив Север, Князь Российский обратил счастливое оружие свое к Югу. В левую сторону от Днепра, на берегах Сулы, жили еще независимые от Российской Державы Славяне,

единоплеменные с Черниговцами: он завоевал страну их, также Подольскую и Волынскую Губернию, часть Херсонской и, может быть, Галицию, ибо Летописец в числе его подданных именует Дулебов, Тивирцев и Хорватов, там обитавших.

Но между тем, как победоносные знамена сего Героя развевались на берегах Днестра и Буга, новая столица его увидела пред стенами своими многочисленные *вежи*, или шатры, Угров (Маджаров или нынешних Венгерцев), которые обитали некогда близ Урала, а в IX веке на Восток от Киева, в стране *Лебедиш*, может быть в Харьковской Губернии, где город Лебедин напоминает сие имя. Вытесненные Печенегами, они искали тогда жилищ новых; некоторые перешли за Дон, на границу Персии; другие же устремились на Запад: место, где они стояли под Киевом, называлось еще в Несторово время *Угорским*. Олег пропустил ли их дружелюбно или отразил силою, неизвестно. Сии беглецы переправились через Днепр и завладели Молдавиею, Бессарабиею, землею Волошскою.

Далее не находим никаких известий о предприятиях деятельного Олега до самого 906 года; знаем только, что он правил еще Государством и в то время, когда уже питомец его возмужал летами. Приученный из детства к повиновению, Игорь не дерзал требовать своего наследия от Правителя властолюбивого, окруженного блеском побед, славою завоеваний и храбрыми товарищами, которые считали его власть законною, ибо он умел ею возвеличить Государство. В 903 году Олег избрал для Игоря супругу, сию в наших летописях бессмертную Ольгу, славную тогда еще одними прелестями женскими и благоденствием. Ее привезли в Киев из Плескова, или нынешнего Пскова: так пишет Нестор. Но в особенном ее житии и в других новейших исторических книгах сказано, что Ольга была Варяжского простого рода и жила в веси, именуемой Выбутскою, близ Пскова; что юный Игорь, приехав из Киева, увеселялся там некогда звериною ловлею; увидел Ольгу, говорил с нею, узнал ее разум, скромность и предпочел сию любезную сельскую девицу всем другим невестам. Обыкновения и нравы тогдашних времен, конечно, дозволяли Князю искать для себя супругу в самом низком состоянии людей, ибо красота уважалась более знаменитого рода; но мы не можем ручаться за истину предания, неизвестного нашему древнему Летописцу, иначе он не пропустил бы столь любопытного обстоятельства в житии Св. Ольги. Имя свое приняла она, кажется, от имени Олега, в знак дружбы его к сей достойной Княгине или в знак Игоревою к нему любви.

Вероятно, что сношение между Константинополем и Киевом не прерывалось со времен Аскольда и Дира; вероятно, что Цари и Патриархи Греческие старались умножать число Христиан в Киеве и вывести самого Князя из тьмы идолопоклонства; но Олег, принимая, может быть, Священников и Патриарха и дары от Императора, верил более всего мечу своему, довольствовался мирным союзом с Греками и терпимостию Христианства. Мы знаем по Византийским известиям, что около сего времени Россия считалась *шестидесятым Архиепископством* в списке Епархий, зависевших от Главы Константинопольского Духовенства; знаем также, что в 902 году 700 Россов, или Киевских Варягов служили во флоте Греческом и что им платили из казны 100 литр золота. Спокойствие, которым Россия, покорив окрестные народы, могла несколько времени наслаждаться, давало свободу витязям Олеговым искать деятельности в службе Императоров: Греки уже издавна осыпали золотом так называемых варваров, чтобы они дикою храбростию своею ужасали не Константинополь, а врагов его. Но Олег, наскучив тишиною, опасною для воинственной Державы, или завидуя богатству Царяграда и желая доказать, что казна робких принадлежит смелому, решился воевать с Империею. Все народы, ему подвластные: Новгородцы, Финские жители Белоозера, Ростовская Меря, Кривичи, Северяне, Поляне Киевские, Радимичи, Дулебы, Хорваты и Тивирцы соединились с Варягами под его знаменами. Днепр покрылся *двумя тысячами* легких судов: на всяком было сорок воинов; *конница* шла берегом. Игорь остался в Киеве: Правитель не хотел разделить с ним ни опасностей, ни славы. Надлежало победить не только врагов, но и природу, такими чрезвычайными усилиями, которые могли бы устрашить самую дерзкую предприимчивость нашего времени и кажутся едва вероятными. Днепровские пороги и ныне мешают судоходству, хотя стремление воды в течение столетий, наконец, искусство людей разрушили некоторые из сих преград каменных: в IX и X веке они должны были быть несравненно опаснее. Первые Варяги Киевские осмелились пройти сквозь их острые скалы и кипящие волны с двумястами судов: Олег со флотом в десять раз сильнейшим. Константин Багрянородный описал нам, как Россияне в сем плавании обыкновенно преодолевали трудности: бросались в воду, искали гладкого дна и проводили суда между камнями; но в некоторых местах вытаскивали свои лодки из реки, влекли берегом или несли на плечах, будучи в то же самое время готовы отражать неприятеля. Доплыв

благополучно до лимана, они исправляли мачты, паруса, рули; входили в море и, держась западных берегов его, достигали Греции. Но Олег вел с собою еще сухопутное конное войско: жители Бессарабии и сильные Болгары дружелюбно ли пропустили его? Летописец не говорит о том. Но мужественный Олег приблизился наконец к Греческой столице, где суеверный Император Леон, прозванный Философом, думал о вычетах Астрологии более, нежели о безопасности Государства. Он велел только заградить цепию гавань и дал волю Олегу разорять Византийские окрестности, жечь селения, церкви, увеселительные дома, Вельмож Греческих. Нестор, в доказательство своего беспристрастия, изображает самыми черными красками жестокость и бесчеловечие Россиян. Они плавали в крови несчастных, терзали пленников, бросали живых и мертвых в море. Так некогда поступали Гунны и народы Германские в областях Империи; так, в сие же самое время, Норманы, единоплеменники Олеговы, свирепствовали в Западной Европе. Война дает ныне право убивать неприятелей вооруженных: тогда была она правом злодействовать в земле их и хвалиться злодеяниями... Сии Греки, которые все еще именовались согражданами Сципионов и Брутов, сидели в стенах Константинополя и смотрели на ужасы опустошения вокруг столицы; но Князь Российский привел в трепет и самый город. В летописи сказано, что Олег поставил суда свои на колеса и силою одного ветра, на распущенных парусах, сухим путем шел со флотом к Константинополю. Может быть, он хотел сделать то же, что сделал после Магомет II: велел воинам тащить суда берегом в гавань, чтобы приступить к стенам городским; а баснословие, вымыслив действие парусов на сухом пути, обратило трудное, но возможное дело в чудесное и невероятное. Греки, утрашенные сим намерением, спешили предложить Олегу мир и дань. Они выслали войску его съестные припасы и вино: Князь отвергнул то и другое, боясь отравы, ибо храбрый считает малодушного коварным. Если подозрение Олегово, как говорит Нестор, было справедливо: то не Россиян, а Греков должно назвать истинными варварами X века. Победитель требовал 12 гривен на каждого человека во флоте своем, и Греки согласились с тем условием, чтобы он, прекратив неприятельские действия, мирно возвратился в отечество. Войско Российское отступило далее от города, и Князь отправил Послов к Императору. Летопись сохранила Норманские имена сих вельмож: Карла, Фарлафа, Веремиды, Рулава, Стемида. Они заключили с Константинополем следующий договор [в 907 г.]:

1. «Греки дают по 12 гривен на человека, сверх того *уклады* на города Киев, Чернигов, Переяславль, Полтеск, Ростов, Любеч и другие, где властвуют Князья, Олеговы подданные». Война была в сии времена народным промыслом: Олег, соблюдая обычай Скандинавов и всех народов Германских, долженствовал разделить свою добычу с воинами и Полководцами, не забывая и тех, которые оставались в России.

II. «Послы, отправляемые Князем Русским в Царьград, будут там всем довольствованы из казны Императорской. Русским гостям или торговым людям, которые приедут в Грецию, Император обязан на шесть месяцев давать хлеба, вина, мяса, рыбы и плодов; они имеют также свободный вход в народные бани и получают на возвратный путь съестные припасы, якоря, снасти, паруса и все нужное».

Греки с своей стороны предложили такие условия: «I. Россияне, которые будут в Константинополе не для торговли, не имеют права требовать месячного содержания. – II. Да запретит Князь Послам своим делать жителям обиду в областях и в селах Греческих. – III. Россияне могут жить только у Св. Мамы, и должны уведомлять о своем прибытии городское начальство, которое запишет их имена и выдаст им месячное содержание: Киевским, Черниговским, Переяславским и другим гражданам. Они будут входить только в одни ворота городские с Императорским приставом, безоружные и не более пятидесяти человек вдруг; могут торговать свободно в Константинополе и не платя никакой пошлины».

Сей мир, выгодный для Россиян, был утвержден священными обрядами Веры: Император клялся Евангелием, Олег с воинами оружием и богами народа Славянского, Перуном и Волосом. В знак победы Герой повесил щит свой на вратах Константинополя и возвратился в Киев, где народ, удивленный его славою и богатствами, им привезенными: золотом, тканями, разными драгоценностями искусства и естественными произведениями благословенного климата Греции, единогласно назвал Олега *вещим*, то есть мудрым или волхвом.

Так Нестор описывает счастливый и славный поход, коим Олег увенчал свои дела воинские. Греческие Историки молчат о сем важном случае; но когда Летописец наш не позволял действовать своему воображению и в описании древних, отдаленных времен: то мог ли он, живучи в XI веке, выдумать происшествие десятого столетия, еще свежего в народной памяти? Мог ли с дерзостью уверять современников в истине оно, если бы общее предание не служило

ей порукою? Согласимся, что некоторые обстоятельства могут быть баснословны: товарищи Олеговы, хвалясь своими подвигами, украшали их в рассказах, которые с новыми прибавлениями, чрез несколько времени обратились в народную сказку, повторенную Нестором без критического исследования; но главное обстоятельство, что *Олег ходил к Царьграду и возвратился с успехом*, кажется достоверным.

Доселе одни словесные предания могли руководствовать Нестора; но желая утвердить мир с Греками, Олег вздумал отправить в Царьград Послов, которые заключили с Империею договор *письменный*, драгоценный и древнейший памятник Истории Российской, сохраненный в нашей летописи. Мы изъясним единственно смысл темных речений, оставляя в целости, где можно, любопытную древность слога.

ДОГОВОР РУССКИХ С ГРЕКАМИ

«Мы от роду Русского, Карл, Ингелот, Фарлов, Веремид, Рулав, Гуды, Руальд, Карн, Флелав, Рюар, Актутруян, Лидулфост, Стемид, посланные Олегом, Великим Князем Русским и всеми сущими под рукою его Светлыми Боярами к вам, Льву, Александру и Константину» (брату и сыну первого) «Великим Царям Греческим, на *удержание* и на *извещение* от многих лет бывшие любви между Христианами и Русью, по воле наших Князей и всех сущих под рукою Олега, следующими главами уже не словесно, как прежде, но письменно утвердили сию любовь и клялися в том по закону Русскому своим оружием.

I. Первым словом да *умиримся* с вами, Греки! Да любим друг друга от всей души и не дадим никому из сущих под рукою наших Светлых Князей обижать вас; но потщимся, сколь можем, всегда и непреложно соблюдать сию дружбу! Так же и вы, Греки, да храните всегда любовь *неподвижную* к нашим Светлым Князьям Русским и всем сущим под рукою Светлого Олега. В случае же преступления и вины да поступаем тако:

II. Вина доказывается свидетельствами; а когда нет свидетелей, то не истец, но ответчик присягает – и *каждый да клянется* по Вере своей». Взаимные обиды и ссоры Греков с Россиянами в Константинополе заставили, как надобно думать, Императоров и Князя Олега включить статьи уголовных законов в мирный государственный договор.

III. «Русин ли убьет Христианина или Христианин Русина, да умрет на месте злодеяния. Когда убийца *домовит* и скроется, то его имение отдать ближнему родственнику убитого; но жена убийцы не лишается своей законной части. Когда же преступник уйдет, не оставив имения, то считается под судом, доколе найдут его и казнят смертию.

IV. Кто ударит другого мечем или каким сосудом, да заплатит пять литр серебра по закону Русскому; неимовитый же да заплатит, что может; да снимет с себя и самую одежду, в которой ходит, и да клянется по Вере своей, что ни ближние, ни друзья не хотят его выкупить из вины: тогда увольняется от дальнейшего взыскания.

V. Когда Русин украдет что-либо у Христианина или Христианин у Русина, и пойманный на воровстве захочет сопротивляться, то хозяин украденной вещи может убить его, не подвергаясь взысканию, и возьмет свое обратно; но должен только связать вора, который без сопротивления отдается ему в руки. Если Русин или Христианин, под видом обыска, войдет в чей дом и силою возьмет там чужое вместо своего, да заплатит втрое.

VI. Когда ветром выкинет Греческую ладью на землю чуждую, где случимся мы, Русь, то будем охранять оную вместе с ее грузом, отправим в землю Греческую и проводим сквозь всякое *страшное* место до *бесстрашного*. Когда же ей нельзя возвратиться в отечество за бурю или другими препятствиями, то поможем гребцам и доведем ладью до ближней пристани Русской. Товары, и все, что будет в спасенной нами ладии, да продается свободно; и когда пойдут в Грецию наши Послы к Царю или гости для купли, они с честью приведут туда ладью и в целости отдадут, что выручено за ее товары. Если же кто из Русских убьет человека на сей ладии, или что-нибудь украдет, да примет виновный казнь вышеозначенную.

VII. Ежели найдутся в Греции между купленными невольниками Россияне или в Руси Греки, то их освободить и взять за них, чего они купцам стоили, или настоящую, известную цену невольников: пленные также да будут возвращены в отечество, и за каждого да внесется окупы 20 *златых*. Но Русские воины, которые из чести придут служить Царю, могут, буде захотят сами, остаться в земле Греческой.

VIII. Ежели невольник Русский уйдет, будет украден, или отнят под видом купли, то хозяин может везде искать и взять его; а кто противится обыску, считается виновным.

IX. Когда Русин, служащий Царю Христианскому, умрет в Греции, не распорядив своего наследства, и родных с ним не будет: то прислать его имение в Русь к *милым ближним*; а когда сделает распоряжение, то отдать имение наследнику, означенному в духовной.

X. Ежели между купцами и другими людьми Русскими в Греции будут виновные и ежели потребуют их в отечество для наказания, то Царь Христианский должен отправить сих преступников в Русь, хотя бы они и не хотели туда возвратиться.

Да поступают так и Русские в отношении к Грекам!

Для верного исполнения сих условий между нами, Русью и Греками, велели мы написать оные киноварью на двух хартиях. Царь Греческий скрепил их своею рукою, клялся святым крестом, Нераздельною Животворящею Троицею единого Бога, и дал хартию нашей Светлости; а мы, Послы Русские, дали ему другую и клялися по закону своему, за себя и за всех Русских, исполнять утвержденные главы мира и любви между нами, Русью и Греками. Сентября во 2 неделю, в 15 лето (то есть Индикта) от создания мира... [2 сентября 911 г.]»

Договор мог быть писан на Греческом и Славянском языке. Уже Варяги около пятидесяти лет господствовали в Киеве: сверстники Игоревы, подобно ему рожденные между Славянами, без сомнения, говорили языком их лучше, нежели Скандинавским.¹¹ Дети Варягов, принявших Христианство во время Аскольда и Дира, имели способ выучиться и Славянской грамоте, изобретенной Кириллом в Моравии. С другой стороны, при Дворе и в войске Греческом находились издавна многие Славяне, обитавшие во Фракии, в Пелопоннесе и в других владениях Императорских. В осьмом веке один из них управлял, в сане Патриарха, Церковию; и в самое то время, когда Император Александр подписывал мир с Олегом, первыми любимцами его были два Славянина, именем Гаврилопул и Василич: последнего хотел он сделать даже своим наследником. Условия мирные надлежало разуметь и Грекам и Варягам: первые не знали языка Норманов, но Славянский был известен и тем и другим.

Сей договор представляет нам Россиян уже не дикими варварами, но людьми, которые знают святость чести и народных торжественных условий; имеют свои законы, утверждающие безопасность личную, собственность, право наследия, силу завещаний; имеют торговлю внутреннюю и внешнюю. Седьмая и осьмая статья его доказывают – и Константин Багрянородный то же свидетельствует, – что купцы Российские торговали невольниками: или пленными, взятыми на войне, или рабами, купленными у народов соседственных, или собственными преступниками, законным образом лишенными свободы. – Надобно также приметить, что между именами четырнадцати Вельмож, употребленных Великим Князем для заключения мирных условий с Греками, нет ни одного Славянского. Только Варяги, кажется, окружали наших первых Государей и пользовались их доверенностию, участвуя в делах правления.

Император, одарив Послов золотом, драгоценными одеждами и тканями, велел показать им красоту и богатство храмов (которые сильнее умственных доказательств могли представить воображению грубых людей величие Бога Христианского) и с честью отпустил их в Киев, где они дали отчет Князю в успехе посольства.

Сей Герой, смиренный летами, хотел уже тишины и наслаждался всеобщим миром. Никто из соседей не дерзал прервать его спокойствия. Окруженный знаками побед и славы, Государь народов многочисленных, повелитель войска храброго мог казаться грозным и в самом усыплении старости. Он совершил на земле дело свое – и смерть его казалась потомству чудесною. «Волхвы, – так говорит Летописец, – предсказали Князю, что ему суждено умереть от любимого коня своего. С того времени он не хотел ездить на нем. Прошло четыре года: в осень пятого вспомнил Олег о предсказании, и слыша, что конь давно умер, посмеялся над волхвами; захотел видеть его кости; стал ногою на череп и сказал: его ли мне бояться? Но в черепе таилась змея: она ужалила Князя, и Герой скончался»... Уважение к памяти великих мужей и любопытство

¹¹ В.Э.: Рюрик (с дружиной) пришел в Новгород не как завоеватель, а как вождь, призванный славянами добровольно. Поэтому естественно, что варяги не навязывали местным свой язык (как, например, Вильгельм Завоеватель навязал англо-саксам французский язык, употребление которого исчезло только через столетия три–четыре). В России, похоже, с самого начала государственным языком был один только славянский, а на скандинавском говорило только лишь ближайшее окружение князя – и то не в официальных делах. Поэтому варяги очень быстро ославились: уже третье поколение их (поколение внуков Рюрика) были в общем-то уже славянами, а не скандинавами. (Норманы быстро ассимирировались также и в Западной Европе – Вильгельм Завоеватель, например, говорил на французском, а не на скандинавском, – но в России, в силу мирного, а не насильственного прихода норманов, этот процесс шел еще быстрее).

знать все, что до них касается, благоприятствуют таким вымыслам и сообщают их отдаленным потомкам. Можем верить и не верить, что Олег в самом деле был ужален змеею на могиле любимого коня его, но мнимое пророчество волхвов или кудесников есть явная народная басня, достойная замечания по своей древности.

Гораздо важнее и достовернее то, что Летописец повествует о следствиях кончины Олеговой: *народ стонал и проливал слезы*. Что можно сказать сильнее и разительнее в похвалу Государя умершего? Итак, Олег не только ужасал врагов, он был еще любим своими подданными. Воины могли оплакивать в нем смелого, искусного предводителя, а народ защитника. – Присоединив к Державе своей лучшие, богатейшие страны нынешней России, сей Князь был истинным основателем ее величия. Рюрик владел от Эстонии, Славянских Ключей и Волхова до Белаозера, устья Оки и города Ростова: Олег завоевал все от Смоленска до реки Сулы, Днестра и, кажется, самых гор Карпатских. Мудростию Правителя цветут Государства образованные; но только сильная рука Героя основывает великие Империи и служит им надежною опорою в их опасной новости. Древняя Россия славится не одним героем: никто из них не мог сравняться с Олегом в завоеваниях, которые утвердили ее бытие могущественное. История признает ли его незаконным Властелином с того времени, как возмужал наследник Рюриков? Великие дела и польза государственная не извиняют ли властолюбия Олегова? И права наследственные, еще не утвержденные в России обыкновением, могли ли ему казаться священными?.. Но кровь Аскольда и Дира осталась пятном его славы.

Олег, княжив 33 года, умер в глубокой старости, ежели он хотя юношею пришел в Новгород с Рюриком. Тело его погребено на горе Щековице, и жители Киевские, современники Нестора, звали сие место *Ольговою могилою*.

Глава VI. Князь Игорь. Г. 912–945

Бунт Древлян. Явление Печенегов. Нападение Игоря на Грецию. Договор с Греками. Убиение Игоря.

Игорь в зрелом возрасте мужа принял власть опасную: ибо современники и потомство требуют величия от наследников Государя великого или презирают недостойных.

[914 г.] Смерть победителя ободрила побежденных, и Древляне отложились от Киева. Игорь спешил доказать, что в его руке меч Олегов; смирил их и наказал прибавлением дани. – Но скоро новые враги, сильные числом, страшные дерзостью и грабительством, явились в пределах России. Они под именем *Печенегов* так славны в летописях наших, Византийских и Венгерских от X до XII века, что мы должны, при вступлении их на феатр Истории, сказать несколько слов о свойстве и древнем отечестве сего народа.

Восточная страна нынешней Российской Монархии, где текут реки Иртыш, Тобол, Урал, Волга, в продолжение многих столетий ужасала Европу грозным явлением народов, которые один за другим выходили из ее степей обширных, различные, может быть, языком, но сходные характером, образом жизни и свирепостию. Все были кочующие; все питались скотоводством и звериною ловлею: Гунны, Угры, Болгары, Авары, Турки – и все они исчезли в Европе, кроме Угров и Турков. К сим народам принадлежали Узы и Печенеги, единоплеменники Туркоманов: первые, обитая между Волгою и Доном в соседстве с Печенегами, вытеснили их из степей Саратовских: изгнанники устремились к западу; овладели Лебедиею; чрез несколько лет опустошили Бессарабию, Молдавию, Валахию; принудили Угров переселиться оттуда в Паннонию и начали господствовать от реки Дона до самой Алуты, составив 8 разных областей, из коих 4 были на Восток от Днепра, между Россиянами и Козарами; а другие – на западной стороне его, в Молдавии, Трансильвании, на Буге и близ Галиции, в соседстве с народами Славянскими, подвластными Киевским Государям. Не зная земледелия, обитая в шатрах, кибитках, или вежах, Печенеги искали единственно тучных лугов для стад; искали также богатых соседей для грабительства; славились быстротою коней своих; вооруженные копьями, луком, стрелами, мгновенно окружали неприятеля и мгновенно скрывались от глаз его; бросались на лошадях в самые глубокие реки или вместо лодок употребляли большие кожи. Они носили персидскую одежду, и лица их изображали свирепость.

Печенеги думали, может быть, ограбить Киев; но встреченные сильным войском, не захотели отвратить счастья в битве и мирно удалились в Бессарабию или Молдавию, где уже господствовали тогда их единоземцы. Там народ сей сделался ужасом и бичом соседей; служил орудием взаимной их ненависти и за деньги помогал им истреблять друг друга. Греки давали ему золото для обуздания Угров и Болгаров, особенно же Россиян, которые также искали дружбы его, чтобы иметь безопасную торговлю с Константинополем: ибо Днепровские пороги и Дунайское устье были заняты Печенегами. Сверх того они могли всегда, с правой и левой стороны Днепра, опустошать Россию, жечь селения, увозить жен и детей, или, в случае союза, подкреплять Государей Киевских наемным войском своим. Сия несчастная Политика позволяла разбойникам более двух веков свободно отправлять их гибельное ремесло.

Печенеги, заключив союз с Игорем, пять лет не тревожили России: по крайней мере Нестор говорит о первой действительной войне с ними уже в 920 году. Предание не сообщило ему известия об ее следствиях. Княжение Игоря вообще не ознаменовалось в памяти народной никаким великим происшествием до самого 941 года, когда Нестор, согласно с Византийскими Историками, описывает войну Игореву с Греками. Сей Князь, подобно Олегу, хотел прославить ею старость свою, жив до того времени дружелюбно с Империею: ибо в 935 году корабли и воины его ходили с Греческим флотом в Италию. Если верить Летописцам, то Игорь с 10'000 судов вошел в Черное море. Болгары, тогда союзники Императора, уведомили его о сем неприятеле; но Игорь успел, пристав к берегу, опустошить Воспорские окрестности. Здесь Нестор, следуя Византийским Историкам, с новым ужасом говорит о свирепости Россиян: о храмах, монастырях и селениях, обращенных ими в пепел; о пленниках, бесчеловечно убиенных, и проч. Роман Лакапин, воин знаменитый, но Государь слабый, выслал наконец флот под начальством Феофана Протовестиария. Корабли Игоревы стояли на якорях близ Фара или маяка, готовые к сражению. Игорь столь был уверен в победе, что велел воинам своим шадить неприятелей и брать их живых в плен; но успех не соответствовал его чаянию. Россияне, приведенные в ужас и беспорядок так называемым *огнем Греческим*, которым Феофан зажег многие суда их и который показался им небесною молниєю в руках озлобленного врага, удалились к берегам Малой Азии. Там Патрикий Варда с отборною пехотою, конницею, и Доместик Иоанн, славный победами, одержанными им в Сирии, с опытным Азиатским войском напали на толпы Россиян, грабивших цветущую Вифинию, и принудили их бежать на суда. Угрожаемые вместе и войском Греческим, и победоносным флотом, и голодом, они снялись с якорей, ночью отплыли к берегам Фракийским, сразились еще с Греками на море и с великим уроном возвратились в отечество. Но бедствия, претерпенные от них Империею в течение трех месяцев, остались надолго незабвенными в ее Азиатских и Европейских областях.

О сем несчастном Игоревом походе говорят не только Византийские, но и другие Историки: Арабский Эльмакин и Кремонский Епископ Лиутпранд; последний рассказывает слышанное им от своего отчима, который, будучи Послом в Цареграде, собственными глазами видел казнь многих Игоревых воинов, взятых тогда в плен Греками: варварство ужасное! Греки, изнеженные роскошию, боялись опасностей, а не злодейства.

Игорь не уныл, но хотел отомстить Грекам; собрал другое многочисленное войско, призвал Варягов из-за моря, нанял Печенегов – которые дали ему аманатов в доказательство верности своей – и чрез два года снова пошел в Грецию со флотом и с конницею. Херсонцы и Болгары вторично дали знать Императору, что море покрылось кораблями Российскими. Лакапин, не уверенный в победе и желая спасти Империю от новых бедствий войны со врагом отчаянным, немедленно отправил послов к Игорю. Встретив его близ Дунайского устья, они предложили ему дань, какую некогда взял храбрый Олег с Греции; обещали и более, ежели Князь благоразумно согласится на мир; старались также богатыми дарами обезоружить корыстолюбивых Печенегов. Игорь остановился и, созвав дружину свою, объявил ей желание Греков. «Когда Царь, – ответствовали верные товарищи Князя Российского, – без войны дает нам серебро и золото, то чего более можем требовать? Известно ли, кто одолеет? мы ли? они ли? и с морем кто *советен*? Под нами не земля, а глубина морская: в ней общая смерть людям». Игорь принял их совет, взял дары у Греков на всех воинов своих, велел наемным Печенегам разорять соседственную Болгарию и возвратился в Киев.

В следующий год [944 г.] Лакапин отправил Послов к Игорю, а Князь Российский в Царьград, где заключен был ими торжественный мир на таких условиях:

I. Начало, подобное Олегову договору: «Мы от рода Русского, Послы и гости Игоревы», и проч. Следует около пятидесяти Норманских имен, кроме двух или трех Славянских. Но

достойно замечания, что здесь в особенности говорится о Послах и чиновниках Игоря, жены его Ольги, сына Святослава, двух *нетиев* Игоревых, то есть племянников или детей сестриных, Улеба, Акуна, и супруги Улебовой, Передславы. Далее: «Мы, посланные от Игоря, Великого Князя Русского, от всякого княжения, от всех людей Русския земли, обновить *ветхий* мир с Великими Царями Греческими, Романом, Константином, Стефаном, со всем *Боярством* и со всеми людьми Греческими, вопреки Дьяволу, ненавистнику добра и *враждолюбцу*, на все лета, доколе сияет солнце и стоит мир. Да не дерзают Русские, *крещеные* и некрещеные, нарушать союза с Греками, или первых да осудит Бог Вседержитель на гибель вечную и временную, а вторые да не имут помощи от Бога Перуна; да не защитятся своими щитами; да падут от *собственных* мечей, стрел и другого оружия; да будут рабами в сей век и будущий!

II. Великий Князь Русский и Бояре его да отправляют свободно в Грецию корабли с гостями и Послами. Гости, как *было уставлено*, носили печати серебряные, а Послы золотые: отныне же да приходят с грамотою от Князя Русского, в которой будет засвидетельствовано их мирное намерение, также число людей и кораблей отправленных. Если же придут без грамоты, да содержатся под стражею, доколе известим о них Князя Русского. Если станут противиться, да лишатся жизни, и смерть их да не взыщется от Князя Русского. Если уйдут в Русь, то мы, Греки, уведомим Князя об их бегстве, да поступит он с ними, как ему угодно».

III. Начало статьи есть повторение условий, заключенных Олегом под стенами Константинополя, о том, как вести себя Послам и гостям Русским в Греции, где жить, чего требовать и проч. – Далее: «Гости Русские будут охраняемы Царским чиновником, который разбирает ссоры их с Греками. Всякая ткань, купленная Русскими, ценою выше 50 *золотников* (или червонцев), должна быть ему показана, чтобы он приложил к ней печать свою. Отправляясь из Царяграда, да берут они съестные припасы и все нужное для кораблей, согласно с договором. Да не имеют права зимовать у Св. Мамы и да возвращаются с охранением».

IV. Когда уйдет невольник из Руси в Грецию, или от гостей, живущих у Св. Мамы, Русские да ищут и возьмут его. Если он не будет сыскан, да клянутся в бегстве его по Вере своей, Христиане и язычники. Тогда Греки дадут им, *как прежде уставлено*, по две ткани за невольника. Если раб Греческий бежит к Россиянам с покражею, то они должны возвратить его и снесенное им в целости: за что получают в награждение два золотника.

V. Ежели Русин украдет что-нибудь у Грека или Грек у Русина, да будет строго наказан по закону Русскому и Греческому; да возвратит украденную вещь и заплатит цену ее вдвое.

VI. Когда Русские приведут в Царьград пленников Греческих, то им за каждого брать по десяти золотников, если будет юноша или девица *добрая*, за середовича восемь, за старца и младенца пять. Когда же Русские найдутся в неволе у Греков, то за всякого пленного давать выкупа десять золотников, а за купленного цену его, которую хозяин объявит *под крестом* (или присягою).

VII. Князь Русский да не присвоивает себе власти над страню Херсонскою и городами ее. Когда же он, воюя в тамошних местах, потребует войска от нас, Греков: мы дадим ему, сколько будет надобно.

VIII. Ежели Русские найдут у берега ладью Греческую, да не обидят ее; а кто возьмет что-нибудь из ладии, или убьет, или поработит находящихся в ней людей, да будет наказан по закону Русскому и Греческому.

IX. Русские да не творят никакого зла Херсонцам, ловящим рыбу в устье Днепра; да не зимуют там, ни в Белобережье, ни у *Св. Еферия*, но при наступлении осени да идут в дома свои, в Русскую землю.

X. Князь Русский да не пускает *Черных* Болгаров воевать в стране Херсонской». – *Черною* называлась Болгария Дунайская, в отношении к древнему отечеству Болгаров.

XI. «Ежели Греки, находясь в земле Русской, окажутся преступниками, да не имеет Князь власти наказывать их; но да примут они сию казнь в Царстве Греческом».

XII. Когда Христианин умертвит Русина или Русин Христианина, ближние убиенного, задержав убийцу, да умертвят его». – Далее то же, что в III статье прежнего договора.

XIII. Сия статья о побоях есть повторение IV статьи Олегова условия.

XIV. «Ежели Цари Греческие потребуют войска от Русского Князя, да исполнит Князь их требование, и да увидят чрез то все иные страны, в какой любви живут Греки с Русью».

Сии условия написаны на двух хартиях: одна будет у Царей Греческих; другую, ими подписанную, доставят Великому Князю Русскому Игорю и людям его, которые, приняв оную, да клянутся *хранить истину* союза: Христиане в Соборной церкви Св. Илии *предлежащим*

честным крестом и сею хартиєю, а некрещенные полагая на землю щиты свои, *обручи* и мечи обнаженные».

Историк должен в целости сохранить сии дипломатические памятники России, в коих изображается ум предков наших и самые их обычаи. Государственные договоры X века, столь подробные, весьма редки в летописях: они любопытны не только для ученого Дипломатика, но и для всех внимательных читателей истории, которые желают иметь ясное понятие о тогдашнем гражданском состоянии народов. Хотя Византийские Летописцы не упоминают о сем договоре, ни о прежнем, заключенном в Олегово время, но содержание оных так верно представляет нам взаимные отношения Греков и Россиян X века, так сообразно с обстоятельствами времени, что мы не можем усомниться в их истине...

Клятвенно утвердив союз, Император отправил новых Послов в Киев, чтобы вручить Князю Русскому *хартию мира*. Игорь в присутствии их на священном холме, где стоял Перун, торжественно обязался хранить дружбу с Империею; воины его также, в знак клятвы полагая к ногам идола оружие, щиты и золото. Обряд достопамятный: оружие и золото было всего святее и драгоценнее для Русских язычников. Христиане Варяжские присягали в Соборной церкви Св. Илии, может быть, древнейшей в Киеве. Летописец именно говорит, что многие Варяги были тогда уже Христианами.

Игорь, одарив Послов Греческих мехами драгоценными, воском и пленниками, отпустил их к Императору с дружественными уверениями. Он действительно хотел мира для своей старости; но корыстолюбие собственной дружины его не позволило ему наслаждаться спокойствием. «Мы босы и наги, – говорили воины Игорю, – а Свенельдовы Отроки богаты оружием и всякою одеждою. *Поди в дань* с нами, да и мы, вместе с тобою, будем довольны».

Ходить в дань значило тогда объезжать Россию и собирать налоги. Древние Государи наши, по известию Константина Багрянородного, всякий год в Ноябре месяце отправлялись с войском из Киева для объезда городов своих и возвращались в столицу не прежде Апреля. Целию сих путешествий, как вероятно, было и то, чтобы укреплять общую государственную связь между разными областями или содержать народ и чиновников в зависимости от Великих Князей. Игорь, отдыхая в старости, вместо себя посылал, кажется, Вельмож и Бояр, особенно Свенельда, знаменитого Воеводу, который, собирая государственную дань, мог и сам обогащаться вместе с *Отроками* своими, или отборными молодыми воинами, его окружавшими. Им завидовала дружина Игорева, и Князь, при наступлении осени, исполнил ее желание; отправился в землю Древлян и, забыв, что умеренность есть добродетель власти, обременил их тягостным налогом. Дружина его – пользуясь, может быть, слабостию Князя престарелого – тоже хотела богатства и грабила несчастных данников, усмирённых только победоносным оружием. Уже Игорь вышел из области их; но судьба определила ему погибнуть от своего неблагоразумия. Еще недовольный взятою им данию, он вздумал отпустить войско в Киев и с частию своей дружины возвратиться к Древлянам, чтобы требовать новой дани. Послы их встретили его на пути и сказали ему: «Князь! Мы все заплатили тебе: для чего же опять идешь к нам?» Слепленный корыстолюбием, Игорь шел далее. Тогда отчаянные Древляне, видя – по словам Летописца – что *надобно умертвить хищного волка, или все стадо будет его жертвою*, вооружились под начальством Князя своего, именем Мала; вышли из Коростена, убили Игоря со всею дружиною и погребли недалеко оттуда. Византийский Историк повествует, что они, привязав сего несчастного Князя к двум деревьям, разорвали надвое.

Игорь в войне с Греками не имел успехов Олега; не имел, кажется, и великих свойств его: но сохранил целость Российской Державы, устроенной Олегом; сохранил честь и выгоды ее в договорах с Империею; был язычником, но позволял новообращенным Россиянам славить торжественно Бога Христианского и вместе с Олегом оставил наследникам своим пример благоразумной терпимости, достойный самых просвещенных времен. Два случая остались укоризною для его памяти: он дал опасным Печенегам утвердиться в соседстве с Россиею и, не довольствуясь справедливой, то есть умеренною данию народа, ему подвластного, обирал его, как хищный завоеватель. Игорь мстил Древлянам за прежний их мятеж; но Государь унижается местию долговременною: он наказывает преступника только однажды. – Историк, за недостатком преданий, не может сказать ничего более в похвалу или в обвинение Игоря, княжившего 32 года.

К сему княжению относится любопытное известие современного Арабского Историка Массуди. Он пишет, что *Россияне* идолопоклонники, вместе с Славянами, обитали тогда в Козарской столице Ателе и служили Кагану; что с его дозволения, около 912 года, войско их,

приплыв на судах в Каспийское море, разорило Дагестан, Ширван, но было наконец истреблено Магометанами. Другой Арабский Повествователь, Абульфед, рассказывает, что Россияне в 944 году взяли Барду, столицу Арранскую (верстах в семидесяти от Ганджи) и возвратились в свою землю рекою Куром и морем Каспийским. Третий Историк Восточный, Абульфарах, приписывает сие нападение Аланам, Лезгам и Славянам, бывшим Кагановым данниками в южных странах нашего древнего отечества. Россияне могли прийти в Ширван Днепром, морями Черным, Азовским, реками Доном, Волгою (чрез малую перекладину в нынешней Качалинской Станице) – путем дальним, многотрудным; но прелесть добычи давала им смелость, мужество и терпение, которые в самом начале государственного бытия России ославили имя ее в Европе и в Азии.

Глава VII. Князь Святослав. Г. 945–972

Правление Ольги. Хитрая месть. Мудрость Ольгина. Крещение. Россияне в Сицилии. Характер и подвиги Святослава. Взятие Белой Вежи. Завоевание Болгарии. Нашествие Печенегов. Кончина Ольги. Посольство в Германию. Первые Уделы в России. Вторичное завоевание Болгарии. Война с Цимискием. Договор с Греками. Наружность Святослава. Кончина его.

Святослав, сын Игорев, первый Князь Славянского имени, был еще отроком. Бедственный конец родителя, новость Державы, только мечем основанной и хранимой; бунт Древлян; беспокойный дух войска, приученного к деятельности, завоеваниям и грабежу; честолюбие Полководцев Варяжских, смелых и гордых; уважавших одну власть счастливой храбрости: все угрожало Святославу и России опасностями. Но Провидение сохранило и целость Державы и власть Государя, одарив его мать свойствами души необыкновенной.

Юный Князь воспитывался Боярином Асмудом: Свенельд повелевал войском. Ольга – вероятно, с помощью сих двух знаменитых мужей – овладела кормилом Государства и мудрым правлением доказала, что слабая жена может иногда равняться с великими мужами.

Прежде всего Ольга наказала убийц Игоревых. Здесь Летописец сообщает нам *многие подробности*, отчасти не согласные ни с вероятностями рассудка, ни с важностию истории и взятые, без всякого сомнения, из народной *сказки*, но как истинное происшествие должно быть их *основанием*, и самые басни древние любопытны для ума внимательного, изображая обычаи и дух времени: то мы повторим Несторовы простые сказания о *месте и хитростях Ольгиных*.

«Гордясь убийством как победою и презирая малолетство Святослава, Древляне вздумали присвоить себе власть над Киевом и хотели, чтобы их Князь Мал женился на вдове Игоря, ибо они, платя дань Государям Киевским, имели еще Князей собственных. Двадцать знаменитых Послов Древлянских приплыли в ладии к Киеву и сказали Ольге: *Мы убили твоего мужа за его хищность и грабительство; но Князь Древлянские добры и великодушны: их земля цветет и благоденствует. Будь супругою нашего Князя Мала*. Ольга с ласкою ответствовала: *Мне приятна речь ваша. Уже не могу воскресить супруга! Завтра окажу вам всю должную честь. Теперь возвратитесь в ладью свою, и когда люди мои придут за вами, велите им нести себя на руках...* Между тем Ольга приказала на *дворе теремном* ископать глубокую яму и на другой день звать Послов. Исполняя волю ее, они сказали: *Не хотим ни идти, ни ехать: несите нас в ладии!* Киевляне ответствовали: *Что делать! Мы невольники; Игоря нет, а Княгиня наша хочет быть супругою вашего Князя* – и понесли их. Ольга сидела в своем тереме и смотрела, как Древляне гордились и величались, не предвидя своей гибели: ибо Ольгины люди бросили их, вместе с ладиею, в яму. Мстительная Княгиня спросила у них, довольны ли они сею *честью*? Несчастные изъявили воплем раскаяние в убиении Игоря, но поздно: Ольга велела их засыпать живых землею и чрез гонца объявила Древлянам, что они должны прислать за нею еще более знаменитых мужей: ибо народ Киевский не отпустит ее без их торжественного и многочисленного Посольства. Легковерные немедленно отправили в Киев лучших граждан и начальников земли своей. Там, по древнему обычаю Славянскому, для гостей изготовили баню и в ней сожгли их. Тогда Ольга велела сказать Древлянам, чтобы они варили мед в Коростене; что она уже едет к ним, желая прежде второго брака совершить тризну над могилою первого супруга. Ольга действительно пришла к городу Коростену, оросила слезами прах Игорев, насыпала высокий бугор над его могилою – доныне видимый, как уверяют, близ сего места – и в честь ему

совершила тризну. Началось веселое пиршество. *Отроки* Княгинины угощали знаменитейших Древлян, которые вздумали наконец спросить о своих Послах; но удовольствовались ответом, что они будут вместе с *Игоревою* дружиною. – Скоро действие крепкого меду омрачило головы неосторожных: Ольга удалилась, подав знак воинам своим – и 5'000 Древлян, ими убитых, легло вокруг Игоревой могилы.

[946 г.] Ольга, возвратясь в Киев, собрала многочисленное войско и выступила с ним против Древлян, уже наказанных хитростию, но еще не покоренных силою. Оно встретилось с ними, и младый Святослав сам начал сражение. Копие, брошенное в неприятеля слабою рукою отрока, упало к ногам его коня; но Полководцы, Асмуд и Свенельд, ободрили воинов примером юного Героя и с восклицанием: *Друзья! Станем за Князя!* – устремились в битву. Древляне бежали с поля и затворились в городах своих. Чувствуя себя более других виновными, жители Коростена целое лето оборонялись с отчаянием. Тут Ольга прибегнула к новой выдумке. *Для чего вы упорствуете?* велела она сказать Древлянам: *Все иные города ваши сдались мне, и жители их мирно обрабатывают нивы свои: а вы хотите умереть голодом! Не бойтесь мщенья: оно уже совершилось в Киеве и на могиле супруга моего.* Древляне предложили ей в дань мед и кожи зверей; но Княгиня, будто бы из великодушия, отреклась от сей дани и желала иметь единственно с каждого двора по три воробья и голубя! Они с радостью исполнили ее требование и ждали с нетерпением, чтобы войско киевское удалилось. Но вдруг, при наступлении темного вечера, пламя объяло все дома их... Хитрая Ольга велела привязать зажженный трут с серою ко взятым ею птицам и пустить их на волю: они возвратились с огнем в гнезда свои и произвели общий пожар в городе. Устрашенные жители хотели спастись бегством и попались в руки Ольгиным воинам. Великая Княгиня, осудив некоторых старейшин на смерть, других на рабство, обложила прочих тяжкою данию».

Так рассказывает Летописец... Не удивляемся жестокости Ольгиной: Вера и самые гражданские законы язычников оправдывали месть неумолимую; а мы должны судить о Героях Истории по обычаям и нравам их времени. Но вероятна ли оплошность Древлян? Вероятно ли, чтобы Ольга взяла Коростен посредством воробьев и голубей, хотя сия выдумка могла делать честь народному остроумию Русских в X веке? Истинное происшествие, отделенное от баснословных обстоятельств, состоит, кажется, единственно в том, что Ольга умертвила в Киеве Послов Древлянских, которые думали, может быть, оправдаться в убиении Игоря; оружием снова покорила сей народ, наказала виновных граждан Коростена, и там воинскими играми, по обряду язычества, торжествовала память сына Рюрика.

Великая Княгиня, провождаемая воинскою дружиною, вместе с юным Святославом объехала всю Древлянскую область, уставляя налоги в пользу казны государственной; но жители Коростена должныствовали третью часть дани своей посылать к самой Ольге в ее *собственный Удел*, в Вышегород, основанный, может быть, героем Олегом и данный ей в вено, как невесте или супруге Великому Князю: чему увидим и другие примеры в нашей древней Истории. Сей город, известный Константину Багрянородному и знаменитый в X веке, уже давно обратился в село, которое находится в 7 верстах от Киева, на высоком берегу Днепра, и замечательно красотою своего местоположения. – Ольга, кажется, утешила Древлян благодеяниями мудрого правления; по крайней мере все ее памятники – ночлеги и места, где она, следуя обыкновению тогдашних Героев, забавлялась ловлею зверей – долгое время были для сего народа предметом какого-то особенного уважения и любопытства.

В следующий год, оставив Святослава в Киеве, она поехала в северную Россию, в область Новгородскую; учредила по Луге и Мсте государственные дани; разделила землю на *погосты*, или волости; сделала без сомнения все нужнейшее для государственного блага по тогдашнему гражданскому состоянию России и везде оставила знаки своей попечительной мудрости. Через 150 лет народ с признательностию воспоминал о сем благодетельном путешествии Ольги, и в Несторово время жители Пскова хранили еще *сани* ее, как вещь драгоценную. Вероятно, что сия Княгиня, рожденная во Пскове, какими-нибудь особенными выгодами, данными его гражданам, способствовала тому цветущему состоянию и даже силе, которою он после, вместе с Новым-городом, славился в России, затмив соседственный, древнейший Изборск и сделавшись столицею области знаменитой.

Утвердив внутренний порядок Государства, Ольга возвратилась к юному Святославу, в Киев, и жила там несколько лет в мирном спокойствии, наслаждаясь любовию своего признательного сына и не менее признательного народа. – Здесь, по сказанию Нестора, оканчиваются

дела ее государственного правления; но здесь начинается эпоха славы ее в нашей Церковной Истории.

Ольга достигла уже тех лет, когда смертный, удовлетворив главным побуждениям земной деятельности, видит близкий конец ее перед собою и чувствует суетность земного величия. Тогда истинная Вера, более нежели когда-нибудь, служит ему опорой или утешением в печальных размышлениях о тленности человека. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось в Киеве. Она могла видеть торжественность обрядов Христианства; могла из любопытства беседовать с Церковными Пастырями и, будучи одарена умом необыкновенным, увериться в святости их учения. Плененная лучом сего нового света, Ольга захотела быть Христианкою и сама отправилась в столицу Империи и Веры Греческой, чтобы почерпнуть его в самом источнике. Там Патриарх был ее наставником и крестителем, а Константин Багрянородный – восприемником от купели. Император старался достойным образом угостить Княгиню народа знаменитого и сам описал для нас все любопытные обстоятельства ее представления. Когда Ольга прибыла во дворец, за нею шли *особы Княжеские*, ее свойственницы, многие знатные господа, Послы Российские и купцы, обыкновенно жившие в Царьграде. Константин и супруга его, окруженные придворными и Вельможами, встретили Ольгу; после чего Император на свободе беседовал с нею в тех комнатах, где жила Царица. В сей первый день, 9 Сентября [955 г.], был великолепный обед в огромной так называемой *храмине Юстиниановой*, где Императрица сидела на троне и где Княгиня Российская, в знак почтения к супруге великого Царя, стояла до самого того времени, как ей указали место за одним столом с придворными господами. В час обеда играла музыка, певцы славляли величие Царского Дому и плясуны оказывали свое искусство в приятных телодвижениях. Послы Российские, знатные люди Ольгины и купцы обедали в другой комнате; потом дарили гостей деньгами: *племяннику* Княгини дали 30 *милиаризий* – или 2½ червонца, – каждому из осьми ее приближенных 20, каждому из двадцати Послов 12, каждому из сорока трех купцов то же, Священнику или Духовнику Ольгину именем Григорий 8, двум переводчикам 24, Святославовым людям 5 на человека, посольским 3, собственному переводчику Княгини 15 *милиаризий*. На особенном золотом столике были поставлены закуски: Ольга села за него вместе с Императорским семейством. Тогда на золотой, осыпанной драгоценными камнями тарелке поднесли ей в дар 500 *милиаризий*, шести ее родственницам каждой 20 и осемнадцати служительницам каждой 8. 18 Октября Княгиня вторично обедала во дворце и сидела за одним столом с Императрицею, ее невесткою, Романовой супругою, и с детьми его; сам Император обедал в другой зале со всеми Россиянами. Угощение заключилось также дарами, еще умереннейшими первых: Ольга получила 200 *милиаризий*, а другие менее по соразмерности. Хотя тогдашние Государи Российские не могли еще быть весьма богаты металлами драгоценными; но *одна учтивость*, без сомнения, заставила Великую Княгиню принять в дар шестнадцать червонцев.

К сим достоверным известиям о бытии Ольгином в Константинополе народное баснословие прибавило, в нашей древней летописи, невероятную сказку, что Император, плененный ее разумом и красотою, предлагал ей руку свою и корону; но что Ольга – нареченная в святом крещении Еленою – отвергнула его предложение, напомнив восприемнику своему о духовном союзе с нею, который, по закону Христианскому, служил препятствием для союза брачного между ими. Во-первых, Константин имел супругу; во-вторых, Ольге было тогда уже не менее шестидесяти лет. Она могла пленить его умом своим, а не красотою.

Наставленная в святых правилах Христианства самим Патриархом, Ольга возвратилась в Киев. Император, по словам Летописца, отпустил ее с богатыми дарами и с именем дочери; но кажется, что она вообще была недовольна его приемом: следующее служит тому доказательством. Скоро приехали в Киев Греческие Послы требовать, чтобы Великая Княгиня исполнила свое обещание и прислала в Грецию войско вспомогательное; хотели также даров: невольников, мехов драгоценных и воску. Ольга сказала им: «Когда Царь ваш постоит у меня на Почайне столько же времени, сколько я стояла у него в *Суде* (гавани Константинопольской): тогда пришлю ему дары и войско» – с чем Послы и возвратились к Императору. Из сего ответа должно заключить, что подозрительные Греки не скоро впустили Ольгу в город и что обыкновенная надменность Двора Византийского оставила в ее сердце неприятные впечатления.

Однако ж Россияне, во все царствование Константина Багрянородного, сына его и Никифора Фоки, соблюдали мир и дружбу с Грециею: служили при Дворе Императоров, в их флоте, войсках, и в 964 году, по сказанию Арабского Историка Новайри, сражались в Сицилии как наемники Греков, с Аль-Гассаном, Вождем Сарацинским. Константин нередко посылал так

называемые *золотые буллы*, или грамоты с золотою печатю, к Великому Князю, надписывая: *Грамота Христоролюбивых Императоров Греческих, Константина и Романа, к Российскому Государю*.

Ольга, воспаленная усердием к новой Вере своей, спешила открыть сыну заблуждение язычества; но юный, гордый Святослав не хотел внимать ее наставлениям. Напрасно сия добродетельная мать говорила о счастии быть Христианином, о мире, коим наслаждалась душа ее с того времени, как она познала Бога истинного. Святослав отвечал ей: «Могу ли один принять новый Закон, чтобы дружина моя посмеялась надо мною?» Напрасно Ольга представляла ему, что его пример склонил бы весь народ к Христианству. Юноша был непоколебим в своем мнении и следовал обрядам язычества; не запрещал никому креститься, но изъявлял презрение к Христианам и с досадою отвергал все убеждения матери, которая, не преставая любить его нежно, должна была наконец умолкнуть и поручить Богу судьбу народа Российского и сына.

[964–966 г.] Сей Князь, возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости, пылал ревностию отличить себя делами и возобновить славу оружия Российского, столь счастливого при Олеге; собрал войско многочисленное и с нетерпением юного Героя летел в поле. Там суровую жизнь он укрепил себя для трудов воинских, не имел ни станов, ни обоза; питался кониною, мясом диких зверей и сам жарил его на углях; презирал хлад и ненастье северного климата; не знал шатра и спал под сводом неба: войлок подседельный служил ему вместо мягкого ложа, седло изголовьем. Каков был Военачальник, таковы и воины. – Древняя летопись сохранила для потомства еще прекрасную черту характера его: он не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну народам, повелевая сказать им: *иду на вас!* В сии времена общего варварства гордый Святослав соблюдал правила истинно Рыцарской чести.

Берега Оки, Дона и Волги были первым театром его воинских, счастливых действий. Он покорил Вятичей, которые все еще признавали себя данниками Хана Козарского, и грозное свое оружие обратил против сего некогда столь могущественного Владетеля. Жестокая битва решила судьбу двух народов. Сам Каган предводительствовал войском: Святослав победил и взял Козарскую *Белую Вежу*, или *Саркел*, как именуют ее Византийские Историки, город на берегу Дона, укрепленный Греческим искусством. Летописец не сообщает нам о сей войне никаких дальнейших известий, сказывая только, что Святослав победил еще *Ясов* и *Касогов*: первые – вероятно, нынешние Оссы или Оссетинцы – будучи Аланского племени, обитали среди гор Кавказских, в Дагестане, и близ устья Волги; вторые суть Черкесы, коих страна в X веке именовалась Касахию: Оссетинцы и теперь называют их Касахами. – Тогда же, как надобно думать, завоевали Россияне город Таматарху, или Фанагорию, и все владения Козарские на восточных берегах Азовского моря: ибо сия часть древнего Царства Воспорского, названная потом Княжеством Тмутороканским, была уже при Владимире, как мы увидим, собственностью России. Завоевание столь отдаленное кажется удивительным; но бурный дух Святослава веселился опасностями и трудами. От реки Дона проложив себе путь к Воспору Киммерийскому, сей Герой мог утвердить сообщение между областю Тмутороканскою и Киевом посредством Черного моря и Днепра. В Тавриде оставалась уже одна тень древнего могущества Каганов.

[967 г.] Неудовольствие Императора Никифора Фоки на Болгарского Царя Петра служило для Святослава поводом к новому и еще важнейшему завоеванию. Император, желая отмстить Болгарам за то, что они не хотели препятствовать Венграм в их частых впадениях в Грецию, велел Калокиру, сыну начальника Херсонского, ехать Послом в Киев, с обещанием великих даров мужественному Князю Российскому, ежели он пойдет воевать Болгарию. Святослав исполнил желание Никифора, взяв с Греков на вооружение несколько пуд золота, и с 60'000 воинов явился в ладиях на Дунае. Тщетно Болгары хотели отразить их: Россияне, обнажив мечи и закрываясь щитами, устремились на берег и смяли неприятелей. Города сдались победителю. Царь Болгарский умер от горести. Удовлетворив мести Греков, богатый добычею, гордый славою, Князь Российский начал властвовать в древней Мизии; хотел еще, в знак благодарности, даров от Императора и жил весело в Болгарском Переяславце, не думая о том, что в самое сие время отечественная столица его была в опасности.

[968 г.] Печенеги напали на Россию, зная отсутствие храброго Князя, и приступили к самому Киеву, где затворилась Ольга с детьми Святослава. На другой стороне Днепра стоял Воевода Российский, именем Претич, с малочисленною дружиною, и не мог иметь с осажденными никакого сообщения. Изнемогая от голода и жажды, Киевляне были в отчаянии.

Один смелый отрок вызвался уведомить Претича о бедственном их состоянии; вышел с *уздой* из города прямо в толпу неприятелей и, говоря языком Печенежским, спрашивал, кто видел его коня? Печенеги, воображая, что он их воин, дали ему дорогу. Отрок спешил к Днепру, сбросил с себя одежду и поплыл. Тут неприятели, узнав свою ошибку, начали стрелять в него; а Россияне с другого берега выехали навстречу и взяли отрока в лодку. Слыша от сего посланного, что изнуренные Киевляне хотят на другой день сдаться, и боясь гнева Святослава, Воевода решился спасти хотя семейство Княжеское – и Печенеги на рассвете увидели лодки Российские, плывущие к их берегу с трубным звуком, на который обрадованные жители Киевские ответствовали громкими восклицаниями. Думая, что сам грозный Святослав идет на помощь к осажденным, неприятели рассеялись в ужасе, и Великая Княгиня Ольга могла, вместе со внуками, безопасно встретить своих избавителей за стенами города. Князь Печенежский увидел их малое число, но все еще не смел сразиться: требовал дружелюбного свидания с предводителем Российским и спросил у него, Князь ли он? Хитрый Воевода объявил себя начальником передовой дружины Святославовой, уверяя, что сей Герой со многочисленным войском идет вслед за ним. Обманутый Печенег предложил мир: они подали руку один другому и в знак союза обменялись оружием. Князь дал Воеводе саблю, стрелы и коня: Воевода Князю щит, броню и меч. Тогда Печенеги немедленно удалились от города.

Освобожденные Киевляне отправили гонца к Святославу сказать ему, что он для завоевания чуждых земель жертвует собственною; что свирепые враги едва не взяли столицы и семейства его; что отсутствие Государя и защитника может снова подвергнуть их той же опасности, и чтобы он сжалился над бедствием отечества, престарелой матери и юных детей своих. Тронутый Князь с великою поспешностию возвратился в Киев. Шум воинский, любезный его сердцу, не заглушил в нем нежной чувствительности сына и родителя: летопись говорит, что он с горячностью лобызал мать и детей, радуясь их спасению. – Дерзость Печенегов требовала мести: Святослав отразил их от пределов России и сею победою восстановил безопасность и тишину в отечестве.

[969 г.] Но мирное пребывание в Киеве скоро наскучило деятельному Князю. Страна завоеванная всегда кажется приятною завоевателю, и сердце Героя стремилось к берегам Дунайским. Собрав Бояр, он в присутствии Ольги сказал им, что ему веселее жить в Переяславце, нежели в Киеве: «ибо в столице Болгарской, как в средоточии, стекаются все драгоценности Искусства и Природы: Греки шлют туда золото, ткани, вино и плоды; Богемцы и Венгры серебро и коней; Россияне меха, воск, мед и невольников». Огорченная мать ответствовала ему, что старость и болезнь не замедлят прекратить ее жизни. «Погреби меня, – сказала она, – и тогда иди, куда хочешь». Сии слова оказались пророчеством: Ольга на четвертый день скончалась. – Она запретила отправлять по себе языческую тризну и была погребена Христианским Священником на месте, ею самою для того избранном. Сын, внуки и благодарный народ оплакали ее кончину.

Предание нарекло Ольгу *Хитрою*, Церковь *Святою*, История *Мудрою*. Отмстив Дrevлянам, она умела соблюсти тишину в стране своей и мир с чуждыми до совершенного возраста Святослава; с деятельностью великого мужа учреждала порядок в Государстве обширном и новом; не писала, может быть, законов, но давала уставы, самые простые и самые нужнейшие для людей в юности гражданских обществ. Великие Князья до времен Ольгиных *воевали*, она *правила* Государством. Уверенный в ее мудрости, Святослав и в мужеских летах своих оставлял ей, кажется, внутреннее правление, беспрестанно занимаясь войнами, которые удаляли его от столицы. – При Ольге Россия стала известной и в самых отдаленных странах Европы. Летописцы Немецкие говорят о Посольстве ее в Германию к Императору Оттону I. Может быть, Княгиня Российская, узнав о славе и победах Оттоновых, хотела, чтобы он также сведал о знаменитости ее народа, и предлагала ему дружественный союз чрез Послов своих. – Наконец, сделавшись ревностною Христианкою, Ольга – по выражению Нестора, *денница и луна спасения* – служила убедительным примером для Владимира и предуготовила торжество истинной Веры в нашем отечестве.

По кончине матери Святослав мог уже свободно исполнить свое безрассудное намерение: то есть перенести столицу Государства на берега Дунайские. Кроме самолюбивых мечтаний завоевателя, Болгария действительно могла нравиться ему своим теплым климатом, изобилием плодов и богатством деятельной, удобной торговли с Константинополем; вероятно также, что сие Государство, сопредельное с Империею, превосходило Россию и в гражданском образовании: но для таких выгод долженствовал ли он удалиться от своего отечества, где был, так сказать, корень

его силы и могущества? По крайней мере Святославу надлежало бы овладеть прежде Бессарабией, Молдавией и Валахией, то есть выгнать оттуда Печенегов, чтобы непрерывною цепью завоеваний соединить Болгарию с Российскими владениями. Но сей Князь излишне надеялся на счастье оружия и на грозное имя победителя Козаров.

[970 г.] Он поручил Киев сыну своему Ярополку, а другому сыну, Олегу, Древлянскую землю, где прежде властвовали ее собственные Князья. В то же время Новгородцы, недовольные, может быть, властью Княжеских Наместников, прислали сказать Святославу, чтобы он дал им сына своего в Правители, и грозились в случае отказа избрать для себя особенного Князя: Ярополк и Олег не захотели принять власти над ними; но у Святослава был еще третий сын, Владимир, от ключницы Ольгиной, именем Малуши, дочери Любчанина Малька: Новгородцы, по совету Добрыни, Малушина брата, избрали в Князья сего юношу, которому судьба назначила преобразить Россию. – Итак, Святослав первый ввел обыкновение *давать сыновьям особенные Уделы*: пример несчастный, бывший виною всех бедствий России.

Святослав, отпустив Владимира с Добрыней в Новгород, немедленно отправился в Болгарию, которую он считал уже своею областью, но где народ встретил его как неприятеля. Многочисленное войско собралось в Переяславце и напало на Россиян. Долговременное кровопролитное сражение клонилось уже в пользу Болгаров; но воины Святославы, ободренные его речью: *Братья и дружина! Умрем, но умрем с твердостью и мужеством!* – напрягли силы свои, и ввечеру победа увенчала их храбрость. Святослав взял приступом город Переяславец, снова овладел царством Болгарским и хотел там навсегда остаться. В сем намерении еще более утвердил его знатный Грек, именем Калокир, самый тот, который от Императора Никифора был послом у Святослава. Калокир с помощью Россиян надеялся свергнуть Государя своего с престола и царствовать в Константинополе: за что обещал им уступить Болгарию в вечное владение и присылать дары. – Между тем Святослав, довольствуясь властью над сею землею, позволял сыну умершего ее Царя, именем Борису, украшаться знаками Царского достоинства.

Греки, призвавшие Россиян на берега Дунайские, увидели свою ошибку. Святослав, отважный и воинственный, казался им в ближнем соседстве гораздо опаснее Болгаров. Иоанн Цимиский, тогдашний Император, предлагая сему Князю исполнить договор, заключенный с ним в царствование Никифора, требовал, чтобы Россияне вышли из Болгарии; но Святослав не хотел слушать Послов и с гордостью отвечал, что скоро будет сам в Константинополе и выгонит Греков в Азию. Цимиский, напомнив ему о бедственной участи ненасытного Игоря, стал вооружаться, а Святослав спешил предупредить его.

В описании сей кровопролитной войны Нестор и Византийские Историки не согласны: первый отдает честь и славу победы Князю Российскому, вторые Императору – и, кажется, справедливее: ибо война кончилась тем, что Болгария осталась в руках у Греков, а Святослав принужден был, с горстью воинов, идти назад в Россию: следствия, весьма несообразные с счастливым успехом его оружия! К тому же Греческие Историки описывают все обстоятельства подробнее, яснее, – и мы, предпочитая истину народному самохвальству, не должны отвергнуть их любопытного сказания.

Великий Князь (говорят они), к русской дружине присоединив Болгаров, новых своих подданных – Венгров и Печенегов, тогдашних его союзников, вступил во Фракию и до самого Адрианополя опустошил ее селения. Варда Склир, Полководец Империи, видя многочисленность неприятелей, заключился в сем городе и долго не мог отважиться на битву. Наконец удалось ему хитростию разбить Печенегов: тогда Греки, ободренные успехом, сразились с Князем Святославом. Россияне изъясляли пылкое мужество; но Варда Склир и брат его, Константин Патрикий, принудили их отступить, умертвив в единоборстве каких-то двух знаменитых богатырей *Скифских*.

Нестор описывает сию битву таким образом: «Император встретил Святослава мирными предложениями и хотел знать *число* его витязей, обещая на каждого из них заплатить ему дань. Великий Князь объявил у себя 20'000 человек, едва имея и половину. Греки, искусные в коварстве, воспользовались временем и собрали 100'000 воинов, которые со всех сторон окружили Россиян. Великодушный Святослав, покойно осмотрев грозные ряды неприятелей, сказал дружине: *Бегство не спасет нас; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамям отечества, но ляжем здесь костями: мертвым не стыдно! Станем крепко. Иду пред вами, и когда положу свою голову, тогда делайте, что хотите!* Воины его, приученные не бояться смерти и любить Вождя смелого, единодушно ответствовали: *Наши головы лягут вместе с*

твою! Вступили в кровопролитный бой и доказали, что не множество, а храбрость побеждает. Греки не устояли: обратили тыл, рассеялись – и Святослав шел к Константинополю, означая свой путь всеми ужасами опустошения...» Доселе можем не сомневаться в истине Несторова сказания; но дальнейшее его повествование гораздо менее вероятно. «Цимиский (пишет он) в страхе, в недоумении призвал Вельмож на совет и решился *искусить* неприятеля дарами, золотом и паволоками драгоценными; отправил их с человеком хитрым и велел ему наблюдать все движения Святославовы. Но сей Князь не хотел взглянуть на золото, положенное к его ногам, и равнодушно сказал Отрокам своим: *возмите*. Тогда Император послал к нему в дар оружие: Герой схватил оное с живейшим удовольствием, изъявляя благодарность, и Цимиский, не смея ратоборствовать с таким неприятелем, заплатил ему дань; каждый воин взял часть свою; доля убиенных была назначена для их родственников. Гордый Святослав с торжеством возвратился в Болгарию». Греки не имели нужды *искушать* Великого Князя, когда он с малыми силами уже разбил их многочисленное войско; но сия сказка достойна замечания, свидетельствуя мнение потомства о характере Святослава.

В следующий год, по известиям Византийским, сам Цимиский выступил из Константинополя с войском, отправив наперед сильный флот к Дунайскому устью, без сомнения для того, чтобы пресечь сообщение Россиян водою с Киевом. Сей Император открыл себе путь ко трону злодейством, умертвив Царя Никифора, но правил Государством благоразумно и был Героем. Избирая Полководцев искусных, щедро награждая заслуги самых рядовых воинов, строго наказывая малейшее неповиновение, он умел вселить в первых древнее Римское славолубие, а вторых приучить к древней подчиненности. Собственное его мужество было примером для тех и других. – На пути встретили Императора Послы Российские, которые хотели единственно узнать силу Греков. Иоанн, не входя с ними в переговоры, велел им осмотреть стан Греческий и возвратиться к своему Князю. Сей поступок уже доказывал Святославу, что он имеет дело с неприятелем опасным.

Оставив главное войско назади, Император с отборными ратниками, с Легионом так называемых *Бессмертных*, с 13 000 конницы, с 10 500 пехоты, явился нечаянно под стенами Переяславца и напал на 8 000 Россиян, которые спокойно занимались там воинским ученьем. Они изумились, но храбро вступили в бой с Греками. Большая часть их легла на месте, и вылазка, сделанная из города в помощь им, не имела успеха; однако ж победа весьма дорого стоила Грекам, и Цимиский с нетерпением ожидал своего остального войска. Как скоро оно пришло, Греки со всех сторон окружили город, где начальствовал Российский Полководец Сфенкал. Сам Князь с 60 000 воинов стоял в укрепленном стане на берегу Дуная.

Калокир, виновник сей войны, по словам Греческих Летописцев, бежал из Переяславца уведомить его, что столица Болгарская осаждена. Но Цимиский не дал Святославу времени освободить ее: тщетно предлагав Россиянам сдаться, он взял город приступом. Борис, только именем Царь Болгарский, достался Грекам в плен, со многими его знаменитыми единосемцами: Император обошелся с ними благосклонно, уверяя – как бывает в таких случаях – что он вооружился единственно для освобождения их от неволи и что признает врагами своими одних Россиян.

Между тем 8 000 воинов Святославовых заперлись в Царском дворце, не хотели сдаться и мужественно отражали многочисленных неприятелей. Напрасно Император ободрял Греков: он сам с оруженосцами своими пошел на приступ и должен был уступить отчаянной храбрости осажденных. Тогда Цимиский велел зажечь дворец, и Россияне погибли в пламени.

Святослав, сведав о взятии Болгарской столицы, не показал воинам своим ни страха, ни огорчения и спешил только встретить Цимиския, который со всеми силами приближался к Доростолу, или нынешней Силистрии. В 12 милях оттуда сошлись оба воинства. Цимиский и Святослав – два Героя, достойные спорить друг с другом о славе и победе, – каждый ободрив своих, дали знак битвы, и при звуке труб началось кровопролитие. От первого стремительного удара Греков поколебались ряды Святославовы; но, вновь устроенные Князем, сомкнулись твердою стеною и разили неприятелей. До самого вечера счастье ласкало ту и другую сторону; *двенадцать* раз то и другое войско думало торжествовать победу. Цимиский велел распустить священное знамя Империи; был везде, где была опасность; махом копья своего удерживал бегущих и показывал им путь в средину врагов. Наконец судьба жестокой битвы решилась: Святослав *отступил* к Доростолу и вошел в сей город.

Император осадил его. В то же самое время подоспел и флот Греческий, который пресек свободное плавание Россиян по Дунаю. Великодушная Святославова бодрость возростала с

опасностями. Он заключил в оковы многих Болгаров, которые хотели изменить ему; окопал стены глубоким рвом, беспрестанными вылазками тревожил стан Греков. Россияне (пишут Византийские Historики) оказывали чудесное остервенение и, думая, что убитый *неприятелем* должен служить ему рабом в аде, вонзали себе мечи в сердце, когда уже не могли спастись: ибо хотели тем сохранить вольность свою в будущей жизни. Самые жены их ополчались и, как древние Амазонки, мужествовали в кровопролитных сечах. Малейший успех давал им новую силу. Однажды в счастливой вылазке, приняв Магистра Иоанна, свойственника Цимискиева, за самого Императора, они с радостными кликами изрубили сего знатного сановника и с великим торжеством выставили голову его на башне. Нередко, побеждаемые силою превосходною, обращали тыл без стыда: шли назад в крепость с гордостью, медленно, закинув за плеча огромные щиты свои. Ночью, при свете луны, выходили жечь тела друзей и братьев, лежащих в поле; закалали пленников над ними и с какими-то священными обрядами погружали младенцев в струи Дуная. Пример Святослава одушевлял воинов.

Но число их уменьшалось. Главные Полководцы, Сфенкал, Икмор (не родом, по сказанию Византийцев, а доблестию Вельможа) пали в рядах неприятельских. Сверх того Россияне, стесненные в Доростоле и лишённые всякого сообщения с его плодоносными окрестностями, терпели голод. Святослав хотел преодолеть и сие бедствие: в темную, бурную ночь, когда лил сильный дождь с градом и гремел ужасный гром, он с 2'000 воинов сел на лодки, при блеске молнии обошел Греческий флот и собрал в деревнях запас пшена и хлеба. На возвратном пути, видя рассеянные по берегу толпы неприятелей, которые поили лошадей и рубили дрова, отважные Россияне вышли из лодок, напали из лесу на Греков, множество их убили и благополучно достигли пристани. – Но сия удача была последнею. Император взял меры, чтобы в другой раз ни одна лодка Русская не могла выплыть из Доростола.

Уже более двух месяцев продолжалась осада; счастье совсем оставило Россиян. Они не могли ждать никакой помощи. Отечество было далеко – и, вероятно, не знало их бедствия. Народы соседственные волею и неволею держали сторону Греков, ибо страшились Цимиския. Воины Святославовы изнемогали от ран и голода. Напротив того, Греки имели во всем изобилие, и новые Легионы приходили к ним из Константинополя.

В сих трудных обстоятельствах Святослав собрал на совет дружину свою. Одни предлагали спастись бегством в ночное время; другие советовали просить мира у Греков, не видя иного способа возвратиться в отечество; наконец, все думали, что войско Российское уже не в силах бороться с неприятелем. Но Великий Князь не согласился с ними и хотел еще испытать счастье оружия. «Погибнет, – сказал он с тяжким вздохом, – погибнет слава Россиян, если ныне устрасимся смерти! Приятна ли жизнь для тех, которые спасли ее бегством? И не впадем ли в презрение у народов соседственных, доселе ужасаемых именем Русским? Наследием предков своих мужественные, непобедимые, завоеватели многих стран и племен, или победим Греков, или падем с честью, совершив дела великие!» Тронутые сего речью, достойные его сподвижники громкими восклицаниями изъявили решительность геройства – и на другой день все войско Российское с бодрым духом выступило в поле за Святославом. Он велел запереть городские ворота, чтобы никто не мог думать о бегстве и возвращении в Доростол. Сражение началось утром: в полдень Греки, утомленные зноем и жаждою, а более всего упорством неприятеля, начали отступать, и Цимиский должен был дать им время на отдохновение. Скоро битва возобновилась. Император, видя, что тесные места вокруг Доростола благоприятствуют малочисленным Россиянам, велел Полководцам своим заманить их на обширное поле притворным бегством; но сия хитрость не имела успеха: глубокая ночь развела воинства без всякого решительного следствия.

Цимиский, изумленный отчаянным мужеством неприятелей, вздумал прекратить утомительную войну единоборством с Князем Святославом и велел сказать ему, что лучше погибнуть одному человеку, нежели губить многих людей в напрасных битвах. Святослав отвечал: «Я лучше врага своего знаю, что мне делать. Если жизнь ему наскучила, то много способов от нее избавиться: Цимиский да избирает любой!» За сим последовало новое сражение, равно упорное и жестокое. Греки всего более хотели смерти Героя Святослава. Один из их витязей, именем Анемас, открыл себе путь сквозь ряды неприятелей, увидел великого Князя и сильным ударом в голову сшиб его с коня; но шлем защитил Святослава, и смелый Грек пал от мечей дружины Княжеской. Долгое время победа казалась сомнительною. Наконец самая природа ополчилась на Святослава: страшный ветер поднялся с юга и, дуя прямо в лицо Россиянам, ослепил их густыми облаками пыли, так что они должныствовали прекратить битву, оставив на месте 15'500 мертвых

и 20 000 щитов. Греки назвали себя победителями. Их суеверие приписало сию удачу сверхъестественному действию: они рассказывали друг другу, будто бы Св. Феодор Стратилат явился впереди их войска и, разъезжая на белом коне, приводил в смятение полки Российские.

Святослав, видя малое число своих храбрых воинов, большею частию раненных, и сам уязвленный, решился наконец требовать мира. Цимиский, обрадованный его предложением, отправил к нему в стан богатые дары. «Возьмем их, – сказал Великий Князь дружине своей: – когда же будем недовольны Греками, то, собрав войско многочисленное, снова найдем путь к Царюграду». Так повествует наш Летописец, не сказав ни слова о счастливых успехах Греческого оружия. Византийские Историки говорят, что Цимиский, дозволяя Святославу свободно выйти из Болгарии и купцам Российским торговать в Константинополе, примолвил с великодушною гордостью: «Мы, Греки, любим побеждать своих неприятелей не столько оружием, сколько благодеяниями». Императорский Вельможа Феофан Синкел и Российский Воевода Свенельд именем Государей своих заключили следующий договор, который находится в Несторовой летописи и так же ясно доказывает, что успех войны был на стороне Греков: ибо Святослав, торжественно обязываясь на все полезное для Империи, не требует в нем никаких выгод для Россиян.

«Месяца Июля, Индикта XIV, в лето 6479 [971 г.], я, Святослав, Князь Русской, по данной мною клятве, хочу иметь *до конца века* мир и любовь совершенную с Цимискием, Великим Царем Греческим, с Василием и Константином, Боговдохновенными Царями, и со всеми людьми вашими, обещаюсь именем всех сущих *подо мною* Россиян, Бояр и прочих никогда *не помышлять на вас*, не собирать моего войска и не приводить чужеземного на Грецию, область Херсонскую и Болгарию. Когда же иные враги *помыслят на Грецию*, да буду их врагом и да борюсь с ними. Если же я или *сущие подо мною* не сохранят *сих правых* условий, да *имеем клятву* от Бога, в коего веруем: Перуна и Волоса, бога скотов. Да будем *желты как золото*, и собственным нашим оружием *иссечены*. В удостоверение чего написали мы договор на сей хартии и своими печатями запечатали». Утвердив мир, Император снабдил Россиян съестными припасами; а Князь Российский желал свидания с Цимискием. Сии два Героя, знакомые только по славным делам своим, имели, может быть, равное любопытство узнать друг друга лично. Они виделись на берегу Дуная. Император, окруженный *златоносными* всадниками, в блестящих латах, приехал на коне: Святослав в ладии, в простой белой одежде и сам гребя веслом. Греки смотрели на него с удивлением. По их сказанию, он был среднего роста и довольно строен, но мрачен и дик видом; имел грудь широкую, шею толстую, голубые глаза, брови густые, нос плоский, длинные усы, бороду редкую и на голове один клок волос, в знак его благородства; в ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином. Император сошел с коня: Святослав сидел на скамье в ладии. Они говорили – и расстались друзьями.

Но сия дружба могла ли быть искреннею? Святослав с воинами малочисленными, утружденными, предприял обратный путь в отечество на ладиях, Дунаем и Черным морем; а Цимиский в то же время отправил к Печенегам Послов, которые должны были, заключив с ними союз, требовать, чтобы они не ходили за Дунай, не опустошали Болгарии и свободно пропустили Россиян чрез свою землю. Печенеги согласились на все, кроме последнего, досадуя на Россиян за то, что они примирились с Греками. Так пишут Византийские Историки; но с большею вероятностью можно думать совсем противное. Тогдашняя политика Императоров не знала великодушия: предвидя, что Святослав не оставит их надолго в покое, едва ли не сами Греки наставили Печенегов воспользоваться слабостию Российского войска. Нестор приписывает сие коварство жителям Переяславца: они, по его словам, дали знать Печенегам, что Святослав возвращается в Киев с великим богатством и с малочисленною дружиною.

[972 г.] Печенеги обступили Днепровские пороги и ждали Россиян. Святослав знал о сей опасности. Свенельд, знаменитый Воевода Игорев, советовал ему оставить ладии и сухим путем обойти пороги: Князь не принял его совета и решился зимовать в Белобережье, при устье Днепра, где Россияне должны были терпеть во всем недостаток и самый голод, так что они давали полгривны за лошадиную голову. Может быть, Святослав ожидал там помощи из России, но тщетно. Весна снова открыла ему опасный путь в отечество. Несмотря на малое число изнуренных воинов, надлежало сразиться с Печенегами, и Святослав пал в битве. Князь их, Кура, отрубив ему голову, из ее черепа сделал чашу. Только немногие Россияне спаслись с Воеводою Свенельдом и принесли в Киев горестную весть о гибели Святослава.

Таким образом скончал жизнь сей Александр нашей древней Истории, который столь мужественно боролся с врагами и с бедствиями; был иногда побеждаем, но в самом несчастии

изумлял победителя своим великодушием; равнялся суровою воинскою жизнью с Героями Песнопевца Гомера и, снося терпеливо свирепость непогод, труды изнурительные и все ужасное для неги, показал Русским воинам, чем могут они во все времена одолевать неприятелей. Но Святослав, образец великих Полководцев, не есть пример Государя великого: ибо он славу побед уважал более государственного блага и, характером своим пленяя воображение Стихотворца, заслуживает укоризну Историка.

Если Святослав в 946 году – как пишет Нестор – был еще слабым отроком, то он скончал дни свои в самых цветущих летах мужества, и сильная рука его могла бы еще долго ужасать народы соседственные.

Глава VIII. Великий князь Ярополк. Г. 972–980

Междоусобие Князей. Первые деяния Владимировы. Брак Владимиров. Братоубийство. Послы Российские в Германии.

По смерти Святослава Ярополк княжил в Киеве, Олег в Древлянской земле, Владимир в Новгороде. Единодержавие пресеклось в Государстве: ибо Ярополк не имел, кажется, власти над Уделами своих братьев. Скоро открылись пагубные следствия такого раздела, и брат восстал на брата. Виновником сей вражды был славный Воевода Свенельд, знаменитый сподвижник Игорев и Святославов. Он ненавидел Олега, который умертвил сына его, именем Люта, встретясь с ним на ловле в *своем владении*: причина достаточная, по тогдашним грубым нравам, для поединка или самого злодейского убийства. Свенельд, желая отомстить ему, убедил Ярополка идти войною на Древлянского Князя и соединить область его с Киевскою.

Олег, узнав о намерении своего брата, также [в 977 г.] собрал войско и вышел к нему навстречу; но, побежденный Ярополком, должен был спасаться бегством в Древлянский город Овруч: воины его, гонимые неприятелем, теснились на мосту у городских ворот и столкнули своего Князя в глубокий ров. Ярополк вступил в город и хотел видеть брата: сей несчастный был раздавлен множеством людей и лошадьми, которые упали за ним с моста. Победитель, видя бездушный, окровавленный труп Олегов, лежащий на ковре пред его глазами, забыл свое торжество, слезами изъявил раскаяние и, с горестию указывая на мертвого, сказал Свенельду: *Того ли хотелось тебе?* .. Могила Олегова в Несторово время была видима близ Овруча, где и ныне показывают оную любопытным путешественникам. Поле служило тогда кладбищем и для самых Князей Владетельных, а высокий бугор над могилою единственным Мавзолеем.

Искренняя печаль Ярополкова о смерти Олеговой была предчувствием собственной его судьбы несчастной. – Владимир, Князь Новгородский, сведав о кончине брата и завоевании Древлянской области, устранился Ярополкова властолюбия и бежал за море к Варягам. Ярополк воспользовался сим случаем: отправил в Новгород своих Наместников, или Посадников, и таким образом сделался Государем Единодержавным в России.

Но Владимир искал между тем способа возвратиться с могуществом и славою. Два года пробыл он в древнем отечестве своих предков, в земле Варяжской; участвовал, может быть, в смелых предприятиях Норманов, которых флаги развевались на всех морях Европейских и храбрость ужасала все страны от Германии до Италии; наконец собрал многих Варягов под свои знамена; прибыл [в 980 г.] с сей надежною дружиною в Новгород, сменил Посадников Ярополковых и сказал им с гордостью: «Идите к брату моему: да знает он, что я против него вооружаюсь, и да готовится отразить меня!»

В области Полоцкой, в земле Кривичей, господствовал тогда Варяг Рогволод, который *пришел из-за моря*, вероятно, для того, чтобы служить Великому Князю Российскому, и получил от него в удел сию область. Он имел прелестную дочь Рогнеду, сговоренную за Ярополка. Владимир, готовясь отнять Державу у брата, хотел лишить его и невесты и чрез Послов требовал ее руки; но Рогнеда, верная Ярополку, ответствовала, что не может соединиться браком с сыном рабы: ибо мать Владимира, как нам уже известно, была ключницею при Ольге. Раздраженный Владимир взял Полоцк, умертвил Рогволода, двух сыновей его и женился на дочери. Совершив сию ужасную месть, он пошел к Киеву. Войско его состояло из дружины Варяжской, Славян Новгородских, *Чуди и Кривичей*: сии три народа северо-западной России уже повиновались ему, как их Государю. Ярополк не дерзнул на битву и затворился в городе. Окружив стан свой

окопами, Владимир хотел взять Киев не храбрым приступом, но злодейским коварством. Зная великую доверенность Ярополкову к одному Воеводе, именем Блуду, он вошел с ним в тайные переговоры. «Желаю твоей помощи, – велел сказать ему Владимир: – ты будешь мне вторым отцом, когда не станет Ярополка. Он сам начал братоубийства: я вооружился для спасения жизни своей». Гнусный любимец не усомнился предать Государя и благодетеля; советовал Владимиру обступить город, а Ярополку удаляться от битвы. Страшась верности добрых Киевлян, он уверил Князя, будто они хотят изменить ему и тайно зовут Владимира. Слабый Ярополк, думая спастись от мнимого заговора, ушел в Родню: сей город стоял на том месте, где Рось впадает в Днепр. Киевляне, оставленные Государем, должны были покориться Владимиру, который спешил осадить брата в последнем его убежище. Ярополк с ужасом видел многочисленных врагов за стенами, а в крепости изнеможение воинов своих от голода, коего память долго хранилась в древней пословице: *беда аки в Родне*. Изменник Блуд склонял сего Князя к миру, представляя невозможность отразить неприятеля, и горестный Ярополк ответственал наконец: «Да будет по твоему совету! Возьму, что уступит мне брат». Тогда злодей уведомил Владимира, что желание его исполнится и что Ярополк отдастся ему в руки. Если во все времена, варварские и просвещенные, Государи бывали жертвою изменников: то во все же времена имели они верных добрых слуг, усердных к ним в самой крайности бедствия. Из числа сих был у Ярополка некто прозванием *Варяжко* (да сохранит История память его!), который говорил ему: «Не ходи, Государь, к брату: ты погибнешь. Оставь Россию на время и собери войско в земле Печенегов». Но Ярополк слушал только изверга Блуда и с ним отправился в Киев, где Владимир ожидал его в теремном дворце Святослава. Предатель ввел легковерного Государя своего в жилище брата, как в вертеп разбойников, и запер дверь, чтобы дружина Княжеская не могла войти за ними: там два наемника, племени Варяжского, пронзили мечами грудь Ярополкову... Верный слуга, который предсказал гибель сему несчастному, ушел к Печенегам, и Владимир едва мог возвратить его в отечество, дав клятву не мстить ему за любовь к Ярополку.

Таким образом, старший сын знаменитого Святослава, быв 4 года Киевским Владетелем и 3 года Главою всей России, оставил для Истории одну память добродушного, но слабого человека. Слезы его о смерти Олеговой свидетельствуют, что он не хотел братоубийства, и желание снова присоединить к Киеву область Древлянскую казалось согласным с государственною пользою. Самая доверенность Ярополкова к чести Владимировой изъясняет доброе, всегда неподозрительное сердце; но Государь, который действует единственно по внушению любимцев, не умея ни защитить своего трона, ни умереть Героем, достоин сожаления, а не власти.

Ярополк оставил беременную супругу, прекрасную Монахиню Греческую, пленницу Святославу. Он был женат еще при отце своем, но сватался за Рогнеду: следственно, многоженство и прежде Владимира не считалось беззаконием в России языческой.

В княжение Ярополка, в 973 году, по известию Летописца Немецкого, находились в Кведлинбурге, при Дворе Императора Оттона, *Послы Российские*, за каким делом? Неизвестно; сказано только, что они вручили Императору богатые дары.

Глава IX. Великий князь Владимир, названный в крещении Василием. Г. 980–1014

Хитрость Владимира. Усердие к идолопоклонству. Женолюбие. Завоевание Галиции. Первые Христианские мученики в Киеве. Бунт Радимичей. Камская Болгария. Торки. Отчаяние Гориславы. Супружество Владимира и крещение России. Разделение Государства. Строение городов. Война с Хорватами и Печенегами. Церковь Десятинная. Набег Печенегов. Пирь Владимировы. Милосердие. Осада Белгорода. Бунт Ярослава. Кончина Владимирова. Свойства его. Сказки народные. Богатыри.

Владимир с помощью злодеяния и храбрых Варягов овладел Государством; но скоро доказал, что он родился быть Государем великим.

Сии гордые Варяги считали себя завоевателями Киева и требовали в дань с каждого жителя по две гривны: Владимир не хотел вдруг отказать им, а манил их обещаниями до самого того времени, как они, по взятым с его стороны мерам, уже не могли быть страшны для столицы.

Варяги увидели обман; но видя также, что войско Российское в Киеве было их сильнее, не дерзнули взбунтоваться и смиренно просились в Грецию. Владимир, с радостью отпустив сих опасных людей, удержал в России достойнейших из них и роздал им многие города в управление. Между тем послы его предупредили Императора, чтобы он не оставлял мятежных Варягов в столице, но разослал по городам и ни в каком случае не позволял бы им возвратиться в Россию, сильную собственным войском.

Владимир, утвердив власть свою, изъявил отменное усердие к богам языческим: соорудил новый истукан Перуна с серебряною головою и поставил его близ *теремного двора*, на священном холме, вместе с иными кумирами. Там, говорит Летописец, стекался народ ослепленный и земля осквернялась кровию жертв. Может быть, совесть беспокоила Владимира; может быть, хотел он сею кровию примириться с богами, раздраженными его братоубийством: ибо и самая Вера языческая не терпела таких злодеяний... Добрыня, посланный от своего племянника управлять Новымгородом, также поставил на берегу Волхова богатый кумир Перунов.

Но сия Владимирова набожность не препятствовала ему утопать в наслаждениях чувственных. Первою его супругою была Рогнеда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; умертвив брата, он взял в наложницы свою беременную невестку, родившую Святополка; от другой законной супруги, Чехини или Богемки, имел сына Вышеслава; от третьей Святослава и Мстислава; от четвертой, родом из Болгарии, Бориса и Глеба. Сверх того, ежели верить летописи, было у него 300 наложниц в Вышегороде, 300 в нынешней Белогородке (близ Киева), и 200 в селе Берестове. Всякая прелестная жена и девица страшилась его любострастного взора: он презирал святость брачных союзов и невинности. Одним словом, Летописец называет его вторым Соломоном в женолюбии.

Владимир, вместе со многими Героями древних и новых времен любя жен, любил и войну. Польские Славяне, Ляхи, наскучив бурною вольностию, подобно Славянам Российским, еще ранее их прибегнули к Единовластию. Мечислав, Государь знаменитый в Истории введением Христианства в земле своей, правил тогда народом Польским: Владимир объявил ему войну, с намерением, кажется, возвратить то, что было еще Олегом завоевано в Галиции, но после, может быть, при слабом Ярополке отошло к Государству Польскому. Он взял города *Червен* (близ Хелма), *Перемышль* и другие, которые, с сего времени будучи собственностью России, назывались *Червенскими*. В следующие два года храбрый Князь смирил бунт Вятичей, не хотевших платить дани, и завоевал страну Ятвягов, дикого, но мужественного народа Латышского, обитавшего в лесах между Литвою и Польшею. Далее к Северо-Западу он распространил свои владения до самого Балтийского моря: ибо Ливония, по свидетельству Стурлезона, Летописца Исландского, принадлежала Владимиру, коего чиновники ездили собирать дань со всех жителей между Курляндию и Финским заливом.

Увенчанный победою и славою, Владимир хотел принести благодарность идолам и кровию человеческой обгадить олтари. Исполняя совет Бояр и старцев, он велел бросить жребий, кому из отроков и девиц Киевских надлежало погибнуть в удовольствие мнимых богов – и жребий пал на юного Варяга, прекрасного лицом и душою, коего отец был Христианином. Посланные от старцев объявили родителю о сем несчастье: вдохновенный любовью к сыну и ненавистию к такому ужасному суеверию, он начал говорить им о заблуждении язычников, о безумии кланяться тленному дереву вместо живого Бога, истинного Творца неба, земли и человека. Киевляне терпели Христианство; но торжественное хуление Веры их произвело всеобщий мятеж в городе. Народ вооружился, разметал двор Варяжского Христианина и требовал жертвы. Отец, держа сына за руку, с твердостью сказал: «Ежели идолы ваши действительно боги, то пусть они сами извлекут его из моих объятий». Народ, в исступлении ярости, умертвил отца и сына, которые были таким образом первыми и последними мучениками Христианства в языческом Киеве. Церковь наша чтит их Святыми под именем Феодора и Иоанна.

Владимир скоро имел случай новыми победами доказать свое мужество и счастье. Радимичи, спокойные данники Великих Князей со времен Олеговых, вздумали объявить себя независимыми: он спешил наказать их. Храбрый Воевода его, прозванием *Волчий Хвост*, начальник передовой дружины Княжеской, встретился с ними на берегах реки *Пищаны* и наголову побил мятежников; они смирились, и с того времени (пишет Нестор) вошло на Руси в поговорку: *Радимичи волчьего хвоста бегают*.

[985 г.] На берегах Волги и Камы издревле обитали Болгары, или, может быть, переселились туда с берегов Дона в VII веке, не хотев повиноваться Хану Козарскому. В течение времени они сделались народом гражданским и торговым; имели сообщение, посредством

судоходных рек, с Севером России, а чрез море Каспийское с Персиею и другими богатыми Азиатскими странами. Владимир, желая завладеть Камскою Болгариею, отправился на судах вниз по Волге вместе с Новгородцами и знаменитым Добрынею; берегом шли конные *Торки*, союзники или наемники Россиян. Здесь в первый раз упоминается о сем народе, единоплеменном с Туркоманами и Печенегами: он кочевал в степях на юго-восточных границах России, там же, где скитались Орды Печенежские. Великий Князь победил Болгаров; но мудрый Добрыня, по известию Летописца, осмотрев пленников и видя их в *сапогах*, сказал Владимиру: «Они не захотят быть нашими данниками: пойдем лучше искать *лапотников*». Добрыня мыслил, что люди избыточные имеют более причин и средств обороняться. Владимир, уважив его мнение, заключил мир с Болгарами, которые торжественно обещались жить дружелюбно с Россиянами, утвердив клятву сими простыми словами: «Разве тогда нарушим договор свой, когда камень станет плавать, а хмель тонуть на воде». – Ежели не с данию, то по крайней мере с честью и с дарами Великий Князь возвратился в столицу.

К сему времени надлежит, кажется, отнести любопытный и трогательный случай, описанный в продолжении Несторовой летописи. Рогнеда, названная по ее горестям *Гориславою*, простила супругу убийство отца и братьев, но не могла простить измены в любви: ибо Великий Князь уже предпочитал ей других жен и выслал несчастную из дворца своего. В один день, когда Владимир, посетив ее жилище уединенное на берегу Лыбеди – близ Киева, где в Несторово время было село *Предславино*, – заснул там крепким сном, она хотела ножом умертвить его. Князь проснулся и отвел удар. Напомнив жестокому смерти ближних своих и проливая слезы, отчаянная Рогнеда жаловалась, что он уже давно не любит ни ее, ни бедного младенца Изяслава. Владимир решился собственною рукою казнить преступницу; велел ей украситься брачною одеждою и, сидя на богатом ложе в светлой храмине, ждать смерти. Уже гневный супруг и судия вступил в сию храмину... Тогда юный Изяслав, наученный Рогнедою, подал ему меч обнаженный и сказал: «Ты не один, о родитель мой! Сын будет свидетелем». Владимир, бросив меч на землю, отвечив: «Кто знал, что ты здесь!»... удалился, собрал Бояр и требовал их совета. «Государь! – сказали они: – прости виновную для сего младенца, и дай им в Удел бывшую область отца ее». Владимир согласился: построил новый город в нынешней Витебской Губернии и, назвав его *Изяславлем*, отправил туда мать и сына.

Теперь приступаем к описанию важнейшего дела Владимирова, которое всего более прославило его в истории... Исполнилось желание благочестивой Ольги, и Россия, где уже более ста лет мало-помалу укоренялось Христианство, наконец вся и торжественно признала святость оною, почти в одно время с землями соседственными: Венгриию, Польшею, Швециею, Норвегиею и Даниею. Самое разделение Церквей, Восточной и Западной, имело полезное следствие для истинной Веры: ибо главы их старались превзойти друг друга в деятельной ревности к обращению язычников.

Древний Летописец наш повествует, что не только Христианские проповедники, но и Магометане, вместе с Иудеями, обитавшими в земле Козарской или в Тавриде, присылали в Киев мудрых законников склонять Владимира к принятию Веры своей и что Великий Князь охотно выслушивал их учение. Случай вероятный: народы соседственные могли желать, чтобы Государь, уже славный победами в Европе и в Азии, исповедовал одного Бога с ними, и Владимир мог также – увидев наконец, подобно великой бабке своей, заблуждение язычества – искать истины в разных Верах.

Первые Послы были от Волжских или Камских Болгаров. На восточных и южных берегах Каспийского моря уже давно господствовала Вера Магометанская, утвержденная там счастливым оружием Аравитян: Болгары приняли оную и хотели сообщить Владимиру. Описание Магометова рая и цветущих гурий пленило воображение сластолюбивого Князя; но обрезание казалось ему ненавистным обрядом и запрещение пить вино – уставом безрассудным. *Вино*, сказал он, *есть веселие для Русских; не можем быть без него*. – Послы Немецких Католиков говорили ему о величии невидимого Вседержителя и ничтожности идолов. Князь отвечив им: *Идите обратно; отцы наши не принимали Веры от Папы*. Выслушав Иудеев, он спросил, где их отечество? «В Иерусалиме, – отвечивали проповедники: – но Бог во гневе своем расточил нас по землям чуждым». *И вы, наказываемые Богом, дерзаете учить других?* сказал Владимир: *мы не хотим, подобно вам, лишиться своего отечества*. – Наконец, безымянный Философ, присланный Греками, опровергнув в немногих словах другие Веры, рассказал Владимиру все содержание Библии, Ветхого и Нового Завета: Историю творения, рая, греха, первых людей, потопа, народа избранного, искупления, Христианства, семи Соборов, и в

заключение показал ему картину Страшного Суда с изображением праведных, идущих в рай, и грешных, осужденных на вечную муку. Пораженный сим зрелищем, Владимир вздохнул и сказал: «Благо добродетельным и горе злым!» *Крестися*, – отвечив Философ, – *и будешь в раю с первыми*.

Летописец наш *угадывал*, каким образом проповедники Вер должныствовали говорить с Владимиром; но ежели Греческий Философ действительно имел право на сие имя, то ему не трудно было уверить язычника разумного в великом превосходстве Закона Христианского. Вера Славян ужасала воображение могуществом разных богов, часто между собою несогласных, которые играли жребием людей, и нередко увеселялись их кровию. Хотя Славяне признавали также и бытие единого Существа высочайшего, но праздного, беспечного в рассуждении судьбы мира, подобно божеству Эпикурову и Лукрециеву. О жизни за пределами гроба, столь любезной человеку, Вера не сообщала им никакого ясного понятия: *одно земное* было ее предметом. Освящая добродетель храбрости, великодушия, честности, гостеприимства, она способствовала благу гражданских обществ в их новости, но не могла удовлетворять сердца чувствительного и разума глубокомысленного. Напротив того, Христианство, представляя в едином невидимом Боге создателя и правителя вселенной, нежного отца людей, снисходительного к их слабостям и награждающего добрых – здесь миром и покоем совести, а там, за тьмою временной смерти, блаженством вечной жизни, – удовлетворяет всем главным потребностям души человеческой.

[987 г.] Владимир, отпустив Философа с дарами и с великою честью, собрал Бояр и *градских старцев*, объявил им предложения Магометан, Иудеев, Католиков, Греков и требовал их совета. «Государь! – сказали Бояре и старцы: – Всякий человек хвалит Веру свою: ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умных людей в разные земли испытать, который народ достойнее поклоняется Божеству» – и Великий Князь отправил *десять* благоразумных мужей для сего испытания. Послы видели в стране Болгаров храмы скудные, моление унылое, лица печальные; в земле Немецких Католиков богослужение с обрядами, но, по словам летописи, *без всякого величия и красоты*, наконец прибыли в Константинополь. *Да созерцают они славу Бога нашего!* сказал Император и, зная, что грубый ум пленяется более наружным блеском, нежели истинами отвлеченными, приказал вести Послов в Софийскую церковь, где сам Патриарх, облаченный в Святительские ризы, совершал Литургию. Великолепие храма, присутствие всего знаменитого Духовенства Греческого, богатые одежды служебные, убранство олтарей, красота живописи, благоухание фимиама, сладостное пение Клироса, безмолвие народа, священная важность и таинственность обрядов изумили Россиян; им казалось, что сам Всевышний обитает в сем храме и непосредственно с людьми соединяется... Возвратясь в Киев, Послы говорили Князю с презрением о богослужении Магометан, с неуважением о Католическом и с восторгом о Византийском, заключив словами: «Всякий человек, вкусив сладкое, имеет уже отвращение от горького; так и мы, узнав Веру Греков, не хотим иной». Владимир желал еще слышать мнение Бояр и старцев. «Когда бы Закон Греческий, – сказали они, – не был лучше других, то бабка твоя, Ольга, мудрейшая всех людей, не вздумала бы принять его». Великий Князь решился быть Христианином.

Так повествует наш Летописец, который мог еще знать современников Владимира, и потому достоверный в описании важных случаев его княжения. Истина сего Российского Посольства в страну Католиков и в Царьград, для испытания Закона Христианского, утверждается также известиями одной Греческой древней рукописи, хранимой в Парижской библиотеке: несогласие состоит единственно в прилагательном имени Василия, тогдашнего Царя Византийского, названного в ней *Македонским* вместо *Багрянородного*.

Владимир мог бы креститься и в собственной столице своей, где уже давно находились церкви и Священники Христианские; но Князь пышный хотел блеска и величия при сем важном действии: одни Цари Греческие и Патриарх казались ему достойными сообщить целому его народу уставы нового богослужения. Гордость могущества и славы не позволяла также Владимиру унижаться, в рассуждении Греков, искренним признанием своих языческих заблуждений и смиренно просить крещения: он вздумал, так сказать, *завоевать* Веру Христианскую и принять ее святыню рукою победителя.

[988 г.] Собрав многочисленное войско, Великий Князь пошел на судах к Греческому Херсону, которого развалины доньше видимы в Тавриде, близ Севастополя. Сей торговый город, построенный в самой глубокой древности выходцами Гераклеяскими, сохранял еще в X веке бытие и славу свою, несмотря на великие опустошения, сделанные дикими народами в окрестностях Черного моря, со времен Геродотовых скифов до Козаров и Печенегов. Он

признавал над собою верховную власть Императоров Греческих, но не платил им дани; избирал своих начальников и повиновался собственным законам Республиканским. Жители его, торгуя во всех пристанях Черноморских, наслаждались изобилием. – Владимир, остановясь в гавани, или заливе Херсонском, высадил на берег войско и со всех сторон окружил город. Издревле привязанные к вольности, Херсонцы оборонялись мужественно. Великий Князь грозил им стоять три года под их стенами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергали его предложения, в надежде, может быть, иметь скорую помощь от Греков; старались уничтожить все работы осаждающих и, сделав тайный подкоп, как говорит Летописец, ночью уносили в город ту землю, которую Россияне сыпали перед стенами, чтобы окружить оную валом, по древнему обыкновению военного искусства. К счастью, нашелся в городе доброжелатель Владимиру, именем Анастас: сей человек пустил к Россиянам стрелу с надписью: *За вами, к Востоку, находятся колодези, дающие воду Херсонцам чрез подземельные трубы; вы можете отнять ее.* Великий Князь спешил воспользоваться советом и велел перекопать водоводы (коих следы еще заметны близ нынешних развалин Херсонских). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались Россиянам.

Завоевав славный и богатый город, который в течение многих веков умел отражать приступы народов варварских, Российский Князь еще более возгордился своим величием и чрез Послов объявил Императорам, Василию и Константину, что он желает быть супругом сестры их, юной Царевны Анны, или, в случае отказа, возьмет Константинополь. Родственный союз с Греческими знаменитыми Царями казался лестным для его честолюбия. Империя, по смерти Героя Цимиския, была жертвою мятежей и беспорядка: Военачальники Склир и Фока не хотели повиноваться законным Государям и спорили с ними о Державе. Сии обстоятельства принудили Императоров забыть обыкновенную надменность Греков и презрение к язычникам. Василий и Константин, надеясь помощью сильного Князя Российского спасти трон и венец, ответствовали ему, что от него зависит быть их зятем; что, приняв Веру Христианскую, он получит и руку Царевны и Царство небесное. Владимир, уже готовый к тому, с радостью изъявил согласие креститься, но хотел прежде, чтобы Императоры, в залог доверенности и дружбы, прислали к нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество с Князем народа, по мнению Греков, дикого и свирепого, казалось ей *жестоким пленом* и ненавистнее смерти. Но Политика требовала сей жертвы, и ревность к обращению идолопоклонников служила ей оправданием или предлогом. Горестная Царевна отправилась в Херсон на корабле, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: там народ встретил ее как свою избавительницу, со всеми знаками усердия и радости. В летописи сказано, что Великий Князь тогда разболелся глазами и не мог ничего видеть; что Анна убедила его немедленно креститься и что он прозрел в самую ту минуту, когда Святитель возложил на него руку. Бояре Российские, удивленные чудом, вместе с Государем приняли истинную Веру (в церкви Св. Василия, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, где жили Великий Князь и невеста его). Херсонский Митрополит и Византийские Пресвитеры совершили сей обряд торжественный, за коим следовало обручение и самый брак Царевны с Владимиром, благословенный для России во многих отношениях и весьма счастливый для Константинополя: ибо Великий Князь, как верный союзник Императоров, немедленно отправил к ним часть мужественной дружины своей, которая помогла Василию разбить мятежника Фоку и восстановить тишину в Империи.

Сего не довольно: Владимир отказался от своего завоевания и, соорудив в Херсоне церковь – на том возвышении, куда граждане сносили из-под стен землю, возвратил сей город Царям Греческим в изъявление благодарности за руку сестры их. Вместо пленников он вывел из Херсона одних Иереев и того Анастаса, который помог ему овладеть городом; вместо дани взял церковные сосуды, мощи Св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырех коней медных, в знак любви своей к художествам (сии, может быть, изящные произведения древнего искусства стояли в Несторово время на площади старого Киева, близ нынешней Андреевской и Десятинной церкви). Наставленный Херсонским Митрополитом в тайнах и нравственном учении Христианства, Владимир спешил в столицу свою озарить народ светом крещения. Истребление кумиров служило приуготовлением к сему торжеству: одни были изрублены, другие сожжены. Перуна, главного из них, привязали к хвосту конскому, били тростями и свергнули с горы в Днепр. Чтобы усердные язычники не извлекли идола из реки, воины Княжеские отталкивали его от берегов и проводили до самых порогов, за коими он был извержен волнами на берег (и сие место долго называлось Перуновым). Изумленный народ не смел защитить своих мнимых богов, но проливал слезы, бывшие для них последнею данию суеверия: ибо Владимир на другой день

велел объявить в городе, чтобы все люди Русские, Вельможи и рабы, бедные и богатые шли креститься – и народ, уже лишенный предметов древнего обожания, устремился толпами на берег Днепра, рассуждая, что новая Вера должна быть мудрою и святою, когда Великий Князь и Бояре предпочли ее старой Вере отцев своих. Там явился Владимир, провождаемый собором Греческих Священников, и по данному знаку бесчисленное множество людей вступило в реку: большие стояли в воде по грудь и шею; отцы и матери держали младенцев на руках; Иереи читали молитвы крещения и пели славу Вседержителя. Когда же обряд торжественный совершился; когда Священный Собор нарек всех граждан Киевских Христианами: тогда Владимир, в радости и восторге сердца устремив взор на небо, громко произнес молитву: «Творец земли и неба! Благослови сих новых чад Твоих; дай им познать Тебя, Бога истинного, утверди в них Веру правую. Будь мне помощию в искушениях зла, да восхваляю достойно святое имя Твое!»... *В сей великий день*, говорит Летописец, *земля и небо ликовали.*

Скоро знамения Веры Христианской, принятой Государем, детьми его, Вельможами и народом, явились на развалинах мрачного язычества в России, и жертвенники Бога истинного заступили место идольских требищ. Великий Князь соорудил в Киеве деревянную церковь Св. Василия на том месте, где стоял Перун, и призвал из Константинополя искусных зодчих для строения храма каменного во имя Богоматери, там, где в 983 году пострадал за Веру благочестивый Варяг и сын его. Между тем ревностные служители олтарей, Священники, проповедовали Христа в разных областях Государства. Многие люди крестились, рассуждая без сомнения так же, как и граждане Киевские; другие, привязанные к Закону древнему, отвергали новый: ибо язычество господствовало в некоторых странах России до самого XII века. Владимир не хотел, кажется, принуждать совести; но взял лучшие, надежнейшие меры для истребления языческих заблуждений: *он старался просветить Россиян.* Чтобы утвердить Веру на знании книг Божественных, еще в IX веке переведенных на Славянский язык Кириллом и Мефодием и без сомнения уже давно известных Киевским Христианам, Великий Князь завел для отроков училища, бывшие первым основанием народного просвещения в России. Сие благодеяние казалось тогда страшною новостью, и жены знаменитые, у коих неволей брали детей в науку, оплакивали их как мертвых, ибо считали грамоту опасным чародейством.

Владимир имел 12 сыновей, еще юных отроков. Мы уже наименовали из них 9: Станислав, Позвизд, Судислав родились, кажется, после. Думая, что дети могут быть надежнейшими слугами отца или, лучше сказать, следуя несчастному обыкновению сих времен, Владимир разделил Государство на области и дал в Удел Вышеславу Новгород, Изяславу Полоцк, Ярославу Ростов: по смерти же Вышеслава Новгород, а Ростов Борису; Глебу Муром, Святославу Древлянскую землю, Всеволоду Владимир Волынский, Мстиславу Тмуторокань, или Греческую Таматарху, завоеванную, как вероятно, мужественным дедом его; а Святополку, усыновленному племяннику, Туров, который донныне существует в Минской Губернии и назван так от имени Варяга Тура, повелевавшего некогда сею областью. Владимир отправил малолетних Князей в назначенный для каждого Удел, поручив их до совершенного возраста благоразумным пестунам. Он, без сомнения, не думал раздробить Государства и дал сыновьям одни права своих Наместников; но ему надлежало бы предвидеть следствия, необходимые по его смерти. Удельный Князь, повинувшись отцу, самовластному Государю всей России, мог ли столь же естественно повиноваться и наследнику, то есть брату своему? Междоусобие детей Святославовых уже доказало противное; но Владимир не воспользовался сим опытом: ибо самые великие люди действуют согласно с образом мыслей и правилами своего века.

Желая удобнее образовать народ и защитить южную Россию от грабительства Печенегов, Великий Князь основал новые города по рекам Десне, Остеру, Трубежу, Суле, Стугне и населил их Новгородскими Славянами, Кривичами, Чудью, Вятичами. Укрепив Киевский Белгород стеною, он перевел туда многих жителей из других городов: ибо отменно любил его и часто жил в оном.

Война с Хорватами, обитавшими (как думаем) на границах Седмиградской области и Галиции, отвлекла Владимира от внутренних государственных распоряжений. Едва окончив ее, миром или победою, он сведал о набеге Печенегов, которые пришли из-за Сулы и разоряли область Киевскую. Великий Князь встретился с ними на берегах Трубежа: причем Летописец рассказывает следующую повесть:

«Войско Печенегов стояло за рекою: Князь их вызвал Владимира на берег и предложил ему решить дело поединком между двумя, с обеих сторон избранными богатырями. *Ежели Русской уьет Печенега, сказал он, то обяываемся три года не воевать с вами, а ежели наши победит,*

то мы вольны три года опустошать твою землю. Владимир согласился и велел *Бирючам* или Герольдам в стане своем кликнуть охотников для поединка: не сыскалось ни одного, и Князь Российский был в горести. Тогда приходит к нему старец и говорит: *Я вышел в поле с четырьмя сынами, а меньший остался дома. С самого детства никто не мог одолеть его. Однажды, в сердце на меня, он разорвал на-двое толстую воловью кожу. Государь! Вели ему бороться с Печенегом.* Владимир немедленно послал за юношею, который для опыта в силе своей требовал быка дикого; и когда зверь, раздраженный прикосновением горячего железа, бежал мимо юноши, сей богатырь одной рукою вырвал у него из боку кусок мяса. На другой день явился Печенег, великан страшный, и, видя своего малорослого противника, засмеялся. Выбрали место: единоборцы схватились. Россиянин крепкими мышцами своими давнул Печенега и мертвого ударил об землю. Тогда дружина Княжеская, воскликнув победу, бросилась на уstraшенное войско Печенегов, которое едва могло спастись бегством. Радостный Владимир в память сему случаю заложил на берегу Трубежа город и назвал его *Переяславлем*: ибо юноша Русской *перял* у врагов *славу*. Великий Князь, наградив витязя и старца, отца его, саном Боярским, возвратился с торжеством в Киев». Поединок может быть истинною; но обстоятельство, что Владимир основал Переяславль, кажется сомнительным: ибо о сем городе упоминается еще в Олеговом договоре с Греками в 906 году.

[994–996 гг.] Россия года два или три наслаждалась потом тишиною. Владимир, к великому своему удовольствию, видел наконец совершение каменного храма в Киеве, посвященного Богоматери и художеством Греков украшенного. Там, исполненный Веры святой и любви к народу, он сказал пред олтарем Всевышнего: «Господи! В сем храме, мною сооруженном, да внимаешь всегда молитвам храбрых Россиян!» – и в знак сердечной радости угостил во дворце Княжеском Бояр и градских старцев; не забыл и людей бедных, щедро удовлетворив их нуждам. – Владимир отдал в новую церковь иконы, кресты и сосуды, взятые в Херсоне; велел служить в ней Херсонским Иереям; поручил ее любимцу своему Анастасу; оставил брать ему десятую часть из собственных доходов Княжеских и, клятвенною грамотою обязав своих наследников не преступать сего закона, положил оную в храме. Следственно, Анастас был Священного сана и, вероятно, знаменитого, когда главная церковь столицы (доныне именуемая *Десятинною*) находилась под его особенным ведением. Новейшие Летописцы утвердительно повествуют о Киевских Митрополитах сего времени, но, именуя их, противоречат друг другу. Нестор совсем не упоминает о Митрополии до княжения Ярославова, говоря единственно о Епископах, уважаемых Владимиром, без сомнения Греках или Славянах Греческих, которые, разумея язык наш, тем удобнее могли учить Россиян.

Случай, опасный для Владимировой жизни, еще более утвердил сего Князя в чувствах набожности. Печенеги, снова напав на области Российские, приступили к Василеву, городу, построенному им на реке Стугне. Он вышел в поле с малою дружиною, не мог устоять против их множества и должен был скрыться под мостом. Окруженный со всех сторон врагами свирепыми, Владимир обещался, ежели Небо спасет его, соорудить в Василеве храм празднику того дня, Святому Преображению. Неприятели удалились, и Великий Князь, исполнив обет свой, созвал к себе на пир Вельмож, Посадников, старейшин из других городов. Желая изобразить его роскошь, Летописец говорит, что Владимир приказал сварить *триста варь меду* и восемь дней праздновал с Боярами в Василеве. Убогие получили 300 гривен из казны государственной. Возвратясь в Киев, он дал новый пир не только Вельможам, но и всему народу, который искренно радовался спасению доброго и любимого Государя. С того времени сей Князь всякую неделю угощал в *Гриднице*, или в прихожей дворца своего, Бояр, Гридней (меченосцев Княжеских), воинских Сотников, Десятских и всех людей именитых или *нарочитых*. Даже и в те дни, когда его не было в Киеве, они собирались во дворце и находили столы, покрытые мясами, дичиною и всеми роскошными яствами тогдашнего времени. Однажды – как рассказывает летописец – гости Владимировы, упоенные крепким медом, вздумали жаловаться, что у знаменитого Государя Русского подают им к обеду деревянные ложки. Великий Князь, узнав о том, велел сделать для них *серебряные*, говоря благоразумно: *Серебром и золотом не добудешь верной дружины; а с нею добуду много и серебра и золота, подобно отцу моему и деду*. Владимир, по словам летописи, отменно любил свою дружину и советовался с сими людьми, не только храбрыми, но и разумными, как о воинских, так и гражданских делах.

Будучи другом усердных Бояр и чиновников, он был истинным отцем бедных, которые всегда могли приходиться на двор Княжеский, уголять там голод свой и брать из казны деньги. Сего мало: *больные*, говорил Владимир, *не в силах дойти до палат моих* – и велел развозить по

улицам хлеба, мясо, рыбу, овощи, мед и квас в бочках. «Где нищие, недужные?» – спрашивали люди Княжеские и наделяли их всем потребным. Сию добродетель Владимирову приписывает Нестор действию Христианского учения. Слова Евангельские: *блажени милостиви, яко тии помиловани будут*, и Соломоновы: *дая нищему, Богу в заим даете*, вселили в душу Великого Князя редкую любовь к благотворению и вообще такое милосердие, которое выходило даже из пределов государственной пользы. Он щадил жизнь самых убийц и наказывал их только *Вирую*, или денежною пенею: число преступников умножалось, и дерзость их ужасала добрых, спокойных граждан. Наконец духовные Пастыри Церкви вывели набожного Князя из заблуждения. «Для чего не караешь злодейства?» – спросили они. *Боюсь гнева Небесного*, отвечивал Владимир. «Нет, – сказали Епископы: – ты поставлен Богом на казнь злым, а добрым на милование. Должно карать преступника, но только с рассмотрением». Великий Князь, приняв их совет, отменил *Виру* и снова ввел смертную казнь, бывшую при Игоре и Святославе.

Сим благоразумным советникам надлежало еще пробудить в нем, для государственного блага, и прежний дух воинский, усыпленный тем же человеколюбием. Владимир уже не искал славы Героев и жил в мире с соседственными Государями: Польским, Венгерским и Богемским; но хищные Печенеги, употребляя в свою пользу миролюбие его, беспрестанно опустошали Россию. Мудрые Епископы и *старцы* доказали Великому Князю, что Государь должен быть ужасом не только преступников государственных, но и внешних врагов, – и глас воинских труб снова раздался в нашем древнем отечестве.

[997 г.] Владимир, желая собрать воинство многочисленное для отражения Печенегов, сам отправился в Новгород; но сии неутомимые враги, узнав его отсутствие, приблизились к столице, окружили Белгород и пресекли сообщение жителей с местами окрестными. Чрез несколько времени сделался там голод, и народ, собравшись на *Вече*, или совет, изъявил желание сдаться неприятелям. «Князь далеко, – говорил он: – Печенеги могут умертвить только некоторых из нас; а от голода мы все погибнем». Но хитрость умного старца, впрочем не совсем *вероятная*, спасла граждан. Он велел ископать два колодезя, поставить в них одну кадь с сытою, другую с тестом и звать старшин неприятельских будто бы для переговоров. Видя сии колодези, они поверили, что земля сама собою производит там вкусную для людей пищу, и возвратились к своим Князьям с вестию, что город не может иметь недостатка в съестных припасах! Печенеги сняли осаду.

Вероятно, что Владимир счастливым оружием унял наконец сих варваров: по крайней мере Летописец не упоминает более о их нападениях на Россию до самого 1015 года. Но здесь предания оставляют, кажется, Нестора и в течение *семнадцати лет* он рассказывает нам только, что в 1000 году умерли Мальфрида – одна из бывших Владимировых жен, как надобно думать – и знаменитая несчастием Рогнеда, в 1001 Изяслав, а в 1003 младенец Всеслав, сын Изяславов; что в 1007 году привезли иконы в Киевский храм Богоматери из Херсона или из Греции, а в 1011 скончалась Анна, супруга Владимирова, достопамятная для потомства: ибо она была орудием Небесной благодати, извлекшей Россию из тьмы идолопоклонства.

В сии годы, скудные происшествиями по Несторовой летописи, Владимир мог иметь ту войну с Норвежским Принцем Эриком, о коей повествует Исландский Летописец Стурлезон. Гонимый судьбою, малолетний Принц Норвежский Олоф, племянник Сигурда, одного из Вельмож Владимировых, с матерью, вдовствующею Королевою Астридою, нашел убежище в России; учился при Дворе, осыпавый милостями Великой Княгини, и ревностно служил Государю; но, оклеветанный завистливыми Боярами, должен был оставить его службу. Чрез несколько лет – может быть, с помощью России – он сделался Королем Норвежским, отняв престол у Эрика, который бежал в Швецию, собрал войско, напал на северо-западные Владимировы области, осадил и взял приступом город Российский *Альдейгабург*, или, как *вероятно*, нынешнюю Старую Ладугу, где обыкновенно приставали мореплаватели Скандинавские и где, по народному преданию, Рюрик имел дворец свой. Храбрый Норвежский Принц четыре года воевал с Владимиром; наконец, уступив превосходству сил его, вышел из России.

Судьба не пощадила Владимира в старости: пред концом своим ему надлежало увидеть с горестию, что властолюбие вооружает не только брата против брата, но и сына против отца.

Наместники Новгородские ежегодно платили две тысячи гривен Великому Князю и тысячу раздавали Гридням, или телохранителям Княжеским. Ярослав, тогдашний Правитель Новгорода, дерзнул объявить себя независимым и не хотел платить дани. Раздраженный Владимир велел готовиться войску к походу в Новгород, чтобы наказать ослушника; а сын, ослепленный властолюбием, призвал из-за моря Варягов на помощь, думая, вопреки законам

Божественным и человеческим, поднять меч на отца и Государя. Небо, отвратив сию войну богопротивную, спасло Ярослава от злодеяния редкого. [1015 г.]. Владимир, может быть от горести, занемог тяжкою болезнию, и в то же самое время Печенеги ворвались в Россию; надлежало отразить их: не имея сил предводительствовать войском, он поручил его *любимому* сыну Борису, Князю Ростовскому, бывшему тогда в Киеве, и чрез несколько дней скончался в Берестове, загородном дворце, не избрав наследника и оставив кормило Государства на волю рока...

Святополк, усыновленный племянник Владимиров, находился в столице: боясь его властолюбия, придворные хотели утаить кончину Великого Князя, вероятно для того, чтобы дать время сыну его, Борису, возвратиться в Киев; ночью выломали пол в сенях, завернули тело в ковер, спустили вниз по веревкам и отвезли в храм Богоматери. Но скоро печальная весть разгласилась в городе: Вельможи, народ, воины, бросились в церковь; увидели труп Государя и стенанием изъявили свое отчаяние. Бедные оплакивали благодетеля, Бояре отца отечества... Тело Владимирово заключили в мраморную раку и поставили оную торжественно рядом с гробницею супруги его, Анны, среди храма Богоматери, им сооруженного.

Сей Князь, названный церковью *Равноапостольным*, заслужил и в истории имя *Великого*. Истинное ли уверение в святине Христианства, или, как повествует знаменитый Арабский Историк XIII века, одно честолюбие и желание быть в родственном союзе с Государями Византийскими решило его креститься? Известно Богу, а не людям. Довольно, что Владимир, приняв Веру Спасителя, освятился Ею в сердце своем и стал иным человеком. Быв в язычестве мстителем свирепым, гнусным сластолюбцем, воином кровожадным и – что всего ужаснее – братоубийцею, Владимир, наставленный в человеколюбивых правилах Христианства, боялся уже проливать кровь самых злодеев и врагов отечества. Главное право его на вечную славу и благодарность потомства состоит, конечно, в том, что он поставил Россиян на путь истинной Веры; но имя *Великого* принадлежит ему и за дела государственные. Сей Князь, похитив Единовластие, благоразумным и счастливым для народа правлением загладил вину свою; выслав мятежных Варягов из России, употребил лучших из них в ее пользу; смирил бунты своих данников, отражал набеги хищных соседей, победил сильного Мечислава и славный храбростию народ Ятвяжский; расширил пределы Государства на Западе; мужеством дружины своей утвердил венец на слабой главе Восточных Императоров; старался просветить Россию: населил пустыни, основал новые города; любил советоваться с мудрыми Боярами о полезных уставах земских; завел училища и призывал из Греции не только Иереев, но и художников; наконец, был нежным отцом народа бедного. Горестию последних минут своих он заплатил за важную ошибку в Политике, за назначение особенных Уделов для сыновей.

Слава его правления раздалась в трех частях мира: древние Скандинавские, Немецкие, Византийские, Арабские летописи говорят о нем. Кроме преданий церкви и нашего первого Летописца о делах Владимировых, память сего Великого Князя хранилась и в сказках народных о великолепии пиров его, о могучих богатырях его времени: о Добрыне Новгородском, Александре *с золотою гривною*, Илье Муромце, сильном Рахдае (который будто бы один ходил на 300 воинов), Яне Усмошвце, грозе Печенегов, и прочих, о коих упоминается в новейших, отчасти баснословных летописях. Сказки не история; но сие сходство в народных понятиях о временах Карла Великого и Князя Владимира достойно замечания: тот и другой, заслужив бессмертие в летописях своими победами, усердием к Христианству, любовь к Наукам, живут донныне и в сказках богатырских.

Владимир, несмотря на слабое от природы здоровье, дожил до старости: ибо в 970 году уже господствовал в Новгороде, под руководством дяди, Боярина Добрыни.

Прежде нежели будем говорить о наследниках сего великого Монарха, дополним Историю описанных нами времен всеми известиями, которые находятся в Несторе и в чужестранных, современных Летописях, о гражданском и нравственном состоянии тогдашней России: чтобы не прерывать нити исторического повествования, сообщаем оные в статье особенной.

Глава X. О состоянии древней России

Пределы. Правление. Законы гражданские. Военское искусство. Флоты. Чинопочинание и внутреннее образование войска. Торговля. Пышность и роскошь. Состояние городов. Деньги. Успехи разума. Механические и свободные художества. Нравы.

В самый первый век бытия своего Россия превосходила обширностию едва ли не все тогдашние Государства Европейские. Завоевания Олеговы, Святославовы, Владимировы распространили ее владения от Новгорода и Киева к Западу до моря Балтийского, Двины, Буга и гор Карпатских, а к Югу до порогов Днепровских и Киммерийского Воспора; к Северу и Востоку граничила она с Финляндиею и с Чудскими народами, обитателями нынешних Губерний Архангельской, Вологодской, Вятской, также с Мордвою и с Казанскими Болгарами, за коими, к морю Каспийскому, жили Хвалисы, их единоверцы и единоплеменники (почему сие море называлось тогда Хвалынским, или Хвалиским).

Слова Новгородцев и союзных с ними народов, преданные нам Летописцем: «хотим Князя, да владеет и правит нами по закону», были основанием первого устава государственного в России, то есть Монархического.

Но Князья привели с собою многих независимых Варягов, которые считали их более своими товарищами, нежели Государями, и шли в Россию властвовать, а не повиноваться. Сии Варяги были первыми чиновниками, знаменитейшими воинами и гражданами; составляли отборную Дружину и верховный Совет, с коим Государь делился властью. Мы видели, что Послы Российские заключали договор с Грециею от имени Князя и Бояр его; что Игорь не мог один утвердить союза с Императором и что вся *дружина Княжеская* должна была вместе с ним присягать на священном холме.

Самый народ Славянский, хотя и покорился Князьям, но сохранил некоторые обыкновения вольности и в делах важных или в опасностях государственных сходился на общий совет. Белгородцы, теснимые Печенегами, рассуждали на Вече, что им делать. – Сии народные собрания были древним обыкновением в городах Российских, доказывали участие граждан в правлении и могли давать им смелость, неизвестную в Державах строгого, неограниченного Единовластия. Так Новгородцы объявили Святославу, что они требуют от него сына в Правители, или, в случае отказа, изберут себе особенного Князя.

На войне права Государя были ограничены корыстолюбием воинов: он мог брать себе только часть добычи, уступая им прочее. Так Олег, Игорь взяли дань с Греков на каждого из своих ратников; самые родственники убитых имели в ней долю. Желая один воспользоваться грабежом в земле Древлянской, Игорь удалил от себя войско: следственно, не только добычею счастливой битвы, но и данию, собираемую с народов, уже подвластных России, Князья делились с воинами.

Впрочем, вся земля Русская была, так сказать, законною собственностью Великих Князей: они могли, кому хотели, раздавать города и волости. Так многие Варяги получили Уделы от Рюрика. Так супруга Игорева владела Вышегородом, а Роголод, по словам летописи, *княжил* в Полоцке.

Варяги, на условиях *поместной системы* владевшие городами, имели титул Князей: о сих-то *многих* Князьях Российских упоминается в Олеговом договоре с Греческим Императором. Дети их, заслужив милость Государя, могли получать те же Уделы: Бояре Владимировы назвали Полоцк, где княжил отец Рогнедин, ее наследственным достоянием, или отчиною. Но Великий Князь как Государь располагал сими частными Княжествами: Владимир отдал детям своим Ростов, Муром и другие области, бывшие со времен Рюриковых Уделами Вельмож Норманских. Другие города и волости непосредственно зависели от Великого Князя: он управлял ими чрез своих Посадников, или Наместников. Образ сего внутреннего правления отвечал простоте тогдашних нравов. Одни люди были чиновниками воинскими и гражданскими: Государь советовался о *земских* учреждениях с храброю дружиною. Ему принадлежала верховная законодательная и судебная власть: Владимир по воле своей отменил и снова оставил смертную казнь. – Нестор упоминает еще о *градских старейшинах*, которые летами, разумом и честью заслужив доверенность, могли быть судиями в делах народных.

Во времена независимости Российских Славян гражданское правосудие имело основанием совесть и древние обычаи каждого племени в особенности; но Варяги принесли с собою общие гражданские законы в Россию, известные нам по договорам Великих Князей с Греками и во всем согласные с древними законами Скандинавскими. Например: и в тех и других было уставлено, что родственник убиенного имел право лишить жизни убийцу; что гражданин мог умертвить вора, который не захотел бы добровольно отдаться ему в руки; что за каждый удар мечем, копием или другим орудием надлежало платить денежную пеню. Сии первые законы нашего отечества, еще древнейшие Ярославовых, делают честь веку и народному характеру, будучи основаны на доверенности к клятвам, следственно, к совести людей, и на справедливости: так виновный был увольняем от пени, ежели он утверждал клятвенно, что не имеет способа заплатить ее; так хищник наказывался соразмерно с виною и платил вдвое и втрое за всякое похищение; так гражданин, мирными трудами нажив богатство, мог при кончине располагать им в пользу ближних и друзей своих. – Трудно вообразить, чтобы одно словесное предание хранило сии уставы в народной памяти. Ежели не Славяне, то по крайней мере Варяги Российские могли иметь в IX и X веке *законы писанные*: ибо в древнем отечестве их, в Скандинавии, употребление Рунических писем было известно до времен Христианства.

Мы имеем еще древний так называемый *Владимиров устав*, по коему, сообразно с Греческими Номоканонами, отчуждены от мирского ведомства Монахи и церковники, богадельни, гостиницы, дома странноприимства, лекари и все люди увечные. Дела их были подсудны одним Епископам: также весы и мерилы городские, распри и неверность супругов, браки незаконные, волшебство, отравы, идолопоклонство, непристойная брань, злодейства детей в отношении к отцу и матери, тяжбы родных, осквернение храмов, церковная татьба, снятие одежды с мертвеца и проч. и проч. Нет сомнения, что Духовенство Российское в первые времена Христианства решало не только церковные, но и многие гражданские дела, которые относились к совести и нравственным правилам новой Веры (так было во всей Европе); нет сомнения, что означенные здесь суды могли принадлежать ему (некоторые из оных и ныне остаются его правом): но *сей устав* есть подложный – и вот доказательство: там Владимир пишет, что Патриарх *Фотий* дал ему *первого* Митрополита Леона; а *Фотий* умер за 90 лет до сего Великого Князя.

Варяги, законодатели наших предков, были их наставниками и в искусстве войны. Россияне, предводимые своими Князьями, сражались уже не толпами беспорядочными, как Славяне древние, но строем, вокруг знамен своих или стягов, в сомкнутых рядах, при звуке труб воинских; имели конницу, собственную и наемную, и *сторожевые* отряды, за коими целое войско оставалось в безопасности. Готовясь к битвам, они выходили на открытое поле заниматься воинскими играми: учились быстрому, дружному нападению и согласным движениям, дающим победу; носили для защиты своей тяжелые латы, обручи, высокие шлемы. Мечи, с обеих сторон острые, копья и стрелы были их оружием. Укрепляя города свои стенами, хотя деревянными, но неприступными для народов варварских, тогдашних соседей России, предки наши умели брать города чуждые и знали искусство осадных земляных работ; окружали глубокими рвами не только крепости, но и полевые станы свои для безопасности.

Подобно другим Славянам мужественные на суше, они заимствовали от Варягов искусство мореплавания, и только один страшный *огонь Греческий* мог спасти Царьград от флота Игорев: для того Великие Князья всегда желали узнать тайный состав сего огня; но хитрые Греки уверяли их, что Ангел Небесный вручил оный Императору Константину и что одни Христиане могут им пользоваться. Тогдашние военные корабли Российские были не что иное, как гребные, с помощью больших парусов весьма ходкие суда, на которые садилось от 40 до 60 человек.

О древнем чиноположении и внутреннем образовании войска известно нам следующее: Князь был его главою на воде и суше; под ним начальствовали Воеводы, Тысячские, Сотники, Десятские. Дружину первого составляли опытные витязи и Бояре, которые хранили его жизнь и служили примером мужества для прочих. Мы знаем, сколь Владимир уважал и любил их. Дружина Игоревы и по смерти Князя носила на себе его имя. Под сим общим названием разумелись иногда и молодые отборные воины, Отроки, Гривни, которые служили при Князе: первые считались знаменитее вторых. Главные Воеводы имели также своих Отроков, как Свенельд, Воевода Игорев. – Варяги до самых времен Ярославовых были в России особым войском: они и Гривни, или *Мечники*, брали из казны жалованье; другие участвовали только в добыче.

Народы, из коих составилось Государство Российское, и до пришествия Варягов имели уже некоторую степень образования: ибо самые грубые Древляне жили отчасти в городах; самые Вятичи и Радимичи, варвары по описанию Несторову, издревле занимались хлебопашеством. Вероятно, что они пользовались и выгодами торговли, как внутренней, так и внешней; но мы не имеем никакого исторического об ней сведения. Первые известия о нашем древнем купечестве относятся уже ко временам Варяжских Князей: договоры их с Греками свидетельствуют, что в X веке жило множество Россиян в Цареграде, которые продавали там невольников и покупали всякие ткани. Звериная ловля и пчеловодство доставляли им множество воску, меду и драгоценных мехов, бывших, вместе с невольниками, главным предметом их торговли. Константин Багрянородный пишет, что в Хазарию и в Россию шли тогда из Царяграда пурпур, богатые одежды, сукна, сафьян, перец: к сим товарам, по известию Нестора, можно прибавить вино и плоды. Ежегодное путешествие Российских купцов в Грецию описывает Константин следующим образом: «Суда их приходят в Царьград из Новагорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышегорода; подвластные Россам Славяне, кривичи, лучане и другие зимою рубят лес на горах своих и строят лодки, называемые *моновѣла* ибо оне делаются *из одного дерева*. По вскрытии Днепра Славяне приплывают в Киев и продают оные Россиянам, которые делают уключины и весла из старых лодок. В Апреле месяце собирается весь Российский флот в городке Витичеве, откуда идет уже к порогам. Дошедши до четвертого и самого опасного, то есть *Неясытя*, купцы выгружают товары и ведут скованных невольников около 6000 шагов берегом. Печенеги ожидают их обыкновенно за порогами, близ так называемого *Крарийского перевоза* (где Херсонцы, *возвращаясь* из *России*, переправляются чрез Днепр): отразив сих разбойников и доплыв до острова Св. Григория, Россияне приносят богам своим жертву благодарности и до самой реки Селины, которая есть рукав Дуная, не встречают уже никакой опасности; но там, ежели ветром прибьет суда их к берегу, они снова должны сражаться с Печенегами и, наконец, миновав Конопу, Константию, также устье Болгарских рек, Варны и Дицины, достигают Месимврии, первого Греческого города». Сия торговля, без сомнения, весьма обогащала Россиян, когда они для ее выгод отваживались на столько опасностей и трудов и когда она была предметом всякого их мирного договора с Империею. – Они ходили на судах не только в Болгарию, в Грецию, Хазарию или Тавриду, но, если верить Константину, и в самую отдаленную Сирию: Черное море, покрытое их кораблями, или, справедливее сказать, лодками, было названо *Русским*. Но Цареградские купцы едва ли ездили чрез пороги Днепровские; одни, кажется, Херсонцы торговали в Киеве.

Печенеги, всегдашние грабители нашего древнего отечества, имели с ним также и мирные торговые связи. Будучи народом кочующим и скотоводным, подобно нынешним Киргизам и Калмыкам, они продавали Россиянам множество Азиатских коней, овец и быков; но Константин к сему известию прибавляет явную ложь, сказывая, что в России не было прежде ни лошадей, ни скота рогатого. – Волжские Болгары, по сказанию Эбн-Гаукаля, Арабского Географа X века, доставали от нас шкуры черных куниц или Скифских соболей; но сами не ездили в Россию, будто бы для того, что в ней убивали всех иноземцев.

О торговле древних Россиян с народами северными находим любопытные и достоверные известия в Скандинавских и Немецких Летописцах. Средоточием ее был Новгород, где со времен Рюриковых поселились многие Варяги, деятельные в морском грабеже и купечестве. Там Скандинавы покупали драгоценные ткани, домовые приборы, Царские одежды, шитые золотом, и мягкую рухлядь. Первые не могли быть собственным рукоделием наших предков: вероятно, что они покупали сии богатые одежды и ткани в Цареграде, куда, по сказанию Несторову, езжали Новгородцы еще в Олеговы времена. В славной Виннете и других Бальтийских городах находились купцы Российские. Мы знаем, что Ливония зависела от Владимира: там ежегодно бывали многолюдные ярмонки, собирались весною Норвежские и другие купцы, покупали невольников, меха и возвращались в отечество не прежде осени. Торговля наша столь уже славилась богатством на Севере, что Летописцы сего времени обыкновенно называют Россию *страною, изобильною всеми благами, omnibus bonis aifluentem*.

Вероятно, что Великие Князья, следуя примеру Скандинавских Владетелей, сами участвовали в выгодах народной торговли для умножения своих доходов. Государственная подать в IX и X веке состояла у нас более в *вещах*, нежели в *деньгах*. Из разных областей России ходили в столицу обозы с *медом* и *шкурами*, или с оброком Княжеским, что называлось: *возить повоз*. Следственно, казна изобиловала товарами и могла отпускать их в чужие земли.

Россияне, подобно Норманам, соединяли торговлю с грабежом. Известно, что они славились морскими разбоями в окрестностях Меларского озера и что железные цепи при Стокзунде (где ныне Стокгольм) не могли их удерживать. Требование Греков в договоре с Игорем, чтобы все мореходцы Российские предъявляли от своего Князя письменное свидетельство о мирном их намерении, имело, без сомнения, важную причину: ту, кажется, что некоторые Россияне под видом купечества выезжали грабить на Черное море, а после вместе с другими приходили свободно торговать в Царьград. Надобно было отличить истинных купцов от разбойников.

Счастливые войны и торговля Россиян, служив к обогащению народа, долженствовали, в течение ста лет и более, произвести некоторую роскошь, прежде неизвестную. Узнав пышность Двора Константинопольского, Великие Князья хотели подражать ему: не только сами они, но и супруги их, дети, родственники имели своих особенных придворных чиновников. Нередко Послы Российские именем Государя требовали в дар от Греков Царской одежды и венцев: чего Императоры, желая отличиться от *варваров* хотя украшениями драгоценными, не любили давать им, уверяя, что сии порфиры и короны сделаны руками Ангелов и должны быть всегда хранимы в Софийской церкви. Друзья Владимира, обедая у Князя, ели *серебряными* ложками. Мед, древнее любимое питье всех народов Славянских, был еще душою славных пиров его; но Киевляне в Олеговы времена уже имели вина Греческие и вкусные плоды теплых климатов. Перец Индейский служил приправою для их трапезы изобильной. Богатые люди носили одежду шелковую и пурпуровую, драгоценные пояса, сафьянные сапоги и проч.

Города сего времени ответствовали уже состоянию народа избыточного. Немецкий Летописец Дитмар, современник Владимиров, уверяет, что в Киеве, *великом граде*, находилось тогда 400 церквей, созданных усердием новообращенных Христиан, и восемь больших торговых площадей. Адам Бременский именует оный *главным украшением России* и даже *вторым Константинополем*. Сей город до XI века стоял весь на высоком берегу Днепровском: место нынешнего Подола было в Ольгино время еще залито водою. Смоленск, Чернигов, Любеч имели сообщение с Грециею. Император Константин, несправедливо называя Новгород столицей Великого Князя Святослава, дает по крайней мере знать, что сей город был уже знаменит в X веке.

Народ торговый не может обойтись без денег, или знаков, представляющих цену вещей. Но деньги не всегда бывают металлом: донныне вместо их жители Мальдивских островов употребляют раковины. Так и Славяне Российские ценили сперва вещи не монетами, а шкурами зверей, *куницы*, и белок: слово *куны* означало деньги. Скоро неудобность носить с собою целые шкуры для купли подала мысль заменить оные *мордками* и другими *лоскутками*, кунными и бельими. Надобно думать, что Правительство клеймило их и что граждане сначала обменивали в казне сии *лоскутки* на целые кожи. Однако ж, зная цену серебра и золота, предки наши издревле добывали их посредством внешней торговли. В Олеговых условиях с Империею сказано, что Грек, ударив мечем Россиянина, или Россиянин Грека, обязывался платить за вину 5 литр *серебра*. Россияне брали также в Цареграде за каждого невольника Греческого 20 *золотников*, т.е. Византийских червонцев, *номисм* или *солидов*. Нет сомнения, что и внутри Государства ходило серебро в монетах: Радимичи вносили в казну *щляги*, или шиллинги, без сомнения полученные ими от Козаров. Однако ж мордки или куны долгое время оставались еще в употреблении: ибо малое количество золота и серебра не было достаточно для всех торговых оборотов и платежей народных. Именем *гривны* означалось известное число *кун*, некогда равное ценою с полуфунтом серебра; но сии лоскутки, не имея никакого существенного достоинства, в течение времени более и более унижались в отношении к металлам, так что в XIII веке гривна серебра содержала в себе уже семь гривен Новгородскими куннами.

Успехи разума и способностей его, необходимое следствие гражданского состояния людей, были ускорены в России Христианскою Верою. Волхвы славились при Олеге гаданием будущего: вот древнейшие мудрецы нашего отечества! Наука их состояла или в обманах, или в заблуждениях. Народ, погруженный в невежество, считал действием сверхъестественного знания всякую догадку ума, всякое отменно счастливое предприятие и назвал Олега *вещим*, ибо сей великодушный, смелый Князь возвратился с сокровищами из Константинополя. Любопытство, сродное человеку, питалось историческими сказками и преданиями, украшенными вымыслом. В сказке о хитростях Ольгиных видим некоторое остроумие. Пословицы народные: *Погибоша аки Обри – беда аки в Родне – Пищанцы волчья хвоста бегают* и, конечно, многие другие, хранили так же память важных случаев. В государственных договорах Великих Князей находим выражения, которые дают нам понятие о тогдашнем красноречии Россиян; например: *Дондеже солнце*

сияет и мир стоит – да не защитятся щиты своими – да будем золоти аки золото и проч. Краткая сильная речь Святослава есть достойный памятник сего Героя. Но времена Владимировы были началом истинного народного просвещения в России.

Скандинавы в IX веке знали употребление Рунических букв; однако ж мы не имеем никаких основательных причин думать, чтобы они сообщили его и Россиянам. Руны, как мы выше заметили, недостаточны для выражения многих звуков языка Славянского. Хотя Кирилловские письма могли быть известны в России еще до времен Владимировых (ибо самые первые Христиане Киевские имели нужду в книгах для церковного служения), но число грамотных людей было, конечно, не велико: Владимир умножил оное заведением народных училищ, чтобы доставить церкви Пастырей и Священников, разумеющих книжное писание, и таким образом открыл Россиянам путь к науке и сведениям, которые посредством грамоты из века в век сообщаются...

Здесь должно ответить на вопрос любопытный: какие Священные книги были тогда употребляемы Христианами Российскими? Те ли самые, коими донныне пользуется наша Церковь, или *иного, древнейшего перевода*? Сличив рукописные харатейные Евангелия XII века и разные места Св. Писания, приводимые Нестором в летописи, с печатною Московскою или Киевскою Библиею, всякий уверится, что Россияне XI и XII столетия имели тот же перевод ее. Мы знаем, что она несколько раз была исправляема при Константине, Волынском Князе, в XVI веке; при Царе Алексии Михайловиче, Петре Великом и Елисавете Петровне; однако ж, несмотря на многократное исправление, состоящее единственно в отмене некоторых слов, сей перевод сохранил, так сказать, свой начальный, особенный характер, и люди ученые справедливо признают оный древнейшим памятником языка Славянского. Библия Чешская или Богемская переведена с Латинской Иеронимовой в XII и XIV веке; Польская, Краинская, Лаузицкая еще гораздо новее.

Следует другой вопрос: когда же и где переведена наша Библия? При Великом ли Князе Владимире, как сказано в любопытном предисловии Острожской печатной, или она есть бессмертный плод трудов Кирилла и Мефодия? Второе гораздо вероятнее: ибо Нестор, почти современник Владимиров, ко славе отечества не умолчал бы о новом Российском переводе ее; но сказав: *сим бо первая преложены книги* (т.е. Библия) *в Мораве, яже прозвася грамота Словенская, еже грамота есть в Руси*, он ясно дает знать, что Российские Христиане пользовались трудом Кирилла и Мефодия. Сии два брата и помощники их основали правила книжного языка Славянского на Греческой грамматике, обогатили его новыми выражениями и словами, держась наречия своей родины, Фессалоники, то есть Иллирического, или Сербского, в коем и теперь видим сходство с нашим церковным. Впрочем, все тогдашние наречия должны были менее нынешнего различаться между собою, будучи гораздо ближе к своему общему источнику, и предки наши тем удобнее могли присвоить себе Моравскую Библию. Слог ее сделался образцом для новейших книг Христианских, и сам Нестор подражал ему; но Русское особенное наречие сохранилось в употреблении, и с того времени мы имели два языка, книжный и народный. Таким образом изъясняется разность в языке Славянской Библии и *Русской Правды* (изданной скоро после Владимира), Несторовой летописи и *Слова о полку Игореве*, о коем будем говорить в примечаниях на Российскую словесность XII века.

Нужнейшие Искусства механические, равно как и Свободные, были известны древним Россиянам. И ныне селянин Русский делает собственными руками почти все необходимое для его хозяйства: в старину, когда люди менее сообщались друг с другом, они имели еще более нужды в сей промышленности. Муж обрабатывал землю, плотничал, строил; жена пряла, ткала, шила, и всякое семейство представляло в кругу своем действие многих ремесел. Но основание городов, торговля, роскошь мало-помалу образовали людей особенно искусных в некоторых художествах: богатые требовали вещей, сделанных удобнее и лучше обыкновенного. Все Немецкие Славяне торговали полотнами: Русские издревле ткали холсты и сукна; умели также выделывать кожи, и сии ремесленники назывались *усмарями*. Народ, составленный из воинов, хлебопашцев и звероловов, без сомнения, пользовался искусством ковать железо: что утверждается самою Несторовою сказкою о мече, будто бы предложенном Киевлянами в дань Козарам. – Христианская Вера способствовала дальнейшим успехам зодчества в России. Владимир начал строить великолепные церкви и призвал художников Греческих; однако ж и в языческие времена были уже *каменные* здания в столице: например, Ольгин терем. Стены и башни служили для городов не только защитой, но и самым украшением. Вероятно, что и тогдашние деревенские избы были подобны нынешним; а горожане имели высокие дома и занимали обыкновенно верхнее жилье, оставляя

низ, может быть, для погребов, кладовых и проч. *Клети*, или горницы, с обеих сторон дома разделялись *помостом* или сенями; спальни назывались *одринами*. На дворах строились вышки для голубей: ибо Россияне искони любили сих птиц. – Несторово описание Перунова истукана свидетельствует о резном и плавильном искусстве наших предков. Вероятно, что они знали и живопись, хотя грубую. Владимир украсил Греческими образами одну Десятинную церковь: иконы других храмов были, как надобно думать, писаны в Киеве. Греческие художники могли выучить Русских. – Трубы воинские, коих звук ободрял Героев Святославовых в жарких битвах, доказывают древнюю любовь Россиян к искусству мусикийскому.

Что касается собственно до нравов сего времени, то они представляют нам смесь варварства с добродушием, свойственную векам невежества. Россияне IX и X века славились на войне корыстолюбием и свирепостию; но Императоры Византийские верили им как честным людям в мирных договорах, позволяя себе, кажется, обманывать их при всяком удобном случае: ибо Нестор называет Греков коварными. Мы видели грабеж, убийства и злодеяния внутри Государства: еще более увидим их; но чем же иным богата история Европы в средних веках? Одно просвещение долговременное смягчает сердца людей: купель Христианская, освятив душу Владимира, не могла вдруг очистить народных нравов. Он боялся, по человеколюбию, казнить злодеев, и злодейства умножились... Государство, основанное на завоеваниях, уже доказывает необыкновенную храбрость народа: она была добродетелию наших предков, и слово любимого Вождя: *станем крепко, не посрамим земли Русской* – вселяло в них решительность победить или умереть. Самые жены их не робели смерти в битвах. – Дома и в мирное время они любили веселиться: Владимир, желая казаться другом народа своего, давал ему пиры и сказал Магометанским Болгарам: *Руси есть веселие пити*. Между достопамятными чертами древних Русских нравов заметим также отменное уважение к старцам: Владимир слушался их совета; в гражданских Вечах они имели первенство. Наконец, сей народ, еще грубый, необразованный, умел любить своих добрых Государей: плакал над телом великого Олега, мудрой Ольги, Св. Владимира и потомству своему оставил пример благодарности, который делает честь имени Русскому.

Том II

Глава I. Великий князь Святополк. Г. 1015–1019

Святополк, похититель престола. Добродетель Бориса. Братоубийства. Безрассудная жестокость Ярослава. Великодушие Новгородцев. Битва у Любеча. Союз Ярослава с Императором Немецким. Война с Болеславом Храбрым. Битва на Буге. Взятие Киева. Вторичное великодушие Новгородцев. Вероломное избиение Поляков. Болеслав оставляет Россию. Черная река. Битва на Альте. Бегство и смерть Святополка.

Владимир усыновил Святополка, однако ж не любил его и, кажется, предвидел в нем будущего злодея. Современный Летописец Немецкий, Дитмар, говорит, что Святополк, Правитель Туровской области, женатый на дочери Польского Короля Болеслава, хотел, по наущению своего тестя, отложиться от России и что Великий Князь, узнав о том, заключил в темницу сего неблагодарного племянника, жену его и Немецкого Епископа Рейнберна, который приехал с дочерью Болеслава. Владимир – может быть, при конце жизни своей – простил Святополка: обрадованный смертью дяди и благодетеля, сей недостойный Князь спешил воспользоваться ею; созвал граждан, объявил себя Государем Киевским и роздал им множество сокровищ из казны Владимировой. Граждане брали дары, но с печальным сердцем: ибо друзья и братья их находились в походе с Князем Борисом, любезным отцу и народу. Уже Борис, нигде не встретив Печенегов, возвращался с войском и стоял на берегу реки Альты: там принесли ему весть о кончине родителя, и добродетельный сын занимался единственно своею искреннею горестию. Товарищи побед Владимировых говорили ему: «Князь! С тобою дружина и воины отца твоего; поди в Киев и будь Государем России!» Борис отвечив: «Могу ли поднять руку на брата старейшего? Он должен быть мне вторым отцем». Сия нежная чувствительность казалась воинам малодушием: оставив Князя мягкосердечного, они пошли к тому, кто властолюбием своим заслуживал в их глазах право властвовать.

Но Святополк имел только дерзость злодея. Он послал уверить Бориса в любви своей, обещая дать ему новые владения, и в то же время приехав ночью в Вышегород, собрал тамошних Бояр на совет. «Хотите ли доказать мне верность свою?» – спросил новый Государь. Бояре отвечивали, что они рады положить за него свои головы. Святополк требовал от них головы Бориса, и сии недостойные взялись услужить Князю злодеянием. Юный Борис, окруженный единственно малочисленными слугами, был еще в стане на реке Альте. Убийцы ночью приблизились к шатру его и, слыша, что сей набожный юноша молится, остановились. Борис, уведомленный о злом намерении брата, изливал пред Всевышним сердце свое в святых песнях Давидовых. Он уже знал, что убийцы стоят за шатром, и с новым жаром молился... за Святополка; наконец, успокоив душу Небесною Верою, лег на одр и с твердостью ожидал смерти. Его молчание возвратило смелость злодеям: они вломились в шатер и копьями пронзили Бориса, также верного Отрока его, который хотел собственным телом защитить Государя и друга. Сей юный воин, именем Георгий, родом из Венгрии, был сердечно любим Князем своим и в знак его милости носил на шее золотую гривну: корыстолюбивые убийцы не могли ее снять, и для того отрубили ему голову. Они умертвили и других Княжеских Отроков, которые не хотели спастись бегством, но все легли на месте. Тело Борисово завернули в намет и повезли к Святополку. Узнав, что брат его еще дышит, он велел двум Варягам довершить злодеяние: один из них вонзил меч в сердце умирающему... Сей несчастный юноша, стройный, величественный, пленял всех красотою и любезностию; имел взор приятный и веселый; отличался храбростию в битвах и мудростию в советах. – Летописец хотел предать будущим векам имена главных убийц и называет их: Путша, Талец, Елович, Ляшко. В Несторово время они были еще в свежей памяти и предметом общего омерзения. Святополк без сомнения наградил сих людей, ибо имел еще нужду в злодеях.

Он немедленно отправил гонца к Муромскому Князю Глебу сказать ему, что Владимир болен и желает видеть его. Глеб, обманутый сею ложною вестию, с малочисленною дружиною спешил в Киев. Дорогою он упал с лошади и повредил себе ногу; однако ж не хотел остановиться и продолжал свой путь от Смоленска водою. Близ сего города настиг его посланный от Ярослава, Князя Новгородского, с уведомлением о смерти Владимировой и гнусном коварстве Святополка; но в то самое время, когда Глеб чувствительный, набожный подобно Борису, оплакивал отца и любимого брата, в усердных молитвах поверяя Небу горесть свою, явились вооруженные убийцы и схватили его ладью. Дружина Муромская оробела: Горясер, начальник злодеев, велел умертвить Князя, и собственный повар Глебов, именем Торчин, желая угодить Святополку, зарезал своего несчастного Государя. Труп его лежал несколько времени на берегу, между двумя колодами, и был наконец погребен в вышгородской церкви Св. Василия, вместе с телом Бориса.

Еще Святополк не насытился кровию братьев. Древлянский Князь Святослав, предвидя его намерение овладеть всею Россиею и будучи не в силах ему сопротивляться, хотел уйти в Венгрию; но слуги Святополковы догнали его близ гор Карпатских и лишили жизни. – Братоубийца торжествовал злодеяния свои, как славные и счастливые дела: собирал граждан Киевских, дарил им деньги, одежду и надеялся щедростию приобрести любовь народную.

Скоро нашелся мститель: Ярослав сильнейший из Князей Удельных, восстал на изверга; но собственно безрассудною жестокостию едва не отнял у себя возможности наказать его. Варяги, призванные Ярославом в Новгород, дерзкие, неистовые, ежедневно оскорбляли мирных граждан и целомудрие жен их. Не видя защиты от Князя пристрастного к иноземцам, новгородцы вышли из терпения и побили великое число Варягов. Ярослав утаил гнев свой, выехал в загородный дворец, на Ракому, и велел, с притворною ласкою, звать к себе именитых Новгородцев, виновников сего убийства. Они явились без оружия, думая оправдаться пред своим Князем; но Князь не устыдился быть вероломным и предал их смерти. В ту же самую ночь получил он известие из Киева от сестры своей Передславы о кончине отца и злодействе брата; ужаснулся и не знал, что делать. Одно усердие Новгородцев могло спасти его от участи Борисовой; но кровь их детей и братьев еще дымилась на дворе Княжеском... Не видя лучшего средства, Ярослав прибегнул к великодушию оскорбленного им народа, собрал граждан на вече и сказал: «Вчера умертвил я, безрассудный, верных слуг своих; теперь хотел бы купить их всем золотом казны моей...» Народ безмолвствовал. Ярослав отер слезы и продолжал: «Друзья! Отец мой скончался, Святополк овладел престолом его и хочет погубить братьев». Тогда добрые Новгородцы, забыв все, единодушно ответствовали ему: «Государь! Ты убил собственных наших братьев, но мы готовы идти на врагов твоих». – Ярослав еще более воспламенил их усердие известием о новых убийствах Святополковых; набрал 40 000 Россиян, 1 000 Варягов, и сказав: *да скончается злоба нечестивого!* выступил в поле.

[1016 г.] Святополк, узнав о том, собрал также многочисленное войско, призвал Печенегов и на берегах Днепра, у Любеча, сошелся с Ярославом. Долго стояли они друг против друга без всякого действия, не смея в виду неприятеля переправляться чрез глубокую реку, которая была между ими. Уже наступила осень... Наконец Воевода Святополков обидными и грубыми насмешками вывел Новгородцев из терпения. Он ездил берегом и кричал им: «Зачем вы пришли сюда с *хромым* Князем своим? (Ибо Ярослав имел от природы сей недостаток.) Ваше дело плотничать, а не сражаться». *Завтра*, сказали воины Новгородские, *мы будем на другой стороне Днепра; а кто не захочет идти с нами, того убьем как изменника*. Один из Вельмож Святополковых был в согласии с Ярославом и ручался ему за успех ночного быстрого нападения. Между тем как Святополк, нимало не опасаясь врагов, пил с дружиною, воины Князя Новгородского до света переехали чрез Днепр, оттолкнули лодки от берега, желая победить или умереть, и напали на беспечных Киевлян, обвязав себе головы платками, чтобы различать своих и неприятелей. Святополк оборонялся храбро; но Печенеги, отделенные от его стана озером, не могли приспеть к нему вовремя. Дружина Киевская, чтобы соединиться с ними, вступила на тонкий лед сего озера и вся обрушилась. Ярослав победил, а Святополк искал спасения в бегстве. Первый вошел с торжеством в Киев; награждал щедро своих мужественных воинов – дав каждому чиновнику и Новгородцу 10 гривен, а другим по гривне – и, надеясь княжить мирно, отпустил их в дома.

Но Святополк еще не думал уступить ему престола, окровавленного тремя братоубийствами, и прибегнул к защите Болеслава. Сей Король, справедливо названный *Храбрым*, был готов отмстить за своего зятя и желал возвратить Польше города Червенские, отнятые Владимиром у Мечислава: имея тогда войну с Генриком II, Императором Немецким, он хотел

кончить оную, чтобы тем свободнее действовать против России. Епископ Мерзебургский, Дитмар, лично знакомый с Генриком II, говорит в своей летописи, что Император вошел в сношение с Ярославом, убеждая его предупредить *общего* их врага, и что Князь Российский, дав ему слово быть союзником, осадил Польский город, но более не причинил никакого вреда Болеславу.

Таким образом, Ярослав худо воспользовался благоприятными обстоятельствами: начал сию бедственную войну, не собрав, кажется, достаточных сил для поражения столь опасного неприятеля, и дал ему время заключить мир с Генриком. Император, теснимый с разных сторон, согласился на условия, предложенные гордым победителем, и, недовольный слабою помощью Россиян, старался даже утвердить Короля в его ненависти к Великому Князю. Болеслав, усилив свое опытное войско союзниками и наемниками, Немцами, Венграми, Печенегами – вероятно, Молдавскими, – расположился станом на берегах реки Буга.

За несколько месяцев до того времени страшный пожар обратил в пепел большую часть Киева: Ярослав, озабоченный, может быть, старанием утешить жителей и загладить следы сего несчастья, едва успел изготовиться к обороне. Польские Историки пишут, что он никак не ожидал Болеслава нападения и беспечно удил рыбу в Днепре, когда гонец привез ему весть о сей опасности; что Князь Российский в ту же минуту бросил уду на землю и сказал: *не время думать о забаве; время спасать отечество*, вышел в поле, с Варягами и Россиянами. Король стоял на одной стороне Буга, Ярослав на другой; первый велел наводить мосты, а второй ожидал битвы с нетерпением – и час ее настал скорее, нежели он думал. Воевода и пестун Ярослав, Будый, вздумал, стоя за рекою, шутить над тучностию Болеслава и хвалился проткнуть ему брюхо острым копьем своим. Король Польский в самом деле едва мог двигаться от необыкновенной толщины, но имел дух пылкий и бодрость Героя. Оскорбленный сею дерзостью, он сказал воинам: «Отмстим, или я погибну!» – сел на коня и бросился в реку; за ним все воины. Изумленные таким скорым нападением, Россияне были приведены в беспорядок. Ярослав уступил победу храброму неприятелю, и только с четырьмя воинами ушел в Новгород. Южные города Российские, оставленные без защиты, не смели противиться и высылали дары победителю. Один из них не сдавался: Король, взяв крепость приступом, осудил жителей на рабство или вечный плен. Лучше других укрепленный, Киев хотел обороняться: Болеслав осадил его. Наконец утесненные граждане отворили ворота – и Епископ Киевский, провождаемый духовенством в ризах служебных, с крестами встретил Болеслава и Святополка, которые 14 Августа въехали торжествуя в нашу столицу, где были сестры Ярославовы. Народ снова признал Святополка Государем, а Болеслав удовольствовался именем великодушного покровителя и славою храбрости. Дитмар повествует, что Король тогда же отправил Киевского Епископа к Ярославу с предложением возвратить ему сестер, ежели он пришлет к нему дочь его, жену Святополкову (вероятно, заключенную в Новгородской или другой северной области).

Ярослав, утраченный могуществом Короля Польского и злобою брата, думал уже, подобно отцу своему, бежать за море к Варягам; но великодушные Новгородцев спасло его от сего несчастья и стыда. Посадник Коснятин, сын Добрыни славного, и граждане знаменитые, изрубив лодки, приготовленные для Князя, сказали ему: «Государь! Мы хотим и можем еще противиться Болеславу. У тебя нет казны: возьми все, что имеем». Они собрали с каждого человека по четыре куны, с Бояр по осмнадцати гривен, с городских чиновников, или Старост, по десяти; немедленно призвали корыстолюбивых Варягов на помощь и сами вооружились.

Вероломство Святополково не допустило Новгородцев отмстить Болеславу. Покорив южную Россию зятю своему, Король отправил назад союзное войско и развел собственное по городам Киевской области для отдохновения и продовольствия. Злодеи не знают благодарности: Святополк, боясь долговременной опеки тестя и желая скорее воспользоваться независимостию, тайно велел градоначальникам умертвить всех Поляков, которые думали, что они живут с друзьями, и не брали никаких предосторожностей. Злая воля его исполнилась, к бесславию имени Русского. Вероятно, что он и самому Болеславу готовил такую же участь в Киеве; но сей Государь сведал о заговоре и вышел из столицы, взяв с собою многих Бояр Российских и сестер Ярославовых. Дитмар говорит – и наш Летописец подтверждает, – что Болеслав принудил одну из них быть своею наложницею – именно Передславу, за которую он некогда сватался и, получив отказ, хотел насладиться гнусною местию. Хитрый Анастас, быв прежде любимцем Владимировым, умел снискать и доверенность Короля Польского; сделался хранителем его казны и выехал с нею из Киева: изменив первому отечеству, изменил и второму для своей личной корысти. – Польские историки уверяют, что многочисленное войско Россиян гналось за Болесла-

вом; что он вторично разбил их на Буге и что сия река, два раза несчастная для наших предков, с того времени названа ими *Черною*... Болеслав оставил Россию, но удержал за собою города Червенские в Галиции, и великие сокровища, вывезенные им из Киева, отчасти роздал войску, отчасти употребил на строение церквей в своем Королевстве.

[1019 г.] Святополк, злодейством избавив Россию от Поляков, услужил врагу своему. Уже Ярослав шел к Киеву... Не имея сильного войска, ни любви подданных, которая спасает Монарха во дни опасностей и бедствий, Святополк бежал из отечества к Печенегам, требовать их помощи. Сии разбойники, всегда готовые опустошать Россию, вступили в ее пределы и приблизились к берегам Альты. Там увидели они полки Российские. Ярослав стоял на месте, обагренном кровию Святого Бориса. Умиленный сим печальным воспоминанием, он воздел руки на Небо, молился, и сказав: *кровь невинного брата моего вопиет ко Всевышнему*, дал знак битвы. Восходящее солнце озарило на полях Альты сражение двух многочисленных воинств, сражение упорное и жестокое: никогда, говорит Летописец, не бывало подобного в нашем отечестве. Верная дружина Новгородская хотела лучше умереть за Ярослава, нежели покориться злобному брату его. Три раза возобновлялась битва; неприятели в остервенении своем хватили друг друга за руки и секлись мечами. К вечеру Святополк обратился в бегство. Терзаемый тоскою, сей изверг впал в расслабление и не мог сидеть на коне. Воины принесли его к Бресту, городу Туровского княжения; он велел им идти далее за границу. Гонимый Небесным гневом, Святополк в помрачении ума видел беспрестанно грозных неприятелей за собою и трепетал от ужаса; не дерзнул вторично прибегнуть к великодушию Болеслава; миновал Польшу и кончил гнусную жизнь свою в пустынях Богемских заслужив проклятие современников и потомства. Имя *окаянного* осталось в летописях неразлучно с именем сего несчастного Князя: ибо злодейство есть несчастье.

Глава II. Великий князь Ярослав или Георгий. Г. 1019–1054

Война с Полоцким Князем. Победы Мстиславовы. Падение Козарской державы. Голод в Суздале. Битва у Листвена. Мир. Основание Юрьева, или Дерпта. Завоевания в Польше. Смерть Мстислава. Единовластие. Судислав заключен. Новые Уделы. Победа над Печенегами. Каменные стены и Собор Св. Софии в Киеве. Митрополит. Строение монастырей. Любовь Ярослава к книгам. Война с Ятвягами, Литвою, Мазовианами, Ямью. Поход на Греков. Древнее предсказание. Брачные союзы. Митрополит Россиянин. Наставление и кончина Ярослава. Гроб его. Свойства сего Князя. Крещение костей. Первое народное училище. Киев – второй Царьград. Монета Ярославова. Демественное пение. Россия – убежище изгнанников. Северные владения России. Законы.

Ярослав вошел в Киев и, по словам летописи, *отер пот* с мужественною дружиною, трудами и победою заслужив сан Великого Князя Российского. Но бедствия войны междуособной еще не прекратились.

В Полоцке княжил тогда Брячислав, сын Изяславов и внук Владимира. Сей юноша хотел смелым подвигом утвердить свою независимость: взял Новгород, ограбил жителей и со множеством пленных возвращался в свое Удельное Княжение. Но Ярослав, выступив из Киева, встретил и разбил его на берегах реки Судомы, в нынешней Псковской Губернии. Пленники Новгородские были освобождены, а Брячислав ушел в Полоцк и, как вероятно, примирился с Великим Князем: ибо Ярослав оставил его в покое. – О сей войне упоминают древние Исландские Саги. Варяги, или Норманы, служившие тогда нашим Князьям, рассказывали, возвратясь в отечество, следующие обстоятельства, достойные замечания, хотя, может быть, *отчасти* и баснословные: «Храбрый витязь Эймунд, сын Короля Гейдмаркского, оказал великие услуги Ярославу в продолжение трехлетней войны с Киевским Государем (Святополком); наконец, взяв сторону Брячислава, еще более удивил Россиян своим мужеством и хитростию. Сей витязь засел с товарищами в одном месте, где надлежало ехать супруге Ярославовой: убил под нею коня и привез ее к Брячиславу, остыдив многочисленных воинов, окружавших Великую Княгиню. Брячислав, заключив мир с братом, наградил Эймунда целою областью». – Скоро опаснейший неприятель восстал на Ярослава.

Мы знаем, что Владимир отдал Воспорскую, или Тмутороканскую, область в удел сыну своему Мстиславу. Сей Князь, рожденный быть Героем, хотел войны и победы: Император Греческий предложил ему уничтожить Державу Каганову в Тавриде. Искав дружбы Козаров идолопоклонников, но сильных, Греки искали их погибели, когда они приняли Веру Христианскую, но утратили свое могущество. Андроник, вождь Императорский, в 1016 году пристал к берегам Тавриды, соединился с войском Мстислава и в самом первом сражении пленил Кагана, именем Георгия Цула. Греки овладели Тавридою, удовольствовав Мстислава одною благодарностию или золотом. – Таким образом пала Козарская Держава в Европе; но в Азии, на берегах Каспийского моря, она существовала, кажется, до самого XII века, и в 1140 году Левит Еврейский, Равви Иегуда, писал еще похвальное слово Монарху ее, своему единоверцу. С одной стороны Аскольд, Дир, Олег, отец и сын Св. Владимира; а с другой Узы, Печенеги, Команы, Ясы ослабили, сокрушили сие некогда знаменитое Царство, которое от устья Волжского простиралось до Черного моря, Днепра и берегов Оки. – Через несколько лет Мстислав объявил войну Касогам или нынешним Черкесам, восточным соседям его области. Князь их Редедя, сильный великан, хотел, следуя обычаю тогдашних времен богатырских, решить победу единоборством. «На что губить дружину? – сказал он Мстиславу: – одолей меня и возьми все, что имею; жену, детей и страну мою». Мстислав, бросив оружие на землю, схватился с великаном. Силы Князя Российского начали изнемогать: он призвал в помощь Богородицу – низвергнул врага и зарезал его ножом. Война кончилась: Мстислав вступил в область Редеди, взял семейство Княжеское и наложил дань на подданных.

[1023 г.] Уверенный в своем воинском счастье, сей Князь не захотел уже довольствоваться областию Тмутороканскою, которая, будучи отдалена от России, могла казаться ему печальною ссылкой: он собрал подвластных ему Козаров, Черкесов или Касогов, и пошел к берегам Днепровским. Ярослава не было в столице. Киевские граждане затворились в стенах и не пустили брата его; но Чернигов, менее укрепленный, принял Мстислава. – Великий Князь усмирал тогда народный мятеж в Суздале. Голод свирепствовал в сей области, и суеверные, приписывая оный злomu чародейству, безжалостно убивали некоторых старых жен, мнимых волшебниц. Ярослав наказал виновников мятежа, одних смертию, других ссылкой, объявив народу, что не волшебники, но Бог карает людей голодом и мором за грехи их, и что смертный в бедствиях своих должен только умолять благость Всевышнего. Между тем жители искали помощи в изобильной стране Казанских Болгаров и Волгою привезли оттуда множество хлеба. Голод миновался. Восстановив порядок в земле Суздальской, Великий Князь спешил в Новгород, чтобы взять меры против властолюбивого брата.

Знаменитый Варяг Якун пришел на помощь к Ярославу. Сей витязь Скандинавский носил на больных глазах шитую золотом луду или повязку; едва мог видеть, но еще любил войну и битвы. Великий Князь вступил в область Черниговскую. Мстислав ожидал его у Лиственна, на берегу Руды; ночью изготовил войско к сражению; поставил Северян или Черниговцев в середине, а любимую дружину свою на правом и левом крыле. Небо покрылось густыми тучами – и в то самое время, когда ударил гром и зашумел сильный дождь, сей отважный Князь напал на Ярослава. Варяги стояли мужественно против Северян: казалось, что ужас ночи, буря, гроза тем более остервеняли воинов, при свете молнии, говорит Летописец, страшно блистало оружие. Храбрость, искусство и счастье Мстислава решили победу: Варяги, утомленные битвою с Черниговцами, смятые пылким нападением его дружины, отступили. Вождь их, Якун, бежал вместе с Ярославом в Новгород, оставив на месте сражения златую луду свою. На другой день Мстислав, осматривая убитых, сказал: «Мне ли не радоваться? Здесь лежит Северянин, там Варяг; а собственная дружина моя цела». Слово недостойное доброго Князя: ибо Черниговцы, усердно пожертвовав ему жизнь, стояли по крайней мере его сожаления.

Но Мстислав изъявил редкое великодушие в рассуждении брата, дав ему знать, чтобы он безопасно шел в Киев и господствовал, как старший сын великого Владимира, над всею правою стороною Днепра. Ярослав боялся верить ему; правил Киевом чрез своих Наместников и собирал войско. Наконец сии два брата съехались у Городца, под Киевом; заключили искренний союз и разделили Государство: Ярослав взял западную часть его, а Мстислав восточную; Днепр служил границею между ими, и Россия, десять лет терзаемая внутренними и внешними неприятелями, совершенно успокоилась.

Вся Ливония платила дань Владимиру: междоусобие детей его возвратило ей независимость. Ярослав в 1030 году снова покорил Чудь, основал город Юрьев, или нынешний Дерпт, и, собирая дань с жителей, не хотел насильно обращать их в Христианство: благоразумие досто-

хвальное, служившее примером для всех Князей Российских! Пользуясь свободой Веры, древняя Ливония имела и собственных гражданских начальников, о коих, согласно с преданием, пишут, что они были вместе и судии и палачи, то есть, обвинив преступника, сами отсекали ему голову. – Однако ж, несмотря на умеренность россиян и на легкость ига, возлагаемого ими на данников, Чудь и Латыши, как увидим, нередко старались свергнуть оное и не щадили крови своей для приобретения вольности совершенной.

[1031–1036 гг.] В Польше царствовал тогда Мечислав, малодушный сын и наследник Великого Болеслава. Пользуясь слабостию сего Короля и внутренними неурядицами земли его, Ярослав взял Бельз: в следующий год, соединясь с мужественным братом своим, овладел снова всеми городами Червенскими; входил в самую Польшу, вывел оттуда множество пленников и, населив ими берега Роси, заложил там города или крепости.

Искреннее согласие двух Государей Российских продолжалось до смерти одного из них. Мстислав, выехав на ловлю, вдруг занемог и скончался. Сей Князь, прозванный *Удалым*, не испытал превратностей воинского счастья: сражаясь, всегда побеждал; ужасный для врагов, славился милостию к народу и любовью к верной дружине; веселился и пировал с нею подобно великому отцу своему, следуя его правилу, что Государь не золотом наживает витязей, а с витязями золото. Он поднял меч на брата, но загладил сию жестокость, свойственную тогдашнему веку, великодушным миром с побежденным, и Россия обязана была десятилетнею внутреннею тишиною счастливому их союзу, истинно братскому. – Памятником Мстиславовой набожности остался каменный храм Богородицы в Тмуторокане, созданный им в знак благодарности за одержанную над Касожским великаном победу, и церковь Спаса в Чернигове, заложенная при сем Князе: там хранились и кости его в Несторово время. Мстислав, по словам летописи, был *чермен лицом и деibel телом*, имел также необыкновенно большие глаза. Он не оставил наследников: единственный его сын, Евстафий, умер еще за три года до кончины родителя.

Ярослав сделался Монархом всей России и начал властвовать от берегов моря Балтийского до Азии, Венгрии и Дакии. Из прежних Удельных Князей оставался один Брючислав Полоцкий: вероятно, что он зависел от своего дяди как Государя самодержавного. О детях Владимировых, Всеволоде, Станиславе, Позвизде, Летописец не упоминает более, сказывая только, что Великий Князь, обманутый клеветниками, заключил в Пскове Судислава, меньшего своего брата, который, может быть, княжил в сем городе.

Но Ярослав ожидал только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть Государство бедствиям Удельного Правления. Женатый на Ингигерде, или Анне, дочери Шведского Короля Олофа – которая получила от него в вено город Альдейгабург, или Старую Ладогу – он был уже отцом многочисленного семейства. Как скоро большому сыну его, Владимиру, исполнилось шестнадцать лет, Великий Князь отправился с ним в Новгород и дал ему сию область в управление. Здравая Политика, основанная на опытах и знании сердца человеческого, не могла противиться действию слепой любви родительской, которое обратилось в несчастное обыкновение.

Узнав о набегах Печенегов, он спешил из Новагорода в южную Россию и сразился с варварами под самыми стенами Киева. Варяги, всегдашние его помощники, стояли в середине; на правом крыле граждане Киевские, на левом Новгородцы. Битва продолжалась целый день. Ярослав одержал победу, самую счастливейшую для отечества, сокрушив одним ударом силу лютейшего из врагов его. Большая часть Печенегов легла на месте; другие, гонимые раздраженным победителем, утонули в реках; немногие спаслись бегством, и Россия навсегда освободилась от их жестоких нападений. В память сего знаменитого торжества Великий Князь заложил на месте сражения великолепную церковь и, распространив Киев, обвел его *каменными* стенами; подражая Константинополю, он назвал их главные врата *Златыми*, а новую церковь Святою Софиею *Митрополитскою*, украсив ее золотом, серебром, мусиею и драгоценными сосудами. Тогда был уже Митрополит в нашей древней столице, именем Феопемпт – вероятно, Грек, – который, по известию Нестора, в 1039 году вновь освятил храм Богородицы, сооруженный Владимиром, но поврежденный, как надобно думать, сильным Киевским пожаром 1017 года. Ярослав начал также строить монастыри: первыми из них были в Киеве монастырь Св. Георгия и Св. Ирины. Сей государь, по сказанию Летописца, весьма любил *церковные уставы*, духовных пастырей и в особенности *черноризцев*, не менее любил и книги Божественные; велел переводить их с Греческого на Славянский язык, читал оные день и ночь, многие списывал и положил в церкви Софийской для народного употребления. Определив из казны своей достаточное содержание Иереям, он умножил число их во всех городах и предписал им учить новых

Христиан, образовать ум и нравственность людей грубых; видел успехи Веры и радовался, как усердный сын Церкви и добрый отец народа.

Ревностное благочестие и любовь к учению книжному не усыпляли его воинской деятельности. Ятвяги были побеждены Владимиром Великим; но сей народ, обитая в густых лесах, питаясь рыбною ловлею и пчеловодством, более всего любил дикую свободу и не хотел никому платить дани. Ярослав имел с ним войну; также с Литовцами, соседями Полоцкого или Туровского Княжения, и с Мазовшанами, тогда независимыми от Государя Польского. Сын Великого Князя, Владимир, ходил с Новгородцами на Ямь, или нынешних Финляндцев, и победил их; но в сей земле, бесплодной и каменистой, воины его оставили всех коней своих, бывших там жертвою мора.

Предприятие гораздо важнейшее ознаменовало для нашей Истории 1043 год. Дружба Великих Князей с Императорами, основанная на взаимных выгодах, утвердилась единством Веры и родственным их союзом. С помощью Россиян шурин Владимиров завоевал не только Тавриду, но и Болгарию, они сражались под знаменами Империи в самых окрестностях древнего Вавилона. Летописцы Византийские рассказывают, что чрез несколько лет по кончине Св. Владимира прибыл на судах в гавань Цареградскую какой-то родственник его; объявил намерение вступить в службу Императора, но тайно ушел из пристани, разбил Греков на берегах Пропонтиды и вооруженною рукою открыл себе путь к острову Лимну, где Самский Наместник и Воевода Солунский злодейским образом умертвили его и 800 бывших с ним воинов. Сие обстоятельство не имело никаких следствий: купцы Российские, пользуясь дружественною связию народа своего с Империею, свободно торговали в Константинополе. Но сделалась ссора между ими и Греками, которые, начав драку, убили одного знаменитого Россиянина. Вероятно, что Великий Князь напрасно требовал удовольствия: оскорбленный несправедливостию, он решился наказать Греков; поручил войско мужественному Полководцу, Вышате, и велел сыну своему, Владимиру, идти с ним к Царю-граду. Греция вспомнила бедствия, претерпенные некогда ею от флотов Российских – и Послы Константина Мономаха встретили Владимира. Император писал к нему, что дружба счастливая и долговременная не должна быть нарушена для причины столь маловажной; что он желает мира и дает слово наказать виновников обиды, сделанной Россиянам. Юный Владимир не уважил сего письма, отпустил Греческих Послов с ответом высокомерным, как говорят Византийские Историки, и шел далее. Константин Мономах, приказав взять под стражу купцов и воинов Российских, бывших в Цареграде, и заключив их в разных областях Империи, выехал сам на Царской яхте против неприятеля; за ним следовал флот и конница берегом. Россияне стояли в боевом порядке близ фара. Император вторично предложил им мир. «Соглашаюсь, – сказал гордый Князь Новгородский, – ежели вы, богатые Греки, дадите по три фунта золота на каждого человека в моем войске». Тогда Мономах велел своим готовиться к битве и, желая заманить неприятелей в открытое море, послал вперед три галеры, которые врезались в средину Владимирова флота и зажгли Греческим огнем несколько судов. Россияне снялись с якорей, чтобы удалиться от пламени. Тут сделалась буря, гибельная для малых Российских лодок; одни исчезли в волнах, другие стали на мель или были извержены на берег. Корабль Владимиров пошел на дно; некто Творимирич, один из усердных чиновников, спас Князя и Воевод Ярославовых, взяв их к себе в лодку. Море утихло. На берегу собралось 6 000 Россиян, которые, не имея судов, решились возвратиться в отечество сухим путем. Главный Воевода Ярославов, Вышата, предвидя неминуемую для них опасность, хотел великодушно разделить оную и сошел на берег, сказав Князю: «Иду с ними; буду ли жив, или умру, но не покину достойных воинов». Между тем Император праздновал бурю как победу и возвратился в столицу, отправив вслед за Россиянами флот и два Легиона. 24 Галеры Греческие обогнали Владимира и стали в заливе: Князь пошел на них. Греки, будучи со всех сторон окружены неприятельскими лодками, сцепились с ними и вступили в отчаянный бой. Россияне победили, взяв или истребив суда Греческие. Адмирал Мономахов был убит, и Владимир пришел в Киев со множеством пленных... Великодушный, но несчастный Вышата сразился в Болгарии, у города Варны, с сильным Греческим войском: большая часть его дружины легла на месте. В Константинополь привели 800 окованных Россиян и самого Вышату; Император велел их ослепить!

Сия война предков наших с Грециею была последнею. С того времени Константинополь не видал уже их страшных флотов в Воспоре: ибо Россия, терзаемая междоусобием, скоро утратила свое величие и силу. Иначе могло бы исполниться древнее предсказание, неизвестно кем написанное в X или XI веке под истуканом Беллерофона (который стоял на Таврской площади в

Цареграде), что «Россияне должны овладеть столицею Империи Восточной»: столь имя их ужасало Греков! – Чрез три года Великий Князь заключил мир с Империею, и пленники Российские, бесчеловечно лишенные зрения, возвратились в Киев.

Около сего времени Ярослав вошел в свойство со многими знаменитыми Государями Европы. В Польше царствовал тогда Казимир, внук Болеслава *Храброго*: изгнанный в детстве из отечества вместе с матерью, он удалился (как рассказывают Историки Польские) во Францию и, не имея надежды быть Королем, сделался Монахом. Наконец Вельможи Польские, видя мятеж в Государстве, прибегнули к его великодушию: освобожденный Папою от уз духовного обета, Казимир возвратился из кельи в чертоги Царские. Желая пользоваться дружбою могущественного Ярослава, он женился на сестре его, дочери Св. Владимира. Польские Историки говорят, что брачное торжество совершилось в Кракове; что добродетельная и любезная *Мария*, названная *Доброгневою*, приняла Веру Латинскую и что Король их взял за супругою великое богатство, множество серебряных и золотых сосудов, также драгоценных конских и других украшений. Собственный Летописец наш сказывает, что Казимир дал Ярославу за *вено* – то есть за невесту свою – 800 человек: вероятно, Россиян, плененных в 1018 году Болеславом. Сей союз, одобренный здоровою Политикою обоих Государств, утвердил за Россиею города Червенские; а Ярослав, как искренный друг своего зятя, помог ему смирить мятежника смелого и хитрого, именем Моислава, который овладел Мазовиею и хотел быть Государем независимым. Великий Князь, разбив его многочисленное войско, покорила сию область Казимиру.

Нестор совсем не упоминает о дочерях Ярославовых; но достоверные Летописцы чужестранные именуют трех: Елисавету, Анну и Анастасию, или Агмунду. Первая была супругою Гаральда, Принца Норвежского. В юности своей выехав из отечества, он служил Князю Ярославу; влюбился в прекрасную дочь его, Елисавету, и, желая быть достойным ее руки, искал великого имени в свете. Гаральд отправился в Константинополь; вступил в службу Императора Восточного; в Африке, в Сицилии побеждал неверных; ездил в Иерусалим для поклонения Святым Местам и чрез несколько лет, с богатством и славою возвратясь в Россию, женился на Елисавете, которая одна занимала его сердце и воображение среди всех блестящих подвигов геройства. Наконец он сделался Королем Норвежским.

Вторая княжна, Анна, сочеталась браком с Генриком I, Королем Французским. Папа объявил кровосмешением супружество отца его и гнал Роберта как беззаконника за то, что он женился на родственнице в четвертом колене. Генрик, будучи свойственником Государей соседственных, боялся такой же участи и в стране отдаленной искал себе знаменитой невесты. Франция, еще бедная и слабая, могла гордиться союзом с Россиею, возвеличенною завоеваниями Олега и Великих его преемников. В 1048 году – по известию древней рукописи, найденной в С. Омерской церкви – Король отправил Послом к Ярославу Епископа Шалонского, Рогера: Анна приехала с ним в Париж и соединила кровь Рюрикову с кровию Государей Французских. – По кончине Генрика I, в 1060 году, Анна, славная благочестием, удалилась в монастырь Санлизский; но чрез два года, вопреки желанию сына, вступила в новое супружество с Графом де-Крепи. Один Французский Летописец говорит, что она, потеряв второго, любезного ей супруга, возвратилась в Россию: но сие обстоятельство кажется сомнительным. Сын ее, Филипп, царствовал во Франции, имея столь великое уважение к матери, что на всех бумагах государственных Анна вместе с ним подписывала имя свое до самого 1075 года. Честолюбие, узы семейственные, привычка и Вера Католическая, ею принятая, удерживали сию Королеву во Франции.

Третья дочь Ярослава, Анастасия, вышла за Короля Венгерского, Андрея I. Вероятно, что сей брачный союз служил поводом для некоторых Россиян переселиться в Венгрию, где в разных Графствах, на левой стороне Дуная, живет донныне многочисленное их потомство, утратив чистую Веру отцев своих.

Ссылаясь на Летописцев Норвежских, Торфей называет Владимира, старшего Ярослава сына, супругом Гиды, дочери Английского Короля Гаральда, побежденного Вильгельмом *Завоевателем*. Саксон Грамматик, древнейший Историк Датский, также повествует, что дети несчастного Гаральда, убитого в Гастингском сражении, искали убежища при дворе Свенона II, Короля Датского, и что Свенон выдал потом дочь Гаральдову за Российского Князя, именем Владимира; но сей Князь не мог быть *Ярославич*. Гаральд убит в 1066 году, а Владимир, сын Ярославов, скончался в 1052 (построив в Новгороде церковь Св. Софии, которая еще не разрушена временем и где погребено его тело).

Кроме Владимира, Ярослав имел пятерых сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Первый женился на сестре Казимира Польского, несмотря на то, что его

родная тетка была за сим Королем; а Всеволод, по сказанию Нестора, на *Греческой Царевне*. Новейшие Летописцы называют Константина Мономаха тестем Всеволода; но Константин не имел детей от Зои. Мы не знаем даже, по Византийским летописям, ни одной Греческой Царевны сего времени, кроме Евдокии и Феодоры, умерших в девстве. Разве положим, что Мономах, еще не быв Императором, прижил супругу Всеволодову с *первою*, неизвестною нам женою? – О супружестве других сыновей Ярославовых не можем сказать ничего *верного*. Историки Немецкие пишут, что дочь Леопольда, Графа Штадского, именем Ода, и Кунигунда, Орламиндская Графиня, вышли около половины XI века за Князей Российских, но, скоро овдовев, возвратились в Германию и сочетались браком с Немецкими Принцами. Вероятно, что Ода была супругою Вячеслава, а Кунигунда Игоревую: сии меньшие сыновья Ярославовы скончались в юношестве, и первая от Российского Князя имела одного сына, воспитанного ею в Саксонии: думаю, Бориса Вячеславича, о коем Нестор говорит только с 1077 года и который мог до того времени жить в Германии. Летописцы Немецкие прибавляют, что мать его, выезжая из нашего отечества, зарыла в землю сокровище, найденное им по возвращении в Россию.

Великий Князь провел остаток жизни своей в тишине и в Христианском благочестии. Но сия усердная набожность не препятствовала ему думать о пользе государственной и в самых церковных делах. Греки, сообщив нам Веру и присылая главных духовных Пастырей, надеялись, может быть, чрез них присвоить себе и некоторую мирскую власть над Россиею: Ярослав не хотел того и еще в первый год своего Единодержавия, будучи в Новгороде, *сам* избрал в начальники для сей Епархии Луку Жидяту; а в 1051 году, собрав в Киеве Епископов, велел им поставить Митрополитом Илариона *Россиянина*, без всякого участия со стороны Константинопольского Патриарха... Иларион, муж ученый и добродетельный был Иереем в селе Берестове при церкви Святых Апостолов: Великий Князь узнал его достоинства, имея там загородный дворец и любя, подобно Владимиру, сие веселое место.

Наконец, чувствуя приближение смерти, Ярослав созвал детей своих и хотел благоразумным наставлением предупредить всякую распрю между ими. «Скоро не будет меня на свете, – говорил он, – вы, дети одного отца и матери, должны не только называться братьями, но и сердечно любить друг друга. Знайте, что междоусобие, бедственное лично для вас, погубит славу и величие Государства, основанного счастливыми трудами наших отцев и дедов. Мир и согласие ваше утвердят его могущество. Изяслав, старший брат, заступит мое место и сядет на престоле Киевском: повинуйтесь ему, как вы отцу повиновались. Святославу даю Чернигов, Всеволоду Переяславль, Вячеславу Смоленск: каждый да будет доволен своею частию, или старший брат да судит вас как Государь! Он защитит утесненного и накажет виновного». Слова достопамятные, мудрые и бесполезные! Ярослав думал, что дети могут быть рассудительнее отцев, и к несчастию ошибся.

Невзирая на старость и болезнь, он все еще занимался государственными делами: поехал в Вышегород и там скончался [19 февраля 1054 г.], имея от роду более семидесяти лет (супруга его умерла еще в 1050 году). Из детей был с ним один Всеволод, которого он любил нежнее всех других и никогда не отпускал от себя. Горестный сын, народ и Священники в служебных ризах шли за телом из Вышегорода до Киева, где оно, заключенное в мраморную раку, было погребено в Софийской церкви. Сей памятник, украшенный резными изображениями птиц и дерев, уцелел до наших времен.

Ярослав заслужил в летописях имя Государя мудрого; не приобрел оружием новых земель, но возвратил утраченное Россиею в бедствиях междоусобия; не всегда побеждал, но всегда оказывал мужество; успокоил отечество и любил народ свой. Следуя в правлении благотельным намерениям Владимира, он хотел загладить вину ослушного сына и примириться с тению огорченного им отца.

Внешняя политика Ярославова была достойна Монарха сильного: он привел Константинополь в ужас за то, что оскорбленные Россияне требовали и не нашли там правосудия; но, отместив Польше и взяв свое, великодушною помощью утвердил ее целость и благоденствие.

Ярослав наказал мятежных Новгородцев за убиение Варягов так, как Государи не должны наказывать: вероломным обманом; но, признательный к их усердию, дал им многие выгоды и права. Князья Новгородские следующих веков должны были клясться гражданам в точном соблюдении его *льготных грамот*, к сожалению, истребленных временем. Знаем только, что сей народ, ссылаясь на оные, почитал себя вольным в избрании собственных Властителей. Память Ярославова была в течение веков любезна жителям Новагорода, и место, где обыкновенно сходился народ для совета, в самые позднейшие времена именовалось *Двором Ярослава*.

Сей князь заточил брата, обнесенного клеветниками; но доказал свое добродушие, простив мятежного племянника и забыв, для счастья России, прежнюю вражду Князя Тмутороканского.

Ярослав был набожен до суеверия: он вырыл кости Владимировых братьев, умерших в язычестве – Олеговы и Ярополковы, – крестил их и положил в Киевской церкви Св. Богородицы. Ревность его к Христианству соединялась, как мы видели, с любовью к просвещению. Летописцы средних веков говорят, что сей Великий Князь завел в Новгороде первое народное училище, где 300 отроков, дети Пресвитеров и Старейшин, приобретали сведения, нужные для Священного сана и гражданских чиновников. Загладив следы Болеславовых опустошений в южной России, населив пленниками область Киевскую и будучи, подобно Олегу и Владимиру, основателем многих городов новых, он хотел, чтобы столица его, им обновленная, распространяемая, могла справедливо называться *вторым Царемградом*. Ярослав любил Искусства: художники Греческие, им призванные в Россию, украсили храмы живописью и мусиею, донные видимою в Киевской Софийской церкви. Сия мусия, составленная из четвероугольных камешков, изображает на золотом поле лица и одежду Святых по рисунку весьма несовершенному, но с удивительною свежестию красок: работа более трудная, нежели изящная, однако ж любопытная для знатоков Искусства. – Благоприятный случай сохранил также для нас серебряную монету княжения Ярославова, на коей представлен воин с Греческою надписью: о Георгиос, и с Русскою: *Ярославле сребро*: доказательство, что древняя Россия не только пользовалась чужестранными драгоценными монетами, но имела и собственные. – Стараясь о благолепии храмов, приятном для глаз, Великий Князь желал, чтобы и слух молящихся находил там удовольствие: пишут, что около половины XI столетия выехали к нам певцы Греческие, научившие Российских церковников согласному *Демественному* пению.

Двор Ярославов, окруженный блеском величия, служил убежищем для Государей и Князей несчастных. Еще прежде Гаральда, супруга Елисаветина, Олоф *Святой*, Король Норвежский, лишенный трона, требовал защиты Российского Монарха. Ярослав принял его с особенным дружелюбием и хотел дать ему в управление знаменитую область в Государстве своем; но сей Король, обольщенный сновидением и надеждою победить Канута, завоевателя Норвегии, выехал из России, оставив в ней юного сына своего, Магнуса, который после царствовал в Скандинавии. Дети мужественного Короля Английского, Эдмунда, изгнанные Канутом, Эдвин и Эдвард, также Принц Венгерский, Андрей (не быв еще зятем Ярославовым), вместе с братом своим Левентою искали безопасности в нашем отечестве. – Ярослав с таким же великодушием принял Князя Варяжского Симона, который, будучи изгнан дядею, *Якуном Слепым*, со многими единоземцами вступил в Российскую службу и сделался первым Вельможею юного Всеволода.

Мы сказали, что Ярослав не принадлежит к числу завоевателей; однако ж вероятно, что в его княжение область Новгородская распространилась на Восток и Север. Жители Перми, окрестностей Печорских, Югра, были уже в XI веке данниками Новгородскими (Нестор знал и диких Самоедов, которые обитали к Северу от Югры): завоевание столь отдаленное не могло вдруг совершиться, и Россиянам надлежало прежде овладеть всеми ближайшими местами Архангельской и Вологодской Губернии, древним отечеством народов Чудских, славным в Северных летописях под именем Биармии. Там, на берегах Двины, в начале XI века, по сказанию Исландцев, был торговый город, где съезжались летом купцы Скандинавские и где Норвежцы, отправленные в Биармию Св. Олофом, Ярославовым современником, ограбили кладбище и похитили украшение Финского идола Йомалы. Баснословие их Стихотворцев о чудесном великолепии сего храма и богатстве жителей не входит в Историю; но жители Биармии могли некоторыми произведениями земли своей, солью, железом, мехами торговать с Норвежцами, открывшими в IX веке путь к устью Двины, и даже с Камскими Болгарами, посредством рек судоходных. Занимаясь рыбною и звериною ловлею, огражденные с одной стороны морями хладными, а с другой лесами дремучими, они спокойно наслаждались независимостию, до самого того времени, как смелые и предприимчивые Новгородцы сблизились с ними чрез область Белозерскую и покорили их, в княжение Владимира или Ярослава. Сия земля, от Белоозера до реки Печоры, была названа Заволочьем и мало-помалу населена выходцами Новгородскими, которые принесли туда с собою и Веру Христианскую (по достоверным историческим свидетельствам нам известно, что в XII веке уже существовали монастыри на берегах Двины). Скоро отдаленный хребет гор Уральских, идущий от Новой Земли к Югу и бывший несколько времени предметом баснословия в нашем отечестве, сделался как бы границею России, и Новгородцы нашли способ получать естественные, драгоценные произведения

Сибири чрез своих Югорских данников, которые выменивали оные у тамошних обитателей на железные орудия и другие дешевые вещи.

Наконец блестящее и счастливое правление Ярослава оставило в России памятник, достойный великого Монарха. Сему Князю приписывают древнейшее *собрание* наших гражданских уставов, известное под именем *Русской Правды*. Еще в Олегово время Россияне имели законы; но Ярослав, *может быть*, отменил некоторые, исправил другие и первый издал законы *письменные* на языке Славянском. Они, конечно, были государственными или *общими*, хотя древние списки их сохранились единственно в Новгороде и заключают в себе некоторые *особенные* или местные учреждения. Сей остаток древности, подобный *двенадцати доскам* Рима, есть верное зеркало тогдашнего гражданского состояния России и драгоценен для Истории: предлагаем его здесь в извлечении.

Глава III. Правда Русская, или Законы Ярославовы

Законы уголовные. Денежные пени за убийство. Вира. Гражданские степени. Дикая Вира. Поток. Пеня за удары. Двор Княжеский есть место суда. Охранение собственности. Воровство. Оценка вещей. Бортные знаки и межевые столпы. Птицеловство. Зажигательство. Свод. Кража людей. Беглые. Кабала. Долги. Торговля рабов. Сохранение пожитков. Росты. Улики, оправдания. Испытание железом и водою. Право наследственное. Судии. Присяжные. Общій характер законов. Устав о мостовых. Устав церковный.

Главная цель общежития есть личная безопасность и неотъемлемость собственности: устав Ярославов утверждает ту и другую следующим образом:

1. «Кто убьет человека, тому родственники убитого мстят за смерть смертию; а когда не будет мстителей, то с убийцы взыскать деньгами в Казну: за голову Боярина Княжеского, Тиуна *Огнищан*, или граждан именитых, и Тиуна *Конюшего* – 80 гривен или двойную Виру; за Княжеского Отрока или Гридню, *повара, конюха*, купца, Тиуна и Мечника Боярского, за всякого Людина, то есть свободного человека, Русского (Варяжского племени) или Славянина – 40 гривен или Виру, а за убиение жены полвиры. За раба нет Виры; но кто убил его безвинно, должен платить господину так называемый урок, или цену убитого: за Тиуна *сельского* или старосту Княжеского и Боярского, за ремесленника, дядьку или пестуна, и за кормилицу 12 гривен, за простого холопа Боярского и Людского 5 гривен, за рабу шесть гривен, и сверх того в Казну 12 гривен *продажи*», дани или пени.

Мы уже имели случай заметить, что Россияне получили свои гражданские уставы от Скандинавов. Желая утвердить семейственные связи, нужные для безопасности, личной в новых обществах, все народы Германские давали родственникам убитого право лишить жизни убийцу или взять с него деньги, определяя разные пени или Виры (*Wehrgeld*) по гражданскому состоянию убитых, ничтожные в сравнении с нынешнею ценою вещей, но тягостные по тогдашней редкости денег. Законодатели берегли жизнь людей, нужных для государственного могущества, и думали, что денежная пеня может отвращать злодеяния. Дети Ярославовы, как увидим, отменили даже и законную месть родственников.

Сия уголовная статья весьма ясно представляет нам гражданские степени древней России. Бояре и Тиуны Княжеские занимали первую степень. То и другое имя означало знаменитого чиновника: второе есть Скандинавское или древнее Немецкое *Thaegn, Thiagn, Diakn, муж честный, vig robus*; так вообще назывались Дворяне Англо-Саксонские, иногда дружина Государей, Графы и проч. – Люди военные, придворные, купцы и земледельцы свободные принадлежали ко второй степени; к третьей, или низжайшей, холопы Княжеские, Боярские и монастырские, которые не имели никаких собственных прав гражданских. Древнейшими рабами в отечестве нашем, были, конечно, потомки военнопленных; но в сие время – то есть в XI веке – уже разные причины могли отнимать у людей свободу. Законодатель говорит, что «холопом *обельным*, или полным, бывает 1) человек, купленный при свидетелях; 2) кто не может удовлетворить своих заимодавцев; 3) кто женится на рабе без всякого условия; 4) кто без условия же пойдет в слуги или в ключники, и 5) *закуп*, то есть наемник или на время закабаленный человек, который, не выслужив срока, уйдет и не докажет, что он ходил к Князю или судьям искать управы на господина. Но служба не делает вольного рабом. Наемники могут

всегда отойти от господина, возвратив ему не заработанные ими деньги. Вольный слуга, обманом проданный за холопа, совершенно освобождается от кабалы, а продавец вносит в Казну 12 гривен пени».

II. «Ежели кто убьет человека в ссоре или в пьянстве и скроется, то *Вервь*, или округа, где совершилось убийство, платит за него пеню» – которая называлась в таком случае *дикою Вирою* – «но в разные сроки, и в несколько лет, для облегчения жителей. За найденное мертвое тело человека неизвестного Вервь не отвечает. – Когда же убийца не скроется, то с округи или с волости взыскать половину Виры, а другую с самого убийцы». Закон весьма благоразумный в тогдашние времена: облегчая судьбу преступника, разгоряченного вином или ссорой, он побуждал всякого быть миротворцем, чтобы в случае убийства не платить вместе с виновным. – «Ежели убийство делается без всякой ссоры, то волость не платит за убийцу, но выдает его *на поток*» – или в руки Государю – «с женою, с детьми и с именем». Устав жестокий и несправедливый по нашему образу мыслей; но жена и дети отвечали тогда за вину мужа и родителя, ибо считались его *собственностью*.

III. Как древние Немецкие, так и Ярославовы законы определяли особенную пеню за всякое действие насилия: «за удар мечом необнаженным, или его рукояткою, тростию, чашею, стаканом, пястиею 12 гривен; за удар палицею и жердию 3 гривны, за всякой толчок и за рану легкую 3 гривны, а раненному гривну на леченье». Следственно, гораздо неизвинительнее было ударить голою рукою, легкою чашею или стаканом, нежели тяжелою палицею или самым острым мечом. Угадаем ли мысль Законодателя? Когда человек в ссоре *обнажал* меч, брал палицу или жердь, тогда противник его, *видя опасность*, имел время изготавиться к обороне или удалиться. Но рукою или домашним сосудом можно было ударить *незапно*, также мечом необнаженным и тростию: ибо воин *обыкновенно* носил меч и всякий человек *обыкновенно* ходил с тростию: то и другое не заставляло остерегаться. Далее: «За повреждение ноги, руки, глаза, носа виновный платит 20 гривен в Казну, а самому изувеченному 10 гривен; за выдернутый клоч бороды 12 гривен в Казну; за выбитый зуб то же, а самому битому гривну; за отрубленный палец 3 гривны в Казну, и раненному гривну. Кто погрозит мечом, с того взять гривну пени; кто же вынул его для обороны, тот не подвергается никакому взысканию, ежели и ранит своего противника. Кто самовольно, без Княжеского повеления, накажет *Огнищанина* (именитого гражданина) или *Смерда* (земледельца и простого человека), «платит за первого 12 гривен Князю, за второго 3 гривны, а битому гривну в том и в другом случае. Если холоп ударит свободного человека и скроется, а господин не выдаст его, то взыскать с господина 12 гривен. Истец же имеет право везде умертвить раба, своего обидчика». Дети Ярославовы, отменив сию казнь, дали истцу одно право бить виновного холопа или взять за бесчестье гривну. – «Если господин в пьянстве и без вины телесно накажет *закупа*, или слугу наемного, то платит ему как свободному». – Большая часть денежной пени, как видим, шла обыкновенно в Казну: ибо всякое нарушение порядка считалось оскорблением Государя, блюстителя общей безопасности.

IV. «Когда на Двор Княжеский» – где обыкновенно судились дела – «придет истец, окровавленный или в синих пятнах, то ему не нужно представлять иного свидетельства; а ежели нет знаков, то представляет очевидцев драки, и виновник ее платит 60 *кун*» (см. ниже). «Ежели истец будет окровавлен, а свидетели покажут, что он сам начал драку, то ему нет удовлетворения».

Оградив личную безопасность, Законодатель старался утвердить целостность собственности в гражданской жизни.

V. «Всякий имеет право убить ночного татя на воровстве; а кто продержит его связанного *до света*, тот обязан идти с ним на Княжеский Двор. Убиение татя взятого и связанного есть преступление, и виновный платит в Казну 12 гривен. Тать *коневый* выдается головою Князю и теряет все права гражданские, вольность и собственность». Столь уважаем был конь, верный слуга человеку на войне, в земледелии и в путешествиях! Древние Саксонские законы осуждали на смерть всякого, кто уведет чужую лошадь. – Далее: «С вора *клетного*» – т.е. домашнего или горничного – «взыскивается в Казну 3 гривны, с вора *житного*, который унесет хлеб из *ямы* или с гумна, 3 гривны и 30 *кун*; хозяин же берет свое жито, и еще полгривны с вора. – Кто украдет скот в хлеве или в доме, платит в Казну 3 гривны и 30 *кун*, а кто в поле, тот 60 *кун*» (первое считалось важнейшим преступлением: ибо вор нарушал тогда спокойствие хозяина): «сверх чего за всякую скотину, которая не возвращена лицом, хозяин берет определенную цену: за коня *Княжего* 3 гривны, за простого 2, за кобылу 60 *кун*, за жеребца неезжалого гривну, за жеребенка

6 ногат, за вола гривну, за корову 40 кун, за трехлетнего быка 30 кун, за годовика полгривны, за теленка, овцу и свинью 5 кун, за барана и поросенка ногату».

Статья любопытная: ибо она показывает тогдашнюю оценку вещей. В гривне было 20 *ногат* или 50 *резаней*, а 2 резани составляли одну *куну*. Сими именами означались мелкие кожаные монеты, ходившие в России и в Ливонии.

VI. «За бобра, украденного из норы, определяется 12 гривен пени». Здесь говорится о бобрах *племянных*, с коими хозяин лишился всего возможного приплода. – «Если в чьем владении будет изрыта земля, найдутся сети или другие признаки воровской ловли, то Вервь должна сыскать виновного или заплатить пеню».

VII. «Кто умышленно зарежет чужого коня или другую скотину, платит 12 гривен в Казну, а хозяину гривну». Злоба бесчестила граждан менее, нежели воровство: тем более должны вали законы обуздывать оную.

VIII. «Кто стешет *бортные* знаки или запашет между полевою, или перегородит дворовую, или срубит бортную грань, или *дуб* гранный или *межевый* столп, с того взять в Казну 12 гривен». Следственно, всякое сельское владение имело свои пределы, утвержденные Гражданским Правительством, и знаки их были священны для народа.

IX. «За борт ссеченную виновный дает 3 гривны пени в Казну, за дерево полгривны, за выдрание пчел 3 гривны, а хозяину за мед нелаженного улья 10 кун, за лаженный 5 кун». Читателю известно, что есть *бортное* ухажье: дупла служили тогда ульями, а леса единственными пчельниками. – «Ежели тать скроется, должно искать его по следу, но с чужими людьми и свидетелями. Кто не отведет следа от своего жилища, тот виноват; но буде след кончится у гостиницы или на пустом, незастроенном месте, то взыскания нет».

X. «Кто срубит шест под сетию птицелова или отрежет ее веревки, платит 3 гривны в Казну, а птицелову гривну; за украденного сокола или ястреба 3 гривны в Казну, а птицелову гривну; за голубя 9 кун, за куропатку 9 кун, за утку 30 кун; за гуся, журавля и лебедя то же». Сего чрезмерною пенею Законодатель хотел обеспечить тогдашних многочисленных птицеловов в их промысле.

XI. «За покражу сена и дров 9 кун в Казну, а хозяину за каждый воз по две ногаты».

XII. «Вор за ладью платит 60 кун в Казну, а хозяину за морскую 3 гривны, за *набойную* 2 гривны, за струг гривну, за челн 8 кун, если не может лицом возратить украденного». Имя *набойная* происходит от досок, *набиваемых* сверх краев мелкого судна, для возвышения боков его.

XIII. «Зажигатель гумна и дома выдается головою Князю со всем имением, из коего надобно прежде вознаградить убыток, понесенный хозяином гумна или дома».

XIV. «Если обличатся в воровстве холопи Княжеские, Бояр или простых граждан, то с них не брать в Казну пени (взыскиваемой единственно с людей свободных); но они должны платить истцу вдвое: например, взяв обратно свою украденную лошадь, истец требует еще за оную 2 гривны – разумеется, с господина, который обязан или выкупить своего холопа, или головою выдать его, вместе с другими участниками сего воровства, кроме их жен и детей. Ежели холоп, обокрав кого, уйдет, то господин платит за всякую унесенную им вещь по цене обыкновенной. – За воровство слуги наемного господин не отвечает; но если внесут за него пеню, то берет слугу в рабы или может продать».

XV. «Утратив одежду, оружие, хозяин должен заявить на торгу; опознав вещь у *горожанина*, идет с ним на *свод*, то есть спрашивает, где он взял ее? и переходя таким образом от человека к человеку, отыскивает действительного вора, который платит за вину 3 гривны; а вещь остается в руках хозяина. Но ежели ссылка пойдет на жителей *уездных*, то истцу взять за украденное деньги с *третьего* ответчика, который идет с поличным далее, и наконец отысканный вор платит за все по закону. – Кто скажет, что краденое куплено им у человека неизвестного или жителя иной области, тому надобно представить двух свидетелей, граждан свободных, или мытника (сборщика пошлин), чтобы они клятвою утвердили истину слов его. В таком случае хозяин берет свое лицом, а купец лишается вещи, но может отыскивать продавца».

XVI. «Ежели *будет украден холоп*, то господин, опознав его, также идет с ним на *свод* от человека к человеку, и *третий* ответчик дает ему *своего* холопа, но с украденным идет далее. Отысканный виновник платит все убытки и 12 гривен пени Князю; а *третий* ответчик берет обратно холопа, отданного им в залог вместо сведенного».

XVII. «О *беглом* холопе господин объявляет на торгу, и ежели чрез три дни опознает его в чьем доме, то хозяин сего дому, возвратив укрытого беглеца, платит еще в Казну 3 гривны. – Кто

беглецу даст хлеба или укажет путь, тот платит господину 5 гривен, а за рабу 6, или клянется, что он не слышал об их бегстве. Кто представит ушедшего холопа, тому дает господин гривну; а кто упустит задержанного беглеца, платит господину 4 гривны, а за рабу 5 гривен: в первом случае пятая, а во втором шестая уступается ему за то, что он поймал беглых. – Кто сам найдет раба своего в городе, тот берет Посадникова Отрока и дает ему 10 кун за связание беглеца».

XVIII. «Кто возьмет чужого холопа в кабалу, тот лишается данных холопу денег или должен присягнуть, что он считал его свободным: в таком случае господин выкупает раба и берет все имение, приобретенное сим рабом».

XIX. «Кто, не спросив у хозяина, сядет на чужого коня, тот платит в наказание 3 гривны» – то есть всю цену лошади. Сей закон елово в слово есть повторение древнего Ютландского и еще более доказывает, что гражданские уставы Норманов были основанием Российских.

XX. «Ежели наемник потеряет собственную лошадь, то ему не за что ответственность; а ежели утратит плуг и борону господскую, то обязан платить или доказать, что сии вещи украдены в его отсутствие и что он был послан со двора за господским делом». Итак, владельцы обрабатывали свои земли не одними холопами, но и людьми наемными. – «Вольный слуга не отвечает за скотину, уведенную из хлева; но когда растеряет оную в поле или не загонит на двор, то платит. – Ежели господин обидит слугу и не выдаст ему полного жалованья, то обидчик, удовольствовав истца, вносит 60 кун пени; ежели насильственно отнимет у него деньги, то, возвратив их, платит еще в Казну 3 гривны».

XXI. «Ежели кто будет требовать своих денег с должника, а должник запрется, то истец представляет свидетелей. Когда они поклянутся в справедливости его требования, заимодавец берет свои деньги и еще 3 гривны в удовлетворение. – Ежели заем не свыше трех гривен, то заимодавец один присягает; но больший иск требует свидетелей или без них уничтожается».

XXII. «Если купец поверил деньги купцу для торговли и должник начнет запираяться, то свидетелей не спрашивать, но ответчик сам присягает». Законодатель хотел, кажется, изъявить в сем случае особенную доверенность к людям торговым, которых дела бывают основаны на чести и Вере.

XXIII. «Если кто многим должен, а купец *иностраный*, не зная ничего, поверит ему товар: в таком случае продать должника со всем его имением, и *первыми* вырученными деньгами удовольствовать иностранца или Казну; остальное же разделить между прочими заимодавцами: но кто из них взял уже много ростов, тот лишается своих денег».

XXIV. «Ежели чужие товары или деньги у купца потонут, или сгорят, или будут отняты неприятелем, то купец не отвечает ни головою, ни вольностию и может разложить платеж в сроки: ибо власть Божия и несчастье не суть вина человека. Но если купец в пьянстве утратит вверенный ему товар или промотает его, или испортит от небрежения: то заимодавцы поступят с ним, как им угодно: отсрочат ли платеж, или продадут должника в неволю».

XXV. «Если холоп *обманом*, под именем вольного человека, испросит у кого деньги, то господин его должен или заплатить, или отказаться от раба; но кто поверит *известному* холопу, лишается денег. – Господин, позволив рабу торговать, обязан платить за него долги».

XXVI. «Если гражданин отдаст свои пожитки на сохранение другому, то в свидетелях нет нужды. Кто будет запираяться в принятии вещей, должен утвердить клятвою, что не брал их. Тогда он прав: ибо имение поверяют единственно таким людям, коих честь известна; и кто берет его на сохранение, тот оказывает услугу».

XXVII. «Кто отдает деньги в рост или мед и жито займы, тому в случае спора представить свидетелей и взять все по сделанному договору. *Месячные* росты берутся единственно за малое время; а кто останется должным целый год, платит уже *третьи*, а не *месячные*». Мы не знаем, в чем состояли те и другие, основанные на всеобщем обыкновении тогдашнего времени; но ясно, что последние были гораздо тягостнее и что законодатель хотел облегчить судьбу должников. – «Законы позволяют брать 10 кун с гривны на год» – то есть сорок на сто. В землях, где торговля, художества и промышленность цветут из давних времен, деньги теряют цену от своего множества. В Голландии, в Англии заимодавцы довольствуются самым малым прибытком; но в странах, подобно древней России, богатых только грубыми естественными произведениями, а не монетою, – в странах, где первобытная дикость нравов уже смягчается навыками гражданскими; где новая внутренняя и внешняя торговля знакомит людей с выгодами роскоши, – деньги имеют высокую цену, и лихоимство пользуется их редкостью.

Следуют общие постановления для улики и оправдания:

XXVIII. «Всякий уголовный донос требует свидетельства и присяги семи человек; но Варяг и чужестранец обязывается представить только двух. Когда дело идет единственно о побоях легких, то нужны вообще два свидетеля; но чужестранца никогда нельзя обвинить без семи». Итак, древние наши законы особенно покровительствовали иноземцев.

XXIX. «Свидетели должны быть всегда граждане свободные; только по нужде и в малом иске дозволено сослаться на Тиуна *Боярского* или закабаленного слугу». (Следственно, Боярские Тиуны не были свободные люди, хотя жизнь их, как означено в первой статье, ценилась равно с жизнью вольных граждан.) – «Но истец может воспользоваться свидетельством раба и требовать, чтобы ответчик оправдался *испытанием железа*. Если последний окажется виновным, то платит иск; если оправдается, то истец дает ему за муку гривну и в Казну 40 кун, Мечнику 5 кун, Княжескому Отроку полгривны (что называется *железною пошлиною*). Когда же ответчик вызван на сие испытание по неясному свидетельству людей свободных, то, оправдав себя, не берет ничего с истца, который платит единственно пошлину в Казну. – Не имея никаких свидетелей, сам истец доказывает правоту свою *железом*: чем решить всякие тяжбы в убийстве, воровстве и поклепе, ежели иск стоит полугривны золота; а ежели менее, то испытывать *водою*; в двух же гривнах и менее достаточна одна истцова присяга».

Законы суть дополнения летописей: без Ярославовой *Правды* мы не знали бы, что древние Россияне, подобно другим народам, употребляли железо и воду для изобличения преступников: обыкновение безрассудное и жестокое, славное в истории средних веков под именем *суда Небесного*. Обвиняемый брал в голую руку железо раскаленное или вынимал ею кольцо из кипятка: после чего судьям надлежало обвязать и запечатать оную. Ежели через три дня не оставалось язвы или знака на ее коже, то невинность была доказана. Ум здравый и самая Вера истинная долго не могли истребить сего устава языческих времен, и Христианские Пастыри торжественно освящали железо и воду для испытания добродетели или злодейства не только простых граждан, но и самых Государей в случае клеветы или важного подозрения. Народ думал, что Богу легко сделать чудо для спасения невинного; но хитрость судей пристрастных могла обманывать зрителей и спасать виновных.

Древнейшие законы всех народов были уголовные; но Ярославовы определяют и важные права наследственности.

XXX. «Когда простолудин умрет бездетен, то все его имение взять в Казну; буде остались дочери незамужние, то им дать некоторую часть оною. Но Князь не может наследовать после Бояр и мужей, составляющих воинскую дружину; если они не имеют сыновей, то наследуют дочери». Но когда не было и последних? Родственники ли брали имение или Князь?.. Здесь видим законное, важное преимущество чиновников воинских.

XXXI. «Завещание умершего исполняется в точности. Буде он не изъявил воли своей, в таком случае отдать все детям, а часть в церковь для спасения его души. Двор отцевский всегда без раздела принадлежит меньшему сыну» – как юнейшему и менее других способному наживать доход.

XXXII. «Вдова берет, что назначил ей муж: впрочем она не есть наследница. – Дети первой жены наследуют ее достояние или вено, назначенное отцом для их матери. Сестра ничего не имеет, кроме добровольного приданого от своих братьев».

XXXIII. «Если жена, дав слово остаться вдовою, проживет имение и выйдет замуж, то обязана возратить детям все прожитое. Но дети не могут согнать вдовствующей матери со двора или отнять, что отдано ей супругом. Она властна избрать себе одного наследника из детей или дать всем равную часть. Ежели мать умрет *без языка*, или без завещания, то сын или дочь, у коих она жила, наследуют все ее достояние».

XXXIV. «Если будут дети разных отцов, но одной матери, то каждый сын берет отцевское. Если второй муж расхитил имение первого и сам умер, то дети его возвращают оное детям первого, согласно с показанием свидетелей».

XXXV. «Если братья станут тягаться о наследии пред князем, то Отрок Княжеский, посланный для их раздела, получает гривну за труд».

XXXVI. «Ежели останутся дети малолетние, а мать выйдет замуж, то отдать их при свидетелях на руки ближнему родственнику, с имением и с домом; а что сей опекун присокупит к оному, то возьмет себе за труд и попечение о малолетних; но приплод от рабов и скота остается детям. – За все утраченное платит опекун, коим может быть и сам вотчим».

XXXVII. «Дети, прижитые с рабою, не участвуют в наследии, но получают свободу, и с материю».

Главою правосудия вообще был Князь, а Двор Княжеский обыкновенным местом суда. Но Государь поручал сию власть Тиунам и своим Отрокам. – Чиновники, которым надлежало решить уголовные дела, назывались *Вирниками*, и каждый судья имел помощника, или Отрока, *Метельника*, или писца. Они брали запас от граждан и пошлину с каждого дела. – Вирнику и писцу его, для объезда волости, давали лошадей.

В одном из новгородских списков Ярославовой *Правды* сказано, что истец во всякой тяжбе должен идти с ответчиком *на извод перед 12 граждан* – может быть, Присяжных, которые разбирали обстоятельства дела по совести, оставляя судье определить наказание и взыскивать пеню. Так было и в Скандинавии, откуда сей мудрый устав перешел в Великобританию. Англичане наблюдают его донныне в делах уголовных. Саксон Грамматик повествует, что в VIII веке Рагнар Лодброк, Король Датский, первый учредил думу двенадцати Присяжных.

Таким образом, устав Ярославов содержит в себе полную систему нашего древнего законодательства, сообразную с тогдашними нравами. В нем не упоминается о некоторых возможных злодеяниях, например: о смертной отраве (как в 12 досках Рима), о насилии женщин (и проч.): для того ли, что первое было необыкновенно в России, а второе казалось законодателю сомнительным и неясным в доказательствах? Не упоминается также о многих условиях и сделках, весьма обыкновенных в самом начале гражданских обществ; но взаимная польза быть верным в слове и честь служили вместо законов.

Приметим, что древние свободные Россияне не терпели никаких *телесных* наказаний: виновный платил или жизнью, или вольностию, или деньгами – и скажем о сих законах то же, что Монтескье говорит вообще о Германских: они изъявляют какое-то удивительное простосердечие; кратки, грубы, но достойны людей твердых и великодушных, которые боялись рабства более, нежели смерти.

Предложим еще одно замечание: Германцы, овладев Европою, не давали всех гражданских прав своим народам покоренным: так, по уставу Салическому, за убиение Франка надлежало платить 200 су, и вдвое менее за убиение Римлянина. Но законы Ярославовы не полагают никакого различия между Россиянами Варяжского племени и Славянами: сим обстоятельством можно утвердить вероятность Несторова сказания, что Князья Варяжские *не завоевали* нашего отечества, но были избраны Славянами управлять Государством.

Ярославу же приписывают древний устав Новгородский о *мостовых*, по коему знаем, что сей город, тогда уже весьма обширный, разделялся на Части, или Концы (Словенский, Неревский, Горничский, Людин, Плотинский), а жители на *Сотни*, означаемые именами их Старейшин; что одна улица называлась *Добрыниною* (в память сего знаменитого Воеводы и дяди Владимиров), а главный ряд *Великим* рядом; что Немцы или Варяги, Готы или Готландцы, привлеченные в Новгород торговлею, жили в особенных улицах, и проч. – Но так называемый Церковный Устав Ярославов, о коем упоминают новейшие Летописцы и коего имеем разные списки, есть без сомнения подложный, сочиненный около XIV столетия. Подобно мнимому Владимирову, он дает Епископам исключительное право судить оскорбление женского целомудрия, всякие обиды, делаемые слабому полу, развод, кровосмешение, ссоры детей с родителями, зажигательство, воровство, драки и проч. Сей Устав не согласен с *Русскою Правдою* и, кроме нелепостей, содержит в себе выражения и слова новейших времен; например, определяет пени *рублями*, еще не употребительными в денежном счете времен Ярославовых.

Глава IV. Великий князь Изяслав, названный в крещении Димитрием. Г. 1054–1077

Уделы. Победа над Голядами и Торками. Половцы. Ужасные чудеса. Освобождение Судислава. Междоусобия. Поражение Россиян на берегах Альты. Мятеж в Киеве. Бегство Великого Князя. Разбитие Половцев. Киевляне хотят бежать в Грецию. Изяслав возвращается с Поляками. Киев – новая Капуя. Война с Полоцким Князем. Перенесение мощей Бориса и Глеба. Новое бегство Великого Князя. Изяслав у Немецкого Императора. Посольство Генрика IV в Киев. Письмо Папы к Изяславу. Россияне в Силезии. Возвращение Изяслава. Междоусобие. Смерть Великого Князя. Монастырь Киевопечерский. Россияне служат в Греции. Зависимость нашей Церкви от Греческой. Переписка с Патриархами. Пророки и волшебники.

Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие. Основанная, возвеличенная единовластием, она утратила силу, блеск и гражданское счастье, будучи снова раздробленною на малые области. Владимир исправил ошибку Святослава, Ярослав Владимирову: наследники их не могли воспользоваться сим примером, не умели соединить частей в целое, и Государство, шагнув, так сказать, в один век от колыбели своей до величия, слабело и разрушалось более трехсот лет. Историк чужеземный не мог бы с удовольствием писать о сих временах, скудных делами славы и богатых ничтожными распрями многочисленных Властителей, коих тени, обгаренные кровию бедных подданных, мелькают пред его глазами в сумраке веков отдаленных. Но Россия нам отечество: ее судьба и в славе и в унижении равно для нас достопамятна. Мы хотим обозреть весь путь Государства Российского от начала до нынешней степени оного. Увидим толпу Князей недостойных и слабых; но среди их увидим и Героев добродетели, сильных мышцею и душою. В темной картине междоусобия, неустройств, бедствий, являются также яркие черты ума народного, свойства, нравов, драгоценные своею древностию. Одним словом, История предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь отечество.

Дети Ярославовы, исполняя его завещание, разделили по себе Государство. Область Изяславова, сверх Новагорода, простиралась от Киева на Юг и Запад до гор Карпатских, Польши и Литвы. Князь Черниговский взял еще отдаленный Тмуторокань, Рязань, Муром и страну Вятичей; Всеволод, кроме Переяславля, Ростов, Суздаль, Белоозеро и *Поволжье*, или берега Волги. Смоленская область заключала в себе нынешнюю Губернию сего имени с некоторою частию Витебской, Псковской, Калужской и Московской. Пятый сын Ярославов, Игорь, получил от старшего брата, в *частный* Удел, город Владимир. Князь Полоцкий, внук славной Рогнеды, Брячислав, умер еще в 1044 году: сын его, Всеслав, наследовал Удел отца – и Россия имела тогда шесть юных Государей.

Счастливая внутренняя тишина царствовала около десяти лет: Россияне вооружались только против внешних неприятелей. Изяслав победил Голядов, жителей, как вероятно, Прусской *Галиндии*, народ Латышский; а Всеволод Торков, восточных соседей Переяславской области, которые, услышав, что и Великий Князь, вместе с Черниговским и Полоцким, идет на них сухим путем и водою, удалились от пределов России: жестокая зима, голод и мор истребили большую часть сего народа. – Но отечество наше, избавленное от Торков, с ужасом видело приближение иных варваров, дотоле неизвестных в истории мира.

Еще в 1055 году Половцы, или Команы, входили в область Переяславскую: тогда Князь их, Болуш, заключил мир со Всеволодом. Сей народ кочующий, единоплеменный с Печенегами и, вероятно, с нынешними Киргизами, обитал в степях Азиатских, близ моря Каспийского; вытеснил Узов (именуемых, как вероятно, Торками в нашей летописи); принудил многих из них бежать к Дунаю (где они частию погибли от язвы, частию поддались Грекам); изгнал, кажется, Печенегов из нынешней юго-восточной России и занял берега Черного моря до Молдавии, ужасая все Государства соседственные: Греческую Империю, Венгрию и другие. – О нравах его говорят Летописцы с омерзением: грабеж и кровопролитие служили ему забавою, шатры всегдашним жилищем, кобылье молоко, сырое мясо, кровь животных и стерво обыкновенною пищею. – Мир с такими варварами мог быть только опасным перемирием, и в 1061 году Половцы, не имея терпения дожидаться лета, с Князем своим Секалом зимою ворвались в области Российские, победили Всеволода и с добычею возвратились к Дону.

С сего времени начинаются бедствия России, и Летописец рассказывает, что Небо предвещало их многими ужасными чудесами; что река Волхов шла вверх пять дней; что кровавая звезда целую неделю являлась на Западе, солнце утратило свое обыкновенное сияние и восходило без лучей, подобно месяцу; что рыболовы Киевские извлекли в неводе какого-то удивительного мертвого уroda, брошенного в Днепр. Сии сказки достойны некоторого замечания, изъясняя страшное впечатление, оставленное в уме современников тогдашними несчастьями Государства. «Небо правосудно! – говорит Нестор: – оно наказывает Россиян за их беззакония. Мы именуемся Христианами, а живем как язычники; храмы пусты, а на игрищах толпятся люди; в храмах безмолвие, а в домах трубы, гусли и скоморохи». – Сия укоризна, без сомнения, не исправила современников, но осталась для потомства любопытным известием о тогдашних нравах.

Дети Ярославовы еще не нарушали завещания родительского и жили дружно. Изяслав считал себя более равным, нежели Государем братьев своих: так они, по смерти Вячеслава в 1057 году, с *общего согласия* отдали Смоленск Игорю (чрез два года потом умершему) и, вспомнив о заточенном дяде, Судиславе, возвратили ему свободу. Сей несчастный сын Великого Владимира,

двадцать четыре года сидев в темнице, клятвенно отказался от всяких требований властолюбия, даже от самого света, постригся и кончил жизнь в Киевском монастыре Св. Георгия.

Первым поводом к междоусобию было отдаленное Княжество Тмутороканское. Владимир Ярославич оставил сына, Ростислава, который, не имея никакого Удела, жил праздно в Новгороде. Будучи отважен и славолюбив, он подговорил с собою некоторых молодых людей; вместе с Вышатою, сыном Новгородского Изяслава Посадника Остромира, ушел в Тмуторокань и выгнал юного Князя, Глеба Святославича, который управлял сею Азовскою областью. Святослав спешил туда с войском: племянник его, уважая дядю, отдал ему город без сопротивления; но когда Черниговский Князь удалился, Ростислав снова овладел Тмутороканем. Скоро народы горские, Касоги и другие, должны были признать себя данниками юного Героя, так, что его славолубие и счастье устрашили Греков, которые господствовали в Тавриде: они подослали к сему Князю своего знатного чиновника, Катапана или Префекта, умевшего вкрась к нему в доверенность; и в то время, как Ростислав, угощая мнимого друга, пил с ним вино, Катапан, имея под ногтем скрытый яд, впустил его в чашу, отравил Князя, уехал в Херсон и торжественно объявил жителям, что завоеватель Тмутороканский умрет в седьмой день. Предсказание исполнилось; но Херсонцы, гнушаясь таким коварством, убили сего злодея камнями. Безвременная кончина мужественного Ростислава, отца трех сыновей, была в тогдашних обстоятельствах несчастием для России: он мог бы лучше других защитить отечество и сохранить по крайней мере воинскую его славу. Нестор описывает сего юношу, прекрасного и благовидного, не только храбрым в битвах, но и добрым, чувствительным, великодушным.

Святослав не мог вторично смирить племянника своего, Ростислава, для того, что в Государстве явился новый неприятель: Князь Полоцкий. Сей правнук Рогнедин ненавидел детей Ярославовых и считал себя законным наследником престола Великокняжеского: ибо дед его, Изяслав, был старшим сыном Св. Владимира. Современный Летописец называет Всеслава злым и кровожадным, суеверно приписывая сию жестокость какой-то волшебной повязке, носимой сим Князем для закрытия природной на голове язвы. Всеслав, без успеха осаждав Псков, неожиданно завоевал Новгород; пленил многих жителей; не пощадил и святыни церковей, ограбив Софийскую. Оскорбленные такою наглостию, Ярославичи соединили силы свои и, несмотря на жестокою зиму, осадили Минск в Княжестве Полоцком; взяли его, умертвили граждан, а жен и детей отдали в плен воинам. Всеслав сошелся с неприятелями на берегах Немана, покрытых глубоким снегом. Множество Россиян с обеих сторон легло на месте. Великий Князь победил; но, еще страшась племянника, вступил с ним в мирные переговоры и звал его к себе. Всеслав, поверив клятве Ярославичей, что они не сделают ему никакого зла, переехал Днепр на лодке близ Смоленска. Великий Князь встретил его, ввел в шатер свой и отдал в руки воинам: несчастного взяли вместе с двумя сыновьями, отвезли в Киев и заключили в темницу.

[1067–1068 гг.] Провидение наказало вероломных: там, где отец их одержал славную победу над Святополком и Печенегам, на берегах Альты, чрез несколько месяцев Изяслав и братья его в ночном сражении были наголову разбиты свирепыми Половцами. Великий Князь и Всеволод ушли в Киев, а Святослав в Чернигов. Воины первого, стыдясь своего бегства, требовали Веча; собрались на торговой площади, в Киевском Подоле, и прислали сказать Изяславу, чтобы он дал им оружие и коней для вторичной битвы с Половцами. Великий Князь, оскорбленный сим своевольством, не хотел исполнить их желания. Сделался мятеж, и недовольные, обвиняя во всем главного Воеводу Изяслава, именем Коснячка, окружили дом его. Воевода скрылся. Мятежники разделились на две толпы: одни пошли отворить городскую темницу, другие на двор Княжеский. Изяслав, сидя с дружиною в сенях, смотрел в окно, слушал укоризны народа и думал усмирить бунт словами. Бояре говорили ему, что надобно послать стражу к заточенному Всеславу; наконец, видя остервенение черни, советовали Великому Князю тайно умертвить его. Но Изяслав не мог ни на что решиться, и бунтовщики действительно освободили Полоцкого Князя: тогда оба Ярославича в ужасе бежали из столицы, а народ объявил Всеслава Государем своим и разграбил Дом Княжеский, похитив великое множество золота, серебра, куниц и белок.

Изяслав удалился в Польшу; но его братья спокойно княжили в своих уделах, а племянник Глеб в области Воспорской, будучи снова призван ее жителями. Князь Черниговский имел случай отмстить Половцам, которые жгли и грабили в его области. Предводительствуя малочисленною конною дружиною, он вступил с ними в битву: 3 000 Россиян, ободренных примером и словами Князя, стремительно ударили на 12 000 Половцев, смяли их и пленили Вождя неприятельского; множество варваров утонуло в реке Снове. Черниговцы вспомнили

великодушную храбрость отцов своих, приученных к победе Мстиславом, знаменитым сыном Владимира Великого.

Король Польский, Болеслав II, сын Марии, Владимировой дочери, и супруг неизвестной нам Княжны Российской, приняв Изяслава со всеми знаками искреннего дружелюбия как Государя несчастного и ближнего родственника, охотно согласился быть ему помощником. Всеслав допустил его до самого Белгорода; наконец выступил с войском из Киева; но, утраченный силою Поляков и, может быть, не веря усердию своих новых подданных, ночью ушел из стана в Полоцк. Россияне, сведав о бегстве его, с ужасом возвратились в Киев. Все граждане собрались на Вече и немедленно отправили Послов к Святославу и Всеволоду объявить им, что Киевляне, изгнав Государя законного, признают вину свою; но как Изяслав ведет с собою врагов иноплеменных, коих жестокость еще памятна Россиянам, то граждане не могут впустить его в столицу, и прибегают в сей крайности к великодушию достойных сынов Ярослава и отечества. «Врата Киева для вас отверсты, – говорили Послы: – идите спасти град великого отца своего; а ежели не исполните нашего моления, то мы, обратив в пепел столицу России, с женами и детьми уйдем в землю Греческую». Святослав обещал за них вступиться, но требовал, чтобы они изъявили покорность Изяславу. «Когда брат мой, – сказал Черниговский Князь, – войдет в город мирно и с малочисленною дружиною, то вам нечего страшиться. Когда же он захочет предать Киев в жертву Ляхам, то мы готовы мечом отразить Изяслава, как неприятеля». В то же самое время Святослав и Всеволод известили брата о раскаянии Киевлян, советуя, чтобы он удалил Поляков, шел в столицу и забыл мщение, если не хочет быть врагом России и братьев. Великий Князь, дав слово быть милосердным, послал в Киев сына своего, Мстислава, который, в противность торжественному договору, начал как зверь свирепствовать в столице: умертвил 70 человек, освободивших Всеслава; других ослепил и жестоко наказал множество невинных, без суда, без всякого исследования. Граждане не смели жаловаться и с покорностию встретили Изяслава, въехавшего в столицу с Болеславом и с малым числом Поляков [2 мая 1069 г.].

Историки Польские говорят, что Великий Князь, обязанный Королю счастливою переменною судьбы своей, взялся содержать его войско, давал ему съестные припасы, одежду и жалованье; что Болеслав, плененный красотою места, роскошными приятностями Киева и *любезностию Россиянок*, едва мог выйти из сей новой Капуи, что он на возвратном пути, в Червенской области, или Галиции, осаждал Перемышль, который, будучи весьма укреплен искусством, каменными стенами и башнями, долгое время оборонялся. Ежели сие обстоятельство справедливо, то Болеслав вышел из России неприятелем: что же могло вооружить его против Великого Князя? Сказание Нестора служит объяснением: Россияне, ненавидя Поляков, тайно убивали их, и Король, утраченный сею народною местию, подобно его знаменитому прадеду, Болеславу I, спешил оставить наше отечество.

Изяслав, через семь месяцев снова Государь Киевский, не забыл, что бедственный для него мятеж сделался на торговой площади: сие место, отдаленное от дворца, казалось ему опасным, и для того он перевел торг из Подола в верхнюю часть города: осторожность малодушная и бесполезная! Едва учредив порядок в столице, Великий Князь спешил отмстить Всеславу и, жарким приступом взяв Полоцк, отдал сей важный город в удел Мстиславу: по внезапной же его кончине Святополку, другому своему сыну. Но в то самое время бодрый Всеслав с сильным войском явился под стенами Новгорода, где начальствовал юный Глеб Святославич, переведенный туда отцом из Тмутороканя. Ненавидя Полоцкого Князя, Новгородцы сразились отчаянно, разбили его и могли бы взять в плен, но великодушно дали ему спастись бегством. – Сия война кончилась ничем: ибо деятельный Всеслав умел снова овладеть своею наследственною областю, и хотя был еще побежден Ярополком, третьим сыном Великого Князя, однако ж удержал за собою Полоцк. – Между тем бедное отечество стеноло от внешних неприятелей; требовало защитников и не находило их: Половцы свободно грабили на берегах Десны.

Союз Ярославичей казался неразрывным. Изяслав, соорудив новую церковь в Вышегороде, управляемом тогда Вельможею Чудиным, вздумал поставить в ней гробы Бориса и Глеба и призвал своих братьев на сие торжество. Оно совершилось в присутствии знаменитейшего Духовенства, Бояр и народа, 2 Мая [1072 г.], день в который Великий Князь, за три года пред тем, вступил с Болеславом в Киев. Сами Ярославичи несли раку Борису, и митрополит Георгий признал святость Российских Мучеников, к удовольствию Государя и народа. Духовное празднество заключилось веселым пиром: три Князя обедали за одним столом, вместе с своими Боярами, и разъехались друзьями.

Сия дружба скоро обратилась в злобу. Святослав, желая большей власти, уверил Всеволода, что старший брат тайно сговаривается против них с Князем Полоцким. Они вооружились, и несчастный Изяслав вторично бежал в Польшу, надеясь, что великие сокровища, увезенные им из Киева, доставят ему сильных помощников вне Государства. Но Болеслав уже не хотел искать новых опасностей в России: взял его сокровища и (по словам Летописца) *указал ему путь от себя*. Горестный изгнанник отправился к Немецкому Императору, Генрику IV; был ему представлен в Маинце Саксонским Маркграфом Деди; поднес в дар множество серебряных и золотых сосудов, также мехов драгоценных, и требовал его заступления, обещая, как говорят Немецкие Летописцы, признать себя данником Империи. Юный и храбрый Генрик, готовимый судьбою к бедствиям гораздо ужаснейшим Изяславовых, не отказался быть защитником угнетенного. Окруженный в собственном Государстве изменниками и неприятелями, он послал в Киев Бурхарда, Трирского духовного Чиновника, брата Оды, шурина Вячеславова, как вероятно, и велел объявить Князьям Российским, чтобы они возвратили Изяславу законную власть, или, несмотря на отдаленность, мужественное войско Немецкое смирит хищников. В Киеве господствовал тогда Святослав, придав, может быть, Всеволоду некоторые из южных городов: он дружелюбно угостил Послов Императорских и старался уверить их в своей справедливости. Нестор пишет, что сей Князь, подобно Иудейскому Царю Езекии, величался пред Немцами богатством казны своей и что они, видя множество золота, серебра, драгоценных паволок, благоразумно сказали: *Государь! мертвое богатство есть ничто в сравнении с мужеством и великодушием*. «Следствие доказало истину их слов, – прибавляет Нестор: – по смерти Святослава исчезли *как прах* все его сокровища». – Бурхард возвратился к Императору с дарами, которые удивили Германию. «Никогда, – говорит современный Немецкий Летописец, – не видали мы столько золота, серебра и богатых тканей». Генрик, обезоруженный щедростью Святослава и не имея, впрочем, никакого способа воевать с Россиянами, утешил изгнанника одним бесполезным сожалением.

Изяслав обратился к Папе, славному в Истории Григорию VII, хотевшему быть Главою всеобщей Монархии, или Царем Царей, и послал в Рим сына своего. Жертвуя властолюбию и православием Восточной Церкви и достоинством Государя независимого, он признавал не только духовную, но и мирскую власть Папы над Россиею; требовал его защиты и жаловался ему на Короля Польского. Григорий отправил Послов к Великому Князю и к Болеславу, написав к первому следующее: «Григорий Епископ, слуга слуг Божиих, Димитрию, Князю Россиян (Regi Russorum), и Княгине, супруге его, желает здравия и посылает Апостольское благословение.

Сын ваш, посетив святыя места Рима, смиренно молил нас, чтобы мы властью Св. Петра утвердили его на Княжении, и дал присягу быть верным Главе Апостолов. Мы исполнили сию благую волю – согласную с вашею, как он свидетельствует, – поручили ему кормило Государства Российского именем Верховного Апостола, с тем намерением и желанием, чтобы Св. Петр сохранил ваше здравие, княжение и благое достояние до кончины живота, и сделал вас некогда сопричастником славы вечной. Желая также изъявить готовность к дальнейшим услугам, доверяем сим Послам – из коих *один вам известен и друг верный* – *изустно* переговорить с вами о всем, что есть и чего нет в письме. Примите их с любовию, как Послов Св. Петра; благосклонно выслушайте и несомненно верьте тому, что они предложат вам от имени нашего – и проч. Всемогущий Бог да озарит сердца ваши и да приведет вас от благ временных ко славе вечной. Писано в Риме, 15 Мая, Индикта XIII» (то есть 1075 году).

Таким образом Изяслав, сам не имея тогда власти над Россиею, дал повод надменному Григорию причислить сию Державу ко мнимым владениям Св. Петра, зависящим от мнимого Апостольского Наместника!.. В письме к Болеславу говорит Папа: «Беззаконно присвоив себе казну Государя Российского, ты нарушил добродетель Христианскую. Молю и заклинаю тебя именем Божиим отдать ему все взятое тобою или твоими людьми: ибо хищники не внидут в Царствие Небесное, ежели не возвратят похищенного».

Заступление гордого Папы едва ли имело какое-нибудь действие, и в следующем [1076] году юные Князья Российские, Владимир Мономах и Олег – первый Всеволодов, а второй Святославов сын, – заключив союз с Поляками, ходили с войском в Силезию помогать Болеславу против Герцога Богемского. Но скоро обстоятельства, к счастью Изяславова, переменились. Главный враг его, Святослав, умер от разрезания какой-то затверделости, или опухоли. Тогда изгнанник ободрился: собрал несколько тысяч Поляков и вступил в Россию. Добродушный Всеволод встретил его в Вольнии и, вместо битвы, предложил ему мир. Братья клялися, забыв

прошедшее, умереть друзьями, и старший въехал в Киев Государем, уступив меньшему Княжение Черниговское, а сыну его, Владимиру, Смоленск.

Опасаясь честолюбия беспокойных племянников и замыслов давнишнего врага своего, Всеслава, они хотели удалить первых от всякого участия в правлении и вторично изгнать последнего. Роман *Святославич* княжил в Воспорской области: сын *Вячеславов*, Борис в самое то время, когда Изяслав и Всеволод заключали мир на границе, овладел Черниговым; но предвидя, что дяди не оставят его в покое и накажут как хищника, чрез несколько дней ушел в Тмуторокань к Роману. Князь Новгородский, Глеб, юноша прекрасный и добродушный, к общему сожалению погиб тогда в отдаленном Заволочье: Изяслав отдал его Княжение Святополку, а другому сыну своему, Ярополку, Вышегород. Олег Святославич господствовал в области Владимирской: он должен был, по воле дядей своих, выехать оттуда и жить праздно в Чернигове. Князь Полоцкий довольствовался независимостию и наследственным уделом: Ярославичи объявили ему войну. Всеволод ходил к его столице и ничего более не сделал. В следующий год Владимир Мономах и Святополк выжгли только ее предместье; но Мономах возвратился к отцу с богатою добычею, дал ему и печальному Олегу роскошный обед на *красном дворе* в Чернигове и поднес Всеволоду в дар несколько фунтов золота.

Сей Олег, рожденный властолюбивым, не мог быть обольщен ласками дяди и брата; считал себя невольником в доме Всеволодовом; хотел свободы, господства; бежал в Тмуторокань и решился, вместе с Борисом Вячеславичем, искать счастья оружием. Наняв Половцев, они вошли в пределы Черниговского Княжения и разбили Всеволода. Многие знаменитые Бояре лишились тут жизни. Победители взяли Чернигов и думали, что все Государство должно признать власть их; а несчастный Всеволод ушел в Киев, где Изяслав обнял его с нежностью и сказал ему сии достопамятные слова: «Утешься, горестный брат, и вспомни, что было со мною в жизни! Отверженный народом, всегда мне любезным; лишенный престола и всего законного достояния, мог ли я чем-нибудь укорять себя? Вторично изгнанный братьями единокровными – и за что? свидетельствуюсь Богом в моей невинности – я скитался в землях чуждых; искал сожаления иноплеменников! По крайней мере ты имеешь друга. Если нам княжить в земле Русской, то обоим; если быть изгнанными, то вместе. Я положу за тебя свою голову...» Он немедленно собрал войско. Мужественный Владимир спешил также из Смоленска к отцу своему и едва мог пробиться сквозь многочисленные толпы Половцев. Великий князь, Всеволод, Ярополк и Мономах соединенными силами обступили Чернигов. Олег и Борис находились в отсутствии; но граждане хотели обороняться. Владимир взял приступом внешние укрепления и стеснил осажденных внутри города. Узнав, что племянники идут с войском к Чернигову, Изяслав встретил их. Олег не надеялся победить четырех соединенных Князей и советовал брату вступить в мирные переговоры; но гордый Борис отвечал ему: «Останься спокойным зрителем моей битвы с ними», – сразился близ Чернигова и заплатил жизнью за свое властолюбие. Еще кровь лилась рекою. Изяслав стоял среди пехоты: неприятельский всадник ударил его копьем в плечо: Великий Князь пал мертвый на землю. Наконец Олег обратился в бегство и с малым числом воинов ушел в Тмуторокань. – Бояре привезли тело Изяслава в ладии: на берегу жители Киевские, знатные и бедные, светские и духовные, ожидали его со слезами; вопль народный (как говорит Летописец) заглушал священное пение. Ярополк с Княжескою дружиною шел за трупом, оплакивая несчастную судьбу и добродетели отца своего. – Положенное в мраморную раку, тело Великого Князя было предано земле в храме Богоматери, где стоял памятник Св. Владимира.

Нестор пишет, что Изяслав, приятный лицом и величественный станом, не менее украшался и тихим нравом, любил правду, ненавидел криводушие; что он истинно простил мятежных Киевлян и не имел ни малейшего участия в жестокостях Мстиславовых; помнил только любовь Всеволода, добровольно уступившего ему Великое Княжение, и забыл вражду его; сказал, что охотно умрет за брата, и, к несчастью, сдержал слово... Верим похвале современника благоразумного, любившего отечество и добродетель; но Изяслав был столь же малодушен, сколь мягкосердечен: хотел престола, и не умел твердо сидеть на оном. Своевольные злодеяния сына в Киеве – ибо казнь без суда и нарушение слова есть всегда злодеяние – изъявляют, по крайней мере, слабость отца, который в то же самое время сделал его Князем Владетельным. Наконец бедствие Минска и вероломное заточение Всеслава согласны ли с похвалами Летописца?

Изяслав оставил свое имя в наших древних законах. По кончине родителя он призвал на совет братьев своих, Святослава и Всеволода, также умнейших Вельмож того времени: Коснячка, Воеводу ненавистного Киевлянам, Перенита, Никифора, Чудина и совершенно уничтожил смертную казнь, оставив денежную пеню за всякие убийства: по излишнему ли человеколюбию,

как Владимир? или для сохранения людей, которые могли еще служить отечеству? или для обогащения *Вирами* казны Государей?

При Изяславе был основан славный монастырь Киевопечерский, и сам Нестор рассказывает достопамятные обстоятельства сего учреждения. Некто, житель города Любеча, одушевленный Христианским усердием, захотел видеть Святую гору, возлюбил житие Монахов Афонских и, постриженный в их обители, был назван Антонием. Игумен, наставив его в правилах монастырских, дал ему благословение и велел идти в Россию, предвидя, что он будет в нашем отечестве светилом Черноризцев. Антоний возвратился еще при князе Ярославле, обходил тогдашние монастыри Российские и близ Киева, на высоком берегу Днепровском, увидел пещеру: Иларион, будучи еще простым Иереем Берестовским, ископал оную собственными руками и часто, окруженный безмолвием дремучего леса, молился в ней Богу. Она стояла уже пустая: Иларион, в сане Митрополита, пас Церковь и жил в столице. Антоний пленился красотой сего дикого уединения, остался в пещере Иларионовой и посвятил дни свои молитве. Слух о пустынноике разнесся в окрестностях: многие люди желали видеть святого мужа; сам Великий Князь Изяслав приходил к нему с своею дружиною требовать благословения. Двенадцать Монахов, отчасти Антонием постриженных, выкопали там подземную церковь с кельями. Число их беспрестанно умножалось: Великий Князь отдал им всю гору над пещерами, где они заложили большую церковь с оградой. Смиранный Антоний не хотел начальства: поручив новую Обитель Игумену Варлааму, уединился в пещеру, однако ж не избавился от гонения. Считая Антония другом Всеславовым, Великий Князь приказал воинам ночью схватить его и вывезти из области Киевской. Но добродетельный муж скоро возвратился с честью в любимую свою пещеру и жил в ней до самой кончины, имев удовольствие видеть Лавру Киевскую в самом цветущем состоянии. Щедрость и набожность Ярославичей обогатили сей монастырь доходами и поместьями. Святослав дал 100 гривен, или 50 фунтов золота, на строение каменного великолепного храма Печерского, призвал художников из Константинополя и своими руками начал копать ров для основания церкви. Знаменитый Варяг Симон, Вельможа Всеволодов, подарил Антонию на украшение алтаря золотую цепь в 50 гривен и венец драгоценный, наследие отца его, Князя Варяжского. Св. Феодосий, преемник Варлаамов, заимствовал от Цареградского Студийского монастыря устав Черноризцев, который сделался общим для всех монастырей российских. Сей благочестивый Игумен завел в Киеве первый дом странноприимства и питал несчастных в темницах. Добродетель Феодосиева была столь уважаема, что Великий Князь нередко приходил беседовать с ним наедине, оставался у него обедать, ел хлеб, сочиво и с улыбкою говаривал, что роскошная трапеза Княжеская ему не так приятна, как монастырская. Любя Изяслава, Феодосий великодушно обличал виновного брата, гонителя его, в беззаконии. Святослав терпел сии укоризны, оправдывался, и когда святой муж входил в шумный дворец его, где часто гремела музыка, органы и гусли, тогда все умолкало. Лежа на смертном одре, Феодосий благословил Святослава и сына его, Глеба. Монахи Печерские, возбуждаемые наставлением и примером своих достойных начальников, служили ревностно Богу и человечеству; некоторые из них прияли венцы Мучеников, обращая идолопоклонников: Леонтий в Ростове, Св. Кукша в земле Вятичей (в Орловской или Калужской Губернии). Самые Вельможи, отказываясь от света, искали душевного мира в Печерской Обители. Так Варлаам, первый Игумен, сын знаменитейшего Боярина Иоанна и внук славного Вышаты, ослепленного Константином Мономахом, был пострижен Антонием. Сей юноша, плененный учением святого мужа, приехал к нему со многими Отроками, которые вели навьюченных лошадей; сошел с коня, бросил к ногам Антония свою одежду Боярскую и сказал: «Вот прелесть мира! Употреби, как тебе угодно, мое бывшее имение; хочу жить в уединении и бедности».

Изяслав и его братья соблюдали неразрывную дружбу с Греками и давали им войско, которое в частых внутренних неурядицах поддерживало слабых Императоров на троне. Знаменитый Алексей Комнин, еще не Государь, но только Полководец Империи, в 1077 году, смиряя мятежника Никифора Вриения, имел с собою множество судов Российских.

Ярославичи возвратили Константинопольскому Патриарху важное право ставить Киевских Митрополитов: Георгий, преемник Иларионов, родом Грек, был прислан из Царяграда; утраченный, может быть, раздором Князей, он чрез несколько лет выехал из нашего отечества. С того времени Церковь Российская, до самого падения Восточной Империи, зависела от Патриарха Константинопольского, и в росписи Епископств, находившихся под его ведением, считалась *семидесятым*. В знак уважения к достоинству наших Митрополитов, Патриархи

обыкновенно писали к ним грамоты за *свинцовою*, а не восковою *печатью*: честь, которую они делали только Императорам, Королям и знаменитейшим сановникам.

Успехи Христианского благочестия в России не могли искоренить языческих суеверий и мнимого чародейства. К Истории тогдашних времен относятся следующие известия Несторовы:

В 1071 году явился в Киеве волхв, который сказывал народу, что Днепр скоро потечет вверх и все земли переместятся; что Греция будет там, где Россия, а Россия там, где Греция. Невежды верили, а благоразумные над ним смеялись, говоря ему, чтобы он сам берегся. Сей человек (пишет Нестор) действительно пропал в одну ночь без вести.

Около того же времени сделался в Ростовской области голод. Два кудесника или обманщика, жители Ярославля – основанного, думаю, Великим Князем Ярославом, – ходили по Волге и в каждом селении объявляли, что бабы причиною всего зла и скрывают в *самих себе* хлеб, мед и рыбу. Люди приводили к ним матерей, сестер, жен; а мнимые волхвы, будто бы надрезывая им плеча и высыпая из своего рукава жито, кричали: «Видите, что лежало у них за кожей!» Сии злодеи с шайкою помощников убивали невинных женщин, грабили имение богатых и дошли наконец до Белаозера, где Вельможа Янь, сын Выштин, собирал дань для Князя Святослава: он велел ловить их, и чрез несколько дней белозерцы привели к нему двух главных обманщиков, которые не хотели виниться и, доказывая мудрость свою, открывали за тайну, что Дьявол сотворил тело человека, гниющее в могиле, а Бог душу, парящую на небеса; что Антихрист сидит в бездне; что они веруют в его могущество и знают все сокровенное от других людей. «Но знаете ли собственную вашу участь?» – сказал Янь. «Ты представишь нас Святославу, – говорили кудесники: – а если умертвишь, то будешь несчастлив». Смеясь над сею угрозою, он велел их повесить на дубу, как государственных преступников.

Не только в Скандинавии, но и в России Финны и Чудь славились волшебством, подобно как в древней Италии Тосканцы. Нестор рассказывает, что новгородцы ходили в Эстонию узнавать будущее от тамошних мудрецов, которые водились с *черными крылатыми духами*. Один из таких кудесников торжественно осуждал в Новгороде Веру Христианскую, бранил Епископа и хотел идти пешком через Волхов. Народ слушал его как человека божественного. Ревностный Епископ облачился в святительские ризы, стал на площади и, держа крест в руках, звал к себе верных Христиан. Но ослепленные граждане толпились вокруг обманщика: один Князь Глеб и дружина его приложились к святому кресту. Тогда Глеб подошел ко мнимому чародею и спросил: предвидит ли он, что будет с ним в тот день? – Волшебник отвечив: «Я сделаю великие чудеса». «Нет!» – сказал смелый Князь – и топором рассек ему голову. Обманщик пал мертвый к ногам его, и народ уверился в своем заблуждении.

Глава V. Великий князь Всеволод. Г. 1078–1093

Междоусобия. Олег в Родосе. Подвиги Мономаха. Убиение Ярополка. Нападение Болгаров на Муром. Засуха и мир. Землетрясение. Видения. Набеги Половцев. Слабость Великого Князя. Кончина его. Дочь Всеволода за Генриком IV. Митрополит Иоанн. Его сочинение. Крестильницы. Праздник 9 Мая. Сношения с Римом.

Не сын Изяслава, но Всеволод наследовал престол Великокняжеский. Дядя, по тогдашнему образу мыслей и всеобщему уважению к семейственным связям, имел во всяком случае право старейшинства и заступал место отца для племянников. – Сей Государь утвердил Святополка на Княжении Новгородском: другому сыну Изяславу, Ярополку, отдал Владимир и Туров, а Мономаху Чернигов.

Роман Святославич, Князь Тмутороканский, желая отмстить за Олега и Бориса, немедленно начал войну междоусобную, которая стоила ему жизни. Половцы, его наемники, заключили мир со Всеволодом у Переяславля и на возвратном пути умертвили Романа; а брата его, Олега, неволею отправили в Константинополь. Пользуясь несчастьем Святославичей, Великий Князь прислал в Тмуторокань наместника своего, Ратибора. Но сия область Воспорская, убежище Князей обделенных, скоро была завоевана Давидом *Игоревичем* и Володарем *Ростиславичем*, внуком и правнуком Великого Ярослава, которые также недолго в ней господствовали. Изгнанник Олег, жив два года на острове Родосе, славном в Истории своими древними мудрыми законами, Науками, великолепием зданий и Колоссом огромным, возвратился в Тмуторокань и,

вероятно, с помощью Греков овладел им; казнил многих виновных Козаров, его личных неприятелей, давших совет Половцам умертвить Романа; а Володаря и Давида отпустил в Россию.

Всеволод любил мир, и видел беспрестанное кровопролитие. Полоцкий Князь осадил Смоленск: Владимир спешил туда с Черниговскою конницею; не застал Всеслава, но Смоленск, зажженный неприятелем, еще дымился в пепле. Мономах, в наказание врагу своему, огнем и мечом опустошил его землю, и чрез несколько времени взяв Минск, отнял всех рабов и скот у жителей. Таким образом сей несчастный город вторично пострадал за своего Князя. – Мужественный сын Всеволодов не выпускал меча из рук: победил Торков, обитавших близ Переяславля; два раза ходил усмирять беспокойных Вятчей, и везде гнал неутомимых злодеев России, Половцев, на берегах Десны, Хороля; пленял их Вождей, отбивал добычу. Но сии успехи не могли утвердить государственной безопасности, и Князя Российские междоусобием своим усиливали внешних неприятелей.

[1084–1086] Ростиславичи, воспитанные, кажется, в доме у Ярополка, бежали от него и в отсутствие дяди, который гостил у Всеволода в неделю Пасхи, вооруженною рукою заняли Владимир. Всякой знаменитый мятежник, обещая грабег и добычу, мог собирать тогда шайки усердных помощников: доказательство, сколь правление было слабо и своеволие народа необузданно! Всеволод, оскорбленный несчастием племянника, велел Мономаху идти на Ростиславичей: их выгнали, и Ярополк возвратился в свой Удел с честью. – В то же время Давид Игоревич, скитаясь в южной России и вне пределов ее, завладел Олешьем, Греческим городом близ устья Днепровского, и нагло ограбил там многих купцов: Всеволод, призвав его к себе, дал ему Дорогобуж в Волынии.

Сам Ярополк, благодетельствованный Всеволодом, не устыдился быть врагом его: Князь слабый, послушный коварным советникам и скоро наказанный за свою безрассудность. Дядя, сведав о злых намерениях сего неблагодарного, предупредил их опасное исполнение; и слух, что Мономах идет с войском, заставил Ярополка бежать в Польшу. Владимир нашел в Луцке мать его, супругу, družину, казну; возвратился с ними в Киев, а владение Ярополково отдал Давиду Игоревичу. – Но Ярополк, не сыскав заступников вне России, скоро умолился Всеволода искренним раскаянием и, заключив мир с его сыном, Мономахом, в Волынии, получил обратно свое Княжение. Судьба не дала ему времени заслужить великодушие дяди или снова быть неблагодарным. Он чрез несколько дней погиб от руки злодея, на пути в *Червенский* Звенигород: сей преступник, именем Нерядец, ехал за ним верхом вместе с другими Княжескими Отроками и вонзил саблю в бок своему Государю, покойно лежавшему на колеснице. Ярополк встал, извлек из себя окровавленное железо, громко сказал: «Умираю от коварного врага» – и скончался. Летописец не объясняет тайной причины злодейства, сказывая только, что убийца бежал в Перемышль к Рюрику, старшему из Ростиславичей, которым Всеволод уступил сей город в Удел и которые, приняв изменника, навлекли на себя гнусное подозрение, более несчастное, нежели справедливое. Отроки Ярополковы привезли тело убиенного в Киев, чтобы воздать ему честь погребения там, где лежали кости его родителя: Всеволод, Мономах, Ростислав (меньший сын Великого Князя), Духовенство и народ встретили оное с искренним изъявлением горести. – Летописец говорит, что Ярополк, добродушный подобно отцу своему, давал всегда церковную *десятину* в храм Богоматери, исполняя завещание Владимира Великого; завидовал святости Бориса и Глеба и желал также умереть мучеником. Давид Игоревич наследовал область Владимирскую.

[1088 г.] Между тем как Всеволод занимался восстановлением порядка и тишины в ближних областях, Камские Болгары взяли Муром. Не имея духа воинского, любя торговлю, земледелие и в случае неурожая питая восточный край России, они хотели, вероятно, отмстить жителям Муромской области за какую-нибудь обиду или несправедливость: по крайней мере сия война не имела дальнейшего следствия, и взятый ими город недолго был в их власти.

[1092 г.] Великий Князь не мог утешиться всеобщим спокойствием. Междоусобие прекратилось; но бедствия иного рода посетили Россию. От беспрестанных, неслыханных жаров везде иссохли поля, и леса в болотных местах сами собою воспламенялись, к ужасу сельских жителей; голод, болезни, мор свирепствовали во многих областях, и в одном Киеве умерло от 14 Ноября до 1 Февраля 7 000 человек. Воображение несчастных видело во всем страшные знамения гнева Божеского: в самых обыкновенных метеорах, в затмении солнца, в легком бывшем тогда землетрясении. К сим случаям естественным суеверие прибавило нелепые чудеса: рассказывали, что огромный змей упал с неба в то время, как Великий Князь забавлялся ловлею зверей; что злые духи в Полоцке ночью и днем скакали на конях, невидимо уязвляя граждан, и

что множество людей от того умерло. Народ стонал, Государь был в унынии, Половцы грабили; на обеих сторонах Днепра дымились села, обращенные в пепел сими жестокими варварами, которые взяли даже несколько городов: Песочен на реке Супое, Переволоку близ устья Ворсклы, и нигде, кажется, не находили сопротивления. Наконец Василько Ростиславич, правнук Ярослава, уговорил их оставить Россию и вместе с ним воевать Польшу, ослабленную внутренними раздорами. Сей Князь, по смерти брата своего, Рюрика, наследовал часть Перемышльской области: скоро увидим его великодушие и злосчастие.

Всеволод, огорчаемый бедствиями народными и властолюбием своих племянников, которые, желая господствовать, не давали ему покоя и беспрестанно требовали Уделов, – с завистью воспоминал то счастливое время, когда он жил в Переяславле, довольный жребием Удельного Князя и спокойный сердцем. Не имел никогда великодушной твердости, сей Князь, обремененный летами и недугами, впал в совершенное расслабление духа; удалил от себя Бояр опытных, слушал только юных любимцев и не хотел уже следовать древнему обычаю Государей Российских, которые сами, в присутствии Вельмож, судили народ свой на дворе Княжеском. Сильные утесняли слабых; Наместники и Тиуны грабили Россию как Половцы: Всеволод не внимал жалобам. – Чувствуя приближение конца, он послал за большим сыном в Чернигов и скончался [1093 г.] в объятиях Владимира и Ростислава, орошенный их искренними слезами: Христианин набожный, человеколюбивый, *трезвый* и целомудренный от самой юности; одним словом, достохвальный между частными людьми, но слабый и, следственно, порочный на степени Государей.

Великий Ярослав желал, чтобы любимый сын его, со временем наследовав законным образом Киевскую область, был и во гробе с ним неразлучен: воля нежного отца исполнилась, и Всеволода погребли, на другой день кончины его, там же, где лежали Ярославовы кости – в Софийском храме, – с обыкновенными торжественными обрядами и в присутствии народа, который погребал тогда Государей как истинных отцов своих, с чувствительностию и слезами, забывая их слабости и помня одни благодеяния.

Всеволод оставил супругу второго брака, мачеху Владимира, и трех дочерей, Янку, или Анну, Евпраксию и Екатерину; первые две отказались от света и заключились в монастыре. Мы знаем, что Император Генрик IV в 1089 году женился на Российской Княжне Агнесе, или Адельгейде, вдове Маркграфа Штаденского, которая после умерла Игуменьей: она могла быть дочерью Всеволода. В то же время другая Россиянка, именем *Евпраксия*, была за сыном Болеслава, отравленным в цветущей юности; но Историки Польские называют сию Княжню родною сестрою Святополка Изяславича.

При Всеволоде был Митрополитом Грек Иоанн, муж знаменитый ученостию и Христианскими добродетелями, ревностный наставник Духовенства и друг несчастных. «Никогда» (сказано в летописи) «не бывало у нас такого и не будет!» Мы имеем его сочинение, названное *Церковным правилом*, в коем он с великою ревностию осуждает тогдашнее обыкновение Князей Российских выдавать дочерей за Государей Латинской Веры; доказывает всякому гостю или купцу, сколь грешно торговать крещеными рабами в земле язычников (Половцев), даже ездить туда, и для выгод сребролюбия оскверняться их нечистыми яствами; налагает епитимью на тех, которые совокупляются с правнучатными или женятся без венчания, думая, что сей обряд изобретен единственно для Князей и Бояр; отлучает от церкви иереев, благословляющих союз мужа с третьею женою; велит им и Монахам служить для всех людей примером трезвости; наконец, в дополнение к гражданским законам, уставляет *духовное покаяние* для преступников благонравия и целомудрия. Сей Митрополит, наименованный от современников *Пророком Христа*, святил церковь Феодосиева монастыря Печерского, о коей написано столь много чудесного в Патерике Киевском. Византийские художники, украсив оную, не захотели уже возвратиться в отечество и кончили жизнь свою в Печерской Обители: донныне показывают там гробы их. – В 1089 году, когда преставился Митрополит Иоанн, дочь Всеволодова, Янка, ездила в Константинополь и привезла с собою нового Митрополита, скопца, именем также Иоанна, но человека весьма обыкновенного, слабого здоровьем и столь бледного, что народ прозвал его *мертвецом*: он через год умер. Третий Митрополит Всеволодова княжения был Ефрем, Грек, по известию новейших летописцев; другие же называют его Монахом Печерским. Нестор рассказывает только, что Ефрем, скопец подобно Иоанну, жил в *Переяславле, где находилась тогда Митрополия*, и что он, создав многие храмы каменные, первый начал в России строить при церквах крестильницы. Сей Митрополит, как пишут, устави торжествовать 9 мая пренесение мощей Св. Николая из Ликии в Италианский город Бар: праздник Западной Церкви, отвергаемый

Греками, и доказательство, что мы имели тогда дружелюбное сношение с Римом. Нестор молчит, но Летописец средних времен говорит о каком-то Святителе Феодоре, приехавшем к Великому Князю от Папы (Урбана II) в 1091 году. Властолюбивые Наместники Св. Петра без сомнения всячески старались подчинить себе Церковь Российскую.

Глава VI. Великий князь Святополк-Михаил. Г. 1093–1112

Великодушие Мономаха. Война с Половцами. Брак Святополков. Беспокойный Олег. Жалкое состояние южной России. Саранча. Победы. Вероломство Россиян. Междоусобия. Гордость Олега. Сожжение монастыря Киевопечерского. Храбрость и добродушие Мстислава. Красноречивое Мономахово письмо. Вероломство Олега. Великодушие Мстислава. Съезд Князей. Злодейство Давида и Святополка. Слепление Василька. Слезы Мономаховы. Речь Митрополита. Прекрасная душа Василькова. Месть Ростиславичей. Корыстолюбие Поляков. Новое коварство Святополка. Умеренность Ростиславичей. Поражение Венгров. Междоусобия. Новый съезд Князей. Усмирение Давида. Строптивость Новгородцев. Совет Князей. Счастливая война с Половцами. Война с Мордвою и с Князьями Полоцкими. Бедствие Россиян в Семигалии. Новые успехи в войне с Половцами. Поход знаменитый. Имя Тмутороканя исчезает в летописях. Кончина Святополкова. Евреи в Киеве. Брачные союзы. Митрополиты. Князь Святоша. Св. Антоний Римлянин. Путешествие Даниила. Россияне в Иерусалиме. Конец Несторовой летописи. Старец Янь.

Владимир мог бы сесть на престоле родителя своего; но сей чувствительный, миролюбивый Князь уступил оный Изяславу сыну и, сказав: «Отец его был старее и княжил в столице прежде моего отца; не хочу кровопролития и войны междоусобной», объявил Святополка Государем Российским; сам отправился в Чернигов, а брат его, Ростислав, в Переяславль.

Святополк, княжив несколько лет в Новгороде, еще в 1088 году выехал оттуда, будучи, как вероятно, недоволен его беспокойными гражданами (которые тогда же призвали к себе юного Князя, Мстислава, сына Владимирова) и жил в Турове: он с радостью прибыл в Киев [24 апреля 1093 г.], и народ также с радостью встретил нового Государя, обещая себе мир и тишину под его властью. Сия надежда не исполнилась, и начало Святополкова княжения ознаменовалось великими несчастиями.

Половцы, узнав о кончине Всеволода, изъявили желание остаться друзьями России. Легкомысленный Святополк не посоветовался с Боярами отца своего и дяди: велел заключить Послов в темницу; но сведав, что мстительные варвары везде жгут и грабят в его области, вздумал сам просить их о мире. Половцы уже не хотели слушать сих предложений, и Великий Князь, собрав только 800 воинов, спешил выступить в поле. Едва благоразумные Бояре могли удержать его, представляя ему, что вопреки надменному самохвальству молодых людей, нужны не сотни, а тысячи для отражения врагов; что область Киевская, изнуренная войнами, истощенная данями, опустела и что надобно требовать помощи от мужественного Владимира. Князь Черниговский немедленно вооружился и призвал брата своего, Ростислава. Но Князья, соединив дружины, не могли согласиться в мыслях; стояли под Киевом и ссорились между собою. Наконец Бояре сказали им: «Ваша распря губит народ; смирите врагов и тогда уже думайте о своих несогласиях». Святополк и Владимир, приняв благой совет, обнялись братски и в знак искренней взаимной любви целовали святой крест, по тогдашнему обыкновению.

Неприятели осаждали Торческ, город, населенный Торками, которые, оставив жизнь кочевую, поддались Россиянам: Князья хотели освободить его, Святополк битвою, Мономах миром. Остановясь близ Триполя, они призвали Бояр на совет. Янь, Воевода Киевский, друг блаженного Феодосия, и многие другие были одного мнения с Князем Черниговским. «Половцы (говорили они) видят блеск мечей наших и не отвергнут мира». Но Киевляне, желая победы, склонили большинство голосов на свою сторону, и войско Российское перешло за Стугну. Святополк вел правое крыло, Владимир левое: Ростислав находился в середине. Они поставили знамена между земляными укреплениями Трипольскими и ждали неприятеля, который, выслав наперед стрелков, вдруг устремился всеми силами на Святополка. Киевляне не могли выдержать сего удара и замешались. Великий Князь оказал примерную неустрашимость; бился долго, упорно и последний оставил место сражения. Срединна и левое крыло, не умев искусным,

быстрым движением спасти правого, еще несколько времени стояли, но также уступили превосходству неприятеля. Земля дымилась кровию. Россияне, спасаясь от меча победителей, толпами гибли в реке Стугне, которая от дождей наполнилась водою. Мономах, видя утопающего брата, забыл собственную опасность и бросился во глубину: усердная дружина извлекла его из волн – и сей Князь, оплакивая Ростислава, многих Бояр своих, отечество, с горестию возвратился в Чернигов, а Святополк в Киев. Несчастливая мать Ростиславова ожидала сына: ей принесли тело сего юноши, коего безвременная смерть была предметом всеобщего сожаления.

Половцы снова осадили Торческ. Граждане оборонялись мужественно; но, изнуренные голодом и жаждою, напрасно требовали съестных припасов от Святополка: бдительный неприятель со всех сторон окружил город, который держался более двух месяцев. Половцы, оставив часть войска для осады, приблизились к столице. Святополк хотел еще сразиться и, вторично разбитый под Киевом, ушел только с двумя воинами. Торческ сдался [23 Июля 1093 г.]: стены и здания его обратились в пепел, а граждане были отведены в неволю.

[1094 г.]. Не имев счастья воинского, Святополк надеялся иным способом обезоружить Половцев и женился на дочери их Князя, Тугоркана. Но сей родственный союз, который мог быть оправдан одною государственною пользою, не защитил России от варваров: Князь Тмутороканский, Олег Святославич, в *третий раз* пришел с ними разорять отечество, осадил Мономаха в Чернигове и требовал сей области как законного наследия: ибо она принадлежала некогда его родителю. Владимир, любимый своею дружиною и народом, несколько дней оборонялся; но жалея крови, великодушно сказал: *Да не радуются враги отечества!* и добровольно уступил Княжение Олегу: вторая жертва, принесенная им общей пользе! Он выехал из Чернигова в Переяславль с женою и детьми, под щитами малочисленной, верной дружины, готовой отражать толпы хищных Половцев, которые, несмотря на мир, еще долгое время свирепствовали в Черниговской области: жестокий Олег, довольный их помощью, равнодушно смотрел на сии злодейства. – Вся южная Россия представляла тогда картину самых ужаснейших бедствий. «Города опустели, – пишет Нестор: – в селах пылают церкви, дома, житницы и гумны. Жители издыхают под острием меча или трепещут, ожидая смерти. Пленники, заключенные в узы, идут наги и босы в отдаленную страну варваров, сказывая друг другу со слезами: *Я из такого-то города русского, я из такой-то веси!* Не видим на лугах своих ни стад, ни коней; нивы заросли травою, и дикие звери обитают там, где прежде жили Христиане!» К умножению несчастий, Россия узнала в сие время новый бич естественный: саранча, дотоле неизвестная нашим предкам, покрыв землю, совершенно истребила жатву; тучи сих пагубных насекомых летели от юга к северу, оставляя за собою отчаяние и голод для бедных поселян.

[1095 г.] Наконец Великий Князь и Владимир ободрили победами унылый дух своего народа. Они, к сожалению, начались вероломством. Долговременные несчастия государственные остервеняют сердца и вредят самой нравственности людей. Вожди Половецкие, Итларь и Китан, заключив мир с Мономахом, взяли в тали, или в аманаты, сына его, Святослава. Китан безопасно жил в стане близ городского вала: Итларь гостил в Переяславле у Вельможи Ратибора. Тогда недостойные советники предложили Князю воспользоваться оплошностию ненавистных врагов, нарушить священный мир и не менее священные законы гостеприимства – одним словом, злодейски умертвить всех Половцев. Владимир колебался; но дружина успокоила его робкую совесть, доказывая, что сии варвары тысячу раз сами преступали клятву... В глубокую ночь Россияне, вместе с Торками, им подвластными, вышли из города, зарезали сонного Китана, его воинов и с торжеством привели ко Владимиру освобожденного Святослава. Итларь, не зная ничего, спокойно готовился поутру завтракать у своих ласковых хозяев, когда сын Ратиборов, Олбег, пустил ему в грудь стрелу сквозь отверстие, нарочно для того сделанное вверху горницы; и несчастный Итларь, со многими знаменитыми товарищами, был жертвою гнусного заговора, который лучшему из тогдашних Князей Российских казался дозволенною хитростию!

Ожидая справедливой мести за такое злодеяние, Владимир и Святополк хотели предупредить оную. В *первый раз* дерзнули Россияне искать Половцев в их собственной земле; взяли множество скота, вельблюдов, коней, пленников и возвратились благополучно. – Но в то же самое лето Юрьев, город на берегу Роси, был сожжен Половцами: жители его ушли с Епископом в столицу, и Великий Князь населил ими, близ Киева, особенный новый городок, дав ему имя *Святополча*.

Олег Черниговский, вопреки данному слову, не ходил с Великим Князем на Половцев. Святополк и Владимир требовали от него, чтобы он хотя выдал им или сам велел умертвить

знатного Половецкого юношу, сына Итларева, бывшего у него в руках; но Князь Черниговский отвергнул и сие предложение как злодейство бесполезное. С обеих сторон неудовольствие возрастало. Святополк и Владимир, действуя во всем согласно, вооруженною рукою отняли у Давида Святославича, брата Олегова, Смоленск, отданный ему, как вероятно, еще Всеволодом, и послали его княжить в Новгород, откуда Мономах перевел сына своего, Мстислава, в Ростов; но своевольные Новгородцы чрез два года объявили Давиду, что он им не надобен, и вторично призвали к себе, на его место, Мстислава. Лишенный Удела, Давид прибегнул, может быть, к Олеговой защите: по крайней мере ему возвратили область Смоленскую. Юный сын Мономахов, Изяслав, Правитель Курска, подал новый ко вражде случай, нечаянно завладев Муромом, городом Черниговского Князя, и взяв в плен Олегова наместника.

В сих обстоятельствах Святополк и Владимир прислали звать Олега в Киев, на *съезд Княжеский*. «Там, в старейшем граде Русском, – говорили они, – утвердим безопасность Государства в общем совете с знаменитейшим Духовенством, с Боярами отцев наших и гражданами». Олег, не веря их доброму намерению, с гордостью им отвечив: «Я – Князь, и не хочу советоваться ни с Монахами, ни с чернию». *Когда так*, сказали Святополк и Владимир: *когда не хочешь воевать с неприятелями земли Русской, ни советоваться с братьями, то признаем тебя самого врагом отечества, и Бог да судит между нами!* Взяв Чернигов, они приступили к Стародубу, где находился Олег, и более месяца проливали невинную кровь в жестоких битвах. Наконец Черниговский Князь, смиренный голодом, должен был покориться и клятвенно обещал приехать на совет в Киев вместе с братом своим Давидом.

Святополк нетерпеливо хотел прекратить сию междоусобную войну, ибо Половцы тогда опустошали Россию; одна толпа их сожгла в Берестове дом Княжеский, другая – местечко Устье, близ Переяславля, и тесть Святополков, Тугоркан, осадил сию Мономахову столицу. Великий Князь и Владимир умели скрыть свои движения от неприятеля, перешли Днепр, явились внезапно под стенами осажденного города. Обрадованные жители встретили их, и Россияне бросились в Трубеж, ревностно желая битвы с Половцами, которые стояли на другой стороне сей реки. Напрасно осторожный Владимир хотел построить воинов: не внимая начальникам, они устремились на варваров и своим мужеством решили победу. Сам Тугоркан, сын его, знаменитейшие Половцы легли на месте. Святополк взял тело первого и с честью предал оное земле недалеко от своего Берестовского дворца. – В то самое время, когда Россияне торжествовали свою победу, другой Князь Половецкий, Боняк, едва не овладел Киевом; выжег предместье, *красный двор* Всеволодов на Выдобичах, монастыри; ворвался ночью в Обитель Печерскую, умертвил несколько безоружных Монахов, пробужденных шумом и воплем свирепого неприятеля; ограбил церковь, кельи и с добычею удалился, оставив деревянные здания в пламени.

Святополк, возвратясь в Киев, напрасно ждал Олега, который, не быв принят смоленскими жителями, пошел к Мурому. Изяслав, сын Мономахов, призвал к себе войско из Ростова, Суздаля, Белоозера и готовился отразить сего неприятеля. «Иди княжить в свою Ростовскую область, – велел сказать ему Олег: – отец твой отнял у меня Чернигов: неужели и в Муроме, наследственном моем достоянии, вы лишите меня хлеба? Я не хочу войны и желаю примириться с Владимиром». Олег имел с собою малочисленную дружину, набранную им в Рязани, которая зависела тогда от Черниговских Князей; но, получив гордый отказ, смело обнажил меч. Юный Изяслав пал в сражении, и войско его рассеялось. Победитель взял Муром (где была супруга Изяслава), Суздаль, Ростов и, следуя тогдашнему варварскому обыкновению, пленил множество безоружных граждан.

Мстислав Владимирович, Князь Новгородский, крестник Олегов, сведав о несчастной судьбе Изяславовой, велел привезти к себе тело его и с горестию погреб оное в Софийской церкви. Сей великодушный Князь, любя справедливость, не винил Олега в завоевании Мурома, но требовал, чтобы он вышел из Ростова и Суздаля; не упрекал его даже и смерти Изяслава, говоря ему чрез Послов: «Ты убил моего брата; но в ратях гибнут Цари и Герои. Будь доволен своим наследственным городом: в таком случае умолю отца моего примириться с тобою». Олег не хотел слушать никаких предложений, думая скоро взять самый Новгород. Тогда Мстислав, любимый народом, вооружился. Начальник отряда Новгородского, Добрыня Рагуйлович, захватил людей Олеговых, посланных для собрания дани и сбил его передовое войско на реке Медведице (в Тверской губернии). Олег не мог удержать ни Ростова, ни Суздаля; выжег сей последний город, оставив в нем только один монастырь с церквами, и засел в Муроме. Добродушный Мстислав, уважая крестного отца, снова предложил ему мир, желая только, чтобы он возвратил пленных, и в то же время убедительно просил родителя своего забыть вражду

Олегову. Мономах отправил в Суздаль меньшего сына, Вячеслава, с конным отрядом союзных Половцев, написав к Олегу красноречивое письмо такого содержания: «Долго печальное сердце мое боролось с законом Христианина, обязанного прощать и миловать: Бог велит братьям любить друг друга; но самые умные деды, самые добрые и блаженные отцы наши, ободряемые врагом Христовым, восставали на кровных... Пишу к тебе, убежденный твоим крестным сыном, который молит меня оставить злобу для блага земли Русской и предать смерть его брата на суд Божий. Сей юноша устыдил отца своим великодушием! Дерзнем ли, в самом деле, отвергнуть пример Божественной кротости, данный нам Спасителем, мы, тленные создания? ныне в чести и в славе, завтра в могиле, и другие разделят наше богатство! Вспомним, брат мой, отцов своих: что они взяли с собою, кроме добродетели? Убив моего сына и твоего собственного крестника, видя кровь сего агнца, видя сей юный увядший цвет, ты не пожалел об нем; не пожалел о слезах отца и матери; не хотел написать ко мне письма утешительного; не хотел прислать бедной, невинной снохи, чтобы я вместе с нею оплакал ее мужа, не выдав их радостного брака, не слышав их веселых свадебных песней... Ради Бога отпусти несчастную, да сетует как горлица в доме моем; а меня утешит Отец Небесный. – Не укоряю тебя безвременною кончиною любезного мне сына: и знаменитейшие люди находят смерть в битвах; он искал чужого и ввел меня в стыд и в печаль, обманутый слугами корыстолюбивыми. Но лучше, если бы ты, взяв Муром, не брал Ростова и тогда же примирился со мною. Рассуди сам, мне ли надлежало говорить первому или тебе? Если имеешь совесть; если захочешь успокоить мое сердце и с Послом или Священником напишешь ко мне грамоту без всякого лукавства: то возьмешь добрым порядком область свою, обратишь к себе наше сердце, и будем жить еще дружелюбнее прежнего. Я не враг тебе, и не хотел крови твоей у Стародуба» (где Святополк и Мономах осаждали сего Князя): «но дай Бог, чтобы и братья не желали пролития моей. Мы выгнали тебя из Чернигова единственно за дружбу твою с неверными; и в том каюсь, послушав брата (Святополка). Ты господствуешь теперь в Муроме, а сыновья мои в области своего деда. Захочешь ли умертвить их? твоя воля. Богу известно, что я желаю добра отечеству и братьям. Да лишится навеки мира душевного, кто не желает из вас мира Христианам! – Не боязнь и не крайность заставляют меня говорить таким образом, но совесть и душа, которая мне всего на свете драгоценнее».

[1097 г.]. Олег согласился заключить мир, чтобы обмануть племянника; и когда Мстислав, распустив воинов по селам, беспечно сидел за обедом с Боярами своими, гонцы принесли ему весть, что коварный его дядя стоит уже на Клязьме с войском. Олег думал, что Мстислав, изумленный его внезапным нападением, уйдет из Суздаля; но сей юный Князь, в одни сутки собрав дружину Новгородскую, Ростовскую, Белоозерскую, приготовился к битве за городским валом. Олег четыре дня стоял неподвижно, и Вячеслав, другой сын Мономахов, успел соединиться с братом. Тогда началось сражение. Олег ужаснулся, видя славное знамя Владимирово в руках Вождя Половецкого, заходившего к нему в тыл с отрядом Мстиславовой пехоты, и скоро обратился в бегство; поручил меньшему своему брату, Ярославу, Муром, а сам удалился в Рязань. Мстислав, умеренный в счастье, не хотел завладеть ни тем, ни другим городом, освободив единственно Ростовских и Суздальских пленников, там заключенных. Бегая от него, Олег скитался в отчаянии и не знал, где приклонить голову; но племянник велел ему сказать, чтобы он был спокоен. «Святополк и Владимир не лишат тебя земли Русской, – говорил сей чувствительный юноша: – я буду твоим верным ходатаем. Остайся и властвуй в своем Княжении: только смирися». Мстислав сдержал слово: вышел из Муромской области, возвратился в Новгород и примирил Олега с Великим Князем и своим отцем.

Чрез несколько месяцев Россия в первый раз увидела торжественное собрание Князей своих на берегу Днепра, в городе Любече. Сидя на одном ковре, они благообразно рассуждали, что отечество гибнет от их несогласия; что им должно наконец прекратить междоусобие, вспомнить древнюю славу предков, соединиться душою и сердцем, унять внешних разбойников, Половцев, – успокоить Государство, заслужить любовь народную. Нет сомнения, что Мономах, друг отечества и благообразнейший из Князей Российских, был виновником и душою сего достопамятного собрания. В пример умеренности и бескорыстия он уступил Святославичам все, что принадлежало некогда их родителю, и Князья с общего согласия утвердили за Святополком область Киевскую, за Мономахом частный удел отца его: Переяславль, Смоленск, Ростов, Суздаль, Белоозеро; за Олегом, Давидом и Ярославом Святославичами – Чернигов, Рязань, Муром; за Давидом Игоревичем – Владимир Волынский; за Володарем и Васильком Ростиславичами – Перемышль и Теробовль, отданные им еще Всеволодом. Каждый был доволен; каждый целовал святой крест, говоря: *да будет земля Русская общим для нас отечеством; а кто*

восстанет на брата, на того мы все восстанем. Добрый народ благословлял согласие своих Князей: Князья обнимали друг друга как истинные братья.

Сей торжественный союз был в одно время заключен и нарушен самым гнуснейшим злодейством, коего воспоминание должно быть оскорбительно для самого отдаленнейшего потомства. Летописец извиняет главного злодея, сказывая, что клеветники обманули его; но так обманываются одни изверги. Сей недостойный внук Ярослав, Давид Игоревич, приехав из Любеча в Киев, объявил Святополку, что Мономах и Василько Ростиславич суть их тайные враги; что первый думает завладеть престолом Великокняжеским, а второй городом Владимиром; что убиенный брат их, Ярополк Изяславич, погиб от руки Василькова наемника, который ушел к Ростиславичам; что благоразумие требует осторожности, а месть жертвы. Великий Князь содрогнулся и заплакал, вспомнив несчастную судьбу любимого брата. «Но справедливо ли сие ужасное обвинение? сказал он: да накажет тебя Бог, если обманываешь меня от зависти и злобы». Давид клялся, что ни ему в Владимире, ни Святополку в Киеве не господствовать мирно, пока жив Василько; и сын Изяславов согласился быть вероломным, подобно отцу своему. Не зная ничего; спокойный в совести, Василько ехал тогда мимо Киева, зашел помолиться в монастырь Св. Михаила, ужинал в сей Обители и ночевал в стане за городом. Святополк и Давид прислали звать его, убеждали остаться в Киеве до именин Великого Князя, то есть до Михайлова дня; но Василько, готовясь воевать с Поляками, спешил домой и не хотел исполнить Святополкова желания. «Видишь ли? – сказал Давид Великому Князю: – он презирает тебя в самой области твоей: что ж будет, когда приедет в свою? займет без сомнения Туров, Пинск и другие места, тебе принадлежащие. Вели схватить его и отдать мне, или ты вспомнишь совет мой, но поздно». Святополк вторично послал сказать Васильку, чтобы он заехал к нему хотя на минуту, обнять своих дядей и побеседовать с ними. Несчастный Князь дал слово; сел на коня и въезжал уже в город: тут встретился ему один из его усердных Отроков и с ужасом объявил о гнусном заговоре. Василько не верил. «Мы целовали крест, – сказал он, и клялися умереть друзьями; не хочу подозрением оскорбить моих родственников» – перекрестился и с малочисленною дружиною въехал в Киев. Ласковый Святополк принял гостя на дворе Княжеском, ввел в горницу и сам вышел, сказывая, что велит готовить завтрак для любезного племянника. Василько остался с Давидом: начал говорить с ним; но сей злодей, еще новый в ремесле своем, бледнел, не мог отвечать ни слова и спешил удалиться. По данному знаку входят воины, заключают Василька в тяжкие оковы. Мера злодейства еще не совершилась, и Святополк боялся народного негодования: в следующий день, созвав Бояр и граждан Киевских, он торжественно объявил им слышанное от Давида. Народ отвечив: «Государь! безопасность твоя для нас священна: казни Василька, если он действительно враг твой; когда же Давид оклеветал его, то Бог отмстит ему за кровь невинного». Знаменитые духовные особы смело говорили Великому Князю о человеколюбии и гнусности вероломства. Он колебался; но снова уstraшенный коварными словами Давида, отдал ему жертву в руки. Василька ночью привезли в Белгород и заперли в тесной горнице; в глазах его острили нож, расстилали ковер; взяли несчастного и хотели положить на землю. Угадав намерение сих достойных слуг Давида и Святополка, он затрепетал и, хотя был окован, но долгое время оборонялся с таким усилием, что им надлежало кликнуть помощников. Его связали; раздавили ему грудь доскою и вырезали обе зеницы... Василько лежал на ковре без чувства. Злодеи отправились с ним в Владимир, приехали в город Здвиженск обедать и велели хозяйке вымыть окровавленную рубашку Князя. Жалостный вопль сей чувствительной женщины привел его в память. Он спросил: «Где я?», выпил свежей воды; ощупал свою рубашку и сказал: «начто вы сняли с меня окровавленную? я хотел стать в ней пред Судиею Всевышним»... Давид ожидал Василька в столице своей, Владимире, и заключил в темницу, приставив к нему двух Отроков и 30 воинов для стражи.

[1098 г.] Мономах, узнав о сем злодействе, пришел в ужас и залился слезами. «Никогда еще, – сказал он, – не бывало подобного в земле Русской!» – и немедленно уведомил о том Святославичей, Олега и Давида. «Прекратим зло в начале, – писал к ним сей добрый Князь: – накажем изверга, который посрамил отечество и дал нож брату на брата; или кровь еще более польется, и мы все обратимся в убийц; земля Русская погибнет: варвары овладеют ею». Олег и Давид, подвигнутые таким же великодушным негодованием, соединились с Мономахом, приблизились к Киеву и грозно требовали ответа от Святополка. Послы их говорили именем Князей: «Ежели Василько преступник, то для чего же не хотел ты судиться с ним пред нами? и в чем состоит вина его?» Великий Князь оправдывался своим легковерием и тем, что не он, а Давид ослепил их племянника. «Но в твоём городе», – сказали послы и вышли из дворца. На другой

день Владимир и Святославичи уже готовились идти за Днепр, чтобы осадить Киев. Малодушный Святополк думал бежать; но граждане не пустили его и, зная доброе сердце Мономаха, отправили к нему Посольство. Митрополит и вдовствующая супруга Всеволодова явились в стане соединенных Князей: первый говорил именем народа, вторая плакала и молила. «Князья великодушные! – сказал митрополит Владимиру и Святославичам: – не терзайте отечества междоусобием, не веселите врагов его. С каким трудом отцы и деды ваши утверждали величие и безопасность государства! Они приобретали чуждые земли; а вы что делаете? губите собственную». Владимир пролил слезы: он уважал память своего родителя, вдовствующую Княгиню его и Пастыря Церкви; а всего более любил Россию. «Так! – отвечивал Мономах с горестию: – мы недостойны своих великих предков и заслуживаем сию укоризну». Князья согласились на мир, и Владимир простил Святополку собственную обиду; ибо сей неблагодарный, обязанный ему престолом, не устыдился поверить клевете и считать его своим тайным злодеем. Великий Князь, сложив всю вину на Давида, дал слово наказать его как общего недруга.

Давид сведал о том и хотел отвратить бурю. Здесь один из дополнителей Несторовой летописи, именем Василий – вероятно, инок или Священник, – представляет самое важное действующее лицо и рассказывает следующие обстоятельства: «Я был тогда в Владимире. Князь Давид ночью прислал за мною. Окруженный своими боярами, он велел мне сесть и сказал: *Василько говорит, что я могу примириться с Владимиром. Иди к заключенному; советуй ему, чтобы он отправил Посла к Мономаху и склонил сего Князя оставить меня в покое. В знак благодарности дам Васильку любой из городов Червенских: Всеволож, Шеполь или Перемиль. Я исполнил Давидову волю. Несчастный Василько слушал меня со вниманием и с кротостию отвечивал: Я не говорил ни слова; но сделаю угодное Давиду и не хочу, чтобы для меня проливали кровь Россиян. Только удивляюсь, что Давид в знак милости дает мне собственный мой город Шеполь: я и в темнице Князь Теробовля. Скажи, что желаю видеть и послать ко Владимиру Боярина моего, Кулмея.* Давид не хотел того, отвечивая, что сего человека нет в Владимире. Я вторично пришел к Васильку, который выслал слугу, сел со мною и говорил так: *Слышу, что Давид мыслит отдать меня в руки Ляхам; он еще не съел моего кровию: ему надобна остальная. Я мстил Ляхам за отечество и сделал им много зла; пусть воля Давидова совершится! Не боюсь смерти. Но любя истину, открою тебе всю мою душу. Бог наказал меня за гордость. Зная, что идут ко мне союзные Торки, Берендеи, Половцы и Печенег, я думал в своей надменности: «Теперь скажу брату Володарю и Давиду: дайте мне только свою младшую дружину; а сами пейте и веселитесь. Зимой выступлю, летом завоюю Польшу. Земля у нас не богата жителями: пойду на Дунайских Болгаров и пленниками населю ее пустыни. А там буду проситься у Святополка и Владимира на общих врагов отечества, на злодеев Половцев; достигну славы или положу голову за Русскую землю». В душе моей не было иной мысли. Клянусь Богом, что я не хотел сделать ни малейшего зла ни Святополку, ни Давиду, ни другим братьям любезным». Сей несчастный Князь, в стенах темницы открывая душу свою какому-нибудь смиренному иноку, не думал, что самое отдаленное потомство услышит его слова, достойные Героя!*

Еще более месяца Василько томился в заключении: Владимир – озабоченный, как вероятно, набегами Половцев – не мог освободить его. Давид ободрился и хотел увеличить область свою завоеванием Теробовля; но, утраченный мужеством Володаря Ростиславича, не дерзнул обнажить меча в поле и бежал в город Бужск. Володарь, осадив его, требовал единственно брата, и гнусный Давид, принужденный отпустить Василька, уверял, что один Святополк был виною злодеяния. «Не в моей области, – говорил он, – пострадал брат твой; я должен был на все согласиться, чтобы не иметь такой же участи». Володарь заключил мир; но как скоро освободил Василька, то снова объявил войну Давиду. Слепленные злобою мести, Ростиславичи обратили в пепел город Всеволож, бесчеловечно умертвили жителей и, приступив ко Владимиру, велели сказать гражданам, чтобы они выдали им трех советников Давидовых, научивших его погубить Василька. Граждане созвали вече и рассуждали, что им делать. «Мы рады умереть за самого Князя, – говорил народ: – а слуги его не стоят кровопролития. Он должен исполнить нашу волю, или отворим городские ворота и скажем ему: *промышляй о себе!*» Давид хотел спасти наперсников; но, боясь возмущения, предал двух из них в жертву (третий ушел в Киев). Злодеев повесили и расстреляли: Васильковы Отроки совершили сию месть в знак любви к своему князю.

[1099 г.] Ростиславичи удалились; но Давид не избавился от бедствия. Святополк, обязанный торжественною клятвою, шел наказать его и стоял уже в Бресте. Давид искал защиты у Короля Польского, Владислава: сей Государь, взяв от него 50 гривен золота, велел ему ехать с

собою, расположился станом на Буге и вступил в переговоры с Великим Князем. Королю хотелось новых даров: получив их от Святополка, он советовал Давиду возвратиться в свою область, ручаясь за его безопасность. Но Великий Князь, с согласия Поляков, немедленно осадил Владимир. Обманутый Королем, Давид чрез семь недель примирился с Святополком, уступил ему Владимирскую область и выехал в Польшу.

Святополк не замедлил остудить себя новым вероломством. Вступая в пределы Волыни, он торжественно клялся Ростиславичам, что будет им другом и желает единственно смирить их общего неприятеля, Давида; но, победив его, Великий Князь захотел овладеть Перемышлем и Теремовлем, объявляя, что сии города принадлежали некогда отцу его и брату. Святополк надеялся на многочисленное войско, а мужественные Ростиславичи на свою правду. Слепой Василько явился на месте битвы и, показывая в руках крест, громко кричал Святополку: «Видишь ли мстителя, клятвопреступник? Лишив меня зрения, хочешь отнять и жизнь мою. Крест святой да будет нам судиею!» Сражение было кровопролитное. Святополк не мог устоять и бежал в Владимир: поручил сей город сыну Мстиславу, прижитому с наложницею; другого сына, Ярослава, отправил в Венгрию за наемным войском; племянника, Святошу Давидовича, оставил в Луцке, а сам уехал в Киев. Ростиславичи гнались за побежденным только до границ своей области и возвратились, не желая никаких приобретений: умеренность великодушная! Они помнили клятву, данную ими в Любече, и гнушались примерами вероломства.

Сын Великого Князя, Ярослав, склонил Государя Венгерского объявить войну Ростиславичам, и Коломан, собрав великие силы, вступил в Червенскую область. Володарь затворился в Перемышле. Давид Игоревич, напрасно искав друзей и союзников вне Государства, возвратился тогда из Польши: видя общую опасность, прибегнул к Ростиславичам и, в знак доверенности оставив жену свою у Володаря, отправился к Половцам. Хан Боняк, встретив его на границе, взялся действовать против врага России. Летописец говорит, что Половцев было 390 человек, а Давидовых воинов 100; что Боняк, искусный гадатель будущего, в темную глубокую ночь отъехал от стана и начал *выть*, что звери степные ответствовали ему таким же воем и что обрадованный Хан предсказал Давиду несомнительную победу. Суеверие бывает иногда счастливо: ободрив воинов, мужественный Боняк разделил их на три части; велел товарищу своему, Алтунопе, идти прямо на Венгров с 50 стрелками; поручил Давиду главный отряд, а сам засел впереди, по обеим сторонам дороги, имея не более ста человек. Алтунопа увидел вдали множество Венгров, коих оружие и латы блистали от первых лучей восходящего солнца и которые стояли рядами на великом пространстве. Он шел смело и, пустив несколько стрел, обратился в бегство. Когда же Венгры устремились вслед за ним без всякого порядка, Боняк ударил на них в тыл, Алтунопа спереди, Давид также. Володарь, осажденный в Перемышле, мог воспользоваться сим случаем для удачной вылазки. Изумленные Венгры в ужасе, в смятении давили друг друга; бросались в реку Сан и тонули. Победители гнали их два дня. Сам Коломан едва спас жизнь свою, потеряв около 40 000 воинов, многих Баронов и телохранителей; а сын Святополков ушел в Брест. Венгерские Летописцы рассказывают, что виною сего *беспримерного* несчастья была неосторожность их Государя, обманутого притворными слезами вдовствующей Российской Княгини *Ланки*, которая, стоя на коленях, умоляла его быть милосердным к ее народу; что Венгры, не ожидая сопротивления и битвы, спали крепким сном, когда Хан Половецкий напал в глубокую ночь на их стан и, не дав им опомниться, умертвил множество людей. Коломан без сомнения думал тогда завладеть Червенскою областью: с ним были не только знаменитейшие светские чиновники, но и Епископы, готовые обращать Россиян в свою Веру. Один из сих Епископов, именем Купан, погиб в сражении.

Давид Игоревич, желая употребить в свою пользу несчастье Святополка и союзников его, взял Червен и внезапно осадил Владимир, где сын Великого Князя, Мстислав, собственно неустрашимостию ободрял воинов; но, пораженный стрелою – в самое то мгновение, как он натягивал лук, – сей юноша пал на стене и чрез несколько часов умер. Три дня кончина его была тайною для народа: узнав оную, граждане в общем совете положили уведомить Святополка о своей крайности. С одной стороны, они боялись гнева его, с другой – неминуемого голода. Святополк отправил к ним Воеводу Путятю и велел ему соединиться в Луцке с дружиною Святоши. Сей юный племянник Великого Князя взял под стражу Давидовых Послов, которых он до того времени клятвенно уверял в дружбе, обещаясь известить их Государя о первом движении Святополкова войска. Обманутый Давид беспечно отдыхал в полдень, когда Путятя и Святоша напали на его стан; в то же время осажденные сделали вылазку. Пробужденный шумом и криком битвы, Давид искал спасения в бегстве, и владимирцы с радостию приняли в город свой

Посадника Святополкова; но обстоятельства переменились, как скоро Путята вывел оттуда войско. Боняк, славный победитель Венгров, вступился за Давида и возвратил ему область его, изгнав Святошу из Луцка и Посадника Киевского из Владимира.

Тогда Князья Российские, взаимно огорчаемые своим несогласием, вероломством, малодушным властолюбием, вторично собрались близ Киева: Святополк, Мономах и Святославичи; заключили [30 Июня 1100 г.] новый союз между собою и звали Давида. Сей Князь Владимирский не дерзнул их послушаться; но приехав, гордо сказал: «Я здесь: чего от меня хотите? кто недоволен мною?..» *Не ты ли сам*, – отвечивал ему Владимир, – *желал общего Княжеского собрания, чтобы представить нам свои неудовольствия? Теперь сидишь на одном ковре с братьями: говори, кто и чем оскорбил тебя?* Давид молчал. Князья встали и сели на коней. Отъехав в сторону, каждый советовался с своею дружиною. Давид сидел один. Наконец они снеслись между собою, и Послы их торжественно сказали ему: «Князь Давид! Объявляем волю наших Государей. Область Владимирская уже не твоя отныне: ибо ты был причиною вражды и злодейства, неслыханного в России. Но живи спокойно; не бойся смерти. Бужск остается твоим городом: Святополк дает тебе еще Дубно и Черторижск, Мономах 200 гривен, Олег и брат его тоже». Давид смирился, и Святополк чрез некоторое время уступил ему Дорогобуж Волынский, отдав Владимир сыну своему Ярославу. Соединенные Князья отправили также Послов к Ростиславичам, требуя, чтобы они выдали пленников, взятых ими в битве с коварным Святополком, и господствовали в одном Перемышле; чтобы Володарь взял к себе несчастного Василька или прислал к дядям, которые обязываются кормить его. Но Ростиславичи с гордостью отвергнули сие предложение, и великодушный слепец хотел умереть Теревольским Князем. Святополк, испытав храбрость их, не смел уже воевать с ними; но строго наказал своего родного племянника, Ярослава, сына Ярополкова, который, господствуя в Бресте, вооружался и хотел завладеть другими городами. Его привезли в Киев окованного цепями. Митрополит и Духовенство испросили ему свободу; но сей несчастный, бежав из Киева, попался в руки Владимирскому Князю, сыну Святополкову: снова был заключен, и чрез десять месяцев умер в темнице.

Разделение Государства, вообще ослабив его могущество, уменьшило и власть Князей. Народ, видя их междоусобие и частое изгнание, не мог иметь к ним того священного уважения, которое необходимо для государственного блага. Читатель заметил уже многие примеры тогдашнего своеволия граждан: следующее происшествие еще яснее доказывает оное. Великий Князь и Мономах согласились отдать Новгород сыну первого, а Мстиславу, в замену сей области, Владимир. Исполняя волю отца, Мстислав явился во дворце Киевском, сопровождаемый знатными Новгородцами и Боярами Мономаха. Когда Святополк посадил их, Бояре говорили ему: «Мономах прислал к тебе Мстислава, чтобы ты отправил его княжить в Владимир, а сына своего в Новгород». Нет! сказали послы новгородские: *объявляем торжественно, что сего не будет. Святополк! ты сам добровольно оставил нас: теперь уже не хотим ни тебя, ни сына твоего. Пусть едет в Новгород, ежели у него две головы! Мы сами воспитали Мстислава, данного нам еще Всеволодом.* Великий Князь долго спорил с ними; но, поставив на своем, они возвратились в Новгород со Мстиславом.

Между тем второй Княжеский съезд был счастливее первого, утвердив союз Святославичей с Великим Князем и Мономахом. Половцы, опасаясь следствий онога, именем всех Ханов своих требовали мира и, заключив его в городе Сакове, взяли и дали аманатов. Сей мир, как и прежние, только отсрочил войну, необходимую по мнению благоразумного Князя Владимира. В следующий год, весною, он и Святополк имели свидание близ Киева, на лугу, и, сидя в одном шатре, советовались с Боярами. Дружина Великого Князя говорила, что весна не благоприятна для военных действий; что если они для конницы возьмут лошадей у земледельцев, то поля останутся не вспаханы, и в селах не будет хлеба.

«Удивляюсь (отвечивал Мономах), что вы жалеете коней более отечества. Мы дадим время пахать земледельцу; а Половчин застрелит его на самой ниве, въедет в село, пленит жену, детей и возьмет все имение оратая». Бояре не могли оспаривать сего убедительного возражения, и Великий Князь, встав с места, сказал: *я готов.* Владимир с нежностью обнял брата, говоря ему, что земля Русская назовет его своим благодетелем. Они старались возбудить такую же ревность и в других Князьях, призывая их смирить варваров или умереть Героями. Олег Святославич отговорился болезнию; но два брата его охотно вооружились. Князь Полоцкий, Всеслав, знаменитый враг племени Ярославова, скончался в 1101 году: меньший сын его, Давид, жертвуя наследственною злобою общему благу, прибыл в стан соединенных войск: также Игорев внук, Мстислав, коего отец неизвестен и который вместе с дядею своим, Давидом Игоревичем, в 1099

году осаждав Владимир, искал потом добычи или славы на море. Великий Князь взял с собою родного племянника, Вячеслава, а Мономах сына своего, Ярополка. Грозное ополчение сухим путем и водою двинулось к югу. Флот остановился за Днепровскими порогами, у Хортицкого острова: там построилось войско и четыре дня шло степями к востоку до места, называемого *Сутень*. Встревоженные неприятели собирались многочисленными толпами к вежам своих Ханов, которые, видя опасность, советовались между собою, что им делать. Старший из них, именем Урособа, говорил товарищам, что надобно просить мира и что Россияне, долгое время терпев от Половцев, будут сражаться отчаянно. Ко славе соединенных Князей, младшие Ханы отвергнули сей благоразумный совет, с гордостью ответствуя: «Старец! Ты боишься Россиян! Но мы положим дерзких врагов на месте и возьмем все беззащитные города их».

В то время, когда Половцы уже делили в мыслях своих добычу нашего стана, Россияне готовились к битве молитвою и благочестивыми обетами; одни давали клятву, в случае победы, наградить убогих; другие украсить церкви и монастыри вкладами. Успокоенные теплою Верою, они шли с бодростию и веселием. Алтунопа, славнейший из храбрецов Половецких, был впереди на страже: Россияне, окружив его, совершенно истребили сей отряд неприятельский. Началось главное сражение. Летописец говорит, что многочисленные полки варваров казались на обширной степи дремучим, необозримым бором; но что Половцы, объятые тайным ужасом, были как сонные, едва могли править своими конями и, смятые первым ударом наших, бежали во все стороны. Никогда еще Российские Князья не одерживали такой знаменитой победы над варварами. Урособа и 19 других Ханов пали в сражении. Одного из них, именем Бельдюза, привели к Святополку: сей пленник хотел откупиться серебром, золотом и конями. Святополк велел отвести его к Владимиру, который сказал ему: «Ты не учил детей своих и товарищей бояться клятвоступления. Сколько раз вы обещали мир и губили Христиан? *Да будет же кровь твоя на главе твоей!*» Бельдюза рассекли на части. Победители взяли в добычу множество скота, вельблюдов, коней; освободили невольников и в числе пленных захватили Торков и Печенегов, которые служили Половцам. Увенчанный славою Мономах, призывая Россиян к торжеству и веселию, хвалил их мужество, но всего более славил Небо. «Сей день (говорил он) есть праздник для отечества. Всевышний избавил от врагов землю Русскую: они лежат у ног наших! Сокрушены главы змия, и мы обогатились достоянием неверных». В надежде, что Половцы не дерзнут уже беспокоить Россию, Святополк старался загладить следы их прежних опустошений и возобновил город Юрьев, ими сожженный, на берегу Роси.

К несчастью, сии мирные попечения о гражданском благосостоянии Государства не могли тогда иметь успеха: княжение Святополка, от начала до конца, представляет цепь ратных действий. Россия была станом воинским, и звук оружия не давал успокоиться ее жителям.

[1104 г.] Ярослав Святославич, брат Олегов и Давидов, был побежден Мордвою в губернии Тамбовской или Нижегородской, где сей народ обитал издревле в соседстве с Казанскими Болгарами. – Следуя примеру отцев своих, Великий Князь и Мономах вооружились против наследников Всеславовых, которые независимо господствовали в Полоцкой области. Путятя, Воевода Святополков, Олег и Ярополк, сын Владимиров, ходили осаждать Глеба Всеславича в Минске. Родной брат Глебов, Давид, находился с ними: вероятно, что он держал их сторону. Но войско соединенно возвратилось без успеха. – [1106 г.] Всеславичи, избавленные от сей опасности, хотели покорить Семигалию. Нестор называет ее жителей данниками России: быть может, что они прежде зависели от Князей Полоцких и вздумали тогда отложиться. Кровопролитная битва утвердила их свободу: Всеславичи, потеряв 9'000 воинов, едва могли спасти остаток своей рати.

С другой стороны Половцы новым грабительством доказали Мономаху, что он еще не *сокрушил гидры* и что не все *главы* ее пали от меча Российского. Уже варвары с добычею и с невольниками возвращались в свою землю, когда Воеводы Святополковы настигли их за Сулою и выручили пленных. В следующий год отважный Боняк, захватив табуны Переяславские, приступил к Лубнам, вместе с знаменитым Вождем Половецким, старым Шаруканом. Великий Князь, Олег, Мстислав, Игорев внук, Мономах с двумя сынами перешли за Сулу и с грозным воплем устремились на варваров, которые не имели времени построиться, ни сесть на коней и, спасаясь бегством, оставили весь обоз свой в добычу победителю. Россияне, гнав их до самого Хороя, многих убили и взяли в плен. – Сии успехи ни возгордили Олега и Мономаха, которые в том же году женили сыновей своих на дочерях Ханских. Омерзение к злым язычникам уступало Политике и надежде успокоить Государство хотя на малое время. – Мир не продолжался ни двух лет: Россияне уже в 1109 и в следующем году воевали близ Дона и брали

вежи Половецкие. [1111 г.] Наконец Мономах снова убедил Князей действовать соединенными силами, и в то время, когда народ говел, слушая в храмах молитвы Великопостные, воины собирались под знаменами. Достоинно замечания, что около сего времени были многие воздушные явления в России, и самое землетрясение; но благоразумные люди старались ободрять суеверных, толкуя им, что необыкновенные знамения предвещают иногда необыкновенное *счастье* для Государства, или победу: ибо Россияне не знали тогда иного счастья. Самые мирные Иноки возбуждали Князей разить злых супостатов, ведая, что Бог мира есть также и Бог воинств, подвижных любовью ко благу отечества. Россияне выступили 26 февраля и в осьмой день стояли уже на Гольтве, ожидая задних отрядов. На берегах Ворсклы они торжественно целовали крест, готовясь умереть великодушно; оставили многие реки за собою и 19 марта увидели Дон. Там воины облеклись в брони и стройными рядами двинулись к югу. Сей знаменитый поход напоминает Святославов, когда отважный внук Рюриков шел от берегов Днепра сокрушить величие Козарской империи. Его смелые витязи ободряли, может быть, друг друга песнями войны и кровопролития: Владимировы и Святополковы с благоговением внимали церковному пению иереев, коим Мономах велел идти пред воинством со крестами. Россияне пощадили неприятельский город Осенев (ибо жители встретили их с дарами: с вином, медом и рыбою); другой, именем Сугров, был обращен в пепел. Сии города на берегу Дона существовали до самого нашествия Татар и были, как вероятно, основаны Козарами: Половцы, завладев их страну, и сами уже обитали в домах. 24 марта Князья разбили варваров и праздновали Благовещение вместе с победою; но чрез два дня свирепые враги окружили их со всех сторон на берегах Сала. Битва, самая отчаянная и кровопролитная, доказала превосходство Россиян в искусстве воинском. Мономах сражался как истинный Герой и быстрым движением своих полков сломил неприятеля. Летописец говорит, что Ангел свыше карал Половцев и что головы их, *невидимою* рукою ссекаемые, летели на землю: Бог всегда *невидимо* помогает храбрым. – Россияне, довольные множеством пленных, добычею, славою (которая, по уверению современников, разнеслася от Греции, Польши, Богемии, Венгрии до самого Рима), возвратились в отечество, уже не думая о своих древних завоеваниях на берегах Азовского моря, где Половцы без сомнения тогда господствовали, овладев Воспорским царством, или Тмутороканским Княжением, коего имя с сего времени исчезло в наших летописях.

[1112 г.] В числе многих Князей, ходивших на Дон с Владимиром и Святополком, был и Давид Игоревич Дорогобужский, памятный злодейством: он скоро умер; область его наследовал зять Мстислава Новгородского, Ярослав Святополкович, который ознаменовал свое мужество двукратною победою над ятвягами, строптивыми данниками нашего отечества. Сею войною заключились подвиги Россиян в бурное Княжение Святополка, умершего в 1113 году. Он имел все пороки малодушных: вероломство, неблагодарность, подозрительность, надменность в счастья и робость в бедствиях. При нем унизились достоинство Великого Князя, и только сильная рука Мономахова держала его 20 лет на престоле, даруя победы отечеству.

Святополк был набожен: готовясь к войне, к путешествию, он всегда брал молитву у печерского игумена, над гробом Феодосия, и там же благодарил Всевышнего за всякую победу; украшал, строил церкви, – как то Михаила Златоверхого в Киеве, где погребено тело сего Князя – и в 1108 году велел Митрополиту вписать Феодосиево имя в Синодик для поминовения во всех Российских Епископиях. Довольный наружностью благочестия, он явно преступал святыя уставы нравственности, имея наложниц и равняя побочных детей с законными.

Святополк оставил супругу, которая по его смерти раздала великое богатство монастырям, Священникам и бедным (ибо он собрал множество золота, и притом всякими средствами: терпел Евреев в Киеве – вероятно, переехавших к нам из Тавриды, – и сам не стыдился, к утеснению народа, торговать солью, которую привозили купцы из Галича и Перемышля). – Сбыслава, дочь Великого Князя, в 1102 году сочеталась браком с Королем Польским, Болеславом Кривоустым. Взаимная государственная польза требовала сего союза, и Балдвин, Епископ Краковский, исходатайствовал разрешение от Папы: ибо Княжна Российская была в свойстве с Королем. Брачное торжество совершилось в Кракове: Болеслав, в изъявление своего удовольствия, щедро одарил Вельмож Польских. Он уважал тестя и простил своего брата, мятежного Избыгнева, который, в 1106 году приехав в Киев, молил Великого Князя быть посредником между ими. Вторая дочь Святополкова, именем Передслава, в 1104 [году] вышла за Королевича Венгерского, сына Коломанова, Ладислава, или Николая. В то же самое время – в 1104 году – третья Княжна Российская, дочь знаменитого Володаря и племянница Василькова, была выдана за Царевича Греческого, сына Алексея, Андроника, или Исаакя: первый убит на войне в цветущей юности;

второй был родоначальником Императоров Трапезунтских. – Коломан, Государь Венгерский, уже престарелый женился в 1112 году на дочери Мономаховой, Евфимии; но сей брак имел несчастные следствия. Подозревая супругу в неверности, Коломан развелся с нею, и Евфимия беременная возвратилась в отечество, где родила сына, Бориса.

В княжение Святополково Митрополитами были Греки Николай и Никифор: первый ездил Послом к Мономаху от Киевских граждан в 1098 году и ходатайствовал за несчастного племянника Святополкова, Ярослава; при втором сын Давида Черниговского, Святослав, названный за его благочестие *Святошею*, отказался от мира и заключился в Обители Печерской, уважая монашеские добродетели более гражданских. Сей Князь, быв сперва слугою иноков и вратарем, долгое время смирял плоть свою трудами и воздержанием, беспрестанно работая в келье или в саду, им разведенном; отдавал бедным все, что имел, и способствовал в монастыре своем заведению библиотеки. – Время Никифоровой паствы ознаменовалось еще в церковных летописях прибытием в Новгород Св. Антония Римского, ученого мужа, которому тамошние чиновники и Епископ Никита дали на берегу Волхова место и село для основания монастыря, одного из древнейших в России.

К достопамятностям века Святополкова принадлежит любопытное путешествие Российского Игумена Даниила к Святым Местам, уже завоеванным тогда Крестоносцами. Славный Бальдвин царствовал в Иерусалиме: Даниил в своих записках хвалит его добродетели, приветливость, смирение. Под защитою Королевской дружины сей игумен ходил к Дамаску, в Акру, и мог безопасно осмотреть всю Палестину, где еще скитались толпы неверных и грабили Христиан. Он выпросил дозволение у Бальдина поставить лампаду над гробом Спасителя и записал в Обители Св. Саввы, для поминания на ектениях, имена Князей Российских: Святополка-Михаила, Владимира-Василия, Давида Святославича, Олега-Михаила, Святослава-Панкратия и Глеба Минского. Достоин замечания, что многие знатные Киевляне и Новгородцы находились тогда в Иерусалиме. Алексей Комнин без сомнения приглашал и Россиян действовать против общих врагов Христианства; отечество наше имело собственных: но вероятно, что сие обстоятельство не мешало некоторым витязям Российским искать опасностей и славы под знаменами Крестового воинства. Впрочем, быть может, что одно Христианское усердие и желание поклониться гробу Иисусову приводило их в Палестину: ибо мы знаем по иным современным и не менее достоверным свидетельствам, что Россияне в XI веке часто давали Небу обет видеть ее места святыя.

Описание времен Святополковых заключим известием, что Нестор при сем Князе кончил свою летопись, сказав нам в 1106 году о смерти *доброго* девяностолетнего *старца* Яня, славного Воеводы, жизнью подобного древним Христианским праведникам и сообщившего ему многие сведения для его исторического творения. Отселе путеводителями нашими будут другие, также современные Летописцы.

Глава VII. Владимир Мономах, названный в крещении Василием. Г. 1113–1125

Грабят Жидов в Киеве. Мономах усмиряет мятеж. Новое пренесение мощей Бориса и Глеба. Закон о ростах. Победы в Ливонии, в Финляндии, в Болгарии, на Дону. Черные Клобуки. Беловежцы. Дела с Греками. Мономахова шапка. Царевич Леон. Усмирение Минского Князя и Новгородцев. Изгнание и бедствие Князя Владимирского. Венгры, Богемцы и Поляки в России. Их неудача. Плен Володаря. Смерть трех Князей знаменитых. Кончина Мономахова. Свойства его. Поучение. Основание Владимира Залесского. Гида, супруга Мономахова. Ее дети. Сочинение Митрополита Никифора.

По смерти Святополка-Михаила граждане Киевские, определив в торжественном совете, что достойнейший из Князей Российских должен быть Великим Князем, отправили Послов к Мономаху и звали его властвовать в столице. Добродушный Владимир давно уже забыл несправедливость и вражду Святополкову: искренно оплакивал его кончину и в сердечной горести отказался от предложенной ему чести. Вероятно, что он боялся оскорбить Святославичей, которые, будучи детьми старшего Ярослава сына, по тогдашнему обыкновению должны были наследовать престол Великокняжеский. Сей отказ имел несчастные следствия:

Киевляне не хотели слышать о другом Государе; а мятежники, пользуясь безначалием, ограбили дом Тысячского, именем Путяты, и всех Жидов, бывших в столице под особенным покровительством корыстолюбивого Святополка. Спокойные граждане, приведенные в ужас таким беспорядком, вторично звали Мономаха. «Спаси нас, говорили их Послы, от неистовства черни; спаси от грабителей дом печальной супруги Святополковой, собственные наши дома и святыню монастырей». Владимир приехал в столицу: народ изъявил необычайную радость, и мятежники усмирились, видя Князя великодушного на главном престоле Российском.

Даже и Святославичи не противились общему желанию; уступили Момаху права свои, остались Князьями Удельными и жили с ним в согласии до самой их кончины. Они счастливее отцов своих торжествовали вместе принесение [2 Мая 1115 г.] мощей Св. Бориса и Глеба из ветхой церкви в новый каменный храм Вышегородский: сим действием Владимир изъявил, в начале своего правления, не только набожность, но и любовь к отечеству: ибо древняя Россия признавала оных Мучеников главными ее небесными заступниками, ужасом врагов и подпорою наших воинств. Еще будучи Князем Переяславским, он украсил серебряную раку святых золотом, хрусталем и резьбою столь хитрою, как говорит Летописец, что Греки дивились ее богатству и художеству. Из отдаленнейших стран России собрались тогда в Вышегороде Князья, Духовенство, Воеводы, Бояре; бесчисленное множество людей теснилось на улицах и стенах городских; всякий хотел прикоснуться к святому праху, и Владимир, чтобы очистить дорогу для клироса, велел бросать народу ткани, одежды, драгоценные шкуры зверей, сребреники. Олег дал роскошный пир Князьям; три дня угощали бедных и странников. – Сие торжество, и церковное и государственное, изображая дух времени, достойно замечания в истории.

Момах спешил также благодеяниями человеколюбивого законодательства утвердить свое право на имя отца народного. Причиною Киевского мятежа было, кажется, лихоимство Евреев: вероятно, что они, пользуясь тогдашнею редкостью денег, угнетали должников неумеренными ростами. Момах, желая облегчить судьбу недостаточных людей, собрал в Берестовском дворце своем знатнейших Бояр и Тысячских: Ратибора Киевского, Прокопия Белгородского, Станислава Переяславского, Нажира Мирослава и Боярина Олегова, Иоанна Чудиновича: рассуждал, советовался с ними и наконец определил, что займодавец, взяв три раза с одного должника так называемые *третьи росты*, лишается уже истинных своих денег или капитала: ибо как ни велики были тогдашние годовые росты, но месячные и третьи еще превышали их. Момах включил сей закон в Устав Ярославов.

Сей Государь щадил кровь людей; но знал, что вернейшее средство утвердить тишину есть быть грозным для внешних и внутренних неприятелей. Сын его Мстислав, два раза победив чужд, завладел городом Оденпе, или *Медвежьею Головою, в Ливонии*. Призванный отцом княжить в Белегороде, он поручил Новгородскую область сыну, юному Всеволоду, который ознаменовал воинский дух свой счастливым, но многотрудным походом в Финляндию. Худой зимний путь (ибо весна уже наступала) и бедность земли угрожали Россиянам голодною смертию; недостаток был так велик, что они за каждый хлеб платили ногату. Меньший брат Мстиславов, Георгий, княживший в Суздале, ходил Волгою на судах в землю казанских болгаров, победил их и возвратился с добычею. Третий сын Момахов, Ярополк, воевал в окрестностях Дона; взял три города в области Половецкой: Балин, Чешлюев, Сугров; пленил множество Ясов, там обитавших, и в числе их прекрасную девицу, на коей он женился. Около сего же времени Владимир выгнал из России Берендеев, Печенегов и Торков, новых пришельцев: утесняемые Половцами и разбитые ими близ Дона, они искали убежища в окрестностях Переяславля, но, любя грабеж, не могли кочевать там спокойно. Однако ж многие из них остались на Днепре, были известны под общим именем *Черных Клобуков, или Черкасов*, и служили Россиянам. – Летопись Владимирова времени упоминает еще о Беловежцах, охотно принятых Великим Князем. Сии обитатели некогда знаменитой крепости Козарской на берегах Дона, взятой мужественным Святославом I, спасаясь от свирепости Половцев, основали новый город в верховье реки Остера и назвали его именем древнего, или Белою Вежею, коей известные развалины (во 120 верстах от Чернигова) свидетельствуют, что в ней находились *каменные* стены, башни, ворота и другие здания. Козары, наученные Греками, строили лучше наших предков.

Успехи Момахова оружия так прославили сего Великого Князя на Востоке и Западе, что имя его, по выражению Летописцев, гремело в мире, и страны соседственные трепетали оною. Если верить новейшим повествователям, то Владимир ужасал и Греческую Империю. Они рассказывают, что Великий Князь, вспомнив знаменитые победы, одержанные его предками над Греками, со многочисленным войском отправил Мстислава к Адрианополю и завоевал Фракию;

что уstraшенный Алексей Комнин прислал в Киев дары: крест животворящего древа, чашу сердоликовую Августа Кесаря, венец, золотую цепь и бармы Константина Мономаха, деда Владимиров; что Неофит, Митрополит Ефесский, вручил сии дары Великому Князю, склонил его к миру, венчал в Киевском Соборном храме Императорским венцем и возгласил Царем Российским. В Оружейной Московской Палате хранятся так называемая *Мономахова золотая шапка*, или корона, цепь, держава, скипетр и древние бармы, коими украшаются Самодержцы наши в день своего торжественного венчания и которые действительно могли быть даром Императора Алексея. Мы знаем, что и в X веке Государи Российские часто требовали Царской утвари от Византийских Императоров; знаем также, что Великие Князья Московские XIV столетия отказывали в завещаниях наследнику трона некоторые из сих вещей, сделанных в Греции (как то свидетельствуют надписи оных и самая работа). Но завоевание Фракии кажется сомнительным, и в древних летописях находятся только следующие известия о делах Владимира в отношении к Грекам:

«В 1116 году *супруг Мономаховой дочери Марии, Царевич Леон*, сын бывшего Императора Диогена, собрав войско на берегах Черного моря, вступил в северные области Империи и завладел городами Дунайскими; но Царь Алексей подослал к нему в Доростол двух Аравитян, которые злодейски умертвили его (Августа 15). Тогда Владимир, желая или отмстить за убийство зятя, или сохранить для юного сына Марии, именем Василия, взятые Леоном города, велел идти на Дунай Воеводе Иоанну Войтишичу и сыну своему, Вячеславу, с другим Боярином, Фоною Ратиборовичем; первый действительно занял некоторые из оных, а Вячеслав без успеха отступил от Доростола». Вопреки сему сказанию, Анна Комнина в истории отца ее, славного Императора Алексея, уверяет, что Леон, сын Диогенов, погиб в сражении с турками близ Антиохии. «Чрез некоторое время, – пишет Анна, – явился в Империи обманщик, принявший на себя его имя. Сосланный за то в Херсон, он был освобожден Половцами и, предводительствуя их толпами, шел во Фракию; но, взятый в плен Греками, испытал, что дерзость не остается без наказания: ему выкололи глаза» (в 1096 году). Сего несчастного и другие Византийские Летописцы именуют самозванцем; но зять Момахов, убитый в Доростоле, был, конечно, истинным Диогеновым сыном: ибо Владимир, находясь в тесных связях с Двором Константинопольским, не мог, кажется, дать себя в обман лжецу-бродяге. – Вдовствующая супруга Леонова, Мария, скончалась Монахиною в России, где сын ее, Василий, усердно служил Великим Князьям; а города дунайские были скоро возвращены Империи или силою оружия, или вследствие мирных договоров.

[1116–1123 гг.] Владимир, одолевая внешних неприятелей, смирял и внутренних. Князь Минский, Глеб, не хотел ему повиноваться, сжег город Слуцк, захватывал людей между Припятью и Двиною: за то сын Момахов, Ярополк, опустошил Друцк и вывел жителей в новый городок, для них основанный. Сам Великий Князь, соединясь с Давидом Черниговским и с Ольговичами, взял город Вячеславль, Оршу, Копыс; осаждал Минск, смирил Глеба и, вновь им оскорбленный, привел его как пленника в Киев, где он и скончался. – Беспокойные Новгородцы, употребляя во зло юность своего Князя Всеволода, мятежными поступками заслужили гнев Мономаха, который, призвав всех тамошних Бояр в Киев, велел им торжественно присягнуть в верности, удержал некоторых у себя, а других заточил. Правые или не столь виновные возвратились домой, узнав опытом, что самый человеколюбивый, но мудрый Государь не оставляет дерзких ослушников без наказания. Уже несколько времени Посадники Новгородские были, кажется, избираемы из тамошних граждан: Владимир, опасаясь их мятежного духа, дал сей сан Киевскому Вельможе Борису.

Сын Святополков Ярослав, или Ярославец, Князь Владимирский, ненавидел жену свою, дочь Мстислава, и не боялся огорчать ее деда: Момаха выступил с войском, соединился с Ростиславичами, Князьями юго-западной России, около двух месяцев держал город Владимир в осаде и принудил Ярослава покориться; но сей легкомысленный племянник снова оскорбил дядю, с презрением удалив от себя нелюбимую супругу: он бежал в Польшу. Никто из Бояр не хотел за ним следовать, и Великий Князь отдал Владимирский удел сыну своему, Роману, Володареву зятю, который в том же году умер. Момаха послал на его место другого сына, Андрея (женатого на внучке Половецкого Князя, Тугоркана) и велел ему предупредить замыслы Болеслава Кривоустого, зная, что сей Король, свойственник изгнанного Князя Владимирского, ожидает только удобного случая для объявления войны Россиянам. Андрей опустошил соседственные владения Королевские и возвратился с добычею. Ляхи, приведенные Ярославом, хотели взять Червен; но с великим уроном были отражены тамошним Наместником, Фоною

Ратиборовичем. Тогда Ярослав прибегнул к Государю Венгерскому, Стефану, который, желая отмстить Россиянам за отца своего, побежденного ими на берегах Сана, вступил в область Владимирскую вместе с Богемцами и Поляками. Великий Князь, не имев времени собрать войско, с малою дружиною отправил Мстислава к городу Владимиру, где юный Андрей, осажденный многочисленными неприятелями, не терял бодрости. Уже надменный Ярослав, подъехав к стенам, грозил сыну Мономахову и народу страшною местию в случае сопротивления; осматривал крепость и в уме своем назначал места для приступа, отложенного только до следующего дня. В одну минуту все переменилось. Два человека вышли тайно из крепости, засели на пути, между неприятельским станом и городом, и копьями пронзили неосторожного Ярослава, когда он сам-третий возвращался к союзному войску. Несчастный умер в ту же ночь; а союзники, изумленные его бедствием, спешили заключить мир с Великим Князем. Летописец Венгерский повествует, что Стефан, огорченный смертью Ярослава, клялся взять крепость или умереть; но что Воеводы его не хотели ему повиноваться, сняли шатры свои и принудили Короля возвратиться в Венгрию.

В стане Владимировых неприятелей были и Ростиславичи, до того времени усердные защитники отечества: каким образом сии два брата, славные благородством и великодушием, могли присоединиться ко врагам России? В древнейших Летописцах Польских находим объяснение. Мужественный Володарь, ужас и бич соседственных Ляхов, не умел защитить себя от их коварства. Они подослали к нему одного хитрого Вельможу, именем Петра, который вступил в его службу, притворно изъявлял ненависть к Болеславу, вкрался в доверенность к добродушному Князю Перемышльскому, ездил с ним на охоту и в лесу с помощью своих людей, внезапно схватив безоружного Володаря, увез его связанного к себе в замок: что случилось незадолго до осады Владимира. Брат и сын выкупили знаменитого пленника из неволи, отправив в Польшу на возах и вельблюдах множество золота, серебра, драгоценных одежд, сосудов. Сверх того Ростиславичи обязались жить в союзе с Болеславом и находились, кажется, в его стане под Владимиром, единственно для заключения сего договора или желая быть посредниками между изгнанником Ярославом и Великим Князем.

Завоеванием Минска и приобретением Владимира Мономах утвердил свое могущество внутри Государства, но не думал переменить системы наследственных Уделов, столь противной благу и спокойствию отечества. Долговременное обыкновение казалось тогда уже законом; или Владимир боялся отчаянного сопротивления Князей Черниговских, Полоцких и Ростиславичей, которые не уступили бы ему прав своих без страшного кровопролития. Он не имел дерзкой решительности тех людей, кои жертвуют благом современников неверному счастью потомства; хотел быть *первым*, а не *единственным* Князем Российским: покровителем России и Главою частных Владетелей, а не Государем Самодержавным. Справедливость вооружила его против хищника Глеба и Князя Владимирского (ибо сей последний хотел обесчестить семейство Мономахово разводом с дочерью Мстислава и звал иноплеменников грабить отечество): та же справедливость не позволяла ему отнять законного достояния у Князей спокойных. – По кончине гордого Олега и кроткого Давида, вообще уважаемого за его правдивость, меньший их брат, Ярослав, мирно княжил в области Черниговской, а сыновья Володаревы, Владимирко, Ростислав, и Васильковичи, Григорий с Иоанном, наследовали Перемышль, Звенигород, Тереволь и другие места в юго-западной России, когда в 1124 году умерли отцы их, оставив навсегда в России память своих счастливых дел воинских, верности в обетах и любви к отечественной славе.

Княжив в столице 13 лет, Владимир Мономах скончался [19 Мая 1125 г.] на 73 году от рождения, *славный победами за Русскую землю и благими нравами*, как говорят древние летописцы. Уже в слабости и недуге он поехал на место, орошенное святою кровию Бориса, и там, у церкви, им созданной, на берегу Альты, предал дух свой Богу в живейших чувствованиях утешительной Веры. Горестные дети и Вельможи привезли его тело в Киев и совершили обряд погребения в Софийском храме. Набожность была тогда весьма обыкновенною добродетелию; но Владимир отличался Христианским сердечным умилением: слезы обыкновенно текли из глаз его, когда он в храмах молился Вседержителю за отечество и народ, ему любезный. Не менее хвалят Летописцы нежную его привязанность к отцу (которого сей редкий сын *никогда и ни в чем не слушался*), снисхождение к слабому человечеству, милосердие, щедрость, незлобие: ибо он, по их словам, *творил добро врагам своим и любил отпускать их с дарами*. Но всего яснее и лучше изображает его душу *поучение*, им самим написанное для сыновей. К счастью, сей остаток древности сохранился в одной харатейной летописи и достоин занять место в Истории.

Великий Князь говорит вначале, что дед его, Ярослав, дал ему Русское имя Владимира и Христианское Василия, а отец и мать прозвание *Мономаха*, или *Единоборца*: для того ли, что Владимир действительно был по матери внук Греческого Царя Константина Мономаха, или в самой первой юности изъяснял особенную воинскую доблесть? – «Приближаясь ко гробу, – пишет он, – благодарю Всевышнего за умножение дней моих: рука его довела меня до старости маститой. А вы, дети любезные, и всякий, кто будет читать сие писание, наблюдайте правила, в оном изображенные. Когда же сердце ваше не одобрит их, не осуждайте моего намерения; но скажите только: *он говорит несправедливо!*

Страх Божий и любовь к человечеству есть основание добродетели. Велик Господь, чудесны дела Его!» Описав в главных чертах, и по большей части словами Давида, красоту творения и благодать Творца, Владимир продолжает:

«О дети мои! Хвалите Бога! Любите также человечество. Не пост, не уединение, не Монашество спасет вас, но благоденствия. Не забывайте бедных; кормите их, и мыслите, что всякое достояние есть Божие и поручено вам только на время. Не скрывайте богатства в недрах земли: сие противно Христианству. Будьте отцами сирот: судите вдовиц сами; не давайте сильным губить слабых. Не убивайте ни правого, ни виновного: жизнь и душа Христианина священна. Не призывайте всуе имени Бога; утвердив же клятву целованием крестным, не преступайте оной. Братья сказали мне: *изгоним Ростиславичей и возьмем их область, или ты нам не союзник!* Но я ответствовал: *не могу забыть крестного целования*, развернул Псалтырь и читал с умилением: *вскую печальна еси, душе моя? Уповай на Бога, яко исповемся Ему. Не ревнуй лукавствующим ниже завиди творящим беззаконие.* – Не оставляйте больных; не страшитесь видеть мертвых: ибо все умрем. Принимайте с любовию благословение Духовных; не удаляйтесь от них; творите им добро, да молятся за вас Всевышнему. Не имейте гордости ни в уме, ни в сердце, и думайте: *мы тленны; ныне живы, а завтра во гробе.* – Бойтесь всякой лжи, пьянства и любострастия, равно гибельного для тела и души. – Читите старых людей как отцов, любите юных как братьев. – В хозяйстве сами прилежно за всем смотрите, не полагаясь на Отроков и Тиунов, да гости не осудят ни дому, ни обеда вашего. – На войне будьте деятельны; служите примером для Воевод. Не время тогда думать о пиршествах и неге. Расставив ночную стражу, отдохните. Человек погибает внезапно: для того не слагайте с себя оружия, где может встретиться опасность, и рано садитесь на коней. – Путешествуя в своих областях, не давайте жителей в обиду Княжеским Отрокам; а где остановитесь, напоите, накормите хозяина. Всего же более чтите гостя, и знаменитого и простого, и купца и Посла; если не можете одарить его, то хотя брашном и питием удовольствуйте: ибо гости распускают в чужих землях и добрую и худую об нас славу. – Приветствуйте всякого человека, когда идете мимо. – Любите жен своих, но не давайте им власти над собою. – Все хорошее, узнав, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь. Отец мой, сидя дома, говорил *пятью языками*: за что хвалят нас чужестранцы. Лениность – мать пороков: берегитесь ее. Человек должен всегда заниматься: в пути, на коне, не имея дела, вместо суетных мыслей читайте наизусть молитвы или повторяйте хотя самую краткую, но лучшую: *Господи помилуй.* Не засыпайте никогда без земного поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь в землю три раза. Да не застанет вас солнце на ложе! Идите рано в церковь воздать Богу хвалу утреннюю: так делал отец мой; так делали все добрые мужи. Когда озаряло их солнце, они славили господу с радостию и говорили: *Просвети очи мои, Христе Боже, и дал ми еси свет Твои красный.* Потом садились думать с дружиною, или судить народ, или ездили на охоту; а в полдень спали: ибо не только человеку, но и зверям и птицам Бог присудил отдыхать в час полуденный. – Так жил и ваш отец. Я сам делал все, что мог бы велеть Отроку: на охоте и войне, днем и ночью, в зной летний и холод зимний не знал покоя; не надеялся на посадников и бирючей; не давал бедных и вдовиц в обиду сильным; сам назирал церковь и Божественное служение, домашний распорядок, конюшню, охоту, ястребов и соколов». – Исчислив свои дела воинские, уже известные Читателю, Владимир пишет далее: «Всех походов моих было 83; а других маловажных не упомяну. Я заключил с Половцами 19 мирных договоров, взял в плен более ста лучших их Князей и выпустил из неволи, а более двух сот казнил и потопил в реках. – Кто путешествовал скорее меня? Выехав рано из Чернигова, я бывал в Киеве у родителя прежде Вечерен. – Любя охоту, мы часто ловили зверей с вашим дедом. Своими руками в густых лесах вязал я диких коней вдруг по несколько. Два раза буйвол метал меня на рогах, олень бодал, лось топтала ногами; вепрь сорвал меч с бедра моей, медведь прокусил седло; лютей зверь однажды бросился и низвергнул коня подо мною. Сколько раз я падал с лошади! Дважды разбил себе голову, повреждал руки и ноги, не блюдя жизни в юности и

не щадя головы своей. Но Господь хранил меня. И вы, дети мои, не бойтесь смерти, ни битвы, ни зверей свирепых; но являйтесь мужами во всяком случае, посланном от Бога. Если Провидение определит кому умереть, то не спасут его ни отец, ни мать, ни братья. Хранение Божие надежнее человеческого».

Без сего завещания, столь умно писанного, мы не знали бы всей прекрасной души Владимира, который не сокрушил чуждых государств, но был защитой, славою, утешением собственного; и никто из древних Князей Российских не имеет более права на любовь потомства: ибо он с живейшим усердием служил отечеству и добродетели. Если Мономах один раз в жизни не усомнился нарушить права народного и вероломным образом умертвить Князей Половецких, то можем отнести к нему слова Цицеронова: *век извиняет человека*. Считая Половцев врагами Христианства и Неба (ибо они жгли церкви), Россияне думали, что истреблять их, каким бы то образом ни было, есть богоугодное дело.

К сожалению, древние Летописцы наши, рассказывая подробно воинские и церковные дела, едва упоминают о государственных или гражданских, коими Владимир украсил свое правление. Знаем только, что он, желая доставить народу все возможные удобства, сделал на Днепре мост; часто ездил в Ростовскую и Суздальскую землю, наследственную область Всеволодова Дому, для хозяйственных распоряжений; выбрал прекрасное место на берегу Клязьмы, основал город, назвал его *Владимиром Залесским*, окружил валом и построил там церковь Св. Спаса. Сын его, Мстислав, распространил в 1114 году укрепления новгородские, а Посадник, именем Павел, заложил каменную стену в Ладоге.

Во время Мономахова княжения, довольно спокойное и мирное в сравнении с другими, были некоторые бедствия: редкая засуха в 1124 году и сильный в Киеве пожар, который продолжался два дня, обратив в пепел большую часть города, монастыри, около 600 церквей и всю *Жидовскую улицу*. Народ с ужасом видел еще одно совершенное затмение солнца и звезды на небе в самый полдень. В южной России случились два землетрясения, а в северной страшная буря, которая срывала дома и потопила множество скота в Волхове.

Мономах оставил пять сыновей и супругу третьего брака. Нет сомнения, что *первою* была Гида, дочь Английского Короля Гаральда, о коей мы упоминали и которая, по известию древнего Историка Датского, около 1070 года вышла за нашего Князя, именем Владимира. Норвежские Летописцы сказывают, что сын Гиды и сего Князя женился на Христине, дочери Шведского Короля Инга Стенкильсона: супруга Мстислава Владимировича действительно называлась Христиною. Ее дочери, внуки Мономаховы, вступили в знаменитые брачные союзы: одна с Норвежским Королем Сигурдом, а после с Датским Эриком Эдмундом; *вторая* с Канутом Святым, Королем Оботритским, отцом *Вальдемара*, славного Государя Датского, названного сим именем, может быть, в честь его великого прадеда, *Владимира* Мономаха; *третья* с Греческим Царевичем: думаю, сыном Императора Иоанна; Алексием, коего супруга именем и родом неизвестна по Византийским летописям.

В год сего бракосочетания (1120) приехал из Константинополя в Россию Митрополит Никита и заступил место умершего Никифора, мужа знаменитого сведениями и красноречием: чего памятником остались два письма его к Мономаху: первое *о разделении Церквей*, Восточной и Западной; второе *о посте*, особенно любопытное, ибо оно содержит в себе не только богословские, но и философические умствования, заключаемые хвалою добродетелей Мономаховых. – «*Разум*, – пишет Никифор, – *разум есть светлое око души, обитающей во главе*. Как ты, Государь мудрый, сидя на престоле, чрез Воевод своих управляешь народом, так душа посредством пяти чувств правит телом. Не имею нужды во многоречии: ибо ум твой летает быстро, постигая смысл каждого слова. Могу ли предписывать тебе законы для умеренности в чувственных наслаждениях, когда ты, сын Княжеской и Царской (Греческой) крови, Властитель земли сильная, не знаешь дому, всегда в трудах и путешествиях, спишь на голой земле, единственно для важных дел государственных вступаешь во дворец светлый и, снимая с себя любимую одежду простую, надеваешь Властительскую; когда, угощая других обедами Княжескими; сам только смотришь на яства роскошные?.. Восхваляю ли тебе и другие добродетели? Восхваляю ли щедрость, когда десница твоя ко всем простерта; когда ты ни серебра ни злата не таишь, не считаешь в казне своей, но обеими руками раздаешь их, хотя оскудеть не можешь, ибо благодать Божия с тобою?.. Скажу единое: как душа обязана испытывать или поверять действия чувств, зрения, слуха, ее всегдашних орудий, дабы не обмануться в своих заключениях: так и Государь должен поверять донесения Вельмож. Вспомни, кто изгнан, кто наказан тобою: ни клевета ли погубила сих несчастных?.. Князь любезный! Да не оскорбит тебя искривленная речь моя! Не думай,

чтобы я слышал жалобу осужденных и за них вступался; нет, пишу единственно на воспоминание тебе: ибо власть великая требует и великого отчета; а мы начинаем теперь пост, время душеспасительных размышлений, когда Пастыри церковные должны и Князьям смело говорить истину. Ведаю, что мы сами, может быть, в злом недуге; но слово Божие в нас здраво и цело: ежели оно полезно, то надобно ли входить в дальнейшее исследование? Человек в лице, Бог в сердце», и проч. – Таким образом древние учителя нашей Церкви беседовали с Государями, соединяя усердную хвалу с наставлением Христианским. Слог сих писем ознаменован печатаю века: груб, однако ж довольно ясен, и многие выражения сильны.

Глава VIII. Великий князь Мстислав. Г. 1125–1132

Набег Половцев. Изгнание Ярослава Черниговского. Начало особенных Княжений, Муромского и Рязанского. Удаление Половцев за Волгу. Междоусобие в юго-западной России. Ссылка Князей Половцких в Грецию. Война с Чудью и Литвою. Кончина Мстислава. Голод. Древнейшая грамота.

Мстислав Владимирович наследовал достоинство Великого Князя. Братья его господствовали в Уделах: Ярополк в Переяславле, Вячеслав в Турове, Андрей в Владимире, Георгий в Суздале; а сыновья, Изяслав и Ростислав, в Курске и Смоленске. – Новый Государь, уже давно известный мужеством и великодушием, явил добродетели отца своего на престоле России: имел ту же ревностную любовь к общему благу, ту же твердость, соединенную в нем, подобно как в Мономахе, с нежною чувствительностию души.

Княжение его, к несчастью кратковременное, прославилось разными успехами воинскими, которыми он желал единственно успокоить Государство и восстановить древнее величие оною.

Половцы, сведав о кончине Мономаха, думали, что Россия осиротела и будет снова жертвою их грабительства. Они хотели соединиться с Торками, кочевавшими близ Переяславля; но Ярополк Владимирович, тамошний Князь, узнал о сем намерении: велел Торкам въехать в город и сам, не имев терпения дожидаться помощи от своих братьев, с одною Переяславскою дружиною ударил на варваров, разбил их и множество потопил в реках.

[1127 г.] Мстислав, объявив себя покровителем утесненных Князей, должен был обнажить меч на Всеволода Ольговича, который выгнал из Чернигова дядю своего, Ярослава, умертвил его Бояр верных и разграбил их дома. Мстислав клялся изгнанному Князю наказать сего мятежного сына Олегова. Следуя несчастному примеру отца, Всеволод заключил союз с Половцами: варвары, в числе семи тысяч, спешили к границам России, дав весть о том Черниговскому хищнику; но Послы их не могли уже возвратиться и были схвачены, в окрестностях реки Сейма, Посадниками Ярополка. Ожидав долгое время ответа и боясь измены, Половцы ушли наконец восвояси. Тогда Всеволод прибегнул к смирению; молил Великого Князя забыть вину его и между тем осыпал дарами Вельмож Киевских. Мстислав еще не колебался, однако ж медлил, и несчастный дядя сам приехал из Муром, чтобы напомнить ему священный обет мести. Бояре, не ослепленные дарами Всеволода, были за Ярослава; но какой-то Григорий, Игумен Андреевской Обители, любимец покойного Мономаха, весьма уважаемый Великим Князем, говорил, что миролюбие есть должность Христианина. Митрополит Никита уже скончался, и Церковь Российская не имела главы: сей Игумен склонил на свою сторону всех духовных сановников, которые торжественно сказали Мстиславу: «Государь! Лучше преступить клятву, нежели убивать христиан. Не бойся греха: мы берем его на свою душу». Убежденный ими, Великий Князь примирился со Всеволодом, и бедный Ярослав с горестию возвратился в Муром (где и скончался через два года, оставив сию область и Рязанскую в наследие сыновьям). Мстислав забыл наставление отца: «Дав клятву, исполняйте оную!» Щадить кровь людей есть без сомнения добродетель; но Монарх, преступая обет, нарушает закон Естественный и Народный; а миролюбие, которое спасает виновного от казни, бывает вреднее самой жестокости. К чести Мстислава скажем, что он во всю жизнь свою оплакивал сей проступок.

Великий Князь, излишне снисходительный в отношении ко Всеволоду, отмстил по крайней мере варварам, его союзникам. Летописцы говорят, что войско Мстислава «загнало Половцев не только за Дон, но и за Волгу» и что они уже не смели беспокоить наших пределов.

Еще при жизни Мономаха сыновья Володаревы, Владимирко и Ростислав, начали ссориться между собою: однако ж, боясь его, не смели воевать друг с другом. Исполняя завещание отца, первый господствовал в Звенигороде, а второй в Перемышле. Когда же Мономах скончался, Владимирко хотел изгнать брата. За Ростислава стояли Васильковичи, Иоанн и Григорий; также и Великий Князь Мстислав, желая единственно отвратить зло насилия. Мирные убеждения, съезды и переговоры в Серете остались бесполезными: Владимирко уехал в Венгрию, чтобы просить войска у Короля Стефана. Тогда Ростислав осадил Звенигород, где 3 000 Венгров и Россиян оборонялись столь мужественно, что он должен был отступить. Но сия война не имела дальнейших следствий. Владимирко, возвратясь в отчизну, смирился; ибо Великий Князь решительно требовал, чтобы каждый из братьев довольствовался своим уделом.

Важнейшее происшествие сего времени есть падение знаменитого дома Князей Полоцких, которые издавна отделились, так сказать, от России, желая быть Владетелями независимыми. Мстислав решился покорить сию древнюю область Кривичей и сделал то, чего напрасно хотели его деды. Он привел в движение силы многих Князей; велел идти братьям своим, Вячеславу из Турова, Андрею из Владимира, сыну Изяславу из Курска, дав ему собственный полк Княжеский; Ростиславу, другому сыну, из Смоленска; Всеволодку Давидовичу, внуку Игореву и зятю Мономахову, из Городна; Вячеславу Ярославичу, внуку Святополка-Михаила, из Клецка. Все они должныствовали начать военные действия в один день. Всеволод Ольгович, послушный Великому Князю, и братья его вместе с отрядом верных Торков, отданных в начальство Боярину Ивану Войтишичу, в то же время шли к Минскому городу Борисову. Изяслав взял Логожск еще ранее назначенного Мстиславом дня и спешил соединиться с дядями, обступившими город Изяславль, Удел знаменитой Рогнеды, первой супруги Св. Владимира. Там находился Брячислав, сын Бориса Всеславича, зять Мстиславов: хотел бежать к отцу, он попался в руки к своему шурина, который вел с собою многих пленных Логожан. Узнав, что сии пленники и Брячислав довольны умеренностию победителя, осажденные граждане решились сдаться, но требовали клятвы от Вячеслава, сына Мономахова, что он защитит их от всякого насилия. Клятва была дана и нарушена. Ночью, вслед за дружиною Тысячских, посланною в город, бросились все воины Андреевы и Вячеславовы: Князья не могли или не хотели остановить их; едва спасли имение дочери Мстиславовой, мечем удержав неистовых грабителей, а бедных граждан отдали им в жертву. Скоро и Всеволод, старший сын Великого Князя, вступил с Новгородцами в область Полоцкую: утрашенные жители не оборонялись и выгнали своего Князя, Давида, на место коего, согласно с их желанием, Мстислав дал им Рогволода, брата Давидова; а чрез два года [в 1129 г.] отправил всех Князей Полоцких в ссылку за то, как сказано в некоторых летописях, что они не хотели действовать вместе с ним против врагов нашего отечества, Половцев. Всеславичи Давид, Ростислав, Святослав, и племянники их Василько, Иоанн, сыновья Рогволодовы, с женами и детьми были на трех ладиях отвезены в Константинополь. Мстислав отдал Княжение Полоцкое и Минское сыну своего Изяславу.

[1130–1132 гг.] Князь Новгородский Всеволод, соединясь с братьями, два раза ходил на Чудь, или Эстонцев, зимою: обратил в пепел селения, умертвил жителей, взял в плен их жен и детей; но в другом походе сам лишился многих воинов. Сей народ ненавидел Россиян как утеснителей, отрекался платить дань и сопротивлением отягчал свою долю. – Сам Великий Князь воевал Литву и привел в Киев великое число пленников. Тогдашние беспрестанные войны доставляли нашим Князьям и Боярам множество невольников, которые отчасти шли в продажу, отчасти (как надобно думать) были расселяемы по деревням.

Мстислав, по возвращении из Литвы, скончался [15 Апреля 1132 г.] на 56 году от рождения, заслужив имя Великого. Он умел властвовать, хранил порядок внутри Государства, и если бы дожил до лет отца своего, то мог бы утвердить спокойствие России на долгое время. – Сей Великий Князь, вторично женатый на дочери знатного Новгородца, Димитрия Завидича, имел от нее двух сыновей: Святополка и Владимира (кроме дочерей, из коих одна была за Всеволодом Ольговичем Черниговским). Старшие их братья родились от Христины, первой супруги.

Сверх тогдашних мнимых ужасов, солнечных затмений и легкого землетрясения в южной России (Августа 1, 1126 года) действительным несчастием княжения Мстиславова был страшный голод в северных областях, особенно же в Новгородской. От жестокого, совсем необыкновенного холода вымерзли озими, глубокий снег лежал до 30 Апреля, вода затопила нивы, селения, и земледельцы весною увидели на полях, вместо зелени, одну грязь. Правительство не имело запасов, и цена хлеба так возвысилась, что осьмина ржи в 1128 году стоила нынешними

серебряными деньгами около рубля сорока копеек. Народ питался мякиною, лошадиным мясом, липовым листом, березовою корою, мхом, древесною гнилью. Изнуренные голодом люди скитались как привидения; падали мертвые на дорогах, улицах и площадях. Новгород казался обширным кладбищем; трупы заражали воздух смрадом тления, и наемники не успевали вывозить их. Отцы и матери отдавали детей купцам иноземным в рабство, и многие граждане искали пропитания в странах отдаленных. «Новгород опустел», говорят Летописцы: однако ж войско его чрез год уже разило неприятелей, торговля цвела по-прежнему, купеческие суда ходили в Готландию и Данию.

Заметим, что самая древнейшая из подлинных Княжеских грамот Русских, донныне нам известных, есть Мстиславова, данная им Новгородскому Юрьевскому монастырю, вместо крепости, на земли и судные пошлыны, с приписью сына его, Всеволода, что он дарит тому же монастырю серебряное блюдо для употребления за братскою трапезою.

Глава IX. Великий князь Ярополк. Г. 1132–1139

Неустройства. Дань Печорская. Завоевание Дерпта. Битва на Ждановой горе. Кровопролитие в южной России. Изгнание Князя из Новгорода. Великодушие Василька Полоцкого. Псков отделился от Новгорода. Устав о церковной дани. Новгородцы опять изгоняют Князя. Междоусобие в южной России. Мир и кончина Великого Князя. Столетняя вражда между потомками Олега и Мономаха. Галицкое Княжение. Характер Владимирка. Борис воюет с Королем Венгерским; является в стане Короля Французского; убит изменником.

Превосходные достоинства Мстислава удерживали частных Князей в границах благоразумной умеренности: кончина его разрушила порядок.

Граждане Киевские объявили Ярополка Владимировича Государем своим и призвали его в столицу. Согласно с торжественным договором, заключенным между им и старшим братом, в исполнение Мономахова завещания, он уступил Переяславль Всеволоду, сыну Мстислава. Сей Князь Новгородский, приехав туда, чрез несколько часов был изгнан дядею, Георгием Владимировичем, Князем Суздальским и Ростовским, который заключил союз с меньшим братом Андреем и боялся, чтобы Ярополк не сделал Всеволода наследником Киевского престола. Великий Князь убедил Георгия выехать из Переяславля; но, чтобы успокоить братьев, отдал сию область другому племяннику, Изяславу Мстиславичу, Князю Полоцкому. Таким образом слабость нового Государя обнаружилась в излишней снисходительности, и несчастные следствия доказали, сколь малодушие его было вредно для Государства. Новгородцы, Ладожане и Псковитяне (которые составляли одну область) уже не хотели принять Всеволода. «Забыв клятву умереть с нами (говорили они), ты искал другого княжения: иди же, куда тебе угодно!» Несчастный Князь должен был удалиться. Граждане скоро одумались и возвратили изгнанника; но власть его ограничилась, и Посадники, издревле знаменитые слуги Князей, сделались их совместниками в могуществе, будучи с того времени избираемы народом. – Полочане также воспользовались отсутствием Изяслава: выгнали брата его, Святополка, и признали Князем своим Василька Рогволодовича, который возвратился тогда из Царяграда.

[1133–1134 гг.] Новые перемены служили только поводом к новым беспорядкам и неудовольствиям. Желая совершенно угодить братьям, Ярополк склонил Изяслава уступить Переяславль дяде своему, Вячеславу. Племянник в замену получил Туров и Пинск, сверх его прежней Минской области; был доволен и ездил в Уделы Мстиславичей, в Смоленск, в Новгород, собирать дары и налоги для Ярополка. Достоинно примечания, что Новгород, владея отдаленными странами нынешней Архангельской губернии, платил за них Великим Князьям особенную дань, которая называлась *печорскою*. Но скоро верность Изяслава и братьев его поколебалась: легкомысленный Вячеслав, жалея о своем бывшем уделе, отнял у племянника Туров, а Георгий Владимирович взял Переяславль, отдав за то Ярополку часть своей Ростовской и Суздальской области. Огорченный Изяслав прибегнул ко Всеволоду: сей Новгородский Князь незадолго до того времени победил мятежную Чудь, взял Юрьев, или Дерпт, основанный Великим Ярославом, и в надежде на свою храбрость обещал брату завоевать для него область Суздальскую. Он не сдержал слова: дошел только до реки Дубны и возвратился. Между тем в Новгороде господствовало неустройство: народ волновался, избирал, сменял Посадников и даже

утопил одного из главных чиновников своих, бросив его с моста, который служил Новгородцам вместо скалы Гарпейской. Недовольные худым успехом Всеволодова похода, они требовали войны и хотели снова идти к Суздалю. Напрасно Михаил, тогдашний Митрополит Киевский, приехав к ним, старался отвратить их от сего междуусобия: Новгородцы считали оное нужным для своей чести; не пустили от себя Митрополита и, несмотря на жестокость зимы, выступили в поле 31 декабря [1133 г.]; с удивительным терпением сносили холод, вьюги, метели и кровопролитною битвою, 26 января, на долгое время прославили Жданову гору (в нынешней Владимирской губернии); потеряли множество людей, убили еще более Суздальцев, но не могли одержать победы; возвратились с миром и немедленно освободили Митрополита, который предсказал им несчастные следствия их похода.

И южная Россия была в сие время феатром раздора. Ольговичи, Князя Черниговские, дружные тогда со Мстиславичами, объявили войну Ярополку и братьям его; призвали Половцев; жгли города, села; грабили, пленяли Россиян и заключили мир под Киевом. Изяслав был тут же. Он не ходил вторично с Новгородцами в область Суздальскую: Великий Князь уступил ему Владимир, Андрею, брату своему, Переяславль, а Ростов и Суздаль возвратил Георгию, который сверх того удержал за собою Остер в южной России. В сем случае Новгородцы поступили как истинные, добрые сыны отечества: не хотев взять участия в междуусобии, они прислали своего Посадника Мирослава и наконец Епископа Нифонта, обезоружить Князей словами благоразумия. Нифонт, муж строгой добродетели, сильными убеждениями тронул их сердца и более всех способствовал заключению мира.

[1135 г.] Но чрез несколько месяцев опять возгорелась война, и Князя Черниговские новыми злодействами устрашили бедных жителей Переяславской области. В жестокой битве, на берегах Супоя, Великий Князь лишился всей дружины своей; она гналась за Половцами и была отрезана неприятелями: ибо Ярополк с большею частию войска малодушно оставил место сражения. Пленив знатнейших Бояр, Ольговичи взяли и знамя Великого Князя. Василько, сын Мономаховой дочери, Марии, и Греческого Царевича Леона, находился в числе убитых. — Завоевав Триполь, Халец, окрестности Белгорода, Василева, победители уже стояли на берегах Лыбеди, когда Ярополк, готовый ко вторичной битве, но ужасаясь кровопролития, вопреки мнению братьев предложил мир и согласился уступить Ольговичам Курск с частию Переяславской области. Митрополит ходил к ним в стан и приводил их к целованию креста, по тогдашнему обычаю.

[1136 г.] Между тем Новгородцы, миря других, сами не умели наслаждаться внутреннею тишиною. Князь был жертвою их беспокойного духа. Собрав граждан Ладожских, Псковских, они торжественно осудили Всеволода на изгнание, ставя ему в вину, 1) что «он не блюдет простого народа и любит только забавы, ястребов и собак; 2) хотел княжить в Переяславле; 3) ушел с места битвы на Ждановой горе прежде всех и 4) непостоянен в мыслях: то держит сторону Князя Черниговского, то пристает ко врагам его». Всеволод был заключен в Епископском доме с женою, детьми и тещею, супругою Князя Святоши; сидел как преступник 7 недель за всегдашнюю стражею тридцати воинов, и получил свободу, когда Святослав Ольгович, брат Князя Черниговского, избранный народом, приехал княжить в Новгород. Оставив там аманатом юного сына своего, Владимира, Всеволод искал защиты Ярополковой, и добросердечный Великий Князь, забыв вину сего племянника (хотевшего прежде, в досаду ему, овладеть Суздальскою землею), дал изгнаннику Вышегород; но равнодушно смотрел на то, что древняя столица Рюрикова, всегдашнее достояние Государей Киевских, уже не признавала над собою их власти.

[1137 г.] Мятеж продолжался в Новгороде. Всеволод имел там многих ревностных друзей, ненавистных народу, который одного из них, именем Георгия Жирславича, бросил в Волхов. Сии люди, не теряя надежды успеть в своем намерении, хотели даже застрелить Князя Святослава. Сам Посадник держал их сторону и наконец с некоторыми знатными Новгородцами и Псковитянами ушел ко Всеволоду, сказывая ему, что все добрые их сограждане желают его возвращения. Рожденный, воспитанный с ними, сей Князь любил Новгород как отчизну и благодарных его жителей как братьев; тосковал в изгнании и с сердечною радостью спешил приблизиться к своей наследственной столице. На пути встретил его с дружиною Василько Рогволодович, Князь Полоцкий, в 1129 году сосланный Мстиславом в Константинополь: он имел случай отмстить сыну за жестокость отца; но Василько был великодушен: видел Всеволода в несчастии и клялся забыть древнюю вражду; желал ему добра и сам с честью проводил его чрез свои области.

Псковитяне с искренним усердием приняли Всеволода: Новгородцы же не хотели об нем слышать и, сведав, что он уже во Пскове, разграбили дома его доброжелателей, а других обложили пенями, и собранные 1500 гривен отдали купцам на заготовление нужных вещей для войны. Святослав призвал брата своего, Глеба, из Курска; призвал самых Половцев. Уже варвары надеялись опустошить северную Россию, как они с жестоким отцом сего Князя грабили южную; но Псковитяне решились быть друзьями Всеволода: завалив все дороги в дремучих лесах своих, они взяли такие меры для обороны, что уstraшенный Святослав не хотел идти далее Дубровны и возвратился. Таким образом город Псков сделался на время особенным Княжением: Святополк Мстиславич наследовал сию область по кончине брата своего, набожного, благодетельного Всеволода-Гавриила, коего гробницу и древнее оружие донныне показывают в тамошней соборной церкви.

Новгородцы, избрав Святослава, объявили себя неприятелями Великого Князя, также Суздальского и Смоленского. Псковитяне не хотели иметь с ними сношения; ни Василько, Князь Полоцкий, верный союзник Всеволодов. Лишенные подвозов, они терпели недостаток в хлебе (которого осьмина стоила тогда в Новгороде 7 резаней), и неудовольствие народное обратилось на Князя невинного. Одно духовенство имело некоторую причину жаловаться на Святослава: ибо он сочетался каким-то незаконным браком в Новгороде, не уважив запрещения Епископского и велел обвенчать себя собственному или придворному Иерею. За то сей Князь старался обезоружить Нифонта своею щедростью, возобновить древний устав Владимиров о церковной дани, определив Епископу брать, вместо *десятины от Vir и продаж*, 100 гривен из казны Княжеской, кроме уездных оброков и пошлины с купеческих судов. Но Святослав не мог успокоить народа и был изгнан с бесчестьем. Желая защитить себя от мести Ольговичей, граждане оставили в залог у себя его Бояр и Княгиню; сослали ее в монастырь Св. Варвары и призвали в Новгород Ростислава, внука Мономахова, сына Георгиева; заключили мир с Великим Князем, Псковитянами и хвалились своею мудрою Политикою. – Горестный Святослав, разлученный с женою, на пути своем в Чернигов был остановлен смоленскими жителями и заперт в монастыре Смядынском: ибо Ольговичи снова объявили тогда войну роду Мономахову.

Сии беспокойные Князья вместе с Половцами ограбили селения и города на берегах Сулы. Андрей Владимирович не мог отразить их, ни иметь скорой помощи от братьев, которые, в надежде на мир, распустили войско. Он не хотел быть свидетелем бедствия своих подданных и спешил уехать из Переяславля, оставив их в добычу врагам и не менее хищным Наместникам. Заключение Святослава еще более остервенило жестоких Ольговичей; пылая гневом, они как тигры свирепствовали в южной России, взяли Прилук, думали осадить Киев. Но Ярополк собрал уже сильную рать, заставил их удалиться и скоро приступил к Чернигову. Не только все Российские Князья соединились с ним, но и Венгры дали ему войско: в стане его находились еще около 1000 конных Берендеев или Торков. Жители Черниговские ужаснулись и требовали от своего Князя, Всеволода, чтобы он старался умиловить Ярополка. «Ты хочешь бежать к Половцам, – говорили они: – но варвары не спасут твоей области: мы будем жертвою врагов. Пожалей о народе и смирися. Знаем человеколюбие Ярополково: он не радуется кровопролитию и гибели Россиян». Черниговцы не обманулись: Великий Князь, тронутый молением Всеволода, явил редкий пример великодушия или слабости: заключив мир, утвержденный с обеих сторон клятвою и дарами, возвратился в Киев и скончался [18 Февраля 1139 г.]. Сей Князь, подобно Мономаху, любил добродетель, как уверяют Летописцы; но он не знал, в чем состоит добродетель Государя. С его времени началась та непримиримая вражда между потомками Олега Святославича и Мономаха, которая в течение целого века была главным несчастьем России: ибо первые не хотели довольствоваться своею наследственною областью и не могли, завидуя вторым, спокойно видеть их на престоле Великокняжеском.

Вместе с другими Россиянами находилась под Черниговом, в Ярополковом стане, и вспомогательная дружина *Галицкая*: так с сего времени называется в летописях юго-западная область России, где сын Володарев, честолюбивый Владимирко, господствуя вместе с братьями, перенес свою особенную столицу на берег Днестра, в Галич, и прославился мужеством. Он не мог забыть коварного злодеяния Ляхов, столь бесчестно пленивших Володаря, и мстил им при всяком случае. Какой-то знатный Венгерец, Болеславов Вельможа, начальник города Вислицы, изменив Государю, тайно звал Галицкого Князя в ее богатую область. Владимирко без сопротивления завладел оною и сдержал данное Венгерцу слово: осыпал его золотом, ласкою, почестями; но, гнушаясь злодеянием, велел тогда же ослепить сего изменника и сделать евнухом. «Изверги не должны иметь детей, им подобных», – сказал Владимирко, хотев таким образом

согласить природную ненависть к Полякам с любовью к добродетели. Он удовольствовался взятою добычею и не мог удержать за собою Вислицы. Польские Летописцы говорят, что Болеслав старался отомстить ему таким же грабежом в Галицкой области: свирепствовал огнем и мечом, плавал в крови невинных земледельцев, пастырей, жен, и возвратился *с честью*. Тогдашние ужасы войны без сомнения превосходили нынешние и казались не злодейством, но ее принадлежностью, обыкновенною и необходимою.

Владимирко – то враг, то союзник венгров – участвовал также в войне Бориса, сына Евфимии, Мономаховой дочери, с Королем Белою *Слепым*. Еще в утробе матери осужденный на изгнание и воспитанный в нашем отечестве, Борис, возмужав, хотел мечом доказать силу наследственных прав своих и вступил в Венгрию с *Россиянами*, его союзниками, и с Болеславом Польским; но в решительной битве не выдержал первого удара Немцев и бежал как малодушный, не умев воспользоваться благорасположением многих Венгерских Бояр, которые думали, что он был законный сын их Государя и что Коломан единственно по ненависти своей к Российской крови изгнал супругу, верную и невинную. Напрасно искав защиты Немецкого Императора, Борис чрез несколько лет явился в стане Людовика VII, когда сей Французский Монарх шел чрез Паннонию в Обетованную землю. Узнав о том, Гейза, Король Венгерский, требовал головы своего опасного неприятеля; но Людовик сжалился над несчастным и, призвав на совет Епископов, объявил Послам Гейзы, что требование их Короля не согласно ни с честью, ни с Верою Христианскою. Борис, женатый на родственнице Мануила, Греческого Императора, удалился в Царьград, выехав тайно из Французского стана на коне Людовиковом; воевал еще с Гейзою под знаменами Мануила и был застрелен изменником, Половецким воином, в 1156 году. Сын его, *младший* Коломан, известный храбростию, служил после Грекам и правительствовал в Киликии.

Глава X. Великий князь Всеволод Ольгович. Г. 1139–1146

Всеволод изгоняет Вячеслава. Междоусобия. Мужество Андрея. Честность Всеволода. Его благоразумие. Равнодушие Новгородцев к Княжеской чести. Беспокойства в Новгороде. Смерть Андрея Доброго. Грабежи. Хитрость Всеволода. Россияне в Польше. Первая вражда Георгия с Изяславом. Мореходство Новгородцев. Браки. Поход на Галич. Иоанн Берладник. Всеволод избирает наследника. Дела Польские. Война с Галицким Князем. Мужество Воеводы Звенигородского. Кончина Всеволода.

Вячеслав, Князь Переяславский, спешил в Киев быть наследником Ярополковым, и Митрополит, провождаемый народом, встретил его [22 Февраля 1139 г.] как Государя. Но Всеволод Ольгович не дал ему времени утвердить власть свою: узнав в Вышегороде о кончине Ярополковой, немедленно собрал войско; обступил Киев и зажег предместье Копыревское. Устрашенный Вячеслав послал Митрополита сказать Всеволоду: «Я не хищник; но ежели условия наших отцев не кажутся тебе законом священным, то будь Государем Киевским: иду в Туров». Он действительно уехал из столицы, а Всеволод с торжеством сел на престоле Великокняжеском, дав *светлый* пир Митрополиту и Боярам; вино, мед, яства, овощи были развозимы для народа; церкви и монастыри получили богатую милостыню. – К неудовольствию брата своего, Игоря, Всеволод отдал Чернигов сыну Давидову, Владимиру.

Новый Великий Князь изъявил желание остаться в мире с сыновьями и внуками Мономаха; но они не хотели ехать к нему, замышляя свергнуть его с престола. Тогда Всеволод решился отнять у них владения и послал Воевод на Изяслава Мстиславича. Сия рать, объятая ужасом прежде битвы, возвратилась с уничтожением и стыдом. В намерении загладить первую неудачу, Всеволод приказал брату Князя Черниговского, Изяславу Давидовичу, вместе с Галицкими Князьями воевать область Туровскую и Владимирскую; а сам выступил против Андрея, гордо объявив ему, чтобы он ехал в Курск и что Переяславль должен быть уделом Святослава Ольговича. Великодушный Андрей издавна не боялся врагов многочисленных. «Нет! – отвечив сей Князь: – дед, отец мой княжили в Переяславле, а не в Курске; здесь моя отчина и дружина верная: живой не выйду отсюда. Пусть Всеволод обагрит свои руки моею кровию! Не он будет первый: Святополк, подобно ему властолюбивый, умертвил так же Бориса и Глеба; но долго ли пользовался властью?» Великий Князь стоял на берегах Днепра и велел Святославу

изгнать Андрея: но мужественный сын Мономахов, обратив его в бегство, купил победою мир. К чести Всеволода сказано в летописи, что он во время договоров, видя ночью сильный пожар в Переяславле, не хотел воспользоваться оным. Сии два Князя, обещав забыть вражду, чрез несколько дней съехались в Малотине для заключения союза с Ханами Половецкими.

Между тем Владимирко Галицкий с Иоанном Васильковичем, брат Черниговского Князя с Половцами и Ляхи, союзники Всеволодовы, вошли в область Изяславу и Туровскую. Но гордый Владимирко, стыдясь быть слугою или орудием Государя Киевского, искал в юном, мужественном Изяславе Мстиславиче не врага, а достойного сподвижника в опасностях славы: они встретились в поле для того, чтобы расстаться друзьями. Ляхи же и Половцы удовольствовались одним грабежом. Сим война кончилась. Благоразумный Всеволод не отвергнул мирных предложений Изяслава и дяди его, Вячеслава Туровского; дал слово не тревожить их в наследственных Уделах и желал согласить своечестолюбие с государственною тишиною.

[1140–1142 гг.] Еще Георгий Владимирович, Князь Суздальский, оставался его врагом, прибыл в Смоленск и требовал войска от Новгородцев, чтобы отмстить Всеволоду. Юный Князь их, Ростислав, представлял им обязанность вступить за честь Мономахова Дому; но думая о выгодах мирной торговли более, нежели о чести Княжеской, они не хотели вооружиться. Ростислав ушел к отцу: Георгий в наказание отнял у Новгородцев Торжок. Сии люди выгоняли Князей, но не могли жить без них: звали к себе вторично Святослава и в залог верности дали аманатов Всеволоду. Святослав приехал; однако ж спокойствия и тишины не было. Распри господствовали в сей области. Князь и любимцы его также питали дух несогласия и мстили личным врагам: некоторых знатных Бояр сослали в Киев или заключили в оковы; другие бежали в Суздаль. Всеволод хотел послать сына своего на место брата, и граждане, в надежде иметь лучшего Князя, отправили за ним Епископа Нифонта в Киев. Тогда, не уверенный в своей безопасности, Святослав уехал тайно из Новгорода вместе с Посадником Якуном. Народ озлобился; догнал несчастного любимца Княжеского, оковал цепями и заточил в область Чудскую, равно как и брата Якунова, взяв с них 1100 гривен пени. Сии изгнанники скоро нашли верное убежище там же, где и враги их: при Дворе Георгия Владимировича, и, благословляя милостивого Князя, навсегда отказались от своего мятежного отечества.

Уже сын Всеволодов был на пути с Нифонтом и доехал до Чернигова, когда ветреные новгородцы, переменяя мысли, дали знать Великому Князю, что не хотят ни сына, ни ближних его и что один род Мономахов достоин управлять ими. Оскорбленный Всеволод задержал их Послов и самого Нифонта. Узнав о том, Новгородцы объявили Всеволоду, что они покорны ему как общему Государю России, желая *от его руки* иметь властителем своим брата Великой Княгини, Святополка или Владимира Мстиславичей. Однако же сия уклонность не смягчила Всеволода, который призвал к себе обоих меньших шурьев и дал им Брестовскую область, для того, чтобы они не соглашались княжить в Новгороде и чтобы его беспокойные жители испытали все бедствия безначалия.

В самом деле, Новгородцы, лишенные защиты Государя, были всячески притесняемы: никто не хотел везти к ним хлеба, и купцы их, остановленные в других городах Российских, сидели по темницам. Они терпели девять месяцев, избрав в Посадники врага Святославова, именем Судилу, который вместе с другими единомышленниками возвратился из Суздаля: наконец прибегнули к Георгию Владимировичу и звали его к себе правительствовать. Он не хотел выехать из своей верной области, но вторично дал им сына и скоро имел причину раскаяться: ибо Всеволод, в досаду ему, занял Остер (городок Георгиев), а Новгородцы – сведав, что Великий Князь, в удовольствие супруге или брату ее, Изяславу Мстиславичу, согласился наконец исполнить их желание и что шурина его, Святополк, уже к ним едет – заключили, по обыкновению, Георгиева сына в Епископском доме. Капитолий граничил в Риме с Тарпейскою скалою: в Новгороде престол с темницею! Боялся ли народ остаться без властителя и на всякий случай берег смененного? Или, упоенный дерзостию, хотел явить его преемнику разительный пример своего могущества, поручая ему вывести бывшего Князя из темницы? Как скоро Святополк приехал, граждане отпустили Ростислава к отцу.

В сие время, к общей горести, преставился Андрей Владимирович, в летах мужества, заслужив имя *Доброго* и не уронив чести Мономахова Дому. Вячеслав был его наследником, но медлил выехать из Турова. «Иди в свою отчину, Переяславль, – говорили ему Послы Всеволодовы: – Туров есть древний город *Киевский*, отдаю его моему сыну». Тихий Вячеслав жил спокойнее и безопаснее в западной России: соседство с Половцами требовало деятельной осторожности, несогласной с его миролюбием. Принужденный исполнить требование Всеволо-

дово, он увидел, что Россия имела *своих* Половцев: Игорь и Святослав Ольговичи объявили ему войну. Недовольные тем, что Великий Князь наградил сына Уделом и не хотел отдать им ни Северского Новгорода, ни земли Вятичей, они вступили в тесный союз с Князьями Черниговскими, сыновьями Давида, и надеялись оружием приобрести себе выгодные Уделы; опустошили несколько городов Георгия Владимировича Суздальского, захватив везде скот и товары; напали на область Переяславскую и два месяца жгли села, травили хлеб, разоряли бедных земледельцев. Вячеслав слышал стон людей, смотрел на дым пылающих весей и сидел праздно в городе, ожидая защиты от Всеволода и своих храбрых племянников, Мстиславичей. Великий Князь действительно отрядил к нему Воеводу с конницею Печенежскою; с другой стороны пришел Изяслав Владимирский; а брат его, Князь Смоленский, завладел городами Черниговскими на берегах Сожа. Инок Святоша был еще жив: Всеволод послал его усювестить хищников. Наконец они смирились. Великий Князь отдал Игорю Юрьев и Рогачев, Святославу Черториск и Клецк, а Давидовичам Брест и Дрогичин, хитрым образом уничтожив опасный союз сих Князей с его братьями. Но последние вторично изъявили досаду, когда Вячеслав, с согласия Всеволодова, уступил Переяславль Изяславу Мстиславичу, снова взяв себе Туров, и когда сын Великого Князя, юный Святослав, на обмен получил Владимирскую область. «Брат наш, – говорили Ольговичи, – думает только о сыне, дружится с своими ненавистными шурьями, окружил себя ими и не дает нам ни одного богатого города». Тщетно желали они поссорить его с добрыми Мстиславичами: Великий Князь не внимал злословию и хотел внутреннего спокойствия.

[1143–1144 гг] Утвердив себя на престоле Киевском, он велел сыну Святославу вместе с Изяславом Давидовичем и Владимирком Галицким идти в Польшу, где Герцог Владислав, зять Великого Князя, ссорился с меньшими братьями: с Болеславом (также зятем Всеволодовым) и с другими. К несчастью, Россияне, призванные восстановить тишину Государства, действовали как враги оногo и вывели множество пленных Ляхов, более мирных, нежели ратных.

Уверенный в искреннем дружелюбии Всеволода, Изяслав Мстиславич хотел, кажется, примирить его и с дядею, Георгием Владимировичем, и для того ездил к нему в Суздаль; но сии два Князя не согласились в мыслях и расстались врагами: что, ко вреду Государства, имело после столь кровопролитные следствия. В сем путешествии Изяслав виделся с верным братом своим, Ростиславом Смоленским, и пировал на свадьбе Князя Новгородского, Святополка, которого невеста была привезена из Моравии: вероятно, родственница Богемского Короля Владислава. Новгород успокоился: купеческие суда его ходили за море, привозили иноземные товары в Россию и в 1142 году мужественно отразили флот Шведского Короля, выехавшего на разбой с шестидесятью ладиями и с *Епископом*. Финляндцы, дерзнув грабить Ладожскую область, были побиты ее жителями и Корелами, Новгородскими данниками.

Желая прекратить наследственную вражду между потомством Рогнединым и Ярослава Великого, благоразумный Всеволод женил сына своего, юного Святослава, на дочери Василька Полоцкого; а Изяслав Мстиславич выдал свою за Рогволода Борисовича, позвав к себе, на свадебный пир, Всеволода, супругу его и Бояр Киевских. Но, веселясь и пируя, Князья рассуждали о делах государственных: Всеволод убедил их восстать общими силами на гордого Владимирка, который по смерти братьев, Ростислава и Васильковичей, сделался единовластителем в Галиче, хотел даже изгнать Всеволодова сына из Владимирской области и возвратил Великому Князю так называемую крестную, или присяжную грамоту в знак объявления войны. Ольговичи, Князь Черниговский с братом, Вячеслав Туровский с племянниками Изяславом, Ростиславом Смоленским, Борисом и Глебом, сыновьями умершего Всеволодка Городненского, сели на коней и пошли к Теревовлю, соединясь с Новгородским Воеводою Неревиным и Герцогом Польским, Владиславом.

Владимирко услышал грозную весть: призвал в союз Венгров и выступил в поле с Баном, дядею Короля Гейзы. Река Серет разделяла войска, готовые к битве. Всеволод искал переправы: Князь Галицкий, не выпуская его из вида, шел другим берегом и в седьмой день стал на горах, ожидая нападения; но Всеволод не хотел сразиться: ибо место благоприятствовало его противнику. Когда же Изяслав Давидович, брат Черниговского Князя, с отрядом наемных Половцев взял Ущицу и Микулин в земле Галицкой: тогда Великий Князь приступил к Звенигороду. Вслед за неприятелем Владимирко сошел в долины. Видя стан его на другой стороне города, за мелкою рекою, Всеволод тронулся с места в боевом порядке и хитро обманул неприятеля: вместо того, чтобы вступить с ним в битву, зашел ему в тыл, расположился на высотах, отрезал его от Перемышля и Галича, оставив между собою и городом вязкие болота. Дружина Владимиркова обрела. «Мы стоим здесь, – говорили его Бояре и воины, – а враги могут идти к столице,

пленить наши семейства». Князь Галицкий, не имея надежды сбить многочисленное войско с неприступного места, начал переговоры с братом Всеволодовым: склонил его на свою сторону; требовал мира и дал слово Игорю способствовать ему, по смерти Всеволода, в восшествии на престол Киевский. Великий Князь не соглашался. «Но ты хочешь сделать меня своим наследником, – сказал Игорь брату: – оставь же мне благодарного и могущественного союзника, столь нужного в нынешних обстоятельствах России!» Всеволод исполнил наконец его волю и в тот же день обнял Князя Галицкого как друга; взял с него за труд 1200 гривен *серебра*, роздал оные союзным Князьям и возвратился в столицу, доказав, что умеет счастливо воевать, а не умеет пользоваться воинским счастьем.

[1145 г.] Мир не продолжился. Брат Владимирков, Ростислав, оставил сына, именем Иоанна, прозванного *Берладником*, у коего дядя отнял законное наследство: сей юноша жил в Звенигороде и снискал любовь народа. Пользуясь отсутствием Владимирка, уехавшего в Тисменицу для звериной ловли, Галичане призвали к себе Иоанна и единодушно объявили своим Князем. Гневный Владимирко приступил к городу. Жители сопротивлялись мужественно; но Иоанн в ночной вылазке был отрезан от городских ворот: пробился сквозь неприятелей, ушел к Дунаю и, наконец, в Киев. Галичане сдались. Склонный более к строгости, нежели к милосердию, Владимирко плавал в их крови и с досадою слышал, что Великий Князь взял его племянника под защиту как невинно гонимого.

Однако ж Всеволод еще не думал нарушить мира, слабый здоровьем и сверх того озабоченный неурядицами Польши, где любезный ему зять, Герцог Владислав, не мог ужиться в согласии с братьями. Созвав Князей во дворце Киевском, Всеволод сказал им, что он, предвидя свою кончину, подобно Мономаху и Мстиславу избирает наследника и что Игорь будет Государем России. Князья должны были присягнуть ему: Черниговские и Святослав Ольгович исполнили его волю. Изяслав Мстиславич долго колебался; однако же не дерзнул быть ослушником. Успокоенный сим торжественным обрядом, Всеволод начал говорить о делах Польских. «Пекись единственно о своем здравии, – отвечал Игорь: – мы, верные твои братья, утвердим Владислава на троне». Игорь, предводительствуя войском, вступил в Польшу. Кровопролития не было: меньшие братья Владиславовы, стоявшие в укрепленном стане за болотом, не хотели обороняться и, прибегнув к суду наших Князей, уступили Владиславу четыре города, а России Визну. Несмотря на то, Игорь возвратился с добычею и с пленниками. Владислав же скоро утратил престол, заслужив ненависть народную гонением единокровных и несправедливою казнию знаменитого Вельможи Петра, коему он отрезал язык, выколол глаза и таким образом, по словам нашего летописца, отмстил за Российского Князя Володаря, в 1122 году коварно плененного сим Вельможею.

[1146 г.] Владислав бежал к тестю, в надежде на его помощь; но Всеволод, удостоверенный тогда в неприятельских замыслах Галицкого Князя, выступал в поход с дружинами Киевскою, Черниговскою, Переяславскою, Смоленскою, Туровскою, Владимирскою и с союзными *дикими* Половцами, оставив Святослава Ольговича в столице. Успех не отвечал ни силе войска, ни славе предводителя. Оно шло с трудом неописанным: ибо дожди согнали снег прежде времени; конница тонула в грязи. Всеволод осадил наконец Звенигород и сжег внешние укрепления, однако ж не мог овладеть крепостию: ибо там начальствовал мужественный Воевода, Иван Халдеевич, который, узнав, что жители в общем совете положили сдаться, умертвил трех главных виновников сего Веча и сбросил искаженные трупы их с городской стены. Народ ужаснулся, и страх имел действие храбрости: Звенигородцы с утра до вечера бились как отчаянные. Всеволод отступил и возвратился в Киев, где скоро начал готовиться к новой войне, сведав, что Владимирко взял Прилуку. Но жестокая болезнь похитила обнаженный меч из руки его. Отвезенный в Вышегород – место славное тогда чудесами Святых Мучеников, Бориса и Глеба, – Великий Князь напрасно ждал облегчения; объявил Игоря своим преемником, велел народу присягнуть ему в верности и послал зятя своего, Владислава Польского, напомнить Изяславу Мстиславичу данную им клятву. С таким же увещанием ездил Боярин, Мирослав Андреевич, к Князьям Черниговским, которые, согласно с Изяславом, отвечали, что они, уступив старейшинство Игорю, не изменят совести. Тогда [1 Августа 1146 г.] Всеволод спокойно закрыл глаза навеки: Князь умный и хитрый, памятный отчасти разбоями междоусобия, отчасти государственными благодеяниями! Достигнув престола Киевского, он хотел устройства тишины; исполнял данное слово, любил справедливость и повелевал с твердостью; одним словом, был лучшим из Князей Олегова мятежного рода.

Глава XI. Великий князь Игорь Ольгович

Вече в Киеве. Измена Киевлян. Речь Изяслава. Корыстолюбие Черниговских Князей. Предательство. Игорь взят в плен. Грабеж в Киеве.

Игорь, предав земле тело Всеволода, собрал Киевлян среди двора Ярославова, требовал вторичного обета верности и распустил их. Но граждане еще не были довольны, открыли Вече и звали Князя. Приехал один брат его, Святослав, и спрашивал, чего они желают? «Правосудия, – отвечал народ: – Тиуны Всеволодовы угнетали слабых: Ратша *опустошил* Киев, Тудор Вышегород. Святослав! дай клятву за себя и за брата, что вы сами будете нам судиями или вместо себя выберете Вельмож достойнейших». Он сошел с коня и целованием креста уверил граждан, что новый Князь исполнит все обязанности отца Россиян; что хищники не останутся Тиунами; что лучшие Вельможи заступят их место и будут довольствоваться одною уставленною пощиною, не обременяя судимых никакими иными налогами. «Мы благодарны, – сказали граждане: – теперь не сомневайтесь в нашей верности». То же обещал их Послам сам Великий Князь Игорь и, думая, что дело кончилось, сел спокойно за обед; но мятежная чернь устремилась грабить дом ненавистного, богатого Ратши. Святослав с дружиною едва мог восстановить порядок.

Такое начало не обещало хороших следствий. Игорь же, слушая злых Вельмож, которые в народном угнетении видели собственную пользу, не исполнил данного гражданам слова, и хищники остались Тиунами. Тогда Киевляне, думая, что Государь-клятвопреступник уже не есть Государь законный, тайно предложили Изяславу Мстиславичу быть Великим Князем. Любовь к Мономахову роду не угасла в их сердце, и сей внук его отличался доблестию воинскою. Взяв в церкви Св. Михаила благословение у Епископа Евфимия, он с верною дружиною выступил из Переяславля. На пути встретились ему Послы Черных Клобуков и городов Киевской области. «Иди, Князь добрый! – говорили они: – мы все за тебя; не хотим Ольговичей. Где увидим твои знамена, там и будем». Собрав на берегах Днепра войско многочисленное, бодрый Изяслав стал посреди онога и сказал: «Друзья и братья! Я не спорил о старейшинстве с достойным Всеволодом, моим зятем, чтив его как второго отца. Но Игорь и Святослав должны ли повелевать нами? Бог рассудит меня с ними. Или паду славно пред вашими глазами, или сяду на престоле моего деда и родителя!» Он повел войско к Киеву.

Уже новый Великий Князь знал опасность: ибо Изяслав, уведомленный им о восшествии его на престол, не только не отвечал ему ни слова, но удержал и Посла неволею в Переяславле. Игорь требовал вспоможения от Князей Черниговских: они торговались; хотели многих городов; наконец, удовлетворенные во всем, готовились идти к брату. Их медленность и коварная измена знаменитейших чиновников погубили его.

Тысяцкий Улеб пользовался доверенностию Всеволода и был утвержден Игорем в своем важном сане: также и первый Боярин, Иоанн Войтишич, верный слуга Мономахов, завоеватель городов дунайских. Желая добра Изяславу, они не устыдились предательства: изъявляли усердие Игорю и в то же время тайно ссылались с его врагом, советуя ему спешить к Киеву. Изяслав приблизился. Ольговичи, готовые к битве, и сын Всеволодов, Святослав, стояли вне города с своими дружинами; а Киевляне особенно, на *могиле Олеговой*. Вдруг открылась измена: Игорь увидел, что хоругвь Изяслава развеивается в полках Киевских; что Тысяцкий сего Князя предводительствует ими; что Улеб, Иоанн Войтишич и многие единомышленники их, повергнув свои знамена, бегут под Изяславовы; что Берендеи пред самими Златыми вратами грабят обоз Великокняжеский. Еще Игорь не терял бодрости. «Враг наш есть клятвопреступник: Бог нам поможет», – говорил он и хотел ударить на Изяслава, стоявшего за озером. Надлежало обойти оное, и когда многочисленная дружина Игорева стеснилась между глубокими дебрями, Черные Клобуки заехали ей в тыл. Изяслав напал спереди, смял неприятеля, разил бегущих – и торжествуя вошел в Киев, где народ вместе с Иереями, облаченными в ризы, проводил его в храм Софийский благодарить Небо за победу и престол Великокняжеский. – Несчастливого Игоря, слабого ногами, схватили [17 августа 1146 г.] в болоте, где увяз его конь; держали несколько дней в монастыре на Выдобичах и заключили в темнице Иоанновской Обители, в Переяславле. Сей Князь, за кратковременное удовольствие честолюбия наказанный неволею и стыдом, не имел и последнего утешения злосчастных: никто не жалел об нем – кроме верного брата, Святослава,

который с малою дружиною ушел в Новгород Северский. Племянник их, Святослав Всеволодович, хотел скрыться в Киевской Обители Св. Ирины: представленный Изяславу, он был им обласкан как любимый сын; но верные слуги отца его, в особенности же Игоревы, не имели причины хвалиться великодушием победителя, дозволившего народу грабить их дома и села. С пленных Бояр взяли окуп.

Глава XII. Великий князь Изяслав Мстиславич. Г. 1146–1154

Строгость Великого Князя. Коварство Черниговских Князей. Добродушие Святослава. Георгий восстает на Изяслава. Богатство Княжеское. Игорь Схимник. Нежность Святослава в дружбе. Начало Москвы. Бродники. Наставление Российского Митрополита. Любовь к Мономаху. Измена Черниговских Князей. Убиение Игоря. Война междоусобная. Медленность Георгия. Народный обед в Новгороде. Речь Изяслава. Опустошение земли Суздальской. Несправедливость Великого Князя. Битва у Переяславля. Бегство Изяслава. Союз с Венграми, Богемцами и Поляками. Мужество Андрея. Памятник коню. Мир. Коварство Георгия. Новая вражда. Добросердечие Изяслава и Вячеслава. Победа Владимирова. Бодрость Андрея. Хитрость Владимирка. Твердость Изяслава. Воинская хитрость. Беспечность Георгия и торжество Изяслава. Ристание в Киеве. Справедливость Великого Князя. Признательность Вячеслава. Благодарность к Королю Венгерскому. Осада Киева. Миротворение Вячеслава. Пылкость Андрея. Отступление Георгия. Усердие Киевлян. Битва. Изяслав ранен. Бегство и вероломство Георгия. Помощь Венгров. Речь Изяслава и победа. Притворство Владимирка. Простодушие Гейзы. Любовь Георгия к южной России. Вероломство Владимирка. Подвиги Андрея. Насмешка Владимирова. Печальная одежда. Смерть Владимирка. Речь Ярослава. Сомнительная победа. Брак Изяславов. Дела Новгородские. Кончина Изяслава. Характер его. Своевольство Полочан.

Изяслав – по словам Летописцев, *благословенная отрасль доброго корня* – мог бы обещать себе и подданным дни счастливые, ибо народ любил его; но история сего времени не представляет нам ничего, кроме злодейств междоусобия. Храбрые умирали за Князей, а не за отечество, которое оплакивало их победы, вредные для его могущества и гражданского образования.

Утвердив мир с Половцами – которые всякому новому Государю предлагали тогда союз, ибо хотели даров, – Великий Князь оказал, может быть, излишнюю строгость в рассуждении своего дяди. Обманутый советами Бояр, и в надежде на прежние ласки Изяславовы, на самые его обещания, миролюбивый Князь Туровский, Вячеслав, узнав о торжестве племянника, вообразил себя по старшинству Государем России: занял города Киевские и своевольно отдал Владимир сыну Андрееву, Мономахову внуку. Посланный братом, Смоленский Князь изгнал Вячеслава; велел ему княжить только в пересопнице или Дорогобуже Волынском; а Наместников его, окованных цепями, вместе с Туровским Епископом, Иоакимом, привел в Киев.

Назначив Туров в Удел меньшему сыну, именем Ярославу, Великий Князь обратил внимание на Игореву брата. Спасаясь бегством от победителя, Святослав хотел удостовериться в искренней дружбе Князей Черниговских, чтобы единодушно действовать с ними для освобождения Игореву. Они дали ему в том клятву; но Святослав, оставив у них своего Боярина и поехав готовиться к войне, сведал от него, что сии коварные братья тайно дружатся с Великим Князем и наконец заключили с ним союз, предав Игоря в его волю, как недостойного ни власти, ни свободы. Скоро общие Послы Изяславовы и Давидовичей торжественно объявили Святославу, что он может спокойно княжить в своей области, если уступит им Новгород Северский и клятвенно откажется от брата. Сей добрый, нежный родственник залился слезами и, сказав в ответ: «Возьмите все, что имею; освободите только Игоря», решился искать покровителя в сыне Мономаховом.

Георгий Владимирович Суздальский видел с досадою, что гордый Изяслав, вопреки древнему уставу, отняв старейшинство у дядей, сел на троне Киевском. Пользуясь сим расположением, Святослав обратился к Георгию и молил его освободить Игоря. «Иди в Киев, – говорил он: – спаси несчастного и властвуй в земле Русской. Бог помогает тому, кто вступает за утесненных». Георгий дал ему слово и начал готовить войско. – Святослав нашел и других защитников в Ханах Половецких, братьях его матери: они с тремястами всадников немедленно

явились в Новгороде Северском, куда прибыли также юный Князь Рязанский, Владимир, внук Ярославова, и Галицкий изгнанник, Иоанн Ростиславич *Берладник*.

Уже Давидовичи, соединясь с сыном Великого Князя, Мстиславом, Вождем Переяславской дружины и Берендеев, вступили в область Северскую и грабили оную, тщетно хотев взять Новгород. В надежде усостыжить их Духовник Святослав приехал к ним в стан и сказал именем Князя: «Родственники жестокие! Довольны ли вы злодействами, разорив мою область, взяв именьице, стада; истребив огнем хлеб и запасы? Желаете ли еще умертвить меня?» Союзники вторично требовали, чтобы он навсегда отступился от несчастного Игоря. «Нет! – отвечив Святослав: – пока душа моя в теле, не изменю единокровному!» Давидовичи заняли село Игореево, где сей Князь имел дворец и хранил свое богатство; нашли вино и мед в погребах, железо и медь в кладовых; отправили множество возов с добычею и, веселясь разрушением, сожгли дворец, церковь, гумно Княжеское, где было *девять сот* скирдов хлеба.

Великий Князь, сведав о воинских приготовлениях Георгия Владимировича, велел другу своему, Ростиславу Ярославичу Рязанскому, набегами тревожить Суздальскую область; сам же выступил из Киева и соединился с Князьями Черниговскими, осаждавшими Путивль. Зная их вероломство, жители не хотели договариваться с ними, но охотно сдались Великому Князю. Там находился собственный дом Святослава: Князья разделили его именьице. Летописец рассказывает, что они нашли в выходах 500 *берковцев* меду и 80 *корчаг* вина; ограбили славную церковь Вознесения, богатую серебряными сосудами, кадильницами, утварию, шитою золотом, кованными Евангелиями и книгами. Семь сот рабов Княжеских были также их добычею.

[1147 г.] Святослав ожидал Георгия: он действительно шел к нему в помощь; сведав же о нападении Князя Рязанского на Суздальскую область, возвратился из Козельска. Один сын его, Иоанн Георгиевич, приехал с дружескими уверениями к Святославу, который, в знак благодарности, отдал ему Курск и Посемье, но принужден был искать убежища в своих северных владениях. Многочисленная рать Великокняжеская шла к Новгороду. Старый Вельможа Черниговского Князя, бывший некогда верным слугою Олеговым, из сожаления тайно уведомил Святослава о предстоящей ему опасности. «Спасай жену, детей своих и супругу Игореву! – говорили его друзья и Бояре: – все запасы твои уже в руках неприятельских. Удалимся в *лесную* землю Карачевскую: ее дремучие боры и помощь Георгиева будут твоею защитою». Некоторые Вельможи говорили искренно; другие хотели только избавиться от кровопролития и сами остались в Новгороде, когда Святослав уехал в Карачев. За ним гнался Изяслав Давидович с 3'000 всадников и Воеводою Киевским, Шварном. Уже бегство не могло спасти несчастного: надлежало отдаться в плен или сразиться. Отчаянный Святослав с верною дружиною и *дикими* Половцами ударил на врага; разбил его, опустошил Карачев и немедленно удалился в сопредельную землю Вятчей, которая зависела от Черниговских Владетелей. Великий Князь – напрасно желав победою загладить неудачу Изяслава – отдал Давидовичам всю завоеванную область, кроме Курска; исключительно присвоил себе одно Игореево достояние и возвратился в Киев.

В сие время Игорь был уже Монахом. Изнуренный печалию и болезнию, он изъявил желание отказаться от света, когда Великий Князь готовился идти на его брата. «Давно, и в самом счастье, я хотел посвятить Богу душу мою, – говорил Игорь: – ныне, в темнице и при дверях гроба, могу ли желать иного?» Изяслав отвечив ему: «Ты свободен; но выпускаю тебя единственно ради болезни твоей». Его отнесли в келью: он 8 дней лежал как мертвый; но, постриженный Святителем Евфимием, совершенно выздоровел и в Киевской Обители Св. Феодора принял Схиму, которая не спасла его от гнева Судьбы: скоро увидим жалкий конец сего несчастного Олегова сына.

Князья Черниговские выгнали Святослава из Брянска, Козельска, Дедославля, но слыша, что Георгий прислал к нему 1000 Белозерских латников, отступили к Чернигову. Они не устыдились всенародно объявить в стране Вятчей, чтобы жители старались умертвить Святослава и что убийцы будут награждены его именьице! Родственники гнали сего Князя, друзья оставляли. В числе их находился Воевода, Князь Иоанн *Берладник*: он не захотел более с ним скитаться, взял у него за службу 200 гривен серебра, 6 фунтов золота и перешел к Смоленскому Князю. Только Владимир Рязанский и сын Георгиев, Иоанн, усердно делили труды и беспокойства с Святославом, который, имев несчастье лишиться последнего, изъявил достохвальную чувствительность: видя Иоанна больного, забыл войну и неприятелей; молился, думал единственно об нем; столь горестно оплакивал кончину сего юноши, что сам Георгий старался его утешить и, прислав богатые дары, обещал другим сыном заменить ему умершего верного

сподвижника. Общая ненависть к Великому Князю утвердила союз между ими: Князь Суздальский изгнал Рязанского, союзника Изяславова, заставил его бежать к Половцам, взял Торжек и пленил жителей; а Святослав разорил часть Смоленской области, вокруг Протвы, или землю Голядскую.

Довольный злом, причиненным Уделу Изяславовых братьев, Георгий желал лично угостить Святослава, коего сын, Олег, подарил ему тогда редкого красотою парда. Летописец хвалит искреннее дружество, веселую беседу Князей, великолепие обеденного пиршества и щедрость Георгия в награждении Бояр Святославовых. Между сими Вельможами отличался девяностолетний старец, именем Петр; он служил деду, отцу Государя своего; уже не мог сесть на коня, но следовал за Князем, ибо сей Князь был несчастлив. Георгий, неприятель Ростислава Рязанского, осыпал ласками и дарами его племянника, Владимира, как друга и товарища Святославова.

Сие угощение достопамятно: оно происходило в *Москве*. К сожалению, Летописцы современные не упоминают о любопытном для нас ее начале, ибо не могли предвидеть, что городок бедный и едва известный в отдаленной земле Суздальской будет со временем главою обширнейшей Монархии в свете. По крайней мере знаем, что Москва существовала в 1147 году, Марта 28, и можем верить новейшим Летописцам в том, что Георгий был ее строителем. Они рассказывают, что сей Князь, приехав на берег Москвы-реки, в села зажиточного Боярина *Кучка*, *Степана Ивановича*, велел умертвить его за какую-то дерзость и, плененный красотою места, основал там город; а сына своего, Андрея, княжившего в Суздальском Владимире, женил на прелестной дочери казненного Боярина. «Москва есть *третий* Рим, – говорят сии повествователи, – и четвертого не будет. Капитолий заложен на месте, где найдена окровавленная голова человеческая: Москва также на крови основана и к изумлению врагов наших сделалась Царством знаменитым». Она долгое время именовалась *Кучковым*.

Ободренный Святослав возвратился к берегам Оки. Там соединились с ним Ханы Половецкие, его дяди, и так называемые *Бродники*, о коих здесь в первый раз упоминается. Сии люди были Христиане, обитали в степях Донских среди варваров, уподоблялись им дикою жизнью и, как вероятно, состояли большею частию из беглецов Русских: они за деньги служили нашим Князьям в их междоусобиях. Разорив многие селения в верховье Угры, в Смоленской области, Святослав завоевал всю страну Вятчей, от Мценска до Северского Удела, и вместе с Глебом, сыном Георгия, шел далее, когда Послы Давидовичей встретили его и сказали именем Князей: «Забудем прошедшее. Дай нам клятву союзника, и возьми свою отчину. Не хотим твоего имения». Успехи ли Ольговича склонили их к миру? Или сын Всеволодов, Святослав, который, в замену Владимиру получив в Удел от Великого Князя Бужск, Меджибож, Котельницу и другие города, держал его сторону, но жалел о дяде и тайно с ним пересылался? Как бы то ни было, Черниговские Князья, Святослав Ольгович и сын Всеволодов заключили союз, чтобы соединенными силами противоборствовать Изяславу Мстиславичу.

Еще Великий Князь не знал сего вероломства Давидовичей и спокойно занимался в Киеве важным делом церковным. Следуя примеру Великого Ярослава, он созвал шесть Российских Епископов и велел им без всякого сношения с Цереградом (где Духовенство не имело тогда Главы) на место скончавшегося Митрополита, Грека Михаила, поставить Климента, Черноризца, Схимника, знаменитого не только Ангельским Образом, но и редкою мудростию. Некоторые Епископы представляли, что благословение Патриарха для того необходимо; что нарушить сей древний обряд есть уклониться от православия Восточной Церкви и что умерший Святитель Михаил обязал их всех грамотою не служить без Митрополита в Софийском храме. Другие, не столь упорные, объявили себя готовыми исполнить волю Изяславова, согласную с пользою и честью Государства. Епископ смоленский, Онуфрий, выдумал посвятить Митрополита главою Св. Климента, привезенною Владимиром из Херсона (так же, как Греческие Архиереи издревле ставили Патриархов рукою Иоанна Крестителя) и сим торжественным обрядом успокоил Духовенство. Один Нифонт, Святитель Новгородский, не признавал Климента Пастырем Церкви; осуждал Епископов как человекоугодников и заслужил благоволение Николая IV, который, чрез несколько месяцев заступив место изгнанного Цереградского Патриарха, Козьмы II, написал к Нифонту одобрительную грамоту и сравнил его в ней с первыми Святыми Отцами.

В то время как Изяслав, распустив Собор и возобновив мир с Половцами, думал наслаждаться спокойствием, коварные Давидовичи прислали объявить ему, что Святослав завоевал их область; что они желают выгнать его с помощью Великого Князя и смирить Георгия, их врага

общего. Изяслав отпустил к ним племянника, Всеволодова сына, и скоро, убежденный вторичною просьбою Князей Черниговских, велел собираться войску, чтобы идти на Святослава и Георгия. «Пойдем с радостью и с детьми на Ольговича, – говорили ему Киевляне: – но Георгий твой дядя. Государь! Дерзнем ли поднять руку на сына *Мономахова*?» Столь народ любил память добродетельного Владимира! Изяслав не хотел слушать Бояр, которые сомневались в верности Князей Черниговских. «Мы дали взаимную клятву быть союзниками, – сказал он с твердостью: – иду – и пусть малодушные остаются!» Уже Великий Князь стоял на реке Супое, поручив столицу брату своему, Владимиру. К счастью, Боярин Киевский, Улеб, сведал в Чернигове тайный заговор и спешил уведомить Изяслава, что Давидовичи мыслят злодейски умертвить его или выдать Святославу, находясь в согласии с Георгием. Великий Князь не верил тому; но чрез Посла требовал от них новой клятвы в дружестве. «Разве мы нарушили прежнюю? – говорили они: – Христианин не должен призывать всуе имени Божия». Тогда Посол обличил их в гнусном злоумышлении. Безмолвствуя, Давидовичи смотрели друг на друга, выслали Боярина, советовались и, наконец, призвав его, ответствовали: «Не запираемся; но можем ли спокойно видеть злосчастье брата своего Игоря? Он Чернец, Схимник, и все еще в неволе. Изяслав, сам имея братьев, снес ли бы их заключение? Да возвратит свободу Игорю, и мы будем искренними друзьями!» Боярин Киевский напомнил им бескорыстие своего Князя, не хотевшего удержать за собою ни Северского Новагорода, ни Путивля, и сказав: «Бог да судит и сила животворящего креста да накажет клятвопреступников!» – бросил на стол *крестные*, или союзные *грамоты*. Война была объявлена, и гонцы Изяславовы в Киеве, Смоленске, Новгороде обнародовали вероломство Князей Черниговских, звали мстителей, воспаляли сердца праведным гневом.

Сия весть имела в Киеве следствие ужасное. Владимир Мстиславич собрал граждан на Вече к Св. Софии. Митрополит, Лазарь Тысячский и все Бояре там присутствовали. Послы Изяславовы выступили и сказали громогласно: «Великий Князь целует своего брата, Лазаря и всех граждан Киевских, а Митрополиту кланяется»... Народ с нетерпением хотел знать вину Посольства. Вестник говорит: «*Так вещает Изяслав*: Князя Черниговские и сын Всеволодов, сын сестры моей, облагодетворенный мною, забыв святость крестного целования, тайно согласились с Ольговичем и Георгием Суздальским. Они думали лишить меня жизни или свободы; но Бог сохранил вашего Князя. Теперь, братья Киевляне, исполните обет свой: идите со мною на врагов Мономахова роду. Вооружитесь от мала до велика. Конные на конях, пешие в ладиях да спешат к Чернигову! Вероломные надеялись, убив меня, истребить и вас». Все единогласно ответствовали: «Идем за тебя, и с детьми!» Но, к несчастью, сыскался один человек, который сие прекрасное народное усердие омрачил мыслию злодейства. «Мы рады идти, – говорил он: – но вспомните, что было некогда при Изяславе Ярославиче. Пользуясь народным волнением, злые люди освободили Всеслава и возвели на престол: деды наши за то пострадали. Враг Князя и народа, Игорь, не в темнице сидит, а живет спокойно в монастыре Св. Феодора: умертвим его; и тогда пойдем наказать Черниговских!» Сия мысль имела действие вдохновения. Тысячи голосов повторили: «Да умрет Игорь!» Напрасно Князь Владимир, утраченный таким намерением, говорил народу: «Брат мой не хочет убийства. Игорь останется за стражею; а мы пойдем к своему Государю». Киевляне твердили: «Знаем, что добром невозможно разделаться с племенем Олеговым». Митрополит, Лазарь и Владимир Тысячский, Рагуйло, запрещали, удерживали, молили: народ не слушал и толпами устремился к монастырю. Владимир сел на коня, хотел предупредить неистовых, но встретил их уже в монастырских вратах: схватив Игоря в церкви, в самый час Божественной Литургии, они вели его с шумом и свирепым воплем. «Брат любезный! Куда ведут меня?» – спросил Игорь. Владимир старался освободить несчастного, закрыл собственною одеждою, привел в дом к своей матери и запер ворота, презирая ярость мятежников, которые толкали его, били, сорвали с Боярина Владимировна, Михаила, крест и золотые цепи. Но жертва была обречена: злодеи вломались в дом, безжалостно убили Игоря и влекли нагого по улицам до самой торговой площади; стали вокруг и смотрели как невинные. Присланные от Владимира Тысячские в глубокой горести сказали гражданам: «Воля народная исполнилась: Игорь убит! Погребем же тело его». Народ ответствовал: «Убийцы не мы, а Давидовичи и сын Всеволодов. Бог и Святая София защитили нашего Князя!» Труп Игорев отнесли в церковь; на другой день облачили в ризу Схимника и предали земле в монастыре Св. Симеона. Игумен Феодоровской Обители, Анания, совершая печальный обряд, воскликнул к зрителям: «Горе живущим ныне! Горе веку суетному и сердцам жестоким!» В то самое время загремел гром: народ изумился и слезами раскаяния хотел обезоружить гневное Небо. – Великий Князь, сведав о сем злодействе, огорчился в душе своей и говорил Боярам, проливая слезы: «Теперь назовут меня убийцею

Игоря! Бог мне свидетель, что я не имел в том ни малейшего участия, ни делом, ни словом: он рассудит нас в другой жизни. Киевляне поступили неистово». Но, боясь строгостию утратить любовь народную, Изяслав оставил виновных без наказания; возвратился в столицу и ждал рати Смоленской.

Война началась. Святослав Ольгович, уведомленный о жалостной кончине брата, созвал дружину и, рыдая в горести, заклинал всех быть усердными орудиями мести справедливой. Он пошел к Курску, где находился сын Великого Князя, Мстислав, который, чтобы узнать верность жителей, спрашивал, готовы ли они сразиться? «Готовы, – ответствовали граждане: – но только не обнажим меча на внука Мономахова»: ибо Глеб, сын Георгия Владимировича, был с Святославом. Юный Мстислав уехал к отцу, а Курск и города на берегах Сейма добровольно поддались Глебу; другие оборонялись и не хотели изменить государю киевскому: напрасно Святослав и Глеб грозили жителям вечною неволею и Половцами. Соединясь с дружиною Черниговскою, сии Князья взяли приступом только один город; сведав же, что Изяслав идет к Суле и что рать Смоленская выжгла Любеч, ушли в Чернигов, оставленные своими друзьями, Половцами. Великий Князь завоевал крепкий город Всеволож, обратил в пепел Белую Вежу и другие места в Черниговской области, но без успеха приступал к *Глеблю* (ибо жители, в надежде на Святого защитника своего, оборонялись мужественно) и возвратился в Киев торжествовать победу веселым пиром, отложив дальнейшие предприятия до удобного времени. Он велел брату своему, Ростиславу, идти в Смоленск и вместе с Новгородцами тревожить область Суздальскую.

[1148 г.] Скоро неприятельские действия возобновились. Глеб занял Остер и, дав слово Великому Князю ехать к нему в Киев для свидания, хотел нечаянно взять Переяславль; но был отражен. В то же время Черниговцы, дружина Святослава и Половцы, их союзники, опустошили Брагин. Изяслав, осадив Глеба в Городце, или Остере, принудил его смириться, и стал близ Чернигова на *Олеговом поле*, предлагая врагам своим битву. Они не смели, ибо видели рать многочисленную. Великий Князь пошел к Любечу, где находились их запасы. Давидовичи, Святослав и сын Всеволодов, соединясь с Князьями Рязанскими, решились наконец ему противоборствовать. Уже стрелки начали дело; но сильный, необыкновенный зимою дождь развел неприятелей. Река, бывшая между ими, наполнилась водою, и самый Днепр тронулся: Изяслав едва успел перейти на другую сторону; а Венгры, служившие ему как союзники, обломались на льду.

Тогда Святослав и Князья Черниговские отправили Посольство к Георгию. «Мы воюем, – говорили они, – а ты в бездействии. Неприятель обратил в пепел наши города за Десною и села в окрестностях Днепра, а помощи от тебя не видим. Исполни обет, утвержденный целованием креста: иди с нами на Изяслава, или мы прибегнем к великодушию врага сильного». Георгий все еще медлил. Другое обстоятельство также способствовало миру. Ростислав, старший сын Георгиев, посланный отцом действовать заодно с Князьями Черниговскими, гнушался их вероломством и, сказав дружине: «Пусть гневается родитель, но злодеи Мономаховой крови не будут мне союзниками», приехал в Киев, где Изяслав встретил его дружелюбно, угостил, осыпал дарами. Сей юноша, не имея в Суздальской земле никакого Удела, предложил свои ревностные услуги Великому Князю, как старшему из внуков Мономаховых. Изяслав отвечал: «Всех нас старее отец твой; но он не умеет жить с нами в дружбе, а я хочу быть для всех моих братьев нежным родственником. Георгий не дает тебе городов: возьми их у меня». Он дал ему бывший Удел своего неблагодарного племянника, Святослава Всеволодовича, вместе с Городцом Остерским, выслал оттуда коварного Глеба. «Спешу к друзьям, – сказал ему Великий Князь, – и требуй от них удела»: ибо Глеб, смирясь невольно, оставался единомышленником неприятелей Изяславовых и вторично хотел было завладеть Переяславлем. Думая, что искренний, чувствительный Ростислав может примирить отца с Великим Князем и страшася быть жертвою их союза, Давидовичи изъявили ему желание прекратить войну, говоря благоразумно: «*Мир стоит до рати, а рать до мира*, так слышали мы от своих отцов и дедов. Не вини нас, хотевших войною освободить брата. Но Игорь уже в могиле, где и все будем. Бог да судит прочее; а нам не должно губить отечества». Изяслав хотел знать мысли брата. Смоленский Князь отвечал: «Я Христианин и люблю Русскую землю: не хочу кровопролития; но если Давидовичи и Святослав не престанут злобиться на тебя за Игоря, то лучше явно воевать – и будет, что угодно Богу». Тогда Великий Князь отправил Послами в Чернигов Белгородского Епископа Феодора, Печерского Игумена Феодосия и Бояр, которые заключили торжественный мир. Давидовичи, Святослав Ольгович и племянник его, сын Всеволодов, в соборном храме целовали крест, дав

клятву оставить злобу и «блюсти Русскую землю заодно с Изяславом». Скоро Великий Князь позвал их на совет в Городец: Святослав и племянник его отказались от свидания; но Давидовичи, ответствуя за верность того и другого, условились там с Изяславом действовать против Георгия Суздальского, который отнимал дани у Новгородцев и беспокоил их границы. Союзники вместе пировали и разъехались, отложив войну до зимы: ибо реки, топи, болота затрудняли путь летом и медленность страшила Полководцев более, нежели морозы, снега и метели. – Черниговцы должныствовали идти к Ростову и встретить Великого Князя на берегах Волги.

Георгий, желая казаться великодушным защитником угнетенных Ольговичей, в самом деле мыслил только о себе и ненавидел Изяслава единственно как похитителя достоинства Великокняжеского; не мог также простить и Новгородцам бесчестное изгнание своего сына, Ростислава. Князь их, Святополк, хотев в 1147 году отмстить Суздальскому за взятие Торжка, возвратился с дороги от распутия, и жители сего опустошенного города еще томилась в неволе. Епископ Нифонт, друг народного благоденствия, ездил в Суздаль; был принят с отменным уважением, святил там храмы, освободил всех пленников, но не мог склонить Георгия к миру.

Оставив Владимира в столице, сына своего в Переяславле, а Ростислава Георгиевича послал в Бужск, чтобы охранять тамошние границы и спокойно ждать конца войны, Великий Князь отправился в Смоленск к брату, веселился с ним, праздновал, менялся дарами и расположил военные действия. Он поручил всю рать Смоленскому Князю, велел ему идти к берегам Волги, к устью Медведицы, и приехал в Новгород. Там начальствовал уже не брат его, а сын, Ярослав: ибо Святополк, утратив любовь народную, был переведен Изяславом в область Владимирскую. Граждане давно не видали у себя Великих Князей и встретили внука Мономахова с живейшею радостью. Многочисленные толпы провожали его до городских ворот, где стояли все Бояре с юным Князем. Отслушав Литургию в Софийском храме, Изяслав дал пир народу. Бирючи или Герольды ходили по улицам и звали граждан обедать с Князем. Так называемое *Городище*, донныне известное, было местом сего истинно великолепного пиршества: Государь веселился с народом, как добрый отец среди любезного ему семейства. На другой день ударили в Вечевой колокол, и граждане спешили на Двор Ярославов: там Великий Князь, в собрании Новгородцев и Псковитян, произнес краткую, но сильную речь. «Братья! – сказал он. – Князь Суздальский оскорбляет Новгород. Оставив столицу Русскую, я прибыл защитить вас. Хотите ли войны? Меч в руке моей. Хотите ли мира? Вступим в переговоры». «*Войны! Войны!* – отвечивал народ: – ты наш Владимир, ты Мстислав! Пойдем с тобою все, от старого до младенца». Ратники надели шлемы. Псковитяне, Корелы собрали также войско, и Великий Князь на устье Медведицы соединился с братом своим, Ростиславом. Напрасно ждали они возвращения Посла, отправленного ими к дяде еще из Смоленска: Георгий задержал его и не хотел отвечать на их жалобы. Напрасно ждали и Князей Черниговских, которые остановились в земле Вятичей и хотели прежде видеть, кому счастье войны будет благоприятствовать. [1149 г.] Мстиславичи вступили в область Суздальскую: села и города запылали на берегах Волги до *Углича* и Мологи; жители спасались бегством. Новгородцы разорили окрестности Ярославля, и война кончилась без сражения: ибо весна уже наступала, реки покрывались водою и кони худо служили всадникам. Изяслав, проводив Новгородцев, весновал в Смоленске и благополучно возвратился в столицу, к искренней радости народа. Семь тысяч пленников свидетельствовали его победу.

Скорю Великий Князь испытал превратность счастья и мог приписать оную собственной несправедливости. Ростислав Георгиевич был ему истинным другом; но клеветники говорили Изяславу, что сей Князь, в его отсутствие, старался обольстить Днепровских Берендеев и самых Киевлян, хотел завладеть столицею и подобно отцу ненавидит род Мстислава. Люди, склонные к чистосердечной доверенности, легко верят и злословию: Великий Князь, упрекая Ростислава неблагодарностию, отнял у него все имение, оружие, коней; заключил в цепи дружину и самого отправил с тремя человеками в лодке к отцу, не дав ему суда и не хотев слушать оправданий. Георгий оскорбился бесчестием сына гораздо более, нежели опустошением Суздальской области. «Так платит Изяслав неосторожному юноше за безрассудную любовь и дружбу! – говорил он: – жестокий племянник совершенно отчуждает меня и детей моих от *земли Русской*» (сим именем преимущественно означалась тогда *Россия южная*). Георгий наконец выступил, соединясь с Половцами. Святослав Ольгович, видя беспрестанно в мыслях своих окровавленную тень брата и считая Великого Князя убийцею, обрадовался случаю мести: мир, клятвенно утвержденный в Черниговском храме, и брачный союз юной его дочери с сыном Князя Смоленского не могли

укротить сей злобы, ибо она казалась ему священным долгом. Но Давидовичи решительно отказались от дружбы Георгия, ответствуя: «Ты не спас городов наших; ныне, заключив союз с Изяславом, не хотим нарушить оно и *не можем играть душою*». Усердно помогая Великому Князю, они вместе с ним убеждали Святослава быть его другом, согласно с данною ими клятвою. «Буду (сказал Ольгович), когда Изяслав возвратит мне все имение моего брата». Уверенный, что Георгий действительно намерен идти к Киеву, Святослав выехал к нему на встречу близ Обояна; также и сын Всеволодов, единственно в угодность дяде. Георгий долго стоял у Белой Вежи, надеясь одним страхом победить Великого Князя. Но Изяслав, собрав верных братьев, готовился к битве. «Я отдал бы ему (говорил он) любую область, если бы Георгий пришел один с детьми своими; но с ним варвары Половцы и враги мои, Ольговичи». Киевляне хотели мира: «Заключим его (сказал Изяслав), но имея в руках оружие». Георгий осадил Переяславль: там находились Владимир и Святополк Мстиславичи. Великий Князь спешил защитить город и вошел в него; а Георгий, желая оказать умеренность, послал к нему Боярина с такими словами: «Чтобы отвратить несчастное кровопролитие, забывая обиды, разорение моих областей и старейшинство, коего ты лишил меня несправедливо. *Царствуй* в Киеве: отдай мне только Переяславль, да господствует в нем сын мой!» Гордый Изяслав велел задержать Посла; отслушал Литургию у Св. Михаила и, готовясь обнажить меч, требовал благословения от Епископа Евфимия. Напрасно сей добрый Пастырь слезно умолял его примириться. «Нет! – сказал Князь: – *я добыл Киева и Переяславля головою*: могу ли отдать их?» Умные Бояре советовали ему хотя помедлить, думая, что Георгий без сражения удалится, с одним стыдом неудачи. Но Изяслав, следуя мнению других и порыву собственного, нетерпеливого мужества, расположил войско против неприятеля. Уже солнце спускалось к западу, и в Переяславле благовестили к Вечерне: Полководцы еще не давали знака, и рать не двигалась; одни стрелки были в действии. Георгий начал отступать: тогда Изяслав, как бы пробужденный от глубокого сна, быстро устремился вперед, воображив, что неприятель бежит. Затрубили в воинские трубы; солнце закатилось, и шум битвы [23 августа 1149 г.] раздался. Она была кровопролитна и несчастлива для Великого Князя. Берендеи обратили тыл; за ними Изяслав Давидович с дружиною Черниговскою; за ними Киевляне; а Переяславцы изменили, взяв сторону Георгия. Изяслав пробился сквозь полк Ольговича и Суздальский, прискакал сам-третий в Киев и, собрав жителей, спрашивал, могут ли они выдержать осаду? Граждане в унынии ответствовали ему и Ростиславу Смоленскому: «Отцы, сыновья и братья наши лежат на поле битвы; другие в плену или без оружия. Государи добрые! Не подвергайте столицы расхищению; удалитесь на время в свои частные области. Вы знаете, что мы не уживемся с Георгием: когда увидим ваши знамена, то все единодушно на него восстанем». Великий Князь, взяв супругу, детей, Митрополита Климента, поехал в Владимир, а Ростислав в Смоленск. Георгий вошел в Переяславль, через 3 дня в Киев и, дружелюбно пригласив туда Владимира Черниговского, в общем Княжеском совете распорядил Уделы: отдал Святославу Ольговичу Курск, Посемье, Сновскую область, Слуцк и всю землю Дреговичей, бывшую в зависимости от Великого Княжения; сыновьям же: Ростиславу Переяславль, Андрею Вышегород, Борису Белгород, Глебу Канев, Васильку Суздаль. Знаменитый Епископ Нифонт находился тогда в Киеве: призванный Изяславом, он все еще не хотел покориться Митрополиту Клименту; называл его не Пастырем Церкви, а *волком*, и, заключенный в монастыре Печерском, великодушно сносил гонение. Георгий возвратил ему свободу и, с честью отпустив к Новгородцам сего любезного им Епископа, надеялся тем преклонить к себе сердца их, хотя в то же самое время Воевода Иоанн Берладник, оставив Смоленского Князя и вступив в Георгиеву службу, напал на чиновников Новгородских, собиравших дань в уездах.

Изгнанный Великий Князь обратился к старшему дяде, Вячеславу, им оскорбленному; льстил ему именем второго отца, предлагал господствовать в Киеве. Но Вячеслав держал сторону Георгия, не веря ласкам, не боясь угроз племянника, который нашел союзников в Венгерском Короле Гейзе, Владиславе Богемском и в Ляхах. Первый незадолго до того времени женился на его меньшей сестре, Евфросинии – так она называется в Булле Папы Иннокентия IV – и дал шурина 10 000 всадников. Летописец рассказывает, что Государи Богемский и Польский, *сваты* Изяславовы, сами привели к нему войско, и что Болеслав Кудрявый, вместе с братом Генриком угощенный роскошным обедом в Владимире, *опоясал мечом* многих сыновей Боярских. Но сии иноземные союзники, узнав, что Георгий соединился с Вячеславом в Пересопнице и что мужественный Владимирко Галицкий идет к нему в помощь, не захотели битвы, остановились у Чемерина и советовали Изяславу примириться с дядею. Они, как посредники между ими, вступили в переговоры, уверяя, что равно доброхотствуют той и другой стороне. «Верю и

благодарю вас, – отвечивал Георгий: – идите же домой и не тяготите земли нашей; тогда я готов удовлетворить требованиям моего племянника». Союзники вышли весьма охотно из России; но хитрый Георгий, удалив их, отвергнул мирные предложения, которые состояли в том, чтобы он, господствуя в столице Киевской или уступив оную старшему брату, клятвенно утвердил за Изяславом область Владимирскую, Луцкую и Великий Новгород со всеми данями. Князь Суздальский надеялся отнять у племянника все владения, а гордый Изяслав предпочитал гибель миру постыдному.

[1150 г.] Неприятельские действия начались в Волынии осадой Луцка, славною для сына Георгиева Андрея, ибо он имел случай оказать редкое мужество. В одну ночь, оставленный союзными Половцами – которые с воеводою своим, Жирославом, бежали от пустой тревоги, – сей Князь презрел общий страх, устыдил дружину и хотел лучше умереть, нежели сойти с места. Видя же под стенами Луцка знамена отца своего (пришедшего к городу с другой стороны) и сильную вылазку осажденных, Андрей устремился в битву [8 февраля], гнал неприятелей и был на мосту окружен ими. Его братья, Ростислав, Борис, остались далеко, ничего не зная: ибо пылкий Андрей не велел распустить своей хоругви, не вспомнил сего обряда воинского и не приготовил их к сражению. Только два воина могли следовать за Князем: один пожертвовал ему жизнь. Камни сыпались с городских стен; уязвленный конь Андреев исходил кровию; острая рогатина прошла сквозь луку седельную. Герой готовился умереть великодушно, подобно Изяславу I, его прадеду; изломив копьё, вынул меч; призвал имя Св. Феодора (ибо в сей день торжествовали его память), сразил Немца, готового пронзить ему грудь, и благополучно возвратился к отцу. Георгий, дядя Вячеслав, Бояре, витязи с радостными слезами славили храбрость юноши. Добрый конь его вынес господина из опасности и пал мертвый: благодарный Андрей соорудил ему памятник над рекою Стырем.

Брат Изяславов, Владимир, начальствовал в Луцке. Три недели продолжалась осада: жители не могли почерпнуть воды в Стыре, и Великий Князь хотел отважиться на битву для спасения города. Тут Владимирко Галицкий оказал человеколюбие: стал между неприятелями, чтобы не допустить их до кровопролития, и взял на себя быть ходатаем мира. Юрий Ярославич, внук бывшего Великого Князя, Святополка-Михаила, и Ростислав, сын Георгиев, мешали оному; но Владимирко, кроткий Вячеслав и всех более добродушный Андрей склонили Георгия прекратить несчастную вражду. Весною заключили мир: Изяслав признал себя *виновным*, то есть *слабейшим*; съехался с дядями в Пересопнице и сидел с ними на одном ковче. Согласились, чтобы племянник княжил спокойно в области Владимирской и пользовался данями Новгородскими; обязались также возвратить друг другу всякое движимое имение, отнятое в течение войны. Изяслав сложил с себя достоинство Великого Князя; а Георгий, желая казаться справедливым, уступил Киев брату, старшему Мономахову сыну. Свадьбы и пиры были следствием мира: одна дочь Георгиева, именем Ольга, вышла за Ярослава Владимировича Галицкого, а другая за Олега, сына Святославова.

Все казались довольными; но скоро обнаружилось коварство Георгия. В угодность ему, как вероятно, Бояре его представили, что тихий, слабый Вячеслав не удержит за собою Российской столицы: Георгий, согласный с ними, послал брата княжить в Вышегород, на место своего сына Андрея. Сверх того, будучи корыстолюбив, он не исполнил условий, и не возвратил Изяславу воинской добычи. Племянник жаловался: не получив удовлетворения, занял Луцк, Пересопницу, где находился Глеб Георгиевич. Дав ему свободу, Изяслав сказал: «У меня нет вражды с вами, братьями; но могу ли сносить обиды? Иду на вашего отца, который не любит ни правды, ни ближних». Уверенный в добротстве Киевлян, он с малочисленною дружиною пришел к берегам Днепра и соединился с Берендеями; а Князь Суздальский, изумленный нечаянною опасностью, бежал в Городец.

Надеясь воспользоваться сим случаем, слабодушный Вячеслав приехал в Киев и расположился во дворце. Но граждане стремились толпами навстречу к Изяславу. «Ты наш Государь! – восклицали они: – не желаем ни Георгия, ни брата его!» Великий Князь послал объявить дяде, чтобы он, не хотев добровольно принять от него чести старейшинства, немедленно удалился, ибо обстоятельства переменились. «Убей меня здесь, – отвечивал Вячеслав: – а живого не изгонишь». Сия минутная твердость была бесполезна. Провожаемый множеством народа из Софийской церкви, Изяслав въехал на двор Ярославов, где дядя его сидел в сенях. Бояре советовали Великому Князю употребить насилие; некоторые вызывались даже подрубить сени. «Нет! – сказал он: – я не убийца моих ближних; люблю дядю, и пойду к нему сам». Князья обнялись дружелюбно. «Видишь ли мятеж народа? – говорил племянник: – дай миновать общему

волнению и для собственной безопасности иди в Вышегород. Будь уверен, что я не забуду тебя». Вячеслав удалился.

Торжество Великого Князя было не долговременно. Сын его, Мстислав, хотел взять Переяславль: там княжил Ростислав Георгиевич, который вместе с Андреем решился мужественною обороною загладить постыдное бегство отца, привел в город Днепровских кочующих Торков, готовых соединиться с Киевлянами, и ждал врага неустрашимо. Великий Князь не имел времени заняться сею осадою: сведав о приближении Владимирка Галицкого, друга Георгиева, также о соединении Давидовичей с Князем Суздальским, он поехал к Вячеславу и вторично предложил ему сесть на трон Мономахов. «Для чего же ты выгнал меня с бесчестьем из Киева? – возразил дядя: – теперь отдаешь его мне, когда сильные враги готовы изгнать тебя самого». Смягченный ласковыми словами племянника, сей добродушный Князь обнял его с нежностью и, заключив с ним искренний союз над гробом святых Бориса и Глеба, отдал ему всю дружину свою, знаменитую мужеством, чтобы отразить Владимирка. Изяслав при звуке труб воинских бодро выступил из столицы; но счастье опять изменило его храбрости. Еще дружина Вячеслава не успела к нему присоединиться: Берендеи же и Киевляне, встретив Галичан на берегах Стугны, ужаснулись их силы и, пустив несколько стрел, рассеялись. Он удерживал бегущих; хотел умереть на месте; молил, заклинал робких; наконец, видя вокруг себя малочисленных Венгров и Поляков, сказал дружине с горестию: «Одни ли чужеземцы будут моими защитниками?» – и сам поворотил коня. Неприятель следовал за ним осторожно, боясь хитрости. Великий Князь нашел в Киеве Вячеслава и еще не успел отобедать с ним во дворце, когда им сказали, что Георгий на берегу Днепра и что Киевляне перевозят его войско в своих лодках. Исполняя совет племянника, Вячеслав уехал в Вышегород, а Великий Князь со всюю дружиною в область Владимирскую, заняв крепости на берегах Горыни.

Георгий и Князь Галицкий сошлись под стенами Киева: с первым находились Святослав, племянник его (сын Всеволодов) и Давидовичи. Напрасно хотел догнать Изяслава, они вступили в город, коего жители не дерзнули противиться мужественному Владимирку. Сей Князь и Георгий торжествовали победу в монастыре печерском: новые дружественные обеты утвердили союз между ими. Владимирку выгнал еще Изяслава сына из Дорогобужа, взял несколько городов Волынских, отдал их Мстиславу Георгиевичу, с ним бывшему, но не мог взять Луцка и возвратился в землю Галицкую, довольный своим походом, который доставил ему случай видеть славные храмы Киевские и гроб Святых мучеников Бориса и Глеба.

Георгий, боясь новых предприятий Изяславовых, поручил Волынскую область свою надежнейшему из сыновей, храброму Андрею. Сей Князь более и более заслуживал тогда общее уважение: он смирил Половцев, которые, называясь союзниками отца его, грабили в окрестностях Переяславля и не хотели слушать Послов Георгия; но удалились, как скоро Андрей велел им оставить Россиян в покое. Укрепив Пересопницу, он взял такие меры для безопасности всех городов, что Изяслав раздумал воевать с ним и в надежде на его добродушие предложил ему мир. «Отказываюсь от Киева (говорил Великий Князь), если отец твой уступит мне всю Волынию. Венгры и Ляхи не братья мои: земля их мне не отечество. Желая остаться Русским и владеть достоянием наших предков». Андрей вторично старался обезоружить родителя; но Георгий отвергнул мирные предложения и заставил Изяслава снова обратиться к иноземным союзникам.

[1151 г.] Меньший его брат, Владимир Мстиславич, поехал в Венгрию и склонил Короля объявить войну опаснейшему из неприятелей Изяславовых, Владимирку Галицкому, представляя, что сей Князь отважный, честолюбивый, есть общий враг держав соседственных. В глубокую осень, чрез горы Карпатские, Гейза вошел в Галицию, завоевал Санок, думал осадить Перемышль. Желая без кровопролития избавиться от врага сильного, хитрый Владимирку купил золотом дружбу Венгерского Архиепископа, именем Кукниша, и знатнейших чиновников Гейзиных, которые убедили своего легковерного Монарха отложить войну до зимы. Но связь Гейзы с Великим Князем еще более утвердилась: Владимир Мстиславич женился на дочери Бана, родственника Королевского, и, вторично посланный братом в Венгрию, привел к нему 10'000 отборных воинов. Тогда Изяслав, нетерпеливо ожидаемый Киевлянами, Берендеями и преданною ему дружиною Вячеслава, смело выступил в поле, миновал Пересопницу и, зная, что за ним идут полки Владимирковы, спешил к столице Великого Княжения. Бояре говорили ему: «У нас впереди неприятель, за нами другой». Князь отвечивал: «Не время страшиться. Вы оставили для меня дома и села Киевские; я лишен родительского престола: умру или возьму свое и ваше. Достигнет ли нас Владимирку, сразимся; встретим ли Георгия, также сразимся. Иду на суд Божий».

Граждане Дорогобужа встретили Изяслава со крестами, но боялись венгров. «Будьте покойны, – сказал Великий Князь: – я предводительствую ими. Не вы, люди моего отца и деда, а только одни враги мои должны их ужасаться». Другие города изъявляли ему такую же покорность. Он нигде не медлил; но войско его едва оставило за собою реку Уш, когда легкий отряд Галицкого показался на другой стороне. Сам Владимирко, вместе с Андреем Георгиевичем, стоял за лесом, в ожидании своей главной рати. Началась перестрелка. Великий Князь хотел ударить на малочисленных неприятелей: Бояре ему отсоветовали. «Река и лес перед нами, – говорили они: – пользуясь ими, Владимирко может долго сопротивляться; задние полки его приспеют к битве. Лучше не тратить времени, идти вперед и соединиться с усердными Киевлянами, ждущими тебя на берегах Тетерева». Изяслав велел ночью разложить большие огни и, тем обманув неприятеля, удалился; шел день и ночь, отрядил Владимира Мстиславича к Белугороду и надеялся взять его внезапно. Так и случилось. Борис Георгиевич, пируя в Белогородском дворце своем с дружиною и с Попами, вдруг услышал громкий клик и воинские трубы: сведал, что полки Изяславовы уже входят в город, и бежал к отцу, не менее сына беспечному. Георгий жил спокойно в Киеве, ничего не зная: приведенный в ужас столь нечаянно вестию, он бросился в лодку и уехал в Остер; а Великий Князь, оставив в Белогороде Владимира Мстиславича для удержания Галичан, вошел в столицу, славимый, ласкаемый народом, как отец детьми. Многие Бояре Суздальские были взяты в плен. Великий Князь, изъявив в Софийском храме благодарность Небу, угостил обедом усердных Венгров и своих друзей Киевских: а друзьями его были все добрые граждане. За роскошным пиром следовали игры: ликуя среди обширного двора Ярославова, народ с особенным удовольствием смотрел на ристание искусных Венгерских всадников.

Еще Киевляне опасались Владимирка; но, изумленный бегством Георгия, он сказал Андрею, который шел вместе с ним: «Сват мой есть пример беспечности; господствует в России и не знает, что в ней делается; один сын в Пересопнице, другой в Белогороде, и не дают отцу вести о движениях врага! Когда вы так правите землею, я вам не товарищ. Мне ли одному ратоборствовать с Изяславом, теперь уже сильным? Иду в область свою». И немедленно возвратился, собирая на пути дань со всех городов Волынских. Обитатели, угрожаемые пленом, сносили ему серебро; жены, выкупая мужей, отдавали свои ожерелья и серьги. Андрей с печальным сердцем приехал к отцу в Городец Остерский.

Утвердясь в столице, Великий Князь призвал дядю своего, Вячеслава, из Вышегорода. «Бог взял моего родителя, – говорил он: – будь мне вторым отцем. Два раза я мог посадить тебя на престоле и не сделал того, ослепленный властолюбием. Прости вину мою, да буду спокоен в совести. Киев твой: господствуй в нем подобно отцу и деду». Добрый Вячеслав, тронутый сим великодушием, с чувствительностию отвечив: «Ты исполнил наконец долг собственной чести своей. Не имея детей, признаю тебя сыном и братом. Я стар; не могу один править землею; будь моим товарищем в делах войны и мира; соединим наши полки и дружину. Иди с ними на врагов, когда не в силах буду делить с тобою опасностей!» Они целовали крест в Софийском храме; клялися быть неразлучными во благоденствии и злосчастии. Старец, по древнему обыкновению, дал пир Киевлянам и добрым союзникам, Венграм. Одарив последних конями, сосудами драгоценными, одеждами, тканями, Изяслав отпустил их в отечество; а вслед за ними отправил сына своего благодарить Короля Гейзу. Сей Посол именем отца должен был сказать ему следующие выразительные слова: «Да поможет тебе Бог, как ты помог нам! Ни сын отцу, ни брат единокровному брату не оказывал услуг важнейших. Будем всегда заодно. Твои враги суть наши: не златом, одною кровию своею можем заплатить тебе долг. Но соверши доброе дело: еще имеем врага сильного. Ольговичи и Князь Черниговский, Владимир, в союзе с Георгием, который сыплет злато и манит к себе диких Половцев. Не зовем тебя самого: ибо Царь Греческий имеет рать с тобою. Но когда наступит весна, мирная для Венгрии, то пришли в Россию новое войско. И мы в спокойную чреду свою придем к тебе с дружиною вспомогательною. Бог нам поборник, народ и Черные Клобуки друзья». – Великий Князь звал также в помощь к себе брата, Ростислава Смоленского, который всегда думал, что старший их дядя имеет законное право на область Киевскую. Вячеслав, уверяя сего племянника в дружбе, назвал его вторым сыном и с любовью принял Изяслава Черниговского, который, вопреки брату, Владимиру Давидовичу, отказался от союза с Князем Суздальским.

Георгий имел время собрать войско и стал против Киева вместе с Ольговичами – то есть двумя Святославами, дядею и племянником – Владимиром Черниговским и Половцами, разбив шатры свои на лугах восточного берега Днепровского. Река покрылась военными ладиями; битвы

начались. Летописцы говорят с удивлением о хитром вымысле Изяслава: ладии сего Князя, сделанные о двух рулях, могли *не обращаясь* идти вверх и вниз; одни весла были видимы: гребцы сидели под защитою высокой палубы, на которой стояли латники и стрелки. Отраженный Георгий вздумал переправиться ниже Киева; ввел ладии свои в *Долобское озеро* и велел их тащить оттуда берегом до реки Золотчи, впадающей в Днепр. Изяслав шел другою стороною, и суда его вступили в бой с неприятелем у *Витичевского брода*. Князь Суздальский и тут не имел успеха; но Половцы тайным обходом расстроили Изяславовы меры: у городка Заруба, близ Трубежского устья, они бросились в Днепр на конях своих, вооруженные с головы до ног и закрываясь щитами. Святослав Ольгович и племянник его предводительствовали ими. Береговая стража Киевская оробела. Напрасно Воевода Шварн хотел остановить бегущих: «С ними не было Князя (говорит Летописец), а Боярина не все слушают». Половцы достигли берега, и Георгий спешил в том же месте переправиться через Днепр.

Великий Князь отступил к Киеву и вместе с дядею стал у *Златых врат*; Изяслав Давидович между *Златыми* и *Жидовскими* вратами; подле него Князь Смоленский; Борис Всеволодович Городненский, внук Мономахов, у врат *Лятских*, или Польских. Ряды Киевлян окружили город. Черные Клобуки явились также под его стенами с своими вежами и многочисленными стадами, которые рассыпались в окрестностях Киевских. Деятельность, движение, необозримый строй людей вооруженных и самый беспорядок представляли зрелище любопытное. Пользуясь общим смятением, хищные друзья, Берендеи и Торки, обирали монастыри, жгли села, сады. Изяслав, чтобы унять грабителей, велел брату своему, Владимиру, соединить их и поставить у *могилы Олеговой*, между оврагами. Воины, граждане, народ с твердостью и мужеством ожидали неприятеля.

Но старец Вячеслав еще надеялся убедить брата словами мирными и в присутствии своих племянников дал Послу наставление. «Иди к Георгию, – сказал он: – целуй его моим именем и говори так: Сколько раз молил я вас, тебя и племянника, не проливать крови Христиан и не губить земли Русской! Изяслав, восстав на Игоря, велел мне объявить, что ищет престола Киевского единственно для меня, второго отца своего; а после завладел собственными моими городами, Туровом и Пинском! Равно обманутый и тобою – лишенный Пересопницы, Дорогобужа – не имея ничего, кроме Вышегорода, я молчал; имея Богом данную мне силу, полки и дружину, терпеливо сносил обиды, самое уничтожение и, думая только о пользе отечества, унимал вас. Напрасно: вы не хотели внимать советам человеколюбия; отвергая их, нарушали устав Божий. Ныне Изяслав загладил вину свою: почтил дядю вместо отца; я назвал его сыном. Боишься ли унизиться предо мною? Но кто из нас старший? Я был уже брадат, когда ты родился. Опомнись, или, подняв руку на старшего, бойся гнева Небесного!» – Посол Вячеславов нашел Георгия в Василеве: Князь Суздальский, выслушав его, отправил собственного Боярина к брату; признавал его своим отцом; обещал во всем удовлетворить ему, но требовал, чтобы Мстиславичи выехали из области Киевской. Старец отвечал: «У тебя *семь* сыновей: отгоняю ли их от родителя? У меня их только два: не расстанусь с ними. Иди в Переяславль и Курск; иди в *Великий* Ростов или в другие города свои; удали Ольговичей, и мы примиримся. Когда же хочешь кровопролития, то Мать Божия да судит нас в сем веке и будущем!» Вячеслав, говоря сии последние слова, указал на Златые врата и на образ Марии, там изображенный.

Георгий ополчился и подступил к Киеву от Белгорода. Стрелы летали чрез Лыбедь. Пылкий Андрей устремился на другую сторону реки и гнал стрелков неприятельских к городу; но был оставлен своими: один Половчин схватил коня его за узду и принудил Героя возвратиться. Юный Владимир Андреевич, внук Мономахов, спешил разделить с братом опасность: пестун силою удержал сего отрока. Дружина их шла на полк Вячеславов и Великого Князя за Лыбедью; прочее войско Георгиево сразилось с Борисом у врат Лятских. Изяслав наблюдал все движения битвы: он велел братьям, не расстроивая полков, с избранными отрядами и Черными Клобуками ударить вдруг на неприятеля. Смятые ими, Половцы, Суздальцы бежали, и трупы наполнили реку Лыбедь. Тут вместе со многими пал мужественный сын Хана славного, Боняка, именем Севенч, который хвалился, подобно отцу своему, *зарубить* мечом врата Златые. С того времени Суздальцы не дерзали переходить чрез Лыбедь, и Георгий скоро отступил, чтобы соединиться с Владимирком: ибо Галицкий Князь, забыв прежнюю досаду, шел к нему в помощь.

Храбрые Мстиславичи пылали нетерпением гнаться за врагом. Согласно с характером своим, Вячеслав говорил, что они могут не спешить и что Всевышний дает победу не скорому, а справедливому; но, убежденный их представлениями, и сам немедленно сел на коня, вместе с племянниками совершив молитву в храме Богоматери. Никогда народ Киевский не вооружался

охотнее; никогда не изъявлял более усердия к своим Государям. «Всякий, кто может двигаться и владеть рукою, да идет в поле! – сказали граждане: – или да лишится жизни ослушник!» Борис Городненский был отправлен лесом вслед за Георгием, который думал взять Белгород; но видя жителей готовых обороняться, пошел на встречу к Галичанам. Изяслав, стараясь предупредить сие опасное соединение, настиг его за Стугною. Сделалась ужасная буря и тьма; дождь лился рекою, и ратники не могли видеть друг друга. Как бы уstraшенные несчастным предзнаменованием, оба войска желали мира: Послы ездили из стана в стан, и Князья могли бы согласиться, если бы мстительные Ольговичи и Половцы тому не воспротивились. Георгий, приняв их совет, решился на кровопролитие; однако ж убежал битвы, ожидая Владимирка, и ночью перешел за реку Рут (ныне Роток). Изяслав не дал ему идти далее: надлежало сразиться. Андрей устроил Суздальцев; объехал все ряды; старался воспламенить мужество в Половцах, и в своей дружине. С другой стороны, Великий Князь, Полководец искусный, также наилучшим образом распорядил войско и требовал благословения от Вячеслава. Сей старец, утомленный походом, должен был остаться за строем. «Неблагодарный Георгий отвергнул мир, столь любезный душе твоей, – говорили ему племянники: – теперь мы готовы умереть за честь нашего отца и дяди». Вячеслав ответил: «Суди Бог моего брата; я от юности гнушался кровопролитием». – Битва началась. Изяслав приказал всем полкам смотреть на его собственный, чтобы следовать ему в движениях. Андрей встретил их и сильным ударом изломил свое копие. Уязвленный в ноздри конь его ярился под всадником; шлем слетел с головы, щит Андреев упал на землю: но Бог сохранил мужественного Князя. Изяслав также был впереди; также изломил копие: раненный в бедро и руку, не мог усидеть на коне и плавал в крови своей. Битва продолжалась. Дикие варвары, союзники Георгиевы, решили ее судьбу: пустив тучу стрел, обратились в бегство; за Половцами Ольговичи и, наконец, Князь Суздальский. Многие из его воинов утонули в грязном Руте; многие легли на месте или отдались в плен. Георгий с малым числом ушел за Днепр в Переяславль.

Между тем Великий Князь, несколько времени лежав на земле, собрал силы, встал и едва не был изрублен собственными воинами, которые, в жару битвы, не узнали его. «Я князь», – говорил он. «Тем лучше», – сказал один воин и мечом рассек ему шлем, на коем блистало златое изображение Святого Пантелеймона. Изяслав, открыв лицо, увидел общую радость киевлян, считавших его мертвым; исходил кровию, но слыша, что Владимир Черниговский убит, велел посадить себя на коня и везти к его трупу; искренно сожалел об нем и с чувствительностию утешал горестного Изяслава Давидовича, который, взяв тело брата, союзника Георгиева, спешил защитить свою столицу: ибо Святослав Ольгович хотел незапно овладеть ею; но тучный, дебелий и до крайности утомленный бегством, сей Князь принужден был отдыхать в Остере, где, сведав, что в Чернигове уже много войска, он решился ехать прямо в Новгород Северский; а после дружелюбно разделился с Изяславом Давидовичем: каждый из них взял часть отцовскую.

Мстиславичи осадили Переяславль. Утратив лучшую дружину в битве и слыша, что Владимирко Галицкий, достигнув Бужска, возвратился, Георгий принял мир от снисходительных победителей. «Отдаем Переяславль любому из сыновей твоих, – говорили они, – но сам иди в Суздаль. Не можем быть с тобою в соседстве, ибо знаем тебя. Не хотим, чтобы ты снова призвал друзей своих, Половцев, грабить область Киевскую». Георгий дал клятву выехать и нарушил оную под видом отменного усердия к Св. Борису: праздновал его память, жил на берегу Альты, молился в храме сего Мученика и не хотел удалиться от Переяславля. Один сын его, Андрей, гнушаясь вероломством, отправился в Суздаль. Узнав, что коварный дядя зовет к себе Половцев и Галичан, Великий Князь грозно требовал исполнения условий: Георгий оставил сына в Переяславле, но выехал только в Городец и ждал благоприятнейших обстоятельств.

[1152 г.] Надеждою его был мужественный Владимирко. Мстислав, сын Великого Князя, вел к родителю многочисленное союзное войско Короля Гейзы и своею неосторожностию лишился оногo. Вступив в Вольнию, он пировал с Венграми, угощаемый дядею, Владимиром Мстиславичем; слышал о приближении Галицкого Князя, но беспечно лег спать, в надежде на стражу и самохвальство Венгров. «Мы всегда готовы к бою», – говорили они и пили без всякой умеренности. В полночь тревога разбудила Мстислава: дружина его села на коней; но упоенные вином союзники лежали как мертвые. Владимирко ударил на них пред рассветом: бил, истреблял – и Великий Князь получил известие, что сын его едва мог спастись один с своими Боярами. Тогда Изяслав призвал союзников: Князя Черниговского и сына Всеволодова, его племянника: даже и Святослав Ольгович, повинувшись необходимости, дал ему вспомогательную дружину. Сие войско осадило Городец. Теснимый со всех сторон, оставленный прежними друзьями и товарищами, Князь Суздальский должен был чрез несколько дней смириться: уступив Переяс-

славль Мстиславу Изяславичу, возвратился в наследственный Удел свой и поручил Городец сыну Глебу. Но скоро Изяслав отнял у Георгия и сие прибежище в южной России: сжег там все деревянные здания, самые церкви и сравнял крепость с землею.

Наказав главного неприятеля, Великий Князь желал отомстить хитрому, счастливому сподвижнику Георгиеву, Владимирку: Король Венгерский хотел того же. Им надлежало соединиться у подошвы гор Карпатских. Летописцы славят взаимную искреннюю дружбу сих Государей: сановники Гейзы от его имени приветствовали Великого Князя на дороге; сам Король, провожаемый братьями, Ладиславом и Стефаном, всем Двором, всеми Баронами, выехал встретить Изяслава, который вел за собою многочисленное стройное войско. С любовью обняв друг друга, они, в шатре Королевском, условились не жалеть крови для усмирения врага – и на рассвете, ударив в бубны, семьдесят полков Венгерских двинулись вперед; за ними шли Россияне и конные Берендеи; вступив в землю Галицкую, расположились близ реки Сана, ниже Перемышля. Владимирко стоял на другой стороне, готовый к бою, и схватил несколько *зажитников* Королевских. Тогда было Воскресенье; Гейза, обыкновенно празднуя сей день, отложил битву до следующего. По данному знаку союзное войско приступило к реке. Изяслав находился в середине, и так говорил ратникам: «Братья и дружина! Доселе Бог спасал от бесчестия землю Русскую и сынов ее: отцы наши всегда славились мужеством. Ныне ли уроним честь свою пред глазами союзников иноплеменных? Нет, мы явим себя достойными их уважения». В одно мгновение ока Россияне бросились в Сан: Венгры также, и смяли Галичан, стоявших за валом. Победенный Владимирко, проскакав на борзом коне между толпами Венгров и Черных Клобуков (один, с каким-то Избыгневом), заключился в Перемышле. Союзники могли бы тогда взять крепость; но воины их, грабя Княжеский богатый дворец на берегу Сана, дали время многим рассеянным битвою Галичанам собраться в городе. Владимирко хотел мира: ночью отправил к Архиепископу и Боярам Венгерским множество серебра, золота, драгоценных одежд и вторично склонил их быть за него ходатаями. Они представили Гейзе, что Галицкий Князь, тяжело раненный, признается в вине своей; что Небо милует кающихся грешников; что он служил копием своим отцу Гейзину, Беле *Слепому*, против Ляхов; что Владимирко, зная великодушие Короля и готовясь скоро умереть, поручает ему юного сына и боится единственно злобы Изяславовой. Великий Князь не хотел слышать о мире. «Если умрет Владимирко, – говорил он, – то безвременная кончина его будет справедливою Небесною казнию. Сей вероломный, клятвенно обещав нам приязнь свою, разбил твое и мое войско. Забудем ли бесчестие? Ныне Бог предаст Владимирка в руки наши: возьмем его и землю Галицкую». Мстислав, сын Великого Князя, еще ревностнее отца противился миру: напрасно Владимирко старался молением и ласками обезоружить их. Но Гейза отвечивал: «Не могу убить того, кто винится», и простил врага, с условием, чтобы он возвратил чужие, занятые им города Российские (Бужск, Тихомль, Шумск, Выгошев, Гнойни) и навсегда остался другом Изяславу, или, по тогдашнему выражению, *не разлучался с ним ни в добре, ни в зле*. Из шатра Королевского послали ко мнимому больному Владимирку чудотворный крест Св. Стефана: сей Князь дал присягу. «Если он изменит нам (сказал Гейза), то или мне не царствовать или ему не княжить». Услужив шурина и смилив надменного Владимирка, бывшего в тесном союзе с Греками, Король спешил к берегам Сава отразить Императора Мануила, хотевшего отомстить ему за обиду своего Галицкого друга. Изяслав, возвратясь в Киев с торжеством, изъявил благодарность Всевышнему, праздновал с дядею Вячеславом, уведомил брата своего, Князя Смоленского, о счастливом успехе похода и советовал ему остерегаться Георгия, слыша, что он вооружается в Ростове.

Князь Ссуздальский еще более возненавидел Мстиславичей за разрушение Городца, который был единственным его достоянием в полуденных, любезных ему странах Государства. Там он жил духом и мыслями; там лежал священный прах древних Князей Российских, славились храмы чудесами и жители благочестием. Георгий в наследственном восточном Уделе своем видел небо суровое, дикие степи, дремучие леса, народ грубый; считал себя как бы изгнанником и, презирая святость клятв, думал только о способах удовлетворить своему властолюбию. Он призвал Князей Рязанских и Половцев, кочевавших между Волгою и Доном; занял область Вятичей и велел Князю Новагорода Северского, Святославу Ольговичу, также быть к нему в стан под Глухов. Владимирко, сведав о походе Георгия, думал вместе с ним начать военные действия против Мстиславичей; но Изяслав успел отразить его и заставил возвратиться. Князь Галицкий, мужеством достойный отца, не хотел уподобляться ему в верности слова: не боялся клятвoprеступления и доказал ошибку снисходительного Гейзы, не исполнив обещания,

то есть силою удержав за собою города Великокняжеские, Шумск, Тихомль и другие. Видя, что Георгий намерен осадить Чернигов, Князь Смоленский, по сделанному условию с братом, вошел в сей город защитить Изяслава Давидовича, их союзника. Тут находился и Святослав Всеволодович, который уже знал характер Георгиев и не любил его. С душевным прискорбием они говорили друг другу: «Будет ли конец нашему междоусобию?» Набожный Князь Суздальский, подступив к Чернигову в день Воскресный, не хотел обнажить меча для праздника; но велел Половцам жечь и грабить в окрестностях! Двенадцать дней продолжались битвы, знаменитые мужеством Андрея Георгиевича: он требовал, чтобы Князья, союзники Георгиевы, сами по очереди ходили на приступ, для ободрения войска; служил им образцом и собственною храбростию воспламенял всех. Осажденные не могли защитить внешних укреплений, сожженных Половцами, и город был в опасности; но Великий Князь спас его. Услышав только, что Изяслав перешел Днепр, робкие Половцы бежали: Георгий также отступил за Снов, и Князь Черниговский встретил своего избавителя на берегу реки Белоуса.

Святослав Ольгович, удерживая Георгия, говорил: «Ты принудил меня воевать; разорил мою область, везде потравил хлеб и теперь удаляешься! Половцы также ушли в степные города свои. Мне ли одному бороться с сильными?» Но Князь Суздальский, оставив у Святослава только 50 человек дружины с сыном Васильком, вышел из области Северной, чтоб овладеть всею страной Вятчей, где ему никто не противился.

Тогда была уже глубокая осень: Изяслав дождался зимы, поручил Смоленскому Князю наблюдать за Георгием, осадил Новгород Северский и дал мир Святославу Ольговичу; а сын Великого Князя, Мстислав, с Киевскою дружиною и с Черными Клобуками воевал землю Половецкую: [в феврале 1153 г.] разбил варваров на берегах Орели и Самары, захватил их вежи, освободил множество Российских пленников. Но сей успех не мог утвердить безопасности восточных пределов Киевских: скоро Мстислав должен был вторично идти к берегам Псла для отражения Половцев.

Тогда, желая покоя, Великий Князь отправил Боярина, Петра Бориславича, с крестными грамотами к Владимирку Галицкому. «Ты нарушил клятву, – говорил ему Посол, – данную тобою нашему Государю и Королю Венгерскому в моем присутствии. Еще можешь загладить преступление: возврати города Изяславовы и будь его другом». Владимирко отвечив: «Брат мой Изяслав нечаянно подвел на меня Венгров: никогда не забуду того; умру или отмщу». Посол напоминал ему целование креста. «Он был не велик!» – сказал Владимирко в насмешку. «Но сила одного велика, – возразил Петр: – Вельможа Королевский объявлял тебе, что если, целовав сей чудесный крест Св. Стефана, преступишь клятву, то жив не будешь». Владимирко не хотел слушать и велел Послу удалиться. Изяславов Боярин положил на стол грамоты клятвенные, в знак разрыва. Ему не дали даже и подвод. Петр отправился на собственных конях; а Владимирко, пошедши в церковь к Вечерне и видя его едущего из города, смеялся над ним с своими Боярами. – В ту же ночь Отрок Княжеский, догнав сего Посла, велел ему остановиться. Петр ожидал новой для себя неприятности, беспокоился, и на другой день, вследствие вторичного повеления, возвратился в Галич. Слуги Владимирковы встретили его пред дворцом в черных одеждах. Он вошел в сени: там юный Князь Ярослав сидел на месте отца, в черной мантии и в клобуке, среди Вельмож и Бояр, также одетых в печальные мантии. Послу дали стул. Ярослав заливался слезами; царствовало глубокое молчание. Изумленный Боярин Изяславов хотел знать причину сей общей горести и сведал, что Владимирко, совершенно здоровый накануне, отслушав Вечерню в церкви, не мог сойти с места, упал и, принесенный во дворец, скончался. «Да будет воля Божия! – сказал Петр: – все люди смертны». Ярослав отер слезы. «Мы желали известить тебя о сем несчастье, – говорил он Послу: – скажи от меня Изяславу: *Бог взял моего родителя, быв Судиею между им и тобою. Могила прекратила вражду. Будь же мне вместо отца. Я наследовал Княжение; воины и дружина родительская со мною: одно его копие поставлено у гроба: и то будет в руке моей. Люби меня как сына своего, Мстислава: пусть он ездит с одной стороны подле твоего стремени, а я с другой, окруженный всеми полками Галицкими*».

Великий Князь изъявил сожаление о внезапной кончине знаменитого, умного Владимирка, основателя могущественной Галицкой области, но требовал доказательств искреннего дружельюбия от Ярослава – то есть, возвращения городов Киевских, и видя, что ему хотят удовлетворить только ласковыми словами, а не делом, прибегнул к оружию. Войско Галицкое стояло на берегах Серета: Изяслав, пользуясь густым утренним туманом, перешел за сию реку. Мгла исчезла, и неприятели увидели друг друга. Юный Князь Галицкий сел на коня. Усердные Вельможи сказали ему: «Ты у нас один: что будет, если погибнешь? Заключись в Теревовле: мы сразимся; и кто

останется жив, тот придет умереть с тобою». В сражении упорном и кровопролитном победа казалась сомнительною. Сын и братья Изяславы не могли устоять; но Великий Князь одолел на другом крыле. С обеих сторон гнались и бежали; обе стороны взяли пленников, но Изяслав более. Он поставил на месте битвы знамена неприятельские и схватил многих рассеянных Галичан, которые толпами к ним собирались, обманутые сею хитростию. Видя малое число своей дружины и боясь вылазки из Теробовля, Изяслав велел ночью умертвить всех несчастных пленников, кроме Бояр, и с покойною совестию возвратился в Киев, торжествовать второй брак свой. Невестю его была Княжна Абазинская, без сомнения Христианка: ибо в отечестве ее и в соседственных землях Кавказских находились издавна храмы истинного Бога, коих следы и развалины доныне там видимы. Мстислав, отправленный отцом, встретил сию Княжну у порогов Днепровских и с великою честью привез в Киев.

Готовясь к новому междоусобному кровопролитию (ибо непримиримый Князь Суздальский стоял уже с войском в земле вятичей, близ Козельска), Изяслав с прискорбием видел бесчестие своего меньшего сына, Ярослава, изгнанного Новгородцами, которые – в 1149 году положив на месте 1000 Финляндцев, хотевших ограбить Водскую область, – в течение пяти лет не имели иных врагов, кроме самих себя, и занимались одними внутренними раздорами. Избранный сим легкомысленным народом, Ростислав Смоленский, в угодность ему, отправился княжить в Новгород, а Ярослав в Владимир Волынский, на место умершего Святополка Мстиславича.

Малочисленность союзных Половцев и конский падеж заставили Георгия отложить войну. Между тем Изяслав, не дожив еще до глубокой старости, скончался, к неутешной горести Киевлян, всех Россиян и самых иноплеменников, Берендеев, Торков. Они единогласно называли его своим *Царем* славным, *господином* добрым, *отцем* подданных. Старец Вячеслав, проливая слезы, говорил: «Сын любезный! Сему гробу надлежало быть моим; но Бог творит, что ему угодно!» – Княжение Изяслава описано в летописях с удивительною подробностью. Мужественный и деятельный, он всего более искал любви народной и для того часто пировал с гражданами; говорил на Вечах, подобно Великому Ярославу; предлагал там дела Государственные и хотел, чтобы народ, исполняя волю Государя, служил ему охотно и врагов его считал собственными. Разделив престол с дядею, добродушным и слабым, Изяслав в самом деле не уменьшил власти своей, но заслужил похвалу современников; обходился с ним как нежный сын с отцом; один брал на себя труды, опасности, но приписывал ему честь побед своих и жил сам в нижней части города, уступив Вячеславу дворец Княжеский.

Готовый умереть за Киев, Изяслав удалялся от иных случаев проливать кровь Россиян: не вступился за сына, оскорбленного Новгородцами, ни за Рогволода Борисовича, зятя своего, которого Полочане в 1151 году свергнули с престола, избрав на его место Ростислава Глебовича, Князя Минского, и признав Святослава Ольговича покровителем их области. Так граждане своевольствовали в нашем древнем отечестве, употребляя во зло правило, что *благо народное священнее всех иных законов*.

Тело Изяслава было погребено в монастыре Св. Феодора, основанном Великим Мстиславом.

Глава XIII. Великий князь Ростислав-Михаил Мстиславич. Г. 1154–1155

Любовь Киевлян к Вячеславу. Смерть его. Сановники придворные. Неблагодарность и малодушие Ростислава. Гордость Мстиславова. Своеволие Новгородцев. Киевляне поддаются Изяславу. Георгий вступает в Киев.

Узнав о кончине Великого Князя, Изяслав Черниговский приплыл к Киеву, чтобы оросить слезами гроб умершего; но старец Вячеслав и Бояре, справедливо опасаясь его коварных намерений, не позволили ему въехать в столицу. Они ждали Князя Новгородского и Смоленского. Граждане, Торки, Берендеи с изъявлением усердия встретили Ростислава (который оставил в Новгороде сына своего, Давида), и добродушный дядя сказал ему: «Я стою у дверей гроба; суды, расправа и беспокойства ратные уже не мое дело. Подобно Изяславу будь мне сыном и Государем Россиян. Отдаю тебе полк и дружину свою». Бояре вместе с народом требовали от нового Князя, чтобы он, следуя примеру старшего брата, всегда уважал дядю как

отца, и в таком случае обещались служить ему верно. – В Киеве находился тогда Святослав Всеволодович: призванный Вячеславом, он уехал тайно от своих дядей и взял сторону Великого Князя, отдавшего ему за то Пинск и Туров.

С другой стороны Изяслав Черниговский и Святослав Ольгович заключили союз с Георгием, которого сын Глеб, наняв Половцев, осадил Переяславль: Мстислав Изяславич отразил их с помощью Киевской дружины. Великий Князь, чтобы предупредить Суздальского, хотел воспользоваться сею первою удачею и шел к Чернигову; но печальная весть настигла его в Вышегороде. Добрый Вячеслав скоропостижно умер [в 1155 г.]: ввечеру пировал с Боярами и ночью заснул навеки. Искренно сожалея о кончине его, Ростислав спешил в Киев предать земле тело старца в Софийском храме и быть свидетелем общей горести: ибо народ любил кроткие, Христианские добродетели сего Мономахова сына. В похвалу Великому Князю летописцы сказывают, что он, созвав во дворце Вельмож, Тиунов, Казначеев, Ключников умершего дяди, велел принести его имение: одежды, золото, серебро; все роздал по монастырям, церквам, темницам, богадельням и, поручив исполнить сие распоряжение вдовствующей супруге отца своего, взял себе на память один крест.

Когда Ростислав возвратился к войску, Бояре не советовали ему идти далее. «Ты еще слаб на престоле, – говорили они: – утверди власть свою, заслужи любовь народную, и тогда не бойся Георгия». Великий Князь отвергнул благоразумный совет; он приближался к Чернигову, требуя, чтобы Изяслав дал ему клятву верного союзника. «Кто вступил в мою область неприятелем, с тем не хочу дружить», – отвечив Изяслав и, соединясь с Глебом Георгиевичем, расположился станом на берегах реки Белоуса. Тут открылось малодушие Ростислава, который, будучи утрачен множеством Половцев, в самом начале перестрелки дал знать Черниговскому Князю, что уступает ему Киевскую область с Переяславлем, желая одного мира. С негодованием видя малодушие дяди, Мстислав Изяславич поворотил коня и, сказав: «Не будь же ни мне Переяславля, ни тебе Киева!» – удалился с своею дружиною. Войско расстроилось; свирепые Половцы гнали, рубили бегущих и схватили, в числе пленных, Святослава Всеволодовича. Мстислав, взяв в Переяславле жену, детей, ушел в Луцк, а бывший Великий Князь в Смоленск, лихась в то же время и Новагорода: ибо тамошние жители изгнали сына его, Давида, отправили Епископа Нифонта Послом в Суздаль и призвали Мстислава Георгиевича княжить в их области.

Киевляне, услышав с горестию о несчастьи Ростислава, должны были обратиться к победителю. Епископ Каневский, Дамиан, их именем сказал Изяславу: «Государь! Иди управлять нами, да не будем жертвою варваров!», ибо в сие время Половцы свирепствовали в окрестностях Днепра и долго не могли быть усмирены Глебом Георгиевичем, которому Изяслав Давидович отдал Переяславль. Между тем Георгий уже шел с войском и близ Смоленска получил весть о новой, благоприятной для него перемене обстоятельств; согласился забыть вражду Ростислава Мстиславича, примирился с ним и спешил к Киеву; простил и Святослава Всеволодовича, уважив ходатайство его дяди, Северского Князя, и послал объявить Черниговскому, чтобы он выехал из столицы Мономаховой. Изяслав колебался, медлил; говорил, что Киевляне добровольно возвели его на престол; но, убежденный Святославом Ольговичем, и не имея надежды отразить силу силою, отправился в Чернигов. Георгий, вступив в Киев, с общего согласия принял сан Великого Князя [20 марта 1155 г.].

Глава XIV. Великий князь Георгий, или Юрий Владимирович, прозванием Долгорукий. Г. 1155–1157

Уделы. Мстислав едет в Польшу. Тишина в России. Новое кровопролитие. Берендеи бьют Половцев. Союз с Половцами. Смятение в Новгороде. Союз против Георгия. Смерть его и свойства. Ненависть к нему. Дела церковные.

Следуя обыкновению, он назначил сыновьям Уделы: Андрею Вышегород, Борису Туров, Глебу Переяславль, Васильку окрестности Роси, где жили Берендеи и Торки; а Святослав Ольгович поменялся городами с своим племянником, сыном Всеволода, взяв у него Снов, Воротынский, Карачев и дав ему за них другие.

Опасаясь смелого, пылкого Мстислава, Великий Князь послал Юрия Ярославича, внука Святополкова, с Воеводами на Горынь: они взяли Пересопницу. В то же время зять Георгиев,

Князь Галицкий, и Владимир, брат Смоленского, осадили Луцк. Мстислав отправился искать союзников в Польше; но меньший брат его, Ярослав, заставил неприятелей снять осаду.

Достигнув главной цели своей, обремененный летами и желая спокойствия, Георгий призвал Ростислава Смоленского, клялся забыть вражду Изяславичей, его племянников, и хотел видеть их в Киеве. Ярослав повиновался; но Мстислав, боясь обмана, не ехал: Георгий послал к нему крестную грамоту, в доказательство искренней дружбы. Узнав о сем союзе и прибытии в Киев Галицкой вспомогательной дружины, Князь Черниговский, недовольный Георгием, также смирился и выдал дочь свою за его сына, Глеба. Великий Князь уступил Изяславу Корчск, а Святославу Ольговичу Мозырь. Князья же Рязанские новыми крестными обетами утвердили связь с Ростиславом Смоленским, коего они признавали их отцом и покровителем.

[1156 г.] Россия наслаждалась тишиною, говорят Летописцы: сия тишина была весьма непродолжительна. Мстислав принял крестную грамоту от деда, но не дал ему собственной и выгнал Георгиева союзника, Владимира, родного дядю своего, из Владимирской области; пленил его семейство, жену; ограбил Бояр и мать, которая с богатыми дарами возвратилась тогда от Королевы Венгерской, ее дочери. Оскорбленный Георгий, в надежде смирить внука с помощью одного Галицкого Князя, не хотел взять с собою ни Черниговской, ни Северной дружины и выступил с Берендеями. Напрасно искав защиты в Венгрии, изгнанник Владимир Мстиславич прибегнул к Великому Князю, но Георгий в самом деле не думал об нем, а хотел, пользуясь случаем, завоевать область Волынскую для другого племянника, Владимира Андреевича, чтобы исполнить обещание, некогда данное отцу его. Жестокое сопротивление Мстислава уничтожило сие намерение: десять дней кровь лилась под стенами Владимирскими, и Георгий, как бы подвигнутый человеколюбием, снял осаду. «Изяславич веселится убийствами и враждою, – сказал он детям и Боярам: – желаю не погибели его, а мира, и, будучи старшим, уступаю». – Владимир Андреевич ходил к Червену с мирными предложениями: напоминал тамошним гражданам о своем родителе, великодушном их Князе Андрее; обещал быть ему подобным, справедливым, милостивым; но, уязвленный в горло стрелою, удалился, отмстив жителям опустошением земли Червенской. Георгий наградил его Пересопницею и Дорогобужем; а Мстислав, следуя за дедом, жег селения на берегах Горыни.

Великий Князь щадил старинных друзей своих, Половцев. Они тревожили окрестности Днепра и были наказаны мужественными Берендеями, которые многих хищников умертвили, других взяли в плен и, в противность Георгиеву желанию, не хотели их освободить, говоря: «Мы умираем за Русскую землю, но пленники наша собственность». Георгий, два раза ездив в Канев для свидания с Ханами Половецкими, не мог обезоружить их ни ласкою, ни дарами; наконец заключил с ними новый союз, чтобы в нужном случае воспользоваться помощью сих варваров: ибо он, по тогдашним обстоятельствам, не мог быть уверен в своей безопасности.

[1157 г.] Ростислав Мстиславич имел преданных ему людей в Новгороде, которые с единомышленниками своими объявили всенародно, что не хотят повиноваться Мстиславу Георгиевичу. Сделалось смятение; граждане разделились на две стороны: Торговая вооружилась за Князя, Софийская против него, и мост Волховский, с обеих сторон оберегаемый воинскою стражею, был границею между несогласными. Но сын Георгиев бежал ночью, узнав о прибытии детей Смоленского Князя, и таким образом уступил Княжение Ростиславу, который, чрез два дня въехав в Новгород, восстановил совершенную тишину.

Сие происшествие должноствовало оскорбить Георгия: у него были и другие враги. Изяслав Давидович с завистию смотрел на престол Киевский; искал друзей; примирился с Ростиславом и для того оставил без мести неверность своего племянника, Святослава Владимировича, который, вдруг заняв на Десне города Черниговские, передался к Смоленскому Князю. Мстислав Изяславич Волынский также охотно вступил в союз с Давидовичем, чтобы действовать против Георгия, и сии Князья, напрасно убеждая Северского взять их сторону, готовились идти к Киеву в надежде на свое мужество, неосторожность и слабость Георгиеву. Судьба отвратила кровопролитие: Георгий, пировав у Боярина своего, Петрила, ночью занемог и чрез пять дней [15 Маия 1157 г.] умер. Сведав о том, Изяслав Давидович пролил слезы и, воздев руки на небо, сказал: «Благодарю тебя, Господи, что ты рассудил меня с ним внезапную смертью, а не кровопролитием!»

Георгий властолюбивый, но беспечный, прозванный Долгоруким, знаменит в нашей истории гражданским образованием восточного края древней России, в коем он провел все цветущие лета своей жизни. Распространив там Веру Христианскую, сей Князь строил церкви в Суздале, Владимире, на берегах Нерли; умножил число духовных Пастырей, тогда единственных

наставников во благонравии, единственных просветителей разума; открыл пути в лесах дремучих; оживил дикие, мертвые пустыни знаменами человеческой деятельности; основал новые селения и города: кроме Москвы, Юрьев Польский, Переяславль Залесский (в 1152 году), украшая их для своего воображения сими, ему приятными именами и самым рекам давая названия южных. Дмитров, на берегу Яхромы, также им основан и назван по имени его сына, Всеволода-Димитрия, который (в 1154 году) родился на сем месте. – Но Георгий не имел добродетелей великого отца; не прославил себя в летописях ни одним подвигом великодушия, ни одним действием добросердечия, свойственного Мономахову племени. Скромные Летописцы наши редко говорят о злых качествах Государей, усердно хваля добрые; но Георгий, без сомнения, отличался первыми, когда, будучи сыном Князя столь любимого, не умел заслужить любви народной. Мы видели, что он играл святостию клятв и волновал изнуренную внутренними несогласиями Россию для выгод своего честолюбия: к бесславию его нам известно также следующее происшествие. Князь Иоанн Берладник, изгнанный Владимирком из Галича, служил Георгию, и вдруг, без всякой вины (в 1156 году), был окован цепями и привезен из Суздаля в Киев: Георгий согласился выдать его, живого или мертвого, зятю своему, Владимиркову сыну. Заступление Духовенства спасло жертву: убежденный человеколюбивыми представлениями Митрополита, Георгий отправил Берладника назад в Суздаль; а люди Князя Черниговского, высланные на дорогу, силою освободили сего несчастного узника. – Одним словом, народ Киевский столь ненавидел Долгорукого, что, узнав о кончине его, разграбил дворец и сельский дом Княжеский за Днепром, называемый Раем, также имение Суздальских Бояр, и многих из них умертвил в иступлении злобы. Граждане, не хотев, кажется, чтобы и тело Георгиево лежало вместе с Мономаховым, погребли оное вне города, в Берестовской Обители Спаса.

Церковные дела сего времени достойны замечания. Георгий не желал оставить Митрополитом Климента, избранного по воле ненавистного ему племянника, и согласно с мыслями Нифонта, Епископа Новгородского, им уважаемого, требовал иного Пастыря от Духовенства Цареградского. Святитель Полоцкий и Мануил Смоленский, враг Климентов, (в 1156 году) с великою честью приняли в Киеве сего нового Митрополита, именем Константина, родом Грека; вместе с ним благословили Великого Князя, кляли память Изяслава Мстиславича и в первом совете уничтожили все церковные действия бывшего Митрополита; наконец, рассудив основательнее, дозволили отправлять службу Иереям и Дяконам, коих посвятил Климент. Ревностный Нифонт не имел удовольствия видеть свое полное торжество: он спешил встретить Константина, но еще до его прибытия скончался в Киеве, названный славным именем поборника всей земли Русской. Сей знаменитый муж, друг Святослава Ольговича, имел и неприятелей, которые говорили, что он похитил богатство Софийского храма и думал с оным уехать в Константинополь: современный Летописец Новгородский опровергает такую нелепую клевету и, хваля Нифонтовы добродетели, говорит: «Мы только за грехи свои лишились сладостного утешения видеть здесь гроб его!» – Новгородцы на место Нифонта в общем совете избрали добродетельного Игумена Аркадия и еще непоставленного ввели в дом Епископский: ибо избрание главного духовного сановника зависело там единственно от народа.

Глава XV. Великий князь Изяслав Давидович Киевский. Князь Андрей Суздальский, прозванный Боголюбским. Г. 1157–1159

Падение Великого Княжения Киевского. Новое сильное Княжение Владимирское. Происшествия в западной России. Мятежный дух Полочан. Раздор за Берладника. Бескорыстие Святослава. Неблагодарность Изяславова. Бегство Великого Князя. Странное завещание Митрополита. Мор в Новгороде.

Киевляне, изъявив ненависть к умершему Великому Князю, послали объявить врагу Георгиеву, Изяславу Давидовичу, чтобы он шел мирно властвовать в столице Российской. Изяслав, при восклицаниях довольного народа, въехал в Киев [19 мая 1157 г.], оставив в Чернигове племянника своего, Святослава Владимировича, с дружиною воинскою: ибо Князь Северский, хотя и миролюбивый, замышлял незапно овладеть сею удельною столицею Ольговичей: его не впустили; но Изяслав, желая иметь в нем благодарного союзника, добровольно отдал ему Чернигов; а племянник их, Святослав Всеволодович, получил в Удел Княжение

Северское. Они заключили мир на берегах Свины (где ныне Березна) в присутствии Мстислава, Владимирского Князя, который, одобвив условия, спокойно возвратился в Вольтину.

Таким образом Изяслав Давидович остался повелителем одной Киевской области и некоторых городов Черниговской. Переяславль, Новгород, Смоленск, Туров, область Горынская и вся западная Россия имели тогда Государей особенных, независимых, и достоинство Великого Князя, прежде соединенное с могуществом, сделалось одним пустым наименованием. Киев еще сохранял знаменитость, обязанный ею, кроме своего счастливого положения, торговле, множеству избыточных обитателей, богатству храмов, монастырей: скоро утратит он и сию выгоду, лишенный сильных защитников. Но в то время, как *древняя* столица наша клонится к совершенному падению, возникает *новая* под сению Властителя, давно известного мужеством и великодушием.

Еще при жизни Георгия Долгорукого сын его, Андрей, в 1155 году уехал из Вышегорода (не предупредив отца о сем намерении). Феатр алчного властолюбия, злодейств, грабительств, междоусобного кровопролития, Россия южная, в течение двух веков опустошаемая огнем и мечом, иноплеменниками и своими, казалась ему обителю скорби и предметом гнева Небесного. Недовольный, может быть, правлением Георгия и с горестию видя народную к нему ненависть, Андрей, по совету шурьев своих, Кучковичей, удалился в землю Суздальскую, менее образованную, но гораздо спокойнейшую других. Там он родился и был воспитан; там народ еще не изъявлял мятежного духа, не судил и не менял государей, но повиновался им усердно и сражался за них мужественно. Сей Князь набожный вместо иных сокровищ взял с собою Греческий образ Марии, украшенный, как говорят Летописцы, пятнадцатью фунтами золота, кроме серебра, жемчуга и камней драгоценных; избрал место на берегу Клязьмы, в прежнем своем Уделе: заложил каменный город Боголюб, распространил основанный Мономахом Владимир, украсил зданиями каменными, *Златыми* и *Серебряными* вратами. Как нежный сын оплакав кончину родителя, он воздал ему последний долг торжественными молитвами, строением новых церквей, Обителей в честь умершему, или для спасения его души; и между тем, как народ Киевский злословил память Георгия, священный Клирос благословлял оную в Владимире. Суздаль, Ростов, дотоле управляемые Наместниками Долгорукого, единодушно признали Андрея Государем. Любимый, уважаемый подданными, сей Князь, славнейший добродетелями, мог бы тогда же завоевать древнюю столицу; но хотел единственно тишины долговременной, благоустройства в своем наследственном Уделе; основал новое *Великое Княжение Суздальское*, или *Владимирское*, и приготовил Россию северо-восточную быть, так сказать, истинным сердцем Государства нашего, оставив полуденную в жертву бедствиям и раздорам кровопролитным.

Борис Георгиевич, княжив при отце в Турове, или добровольно выехал оттуда в Суздальскую область, или был изгнан Юрием Ярославичем, Святополковым внуком, который, происходя от старшей ветви Княжеского Дому, имел право на самую область Киевскую. Изяслав, желая доставить Удел Владимиру Мстиславичу, соединился с Князьями Вольтинскими, Галицким, Смоленским и приступил к Турову. Юрий искал мира, но мужественно оборонялся, и чрез 10 недель многочисленное войско осаждающих удалилось, потеряв большую часть коней своих от заразы.

[1158 г.] В числе Изяславовых союзников находились и Полочане, которые едва ли уступали тогда Новгородцам в своевольстве. Мы упоминали о несчастьи князя Рогволода Борисовича, изгнанного ими без всякой основательной причины: Святослав Черниговский дал ему вспомогательную дружину, и жители Друцка с великою радостью приняли его, выслав Глеба Ростиславича, ограбив дом, Бояр, друзей сего последнего. Отец Глебов, видя опасное волнение и в самом Полоцке, старался задобрить граждан ласками, дарами и, взяв с них новую присягу, осадил Друцк. Сильный отпор жителей заставил сего Князя искать мира: Рогволод дал клятву жить с ним в братстве и нарушил оную вместе с вероломными Полочанами, которые, думая загладить измену изменою, послали сказать ему: «Князь добрый! Мы виновны, свергнув тебя с престола и разграбив твое имение: не помни зла и возвратися к нам: выдадим тебе Ростислава Глебовича». Он согласился с ними; но Ростислав, уведомленный об их замысле, ходил вооруженный, носил латы под одеждою и смелостию вселял боязнь в злодеев. Наконец они устыдились своей робости и звали Князя, жившего за городом, в собрание народное, будто бы для дел государственных. «Вчера я был у вас, – отвечивал Ростислав: – для чего же вы не говорили о делах?» – однако ж поехал в город. Верный Отрок Княжеский остановил его: ибо народ уже снял с себя личину, грозно вопил на Вече и лил кровь Бояр, преданных Глебовичам.

Ростислав, соединив дружину, удалился в Минск к брату Володарю; а Рогволод, подкрепленный силою Князя Смоленского, отнял Изяславль у Всеволода Глебовича и предписал мир его брату: остался Князем Полоцким, дал Всеволоду Стрежев, Изяславль Брючиславу Васильковичу и восстановил тишину кратковременную. Володарь, третий сын Глебов, воевал тогда с Литвою: братья присягнули за него в верном исполнении мирных условий.

Изяслав Давидович не долго жил в союзе с Галицким и Волынскими Князьями. Поводом к сему разрыву служил знаменитый Воевода первого, Иоанн Берладник. Князь Галицкий, ненавидя и боясь сего брата двоюродного, изгнанного Владимирком, умел склонить на свою сторону не только Венгерского Короля с Поляками, но и многих Князей Российских, желая, чтобы они вместе с ним убедили Изяслава выдать ему Иоанна. Гнушаясь делом столь жестоким, великий князь отвечал их Послам в Киеве, что он никогда на то не согласится. Иоанн же, бесчеловечно гонимый, хотел мстить Ярославу Владимирковичу: ограбил несколько богатых судов на Дунае, нанял 6 000 Половцев и вступил в Галицию; но скоро был оставлен сими хищниками, ибо не позволял им опустошать земли и щадил доброхотствующих ему жителей. Сведая, что Ярослав вооружается, Великий Князь предложил Святославу Ольговичу тесный союз и два города, Мозырь и Чечерск. Тут Святослав оказал бескорыстие великодушное. «Признаюсь, – говорил он, – что я досадовал, когда ты не отдал мне всей области Черниговской; но сердце мое ненавидит злобу между родными. Если враги несправедливые угрожают тебе войною, то они будут и моими врагами. Сохрани меня Бог от издоимства в таком случае: не хочу никаких городов и вооружаюсь». Пировав три дня, они дали знать Князю Галицкому, что готовы соединенными силами отразить его нападение. Ярослав успокоился; но Великий Князь вздумал сам объявить ему войну за Иоанна Берладника: ибо многие Галичане звали сего Воеводу в землю свою, уверяя, что народ толпами устремится под его знамена и что сын Владимирков не любим гражданами. Святослав Ольгович не хотел идти; удерживал Великого Князя; представлял ему, что Иоанн не сын, не брат их; но пылкий Изяслав с угрозами отвечал в Василькове Послу Черниговскому: «Скажи брату, что он, по возвращении моем из Галича, волею и неволею может отправиться назад в Новгород Северский!» Добродушный Святослав с горестию видел несправедливость своего родственника, желая ему добра и мира Государству. «Богу открыто смирение души моею, – сказал он Вельможам: – я не искал управы мечом, когда Изяслав, вместо целой области Черниговской, дал мне только семь городов, опустошенных Половцами и населенных *псарями*. Он еще не доволен, и за миролюбивый, благоразумный совет грозитя, вопреки святой клятве, выгнать меня из Чернигова! Но Провидение карает вероломных». Оно в самом деле наказало брата его. Галицкий, соединясь с Волынскими Князьями, Изяславичами и дядею их, Владимиром Андреевичем, предупредил Великого Князя и занял Белгород. Изяслав обступил их с войском многочисленным: одних Половцев было у него с лишком 20 000. Указывая на сильные полки свои, он с гордостью требовал, чтобы союзники вышли из города. Но Берендеи и Торки изменили ему; начальники их тайно велели сказать Мстиславу: «Князь! От нас все зависит. Если будешь нам другом, как отец твой, и дашь каждому по доброму городу, мы оставим Изяслава». Они сдержали слово: в глубокою полночь зажгли шатры свои и с грозным воплем ускакали в город. Пробужденный ночью тревогою, Великий Князь сел на коня; увидел измену и бежал за Днепр вместе с Владимиром Мстиславичем, его другом; Половцы также: многие из них утонули в Роси; других пленили Юрьевцы и Берендеи.

Союзники вошли в столицу, послав объявить Смоленскому Князю, Ростиславу, что они единственно для него завоевали престол Киевский и будут ему послушны как старшему. Мстислав требовал только, чтобы низверженный Митрополит Климент снова управлял церковью Российскою: «ибо Константин (говорил он) клял память отца моего». Но Ростислав не хотел слышать о Клименте, избранном, по его мнению, незаконно. Наконец согласились, чтобы не быть Митрополитом ни тому, ни другому и призвать нового из Царяграда. Изгнанный Мстиславом, Константин уехал в Чернигов и скоро преставился, удивив современников и потомство странностию своего завещания. Он вручил запечатанную духовную Святителю Черниговскому, Антонию, и требовал, чтобы сей Епископ клятвенно обязался исполнить его последнюю волю. Антоний в присутствии Князя Святослава срезал печать и с изумлением читал следующее: «Не погребайте моего тела: да будет оно извлечено из града и повержено псам на снадение!» Епископ не дерзнул нарушить клятвы; но Князь, страшась гнева Небесного, велел на третий день привезти тело Митрополита в Чернигов и с честью предать земле в Соборной церкви, подле гроба Игоря Ярославича. Летописцы рассказывают, что в сии три дня, ясные для Чернигова, была ужасная буря и молния в Киеве; что одним громовым ударом убило там семь

человек и ветер сорвал шатер Ростислава, стоявшего тогда в поле близ Вышегорода; что сей Князь старался молитвами в церквах умилоствовать Небо и что вдруг настала тишина, когда совершилось погребение Митрополитова тела.

В княжение Изяслава Новгород вторично испытал бедствие мора: не успевали хоронить ни людей, ни скота; от смрада бесчисленных трупов нельзя было ходить по городу, ни в окрестностях. Летописцы не говорят о происхождении, свойстве и наружных знаках сей язвы, которая свирепствовала единственно в Новгороде.

Глава XVI. Великий князь Ростислав-Михаил вторично в Киеве. Андрей в Владимире Суздальском. Г. 1159–1167

Злоба Изяславова. Союз Ростислава с Святославом. Город Берлад. Впадение Половцев. Андрей за Изяслава: властвует в Новгороде. Клевета на Ростислава. Ростислав изгнан. Смерть Изяслава. Берладник отравлен ядом в Греции. Ссора и мир Великого Князя со Мстиславом. Уделы. Набег Ляхов. Единовластие Андрея. Изгнание братьев его в Грецию. Кончина Святослава: ее следствия. Вероломство Епископа. Беспокойства в земле Полоцкой. Война с Болгарами. Победа над Шведами. Россияне бьют Половцев в степях. Кончина Великого Князя. Его свойства. Союзы и браки. Дела церковные.

Ростислав – оставив сыновей княжить, Святослава в Новгороде, Давида в Торжке, Романа в Смоленске – был с честью и радостью принят [12 Апреля 1159 г.] от всех жителей Киевских. Племянник его, Мстислав, возвратился в юго-западную Россию с богатою добычею, взяв имение Изяславовых Вельмож, множество серебра, золота, рабов и всякого скота.

Бывший Великий Князь ушел в Сожскую область, ему принадлежавшую, и съехался в Гомье, или нынешнем Гомеле, с женою, которая вслед за ним бежала из Киева. Приписывая свое несчастье брату Ольговичу, не хотевшему дать ему помощи, Изяслав завоевал его область, землю Вятичей, пленил жителей одного местечка, бывшего собственностью или веном Княгини Черниговской, и тревожил города Курские. Тогда Святослав, захватив имение и семейства многих Бояр сего злобного родственника, вступил в союз с Государем Киевским. Они съехались в Моровске, обедали друг у друга и богатыми дарами утвердили взаимную любовь между собою: Ростислав подарил Черниговскому Князю несколько соболей, горностаев, черных куниц, песцов, волков белых и рыбьих зубов; а Святослав Великому Князю парда и двух коней с окованными седлами.

Сии два Князя, быв от юности неприятелями, искренно клялися умереть друзьями и согласились общими силами действовать против Изяслава. Надлежало прежде защитить южные пределы Государства от внешних хищников. В Молдавии, между реками Прутом и Серетом, находился тогда город многолюдный и крепкий, именем Берлад (ныне местечко), основанный близ развалин древней дакийской Зузидавы: он был гнездом своевольных бродяг, людей разного племени и закона, коих главное ремесло состояло в грабеже по Черному морю и Дунаю. Шайки их взяли Олешье (знаменитое торговое место при устье Днепра, где складывались Греческие товары, отправляемые в Киев): Воевода Великокняжеский, Георгий Нестерович, настиг сих разбойников и выручил многих взятых ими пленников вместе с богатою добычею. – Надлежало еще отразить набег Половцев: сын Святославов в Черниговской области, а дружина Галицкая, Князья Волынские и Берендеи на западном берегу Днепра побили и гнали их до границы.

Сии хищники явились с другой стороны, нанятые Изяславом Давидовичем, который, не теряя времени, осадил с ними Чернигов, где Святослав и племянник его, Князь Северский, едва успели изготавиться к обороне, требуя войска от Ростислава. Но Киевляне и Берендеи, веря искреннему союзу дяди, не верили племяннику, зная его коварство: чтобы успокоить их, Святослав Всеволодович прислал сына в залог к Ростиславу, и полки Великокняжеские спасли Чернигов. Изяслав, утраченный силою оных, бежал в степи. Там услышал он, что неосторожный Святослав отпустил союзников и сам болен: чем желая воспользоваться, Изяслав снова перешел за Десну с Половцами. Князь Черниговский действительно был нездоров; однако ж с супругою и детьми стоял в поле, успел возвратить Киевлян и мужественно отразил варваров. Союзники, гонясь за Изяславом, приступили к Вырю, где оставалась его Княгиня с казною. Тут воевода Иоанн Берладник имел случай доказать ему свое усердие; защитил город и принудил

осаждающих удалиться. Изяслав отмстил им ужасным разорением Смоленской области: ибо наемники его, Половцы, пленили в ней более десяти тысяч людей безоружных, кроме множества убитых; но, видя превосходство сил на стороне врагов, он искал союзника в могущественном Князе Суздальском.

Андрей Георгиевич, не заботясь о России южной, желал господствовать в северной единовластно и присвоить себе древнюю столицу Рюрикову, то есть выгнать оттуда сыновей Великого Князя: Святослава Ростиславича из Новагорода, а Давида из Торжка. Не доброхотствуя отцу их, Андрей вступился за Изяслава и помолвил дочь свою за его племянника, Святослава Владимировича, осаждаемого тогда Князем Черниговским в городе Вщиже. Роман и Рюрик, сыновья Великого Князя, Владетель Северский с братом, Полочане и дружина Галицкая была с Святославом Ольговичем; но слыша, что сильное войско Андреево и Муромское идет отразить их от Вщижа, союзники склонились к миру, и Святослав Черниговский снял осаду, клятвенно обязав племянника чтить его как старшего в роде. – Андрей съехался с Изяславом в Волоке Ламском, праздновал там свадьбу дочери и послал сказать Новгородцам, что он намерен искать их Княжения, не любит кровопролития, но готов воевать в случае сопротивления. Чиновники объявили о том народу. Слава Андреева давно гремела в России: Новгородцы пленились мыслию повиноваться столь знаменитому Князю; однако ж, не имея причин жаловаться на своего, не вдруг прибегнули к средствам насилия: сперва сказали, что область Новгородская никогда не имела двух Князей и что Давид должен оставить Торжок; когда же Святослав Ростиславич, угождая им, велел брату выехать оттуда в Смоленск, они решились, без дальнейших околичностей, взять его под стражу. Уведомленный о сем намерении, Святослав не хотел верить. «Вчера (говорил он Боярам) граждане любили меня; вчера я слышал их клятвы, видел общее усердие». В самое то время народ вломился во дворец, неволею послал Князя в Ладогу, запер его жену в монастырь, разграбил казну, оковал дружину. Андрей отправил племянника, Мстислава, Наместником в Новгород; а Святослав Ростиславич ушел из Ладоги к отцу, который, в первую минуту гнева, велел заключить в душную темницу всех купцов Новгородских, бывших в Киеве; но выпустил и разослал их по городам, сведав с прискорбием, что некоторые из них скоропостижно умерли в оной. Хотя Великий Князь досадовал на Андрея Суздальского, однако ж не думал мстить ему кровопролитием и желал спокойствия.

К несчастью, он не мог удовлетворить своему искреннему миролюбию. Видя, что Андрей, довольный приобретением Новагорода, не расположен воевать с Великим Князем, беспокойный Изяслав снова обратился к Половцам и нашел единомышленника в непостоянном Святославе Всеволодовиче; их сторону взяли также некоторые Бояре Киевские и Черниговские, хотевшие неустройства: ибо зло общее бывает иногда частною выгодною. Святослав Ольгович послал сына своего, Олега, в Киев, где Великий Князь желал дружелюбно угостить его. Клеветники уверили сего юношу, что Ростислав тайно готовит ему темницу, и легкомысленный Олег, не сказав ни слова отцу, пристал к Изяславу Давидовичу и Князю Северскому. Святослав душевно оскорбился вероломством сына и племянника в рассуждении Великого Князя; но коварные его Вельможи старались очернить Ростислава. «Знай (говорили они своему Князю), что Духовник Ростиславича ездил из Смоленска к Изяславу и предлагал ему Чернигов: Государь Киевский притворяется другом твоим, но помогает тебе *лениво*, и до сего времени ты не видал никакой пользы от его союза». Обманутый клеветою, Черниговский Князь взял сторону брата; однако ж сам не хотел участвовать в войне. Изяслав с союзниками ополчился; стоял две недели под стенами Переяславля, убеждая зятя своего, Глеба Георгиевича, вооружиться против Великого Князя; не успел в том и, видя Ростислава готового к битве, удалился. Но вторичное его предприятие было счастливее: в течение зимы [1161 г.] усиленный множеством Половцев, он переправился за Днепр выше Киева и приступил к Подолу, огражденному высоким тыном. Тут началось сражение. Половцы во многих местах рассекли ограду, ворвались в улицы и зажгли дома. Окруженные пламенем, дымом и мечами варваров, Киевляне с Берендеями в ужасе бежали на гору к Златым вратам каменной стены. Тогда Великий Князь, приняв совет дружины, оставив Киев и заключился в Белгороде, ожидая скорой помощи.

Изяслав вступил в Киев, освободил там многих друзей своих, бывших под стражею, и спешил осадить Белгород. Великий Князь сжег деревянные укрепления, или *острог*, и четыре недели оборонялся в крепости. Напрасно Святослав Черниговский склонял брата к общему миру, советуя ему снять осаду, возвратиться за Днепр и ждать всего от справедливости. Изяслав отвечал ему Послам: «Ежели уйду за Днепр, то союзники оставят меня. Что ж будет со мною? В степях ли Половецких найду для себя область? Лучше умру здесь от меча, нежели от

голода на берегах Сейма». Он говорил смело, но действовал малодушно: ибо, услышав, что Торки, Берендеи, Печенеги Росьские, Мстислав Волынский и Галичане идут в помощь к Великому Князю, Изяслав бежал и погиб без мужественной обороны: неприятельский всадник, именем Выйбор, рассек ему саблею голову. Великий Князь и Мстислав нашли его плавающего в крови и не могли удержаться от слез искренней горести. «Вот следствие твоей несправедливости! – сказал первый: – недовольный областью Черниговскою, недовольный самым Киевом, ты хотел отнять у меня и Белгород!» Изяслав не отвечивал, но просил воды; ему дали вина – и сей несчастный Князь, взглянув дружелюбно на врагов сострадательных, скончался [6 марта 1161 г.]. Пишут, что он в битвах обыкновенно носил власяницу брата своего, Николая Святоши, а в сей день почему-то не хотел надеть ее. Разбив Половцев, Олегову дружину, Черниговскую и Князя Северского, взяв их обозы, победители отослали в Чернигов тело Изяслава, искренно оплаканного братом Святославом и еще искреннее Иоанном Берладником. Сей злополучный Галицкий Князь, утратив в Изяславе единственного своего покровителя, уехал в Грецию и кончил горестную жизнь в Фессалонике, отравленный ядом, как думали современники. Великий Князь, не желая мстить ни Святославу Ольговичу, ни гораздо виновнейшему Северскому Владетелю, некогда им облагодетворенному, удовольствовался их новою присягою и нашел способ дружелюбно разделаться с Андреем, который добровольно уступил ему Новгород, изведав беспокойную строптивость его жителей. Обузданные согласием двух сильных Государей, они молчали, и Святослав Ростиславич возвратился управлять ими.

[1162–1163 гг.] Мирясь с неприятелями, Ростислав оскорбил знаменитейшего друга своего и племянника, Мстислава Волынского, который возвел его на престол и удержал на оном. Великий Князь отдал ему в поместье Белгород, Триполь, Торческ, как будущему наследнику всей Киевской области. Но пылкий Мстислав начал, кажется, прежде времени господствовать в оной самовластно, не хотел слушать выговоров дяди и, с гневом уехав в Вольнию, старался угрозами преклонить к себе Владимира Андреевича, княжившего в Пересопнице. Сей последний отвечал ему: «Ты властен завоевать мою область, и я готов скитаться в бедности с детьми своими по землям чуждым; но буду всегда душою и сердцем за Ростислава». Огорченный злобою племянника, Великий Князь отнял у него города днепровские, но с радостью возвратил ему оные, когда Мстислав одумался и прибегнул к дяде с извинениями. – Столь же великодушно поступал Великий Князь и с другими, ближними и дальними родственниками. Меньший его брат, Владимир Мстиславич, упорный союзник Изяслава Давидовича, самовольно властвовал в Слуцке: Ростислав принудил Владимира выехать оттуда, но дал ему пять городов Киевских; а внуку Вячеславу, именем Роману, два города в Смоленской области, Васильев и Красный. Мы говорили о Туровском Владетеле, Юрии Ярославиче, внуке Святополка-Михаила: отверженный от союза двух тогда господствующих Домов Княжеских, Мономахова и Черниговского, он держался единственно своим мужеством и счастливо отразил приступ соединенных Князей Волынских, хотевших, подобно Изяславу Давидовичу, изгнать его из Турова. Великий Князь, любя справедливость, заключил с ним мир. – Тишина внутренняя была тем нужнее, что внешние неприятели, Ляхи, в сие время беспокоили западную Россию и грабили в окрестностях Червена.

Андрей Георгиевич, ревностно занимаясь благом Суздальского Княжения, оставался спокойным зрителем отдаленных происшествий. Имея не только доброе сердце, но и разум превосходный, он видел ясно причину государственных бедствий и хотел спасти от них по крайней мере свою область: то есть отменил несчастную Систему Уделов, княжил единовластно и не давал городов ни братьям, ни сыновьям. Может быть, Бояре первых осуждали его, ибо лишались выгоды участвовать в правлении Князей юных, грабить землю и наживаться. Некоторые думали также, что он незаконно властвует в Суздале, ибо Георгий назначил сие Княжение для меньших детей; и что народ, обязанный уважать волю покойного Государя, не мог без вероломства избрать Андрея. Может быть, и братья сего Князя, следуя внушению коварных Бояр, изъявляли негодование и мыслили рано или поздно воспользоваться своим правом. Как бы то ни было, Андрей, дотоле кроткий во всех известных случаях, решился для государственного спокойствия на дело несправедливое, по мнению наших предков: он выгнал братьев: Мстислава, Василька, Михаила; также двух племянников (детей умершего Ростислава Георгиевича) и многих знатнейших Вельмож Долгорукого, тайных своих неприятелей. Мстислав и Василько Георгиевичи, вместе с их вдовствующею родительницею, мачехою Андрея, удалились в Константинополь, взяв с собою меньшего брата, осьмилетнего Всеволода (столь знаменитого впоследствии). Там Император Мануил принял изгнанников с честью и с любовию; желал их

утешить благодеяниями и дал Васильку, по известию Российских Г греческих Летописцев, область Дунайскую.

[1164–1166 гг.] В России южной кончина Святослава Черниговского произвела несогласие между сыном его и племянником. Святослав, достопамятный своею привязанностию к несчастному брату Игорю и миролюбием, оставил наследникам великое богатство. Старший его сын, Олег, находился в отсутствии. Черниговский Епископ Антоний и Вельможи собрались к горестной овдовевшей Княгине и, боясь хищного Владетеля Северского, решились таить смерть Святослава до Олегова возвращения. Все дали в том клятву, и во-первых Епископ, хотя Бояре говорили ему: «Нужно ли целовать крест Святителю? Любовь твоя к Дому Княжескому известна». Но Святитель был Грек, по словам Летописца: хитер и коварен. Он в тот же час написал к Святославу Всеволодовичу, что дядя его скончался; что Олега и воинской дружины нет в городе; что Княгиня с меньшими детьми в изумлении от горести и что Святослав найдет у нее сокровища несметные. Сей Князь немедленно отправил сына занять Гомель, а Бояр своих в другие Черниговские области; и сам хотел въехать в столицу. Олег предупредил его; однако ж добровольно уступил ему Чернигов, взяв Новгород Северский. Святослав клялся наградить братьев Олеговых иными Уделами, и забыв обет, присвоил себе одному города умершего внучатного брата, сына Владимирова, Князя Вщижского. С обеих сторон готовились к войне. Святослав уже звал Половцев; но Великий Князь, будучи тестем Олеговым, примирил ссору и заставил Святослава уступить Олегу четыре города.

Ростислав не мог успокоить одних Владетелей Кривских, или Полоцких. Глебовичи, нарушив мир, нечаянно взяли Изяславль и заключили тамошних Князей, Брячислава и Володшу Васильковичей, в оковы. Рогволод Полоцкий, требуя защиты Государя Киевского, осадил Минск и, стояв там шесть недель, освободил Васильковичей мирным договором; а после, желая отнять Городок у Володаря Глебовича, сам утратил Полоцк, где народ признал своим Владетелем его племянника двоюродного, Всеслава Васильковича. Сын Великого Князя, Давид, господствуя в Витебске, должен был вступить за Всеслава, изгнанного мятежным Володарем, и снова ввел его в Полоцк, к удовольствию народа. В сих ничтожных, однако ж кровопролитных распрях Литовцы служили Кривским Владетелям как их подданные.

Давно Россияне, притупляя мечи в гибельном междоусобии, не имели никакой знаменитой рати внешней: Андрей, несколько лет наслаждавшись мирным спокойствием, вспомнил наконец воинскую славу юных лет своих и выступил в поле, соединясь с дружиною Князя Муромского, Юрия Ярославича. Оскорбленный соседственными Болгарами, он разбил их войско многочисленное, взял знамена и прогнал Князя. Возвратясь с конницею на место битвы, где пехота Владимирская стояла вокруг Греческого образа Богоматери, привезенного из Вышегорода, Андрей пал пред святою иконою, слезами изъявил благодарность Небу и, желая сохранить память сей важной победы, уставил особенный праздник, доньше торжествуемый нашею Церковию. Россияне завладели на Каме *славным* Болгарским городом Бряхимовом и несколько других городов обратили в пепел.

В сие же лето Новгородцы одержали победу над Шведами, которые, овладев тогда Финляндиею, хотели завоевать Ладогу и пришли на судах к устью Волхова. Жители сами выжгли загородные дома свои, ждали Князя и под начальством храброго Посадника, Нежаты, оборонялись мужественно, так, что неприятель отступил к реке Вороной, или Салме. В пятый день приспел Святослав с Новгородским Посадником Захариюю, напал на Шведов и взял множество пленников; из пятидесяти пяти судов их спаслись только двенадцать.

В окрестностях Днепра Половцы не переставали злодействовать и грабить: чтобы унять их, Ростислав призвал многих Князей с дружинами. Казалось, что он хотел, подобно деду, Мономаху, прославить себя важным предприятием и надолго смирить варваров; но войско союзное пеклося единственно о безопасности судоходства по Днепру и, несколько времени стояв у Канева, разошлось, когда флот купеческий благополучно прибыл из Греции. – Зато Северский Князь и брат Черниговского при наступлении зимы, отменно жестокой, с малочисленною дружиною дерзнули углубиться в степи Половецкие; взяли станы двух Ханов и возвратились с добычею, серебром золотом.

Ростислав, уже престарелый, всего более заботился тогда о судьбе детей своих: несмотря на слабое здоровье, он поехал в область Новгородскую, чтобы утвердить Святослава на ее престоле. Угощенный зятем Олегом в Чечерске, Великий Князь имел удовольствие видеть искреннюю любовь Смоленян, которых Послы встретили его верст за 300 от города. Сын Роман, внуки, Епископ Мануил, вместе с народом, приветствовали доброго старца: Вельможи, купцы, по

древнему обыкновению, сносили дары Государю. Утомленный путем, он не мог ехать далее Великих Лук и, призвав туда знатнейших Новгородцев, взял с них клятву забыть прежние неудовольствия на сына его, никогда не искать иного Князя, *разлучиться с ним одною смертию*. Щедро одаренный ими и Святославом, успокоенный их согласием, Великий Князь возвратился в Смоленск, где Рогнеда, дочь Мстислава Великого, видя изнеможение брата, советовала ему остаться, чтоб быть погребенным в церкви, им сооруженной. «Нет, – сказал Ростислав: – я хочу лежать в Киевской Обители Св. Феодора, вместе с нашим отцом; а ежели бог исцелит меня, то постригуся в монастыре Феодосиевом». Он скончался [14 марта 1167 г.] на пути, тихим голосом читая молитву, смотря на икону Спасителя и проливая слезы Христианского умиления.

Сей внук Мономахов принадлежал к числу тех редких Государей, которые в своем блестящем верховном сане находят более тягости, нежели удовольствия. Он не искал Великого Княжения и, дважды возведенный на престол одного, искренно желал отказаться от власти. Любя Печерского Игумена, Поликарпа, Ростислав имел обыкновение всякую субботу и воскресенье Великого Поста обедать во дворце с сим благочестивым мужем и с двенадцатью братьями Феодосиевой обители; беседовал о добродетелях Христианских и часто говорил им о намерении удалиться от суетного мира, чтобы краткую, *мимотекущую* жизнь посвятить Небу в безмолвии монастырском, особенно после кончины Святослава Ольговича; но разумный Игумен всегда отвечал: «Князь! Небо требует от тебя иных подвигов; делай правду и блюди землю Русскую». Нет сомнения, что Государь истинно набожный скорее иного может быть отцем народа, если одарен свыше умом и твердостью. Ростислав не отличался великими свойствами отца и деда; но любил мир, тишину отечества, справедливость и боялся запятнать себя кровию Россиян.

Сей Великий Князь был другом Императора Мануила и помогал ему, как Государю единоверному, против Короля Венгерского, Стефана III. Мануил тогда же заключил союз и с Галицким Князем, Ярославом. Узнав о намерении последнего выдать дочь свою за Стефана, Император писал к нему, что сей Король есть изверг вероломства, и что супруга такого человека без сомнения будет несчастлива. Письмо имело действие, и хотя Ярослав, уже отправив невесту в Венгрию, не мог отменить брака, однако ж взял сторону греков. Стефан – кажется, досадуя на тестя – развелся с молодою супругою и женился на дочери Австрийского Герцога. – Несмотря на союз с Императором, Галицкий Князь дружески принял врага Мануилова, Андроника Комнина, сына Исаакиева, бежавшего из темницы Константинопольской, и дал ему в Удел несколько городов. Андроник, как пишут Византийские Историки, всегда ездил на охоту с Ярославом, присутствовал в его Совете Государственном, жил во дворце, обедал за столом Княжеским и собирал для себя войско. Изъявив неудовольствие Ярославу, Мануил прислал наконец в Галич двух Митрополитов, которые уговорили Андроника возвратиться в Царьград: Епископ Галицкий, Козьма, и бояре Ярославовы с честью проводили его за границу. – Сей изгнанник чрез несколько лет достиг сана Императорского: будучи признательным другом Россиян, он подражал им во нравах: любил звериную ловлю, бегание взапуски и, низверженный с престола, хотел вторично ехать в наше отечество; но был пойман и замучен в Константинополе.

Ростислав в 1160 году призвал из Греции нового Митрополита, Феодора, умершего чрез три года. Великий Князь, отдавая наконец справедливость достоинствам изгнанного Святителя, Климента, желал возвратить ему сан Архипастыря нашей Церкви и для того послал Вельможу, Юрия Тусемковича, в Грецию; но сей Боярин встретил в Ольше нового Митрополита, Иоанна, поставленного в Константинополе без согласия Великокняжеского. Ростислав был весьма недоволен; однако ж, смягченный дружеским письмом Мануила и дарами, состоявшими в бархатах и тканях драгоценных, принял Греческого Святителя, с условием, чтобы впредь Император и Патриарх не избирали Митрополитов России без воли ее государей. – Исполняя требование честолюбивых Новгородцев, Иоанн позволил их Епископу, именем также Иоанну, мужу добродетельному, называться *Архиепископом*. Сей Митрополит, умерший незадолго до кончины Великого Князя, славился ученостию и, слыша о желании Папы, Александра III, знать особенные догматы нашей Церкви, писал к нему ласково, оправдывая уставы Восточной. Письмо его, истинное или подложное, напечатано на языке Латинском и достойно Пастыря Христианского. «Не знаю (говорит сочинитель), каким образом произошли ереси в Вере Божественной; не понимаю, как могут Римляне именовать нас лже-Христианами. Мы не следуем такому примеру и считаем их своими братьями, хотя и видим, что они во многом заблуждаются». Предложив учение обеих Церквей и доказав согласие нашего с Апостольским, добрый Митрополит убеждает

Папу восстановить древнее единство Веры; кланяется ему от имени всего Духовенства и желает, чтобы любовь братская обитала в сердцах Христиан.

Глава XVII. Великий князь Мстислав Изяславич Киевский. Андрей Суздальский, или Владимирский. Г. 1167–1169

Вероломство Владимира. Изгнание Святослава из Новгорода. Война с Половцами. Речь Мстислава. Клевета Бояр. Ненависть Андрея ко Мстиславу. Взятие и совершенное падение Киева.

Сыновья Ростислава, брат его Владимир, народ Киевский и Черные Клобуки – исполняя известную им последнюю волю умершего Великого Князя – звали на престол Мстислава Волынского. Сей Князь, задержанный какими-то особенными распоряжениями в своем частном Уделе, поручил Киев племяннику, Васильку Ярополковичу, прислал нового Тиуна в Киев и скоро узнал от них, что дядя его, брат Ярослав, Ростиславичи и Князь Дорогобужский Владимир Андреевич, заключив тесный союз, думают самовольно располагать областями: хотят присвоить себе Брест, Торческ и другие города. Мстислав оскорбился; призвал Галичан, Ляхов и выступил к Днепру с сильною ратиею. Усердно любив отца, Киевляне любили и сына, знаменитого делами воинскими; народ ожидал Мстислава с нетерпением, встретил с радостью, и Князь смирился. Только Владимир Мстиславич, малодушный и вероломный, дерзнул обороняться в Вышегороде: Великий Князь мог бы наказать мятежника; но, желая тишины, уступил ему Котелницу и чрез несколько дней сведал о новых злых умыслах сего дяди. Владимир хотел оправдаться. Свидание их было в Обители Печерской. «Еще *не обсохли* уста твои, которыми ты целовал крест в знак искреннего дружества!» – говорил Мстислав, и требовал вторичной присяги от Владимира. Дав оную, бессовестный дядя за тайну объявил Боярам своим, что Берендеи готовы служить ему и свергнуть Мстислава с престола. Вельможи устыдились повиноваться клятвопреступнику. «И так отроки будут моими Боярами!» – сказал он и приехал к Берендеям, подобно ему вероломным: ибо сии варвары, быв действительно с ним в согласии, но видя его оставленного и Князьями и Боярами, пустили в грудь ему две стрелы. Владимир едва мог спастись бегством. Гнушаясь сам собою, отверженный двоюродным братом, Князем Дорогобужским, и боясь справедливой мести племянника, сей несчастный обратился к Андрею Суздальскому, который принял его, но не хотел видеть; обещал ему Удел и велел жить в области Глеба Рязанского. Мать Владимирова оставалась в Киеве: Мстислав сказал ей: «Ты свободна: иди куда хочешь! но могу ли быть с тобою в одном месте, когда сын твой ищет головы моей и смеется над святостию крестных обетов?»

Андрей тогда же принял к себе и другого изгнанника, Святослава Ростиславича. Новгородцы – думая, что смерть отца Святослава разрешила их клятву – в тайных ночных собраниях умыслили изгнать своего Князя. Сведав заговор, Святослав уехал в Великие Луки и велел объявить Новгородцам, что не хочет княжить у них. «А мы не хотим иметь тебя князем», – ответствовали граждане, клялися в том иконою Богоматери и выгнали его из Лук. Святослав бежал в Суздальскую область и, с помощью Андрея обратив в пепел Торжок, грабил окрестности. С другой стороны Князь Смоленский, отмщая за брата, выжег Луки. Бедные жители стремились толпами в Новгород, требуя защиты. Могущественный Андрей, действуя согласно с Романом Смоленским и Всеславом Полоцким, хотел, чтобы Новгородцы смирились пред Святославом. «Вам не будет иного Князя», – говорил он с угрозами. Но упрямый народ презирал оные; убил Посадника и двух иных друзей Святославовых; готовился к обороне и просил сына у Великого Князя Мстислава, обещаясь умереть за него и за вольность. Едва Послы Новгородские могли проехать в Киев: ибо на всех дорогах стерегли их и ловили как злодеев. Между тем в Новгороде начальствовал умный Посадник Якун и заставил Святослава удалиться от Русы: сей Князь, имев сильное войско союзное, не дерзнул вступить в битву, довольный разорением многих селений, и чрез два года умер, хвалимый в летописях за его добродетель, бескорыстие и любовь к дружине.

[1168 г.] Несколько месяцев Новгород сиротствовал без Князя, с нетерпением ожидая его из Киева. В сие время Мстислав был занят воинским предприятием. В торжественном собрании всех Князей союзных он сказал им: «Земля Русская, наше отечество, стенает от половцев,

которые не пременили доныне их древнего обычая: всегда клянутся быть нам друзьями, берут дары, но пленяют Христиан и множество невольников отводят в свои вежи. Нет безопасности для купеческих судов наших, ходящих по Днепру с богатым грузом. Варвары думают совершенно овладеть торговым *путем Греческим*. Время прибегнуть к средствам действительным и сильным. Друзья и братья! Оставим междоусобие; воззрим на Небо, обнажим меч и, призвав имя Божие, ударим на врагов. Славно, братья, искать чести в поле и следов, проложенных там нашими отцами и дедами!» Все единодушно изъявили согласие умереть за Русскую землю, и каждый привел свою дружину: Святослав Черниговский, Олег Северский, Ростиславичи, Глеб Переяславский, Михаил, брат его, Князя Туровский и Волынские. Бояре радовались согласию Государей, и народ благословлял их ревность быть защитниками отечества. Девять дней шло войско степями: Половцы слышали, и бежали от Днепра, бросая жен и детей. Князя, оставив назади обоз, гнались за ними, разбили их, взяли многие вежи на берегах Орели, освободили Российских невольников и возвратились с добычею, с табунами и пленниками, потеряв не более трех человек. Сию добычу, следуя древнему обыкновению, разделили между собою Князя, Бояре и воины. Народ веселился и торжествовал победу в день Пасхи. Скоро, к общему удовольствию, прибыл благополучно и богатый купеческий флот из Греции: Князя ходили с войском на встречу к оному, чтобы защитить купцов от нападения Половцев, еще не совсем усмирных.

Ни Мстислав, пируя тогда с союзниками под Каневом, ни Киевляне, радуясь победе и товарам Греческим, не предвидели близкого несчастья. Одна из причин оного была весьма маловажна: Князя жаловались на Мстислава, что он, будучи с ними на берегах Орели, тайно посылал ночью дружину свою вслед за бегущими врагами, чтобы не делиться ни с кем добычею. Два Боярина, удаленные Великим Князем от двора за гнусное воровство, старались также поспорить братьев, уверяя Давида и Рюрика, что Мстислав намерен заключить их в темницу. Легковерие свойственно нравам грубым. Бояре Киевские, знавшие чистосердечие Государя своего, и собственная его присяга, по тогдашнему обычаю, доказали неосновательность злословия; но Ростиславичи остались в подозрении и не согласились выдать клеветников брату, говоря: «кто ж захочет впредь остерегать нас?» В то же время дядя Мстислава, Владимир Андреевич, несправедливо требуя от него новых городов, сделался ему врагом и с негодованием уехал в Дорогобуж. Таким образом Великий Князь лишился друзей и сподвижников, столь нужных в опасности.

Но главною виною падения его было то, что он исполнил желание Новгородцев и, долго медлив, послал наконец сына, именем Романа, управлять ими. Сей юный Князь взялся быть их мстителем; разорил часть Полоцкой области, сжег Смоленский городок Торопец, пленил многих людей. Андрей Суздальский вступился за союзников и не мог простить Мстиславу, что он, как бы в досаду ему, объявил себя покровителем Новгородцев. Может быть, Андрей с тайным удовольствием видел случай уничтожить первенство Киева и сделаться главою Князей Российских: по крайней мере, оставив на время в покое Новгород, он думал только о средствах низвергнуть Мстислава, издавна им нелюбимого; тайно согласился с Ростиславичами, с Владимиром Дорогобужским, Олегом Северским, Глебом Переяславскими с Полоцким Князем; взял дружину у Владетелей Рязанского и Муромского, ему покорных; собрал многочисленную рать; поручил ее сыну Мстиславу и воеводе Борису Жидиславичу; велел им идти к Вышегороду, где княжил тогда Давид Ростиславич и где надлежало соединиться всем союзникам. Сие грозное ополчение *одинадцати* Князей (в числе коих был и юный Всеволод Георгиевич, приехавший из Царяграда) шло с разных сторон к Днепру; а неосторожный Мстислав ничего не ведал и в то же время послал верного ему Михаила Георгиевича, Андреева брата, с отрядом Черных Клобуков к Новгороду: Ростиславичи схватили сего Князя на пути вместе с купцами Новгородскими. Мстислав едва успел призвать Берендеев и Торков, когда неприятели стояли уже под стенами города; два дня оборонялся мужественно: в третий [8 Марта 1169 г.] союзники взяли Киев *приступом*, чего не бывало дотол. Сия, по слову древнего Олега, мать городов Российских, несколько раз осаждаемая и теснимая, отворяла иногда Златые врата свои неприятелям; но никто не входил в них *силою*. Победители, к стыду своему, забыли, что они Россияне: в течение трех дней грабили, нетолько жителей и дома, но и монастыри, церкви, богатый храм Софийский и Десятинный; похитили иконы драгоценные, ризы, книги, самые колокола – и добродушный Летописец, желая извинить грабителей, сказывает нам, что Киевляне были тем наказаны за грехи их и за некоторые ложные церковные учения тогдашнего Митрополита Константина!.. Мстислав

ушел с братом Ярославом в Волынию, оставив жену, сына, Бояр пленниками в руках неприятельских и едва не был на пути застрелен изменниками, Черными Клобуками.

Андрей отдал Киев брату своему Глебу; но сей город навсегда утратил право называться столицею отечества. Глеб и преемники его уже зависели от Андрея, который с того времени сделался истинным *Великим Князем России*, и таким образом город Владимир, новый и еще бедный в сравнении с древнею столицею, заступил ее место, обязанный своею знаменитостию нелюбви Андреевой к южной России.

Векордия (VEcordia) представляет собой электронный литературный дневник Валдиса Эгле, в котором он цитировал также множество текстов других авторов. Векордия основана 30 июля 2006 года и первоначально состояла из линейно пронумерованных томов, каждый объемом приблизительно 250 страниц в формате А4, но позже главной формой существования издания стали «извлечения». «Извлечение Векордии» – это файл, в котором повторяется текст одного или нескольких участков Векордии без линейной нумерации и без заранее заданного объема. Извлечение обычно воспроизводит какую-нибудь книгу или брошюру Валдиса Эгле или другого автора. В названии файла извлечения первая буква «L» означает, что основной текст книги дан на латышском языке, буква «E», что на английском, буква «R», что на русском, а буква «M», что текст смешанный. Буква «S» означает, что файл является заготовкой, подлежащей еще существенному изменению, а буква «X» обозначает факсимилы. Файлы оригинала дневника Векордия и файлы извлечений из нее Вы **имеете право** копировать, пересылать по электронной почте, помещать на серверы WWW, распечатывать и передавать другим лицам бесплатно в информативных, эстетических или дискуссионных целях. Но, основываясь на латвийские и международные авторские права, **запрещено** любое коммерческое использование их без письменного разрешения автора Дневника, и **запрещена** любая модификация этих файлов. Если в отношении данного текста кроме авторских прав автора настоящего Дневника действуют еще и другие авторские права, то Вы должны соблюдать также и их.

В момент выпуска настоящего тома (обозначенный словом «Версия:» на титульном листе) главными представителями Векордии в Интернете были сайты: для русских книг – <http://vecordija.blogspot.com/>; для латышских книг – <http://vekordija.blogspot.com/>.

Оглавление

VEcordia	1
Извлечение R-IGR1	1
Карамзин Н.М.	1
История Государства Российского	1
Предисловие	2
Об источниках Российской истории до XVII века	6
Том I	8
Глава I. О народах, издревле обитавших в России. О Славянах вообще	8
Глава II. О Славянах и других народах, составивших Государство Российское	15
Глава III. О физическом и нравственном характере Славян древних	21
Глава IV. Рюрик, Синеус и Трувор. Г. 862–879	36
Глава V. Олег правитель. Г. 879–912	38
Глава VI. Князь Игорь. Г. 912–945	44
Глава VII. Князь Святослав. Г. 945–972	48
Глава VIII. Великий князь Ярополк. Г. 972–980	57
Глава IX. Великий князь Владимир, названный в крещении Василием. Г. 980–1014	58
Глава X. О состоянии древней России	67
Том II	73
Глава I. Великий князь Святополк. Г. 1015–1019	73
Глава II. Великий князь Ярослав или Георгий. Г. 1019–1054	76
Глава III. Правда Русская, или Законы Ярославовы	83
Глава IV. Великий князь Изяслав, названный в крещении Димитрием. Г. 1054–1077	88
Глава V. Великий князь Всеволод. Г. 1078–1093	95
Глава VI. Великий князь Святополк-Михаил. Г. 1093–1112	98
Глава VII. Владимир Мономах, названный в крещении Василием. Г. 1113–1125 ...	108
Глава VIII. Великий князь Мстислав. Г. 1125–1132	114
Глава IX. Великий князь Ярополк. Г. 1132–1139	116
Глава X. Великий князь Всеволод Ольгович. Г. 1139–1146	119
Глава XI. Великий князь Игорь Ольгович	123
Глава XII. Великий князь Изяслав Мстиславич. Г. 1146–1154	124
Глава XIII. Великий князь Ростислав-Михаил Мстиславич. Г. 1154–1155	138
Глава XIV. Великий князь Георгий, или Юрий Владимирович, прозванием Долгорукий. Г. 1155–1157	139
Глава XV. Великий князь Изяслав Давидович Киевский. Князь Андрей Суздальский, прозванный Боголюбским. Г. 1157–1159	141
Глава XVI. Великий князь Ростислав-Михаил вторично в Киеве. Андрей в Владимире Суздальском. Г. 1159–1167	144
Глава XVII. Великий князь Мстислав Изяславич Киевский. Андрей Суздальский, или Владимирский. Г. 1167–1169	149
Оглавление	152